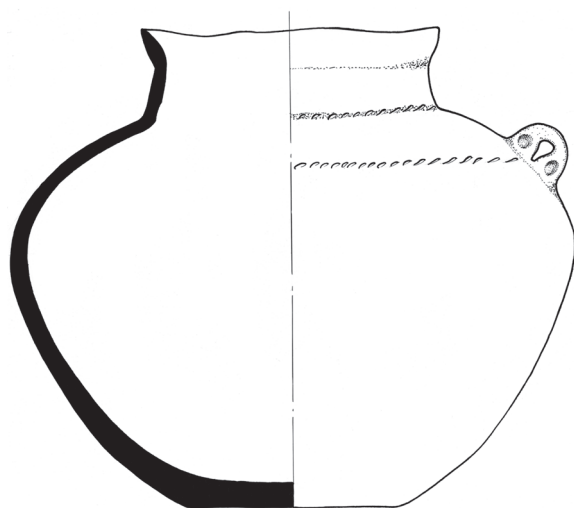

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

M.V. Andreyeva

East Manych Catacomb Culture

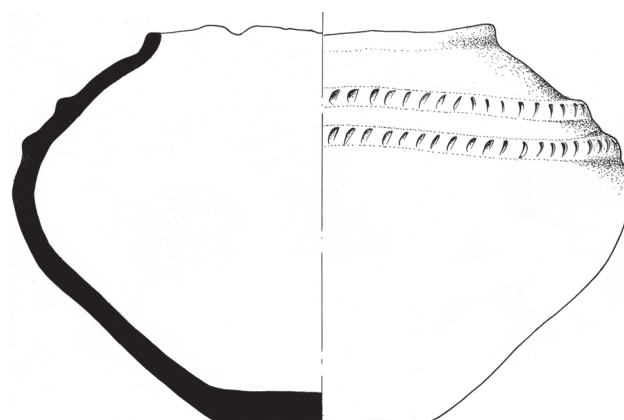
analysis of burial sites

TAUS
Moscow
2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

М.В. Андреева

Восточноманычская катакомбная культура

анализ материалов
погребальных памятников

ТАУС
Москва
2014

УДК 903"637"(1-925.22)
ББК 63.442.6(235.8)-7
А65

*Работа проведена при поддержке РГНФ,
проект № 09-01-00481a*

*Книга издана при поддержке РГНФ,
Проект № 14-01-16033*

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН, д-р ист. наук *Р.М. Мунчаев*

Рецензенты:
д-р ист. наук *Л.И. Авилова*,
канд. ист. наук *А.Н. Гей*

Андреева, М.В.

А65 Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников = East Manych catacomb culture: analysis of burial sites / М. В. Андреева; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. — Москва: ТАУС, 2014. — 272 с.; компакт-диск. — Тит. л. парал. рус., англ. — ISBN 978-5-906045-13-3

В книге более детально, чем это сделано сегодня для других катакомбных культур среднего бронзового века, описан погребальный обряд восточноманычской культуры и предложена реконструкция некоторых черт социальной структуры носителей обряда: существование большесемейной общины как основной ячейки общества, экономическая и идеологическая невыделенность малой семьи из состава большой, вероятность билинейного счета родства, прочность позднеродового общественного уклада. Особое внимание уделено культовому характеру курганных памятников и входящих в них комплексов.

УДК 903"637"(1-925.22)
ББК 63.442.6(235.8)-7

ISBN 978-5-906045-13-3

© Институт археологии РАН, 2014
© Андреева М.В., 2014
© Оформление ООО «Таус», 2014

Содержание

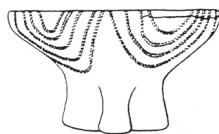
Введение	9
1. Общие проблемы изучения восточноманычских памятников. Методика исследования	11
1.1. История выделения культуры	11
1.2. Территория распространения	12
1.3. Абсолютная и относительная хронология	12
1.4. Характеристика фонда источников	13
1.5. Уровень систематизации материалов	15
1.6. Цель и задачи исследования	15
1.7. Методика исследования	16
2. Характеристика материалов	19
2.1. Индивидуальные погребения	19
2.1.1. Место в кургане	19
2.1.2. Могильные сооружения	20
2.1.3. Положение останков	23
2.1.4. Состав находок и следов	24
2.2. Совместные погребения	45
2.3. Комплексы без останков людей	47
2.3.1. «Кенотафы»	48
2.3.2. «Жертвенники»	53
2.4. Дополнительные сооружения	54
2.5. Выводы	56
3. Организация курганного пространства	58
3.1. Ориентация по странам света — основа организации курганного пространства	58
3.2. Особенности размещения впускных индивидуальных погребений в материке и в насыпи кургана	61
3.3. Размещение категорий погребального инвентаря в материке и в насыпи кургана	63
3.4. Ярусные могильные сооружения («склепы»)	64
3.5. Выводы	67
4. Половозрастные группы: обрядовые особенности	69
4.1. Индивидуальные погребения	69
4.1.1. Размещение в кургане и ориентировки погребенных различных возрастных групп	69
4.1.2. Некоторые особенности формирования возрастного состава погребений в курганах	70
4.1.3. Инвентарь погребений различных возрастных групп	72
4.1.4. Некоторые особенности обряда мужских и женских погребений (предварительные замечания)	75

4.2. Совместные погребения	76
4.2.1. Группы А и В	78
4.2.2. Группы С и D	80
4.3. Выводы	83
5. Погребения эскарнированных костей: манифестация семейно-родовых связей	85
5.1. Индивидуальные погребения	88
5.2. Совместные погребения	94
5.3. Выводы	98
6. Орудия и оружие: культовая и социально-знаковая функции	99
6.1. Орудия и оружие из бронзы	99
6.2. Орудия и оружие из камня	106
6.3. Выводы	112
Заключение	114
Приложение. М.В. Андреева, С.В. Арапов. Об одном необычном памятнике восточноманычской катакомбной культуры	116
Архивные материалы	126
Литература	130
Список сокращений	141
Таблицы	143
Иллюстрации	195
Summary	263

Table of Contents

Introduction	9
1. General issues of East Manych sites studies. Research methods	11
1.1. History of East Manych culture singling out	11
1.2. Territory of East Manych culture	12
1.3. Absolute and relative chronology	12
1.4. Characteristic of sources	13
1.5. Classification of material: present state	15
1.6. Research objectives	15
1.7. Methodology used	16
2. Characteristics of materials	19
2.1. Individual burials	19
2.1.1. Location in Kurgan	19
2.1.2. Burial constructions	20
2.1.3. Position of the dead	23
2.1.4. Grave goods	24
2.2. Collective burials	45
2.3. Assemblages not containing human remains	47
2.3.1. Cenotaphs	48
2.3.2. Sacrificial places	53
2.4. Additional constructions	54
2.5. Conclusions	56
3. Organisation of kurgan space	58
3.1. Orientation by cardinal points: the basis of kurgan space structure	58
3.2. Distribution of secondary individual burials in subsoil and in kurgan mound: special features	61
3.3. Distribution of grave goods in subsoil and in kurgan mound	63
3.4. Two-level burial constructions: family tombs	64
3.5. Conclusions	67
4. Age and sex structure as reflected in burial rite	69
4.1. Individual burials	69
4.1.1. Orientation and position of various age groups in kurgan	69
4.1.2. Children burials and community age structure. Standards and exceptions	70
4.1.3. Distribution of grave goods in age groups	72
4.1.4. Ritual specifics of male and female burials. Preliminary remarks	75
4.2. Collective burials	76
4.2.1. Groups A and B	78
4.2.2. Groups C and D	80
4.3. Conclusions	83

5. Burials of excarnated bones: manifestation of family-tribal relationships	85
5.1. Individual burials	88
5.2. Collective burials	94
5.3. Conclusions	98
6. Tools and weapons in burial context: religious and socio-symbolic functions	99
6.1. Bronze tools and weapons	99
6.2. Stone tools and weapons	106
6.3. Conclusions	112
Conclusions	114
Appendix. <i>M.V. Andreyeva, S.V. Arapov</i>. An unusual site of East Manych Catacomb culture	116
Archive materials	126
Bibliography	130
Abbreviations	141
Tables	143
Illustrations	195
Summary	263

Введение

Изучение катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) — одно из основных направлений археологии бронзового века степной и отчасти — лесостепной полосы Восточной Европы. Обширный археологический материал, полученный в результате масштабных «новостроечных» работ в 70–80-х годов XX в. и дополненный результатами охранных раскопок последних десятилетий, сегодня включает описания многотысячных серий курганных погребений различных периодов и культур. По многочисленности первое место среди этих серий занимают катакомбные древности (III тысячелетие до н.э., средний бронзовый век). Следует признать, что аналитическая разработка полученных материалов и тем более введение их в широкий научный оборот с помощью публикаций ведется медленно, главным образом из-за острой нехватки научных кадров. Тем не менее, начиная с 90-х годов было опубликовано немало исследований, обобщивших часть материалов и рассмотревших вопросы выделения, периодизации, хронологии, а также аспекты этносоциальной истории разных катакомбных культур (из обширного списка работ упомянем монографии: Державин, 1991; Пустовалов, 1992, 2005; Синюк, 1996; Смирнов А.М., 1996; Братченко, 2001; Березуцкая, 2003; Тошев, 2007; Шишлина, 2007; а также авторефераты диссертаций: Санжаров, 1991, 2007; Яровой, 2000; Андреева, 2008а; Власкин Н.М., 2010а; Федосов, 2012).

Восточноманычская культура — одно из ярких культурных образований финального этапа ККИО, погребальные памятники которого были распространены в Восточном Предкавказье и Северо-Западном Прикаспии. Древности этого типа длительное время рассматривались в составе так называемой предкавказской катакомбной культуры, более того, вместе с памятниками Западного Маныча и левобережья Нижнего Дона были своего рода «визитной карточкой» этой культуры. В 90-х годах из предкавказской культуры были выделены самостоятельные раннекатакомбные, финальнокатакомбные и посткатакомбные образования, получившие собственные названия. Для финальнокатакомбных общностей в настоящее время используются термины «западно- и восточноманычская культуры манычского круга» или соответствующие «варианты» «манычской культуры». Сознвая недостаточную разработанность номенклатуры, автор использует название «восточноманычская культура» (а не «восточный вариант манычской культуры») исключительно для краткости.

Приводимые в работе данные выборки восточноманычских комплексов включаются в небольшую пока серию аналогичных более или менее подробных статистических описаний погребений различных катакомбных культур (Пустовалов, 2005; Андреева, 2008а, 2008б; Власкин Н.М., 2010а, 2010б; Федосов, 2012). Очевидно, что следующий шаг в развитии археологического источниковедения в области изучения ККИО состоит в организации доступа специалистов к электронным базам данных, составленным

по отдельным культурам или регионам. Это побудило приложить к настоящему изданию диск с формализованным описанием исследованного массива.

Работа обобщает лишь частично опубликованные документальные данные о результатах полевых работ многих специалистов. Большое спасибо руководителям Ставропольской экспедиции ИА РАН В.Л. Державину, В.А. Коренько, М.А. Романовской, а также начальнику Степной экспедиции ГИМ Н.И. Шишлиной за возможность использования полученных ими материалов. Я очень признательна Дирекции ИА РАН за разрешение опубликовать несколько комплексов из полевых отчетов В.П. Шилова (Ергенинский могильник) и С.В. Арапова (могильник Цаган Усн IV).

Сердечно благодарю коллег — всех сотрудников Отдела теории и методики и Отдела бронзового века ИА РАН и особо — руководителей этих отделов В.И. Гуляева и А.Н. Гея за заинтересованное обсуждение исследования и ценные советы. Глубокая благодарность Р.М. Мунчаеву за многолетнее руководство и консультации в подготовке издания.

Выражаю особую признательность Л.И. Авиловой, взявшей на себя труд перевести резюме, подрисуночные подписи и содержание книги на английский язык.

1. Общие проблемы изучения восточноманычских памятников. Методика исследования

1.1. ИСТОРИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

После открытия в 30-е годы ярких памятников катакомбной культуры в Калмыкии (Рыков, 1931, 1936а, 1936б, 1936в) и на Нижнем (Западном) Маныче (Артамонов, 1935, 1937, 1949) было замечено их сходство между собой и отличие от «классических» донецких катакомбных комплексов, известных с начала XX в. (Городцов, 1905, 1907). В 1950 г. А.А. Иессен ввел понятие «степная предкавказская группа или культура» (Иессен, 1950). В конце 50-х годов все материалы среднего бронзового века Предкавказья были объединены А.А. Иерусалимской в рамках «предкавказского варианта катакомбной культуры» (Иерусалимская, 1958а, 1958б), позднее получившего статус культуры (Клейн, 1970). В 1969 г. А.Н. Мелентьев поставил вопрос о выделении из предкавказской культуры особых «манычско-донской» и «элистинской» групп (Мелентьев, 1969). Первая и наиболее полная характеристика памятников «манычского типа» на Нижнем Дону была дана С.Н. Братченко (Братченко, 1976).

Разработка В.А. Сафроновым периодизационной схемы для материалов Калмыкии и Восточного Маныча (Сафронов, 1974) акцентировала внимание на различии обрядовых групп, включенных ранее в состав предкавказской культуры. В 60–80-х годах сложилась устойчивая традиция обозначать термином «предкавказская катакомбная культура» группы скорченных левобочных захоронений в катакомбах, отделяя их от скорченных или вытянутых на спине захоронений также в катакомбах, обозначаемых как «ямно-катакомбный тип», «северокавказская катакомбная культура», «памятники архаринского горизонта» (Фисенко, 1967; Державин, 1991; Шилов, 1985а). Тем не менее, в работах, посвященных итогам масштабных полевых исследований в этом регионе в 60-х годах, сохранились ссылки на единую предкавказскую катакомбную культуру эпохи средней бронзы и даже просто на катакомбную культуру (Синицын, 1978; Синицын, Эрднеев, 1979, 1981, 1982, 1985, 1987а, 1987б, 1991).

В 90-х годах, ввиду очевидного своеобразия катакомбных материалов эпохи средней бронзы Калмыкии и степного Ставрополя по сравнению с раннекатакомбными древностями предшествующей поры — с одной стороны, и сходства первых с нижнедонскими комплексами «манычского типа» — с другой, ряд авторов высказался в пользу замены названия предмета исследования на «восточный вариант манычской культуры» или «восточноманычская культура» (Державин, 1991; Арапов, 1992а; Андреева, Петренко, 1998). В начале текущего столетия часть материалов, ранее относимых к финалу восточноманычской культуры, была выделена Р.А. Мимоходом в самостоятельную долиненскую культуру, входящую в большой «блок посткатакомбных культурных образований» (Мимоход, 2003, 2005, 2007, 2013а, 2013б).

Таким образом, основное ядро древностей бывшей предкавказской культуры в настоящее время носит название «памятники манычского круга» или «памятники манычского типа» (Власкин Н.М., 2010а); внутри этого круга отчетливо выделяются западный и восточный варианты, имеющие из-за значительности занимаемых территорий и многочисленности памятников статус самостоятельных культур — западно- и восточноманычской.

1.2. ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Восточная граница исследованных памятников восточноманычской культуры (илл. 1) проходит в Северо-Западном Прикаспии по озерам Сарпинской низменности с севера (могильник Цаца) на юго-восток к восточному краю Южных Ергеней (могильники, открытые в зоне строительства канала Волга—Чограй и могильники Цаган Усн) и далее — к Чограйскому водохранилищу (серии могильников на обоих берегах р. Восточный Маныч), южнее — до среднего течения р. Кумы (район Буденновска). Могильники бассейна р. Томузловки на Ставропольской возвышенности (Жуковский I, Веселая Роща I—III) могут считаться в настоящее время наиболее южными типичными восточноманычскими памятниками. Могильники недалеко от предгорных районов Карачаево-Черкесии (Воровсколесская, Кунаковский 2, Невинномысский 1) демонстрируют другие погребальные традиции при наличии форм посуды, близких к восточноманычским, и могут считаться памятниками «смешанного степного и предгорного типа». То же можно сказать о ряде погребений эпохи средней бронзы в курганах моздокской степи (могильники Комарово, Троицкое, Черноярская, Киевская).

Исследования конца 1990-х — начала 2000-х годов на севере Ставрополя, в Егорлык-Калаусском междуречье (Ипатовские могильники на Калаусе, Золотаревские могильники на р. Большая Кугульта, курган у с. Красногвардейское, могильники у с. Птичье вдоль Егорлыка) и западнее (Расшеватские могильники) засвидетельствовали присутствие памятников смешанной западно- и восточноманычской погребальных традиций (для первой характерно положение погребенных скорченно на правом боку, для второй — на левом). Поэтому междуречье Егорлыка и Калауса представляется сегодня «контактной зоной» двух манычских культур; вопрос этот требует специальной проработки.

Несмотря на явные пробелы в наших источниках, можно полагать, что важнейшими межевыми ориентирами для носителей двух манычских катакомбных традиций являлись меридионально ориентированные реки Калаус на юге и Джурак-Сал или Большой Гашун на севере, а также расположенное между ними соленое озеро Маныч-Гудило.

1.3. АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Центральное место в решении вопросов *абсолютной хронологии* памятников бронзового века степной полосы Восточной Европы в последние десятилетия прочно заняли радиоуглеродные даты.

Большая работа по созданию базы данных по ^{14}C датам памятников на территории бывшего СССР была проведена в ИИМК РАН (Санкт-Петербург). С учетом результатов ее исследования была построена периодизация и хронология культур Восточной Европы эпохи бронзы, в которой для манычской (предкавказской) культуры предложен тот же диапазон абсолютных дат (Трифонов, 2001). С другой стороны, многолетняя работа по собиранию и калибровке дат по единой шкале и коррекции на этой основе относительной хронологии памятников и культур, входивших в обширную Циркум-

понтийскую металлургическую провинцию, увенчалась созданием «хронологической сетки» (Черных, Авилова, Орловская, 2000; Авилова, Орловская, 2003; Черных, Орловская, 2004), крупные «ячейки» которой позволяют ориентироваться в абсолютной и относительной хронологии больших КИО, в том числе интересующей нас катакомбной.

Благодаря исследовательской активности Н.И. Шишлиной (Shishlina et al., 2000, 2009; Шишлина, 2007; Шишлина и др., 2006б, 2007а, 2007б; Плихт ван дер и др., 2007), база данных по радиоуглеродным датировкам комплексов эпохи бронзы интересующего нас региона (и прежде всего, Калмыкии), включает около 170 определений, причем более 60 дат получены именно для восточноманычских комплексов, а весь остальной массив, за исключением 6 дат лолинских погребений, относится к более ранним периодам и культурам, начиная с майкопской и заканчивая раннекатакомбной (Шишлина и др., 2007б). Для лолинской культуры, сменяющей восточноманычские памятники в Северо-Восточном Предкавказье, сегодня имеется 18 «корректных дат»; есть также 51 дата для «предварительного определения диапазона существования блока посткатакомбных культурных образований» в целом (Мимоход, 2011; 2013. С. 280–291, илл. 100–113). Таким образом, колонка бронзовых культур в интересующем нас регионе обеспечена массивом калиброванных дат по ^{14}C существенно лучше, чем это имеет место для сопредельных территорий.

Большинство радиоуглеродных дат для восточноманычской катакомбной культуры приходится на вторую половину III тысячелетия до н.э. Однако наложение дат сменяющей ее лолинской культуры заставляет ограничивать восточноманычский диапазон XXV–XXIII вв. до н.э. В целом эта позиция представляется определенной и, по-видимому, в ближайшее десятилетие не изменится, несмотря на постоянное усовершенствование методов радиоуглеродного датирования.

В общей системе *относительной хронологии* катакомбных культур Предкавказья восточноманычские древности синхронизируются с позднекатакомбными памятниками западоманычской культуры на Левобережье и ростово-луганской группы на Правобережье Нижнего Дона; с батуринской катакомбной культурой в Прикубанье; со среднедонской катакомбной культурой (средний этап) на Среднем Дону; с позднедонецкими памятниками на Нижнем Дону и Донетчине; с волго-донской катакомбной культурой в Нижнем Поволжье; с суворовской катакомбной культурой на Северном Кавказе (Кияшко, 2002; Шишлина, 2007; Мимоход, 2007, 2013; Клещенко, 2013). Ключевая роль в синхронизации изучаемых нами древностей с другими позднекатакомбными культурами принадлежит западоманычским комплексам, чрезвычайно близким по основным обрядовым признакам и погребальному инвентарю к восточноманычским, но включенным на территории Нижнего Подонья вместе с комплексами других катакомбных культур в стратиграфические колонки одних и тех же курганов.

1.4. ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНДА ИСТОЧНИКОВ

Раскопанные в 30-е годы П.С. Рыковым в районе Элисты курганные погребения Калмыкии (Три Брата, Бичкин Булук) два десятилетия оставались практически единственными «эталонными» восточноманычскими комплексами. С начала 60-х годов И.В. Сеницын и У.Э. Эрднеев возобновили систематические раскопки на территории Средних Ергеней (Архаринский, Лолинский I, Лолинский II, Элистинский могильники). Тогда же на севере Сарпинской низменности В.П. Шилов провел работы на могильнике Цаца. Большое значение для создания источниковедческого фонда имели беспрецедентные по масштабу «новостроечные» работы под руководством И.В. Сени-

цына в зоне строительства Чограйского водохранилища в 1965–1967 гг. (Восточноманычские Правобережные и Левобережные могильники). Огромный объем работ при отсутствии опыта организации первых новостроечных экспедиций не мог не сказаться на качестве полевой документации. Более поздние раскопки в 70–80-х годах в том же районе могильников Чограй I–IX (В.А. Коренько, М.В. Андреева) и в 90-х годах – могильников Зунда Толга 1–6, Манджикины 1, 2, Му-Шарет 1, 4, Островной (Н.И. Шишлина), Хар-Зуха и Улан-Зуха (М.А. Очир-Горяева) позволили значительно улучшить исследовательскую базу.

В 80-х годах экспедиции ИА РАН и Калмыцкого НИИ ИФЭ, а также Калмыцкого ГУ исследовала в Калмыкии к северу и северо-востоку от Элисты могильники Эвдык, Джангр, Купцын Толга, Улан-Хееч, серию могильников по трассе канала Волга–Чограй, Цаган Усн, Яшкуль (С.В. Арапов, Н.А. Николаева, П.М. Кольцов, Е.В. Цуцкин, В.П. Шилов, Н.И. Шишлина, Е.В. Шнайдштейн и др.). В те же годы В.П. Шилов раскопал уникальные по богатству восточноманычские курганы в могильнике Ергенинский в средней части Ергенинской возвышенности. Результаты раскопок курганных могильников Калмыкии в 1929–1997 гг. были учтены в ценном справочном издании (Очир-Горяева, 2008).

С 2003 г. на востоке Ростовской области, в верховьях р. Джурак-Сал (средние Ергени) исследуются могильники Песчаный V, Темрта I–VIII, Улан IV, Сухая Термиста I (Н.И. Шишлина). В 2006–2008 гг. удалось изучить еще два кургана Ергенинского могильника (М.А. Очир-Горяева).

До середины 70-х годов накопление восточноманычских материалов на Ставрополье шло довольно медленно. Документальный «взрыв» связан с «новостроечными» раскопками могильников Жуковский I–II, Веселая Роща I–III, Грушевка I–II, Сухая Падина I, Спасское в центре Ставропольской возвышенности (В.Л. Державин, М.А. Романовская, Б.Г. Тихонов, М.В. Андреева и др.). В 1990–2000-е годы заботу об охране и исследовании археологических памятников в Ставропольском крае взяло на себя ГУП «Наследие» (г. Ставрополь). В нижнем течении р. Калаус восточноманычские погребения были раскопаны в могильниках Дамба-Калаус 1, 2, Типки 1–6, Шарахалсун 2–5, Айгурский 1, 2 (С.В. Ляхов, А.В. Яковлев, В.А. Бабенко). Большие работы велись предприятием на севере края, по рекам Егорлык и Калаус, где материалы манычского облика представлены в могильниках Ипатово 3, 6, 5, 8 (в том числе, в Большом Ипатовском кургане), Барханчак 2, Золотаревка 1–7, Красногвардейское, Ильинский 1, Птичье 1–3 (А.Б. Белинский, Я.Б. Березин, А.А. Калмыков, С.Н. Кореневский). Западнее Егорлыка аналогичные комплексы открыты в могильниках Расшеватский 1, 4, 5, Успенский 1 (Я.Б. Березин, В.Л. Ростунов). На юго-западе Ставрополья, в могильниках Невинномысский 1 и Кунаковский 2 (А.Д. Матюхин), исследованы комплексы «смешанного» степного (манычского) и предгорного (суворовского) облика.

В результате к настоящему времени имеется фонд документальных источников разного уровня полноты, отражающих результаты раскопок более 80 памятников, включавших более 1000 восточноманычских комплексов – погребений и «кенотафов».

Таким образом, восточноманычская катакомбная культура представляет собой археологическую общность, выделяемую и изучаемую в настоящее время по культово-погребальным памятникам – курганным могильникам. Отсутствие следов долгосрочных поселений достаточно ясно свидетельствует о подвижном образе жизни «восточноманычцев», связанном с пастушеским скотоводством.

1.5. УРОВЕНЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

До 2000-х годов имели место немногочисленные попытки описания отдельных локальных блоков восточноманычских комплексов. Их характеристика до начала 90-х годов подавалась в свободной повествовательной манере (Синицын, 1978; Эрднеев, 1979). Переход к новым формам организации данных был намечен в работе В.Л. Державина, рассмотревшем материалы бронзового века из курганов Центрального Ставрополья (в том числе 120 восточноманычских погребений и кенотафов) (Державин, 1991), и на большем материале, но менее последовательно в диссертации С.В. Арапова, посвященной погребальным памятникам эпохи средней бронзы Калмыкии и Восточного Маныча (объем выборки — более 500 комплексов) (Арапов, 1992а, 1992б). В этих исследованиях имела место частичная формализация описаний и представление данных в виде таблиц, что позволило авторам оперировать суммарными характеристиками по отдельным важнейшим показателям, сравнение которых между собой, однако, затруднено различиями в исходных списках признаков. До настоящих дней монография В.Л. Державина остается основным справочным изданием по курганным памятникам ранней и средней бронзы Ставропольской возвышенности.

В начале нового столетия рассмотрению больших массивов комплексов восточноманычской культуры были посвящены диссертационные работы М.В. Андреевой (2008а, 2008б; рукопись работы легла в основу данной монографии) и Н.М. Власкина (2010а, 2010б). Цель исследования Н.М. Власкина — дать сравнительную характеристику западно- и восточноманычской культур, а также близкой к ним так называемой ростово-луганской группы памятников. Автор привлек к рассмотрению значительный восточноманычский материал с территории Калмыкии и Восточного Маныча (407 комплексов). Полученные основные статистические характеристики погребального обряда в двух названных диссертационных работах достаточно близки; расхождения, по-видимому, связаны с включением материалов памятников Ставрополья в диссертации М.В. Андреевой.

1.6. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель работы — систематизация и представление данных о погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры и на этой основе — реконструкция некоторых сторон ритуально-мифологического комплекса и социальной организации носителей этого обряда. В связи с этим решаются три основные задачи: 1) создание описания погребального обряда на основе суммарных характеристик комплексов различных видов; 2) раскрытие культового характера исследуемых археологических памятников; 3) поиск следов социальной структуры общества, оставившего данные культово-погребальные памятники.

Учитывая сравнительно небольшой хронологический диапазон существования восточноманычской погребальной традиции, относящейся в целом к финальнокатакомбному периоду, и быстроту ее формирования и распада (о чем говорит небольшая доля погребений со «смешанными» восточноманычскими чертами и характеристиками как раннекатакомбной, так и посткатакомбной культур), в рамках данного исследования вопросы периодизации восточноманычских материалов специально не рассматриваются, хотя при обсуждении конкретных комплексов даются указания на «ранние» и «поздние» признаки.

1.7. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая (основная) выборка (база данных) состоит из описаний 620 погребений и «кенотафов» из 249 курганов 28 памятников (табл. 1–4)¹. Описание поводилось по 45 показателям, объединяющим более 300 элементарных признаков². Дополнительная выборка включает данные о 24 жертвенных комплексах из тех же памятников (табл. 5).

База данных включает данные памятников из основных регионов культуры (Калмыкия, Ставрополье и разделяющая их долина р. Восточный Маныч), однако материалы центрального востокманычского региона преобладают (составляют чуть более половины выборки — 350 комплексов; из памятников Ставропольской возвышенности — 114 комплексов; из памятников Калмыкии — Ергенинской возвышенности и Прикаспийской низменности — 156 комплексов). Данное соотношение пропорционально соответствует, в целом, территориальному распределению всех имеющихся на сегодняшний день материалов.

В базу данных включены все комплексы 27 памятников, степень сохранности которых позволяет идентифицировать их как востокманычские по инвентарю и/или положению останков погребенного (для разрушенных и расчлененных захоронений и «кенотафов» во внимание принимались также пропорции и конструктивные особенности могильного сооружения). Еще один памятник — Веселая Роща I — представлен не полностью, а материалами лишь одного кургана (к. 03). Существенные пробелы в полевой документации по этому памятнику затрудняют формализацию данных. Вместе с тем, к. 03 содержал уникальный и широко известный комплекс — так называемое погребение литейщика, обойти вниманием который при характеристике востокманычской культуры невозможно. Материалы некоторых комплексов из не вошедших в основную выборку памятников спорадически упоминаются, однако, в общей характеристике погребального обряда (раздел 2).

В работе применена методика анализа погребального обряда, предложенная В.Ф. Генингом и апробированная им самим и его учениками (Генинг и др., 1990), которая состоит в сравнительном анализе суммарных характеристик частных выборок, создаваемых на основе общей. В основу характеристики востокманычского погребального обряда положено статистическое описание массива индивидуальных погребений. С этим массивом (486 погребений) сравниваются выборки специфических комплексов — совместных погребений и «кенотафов» (по 67 комплексов).

Основу выборки составляют восемь статистически представительных памятников (с числом раскопанных курганов 10 и более, индивидуальных востокманычских погребений 20 и более): Архаринский, Востокманычский Левобережный I и II, Веселая Роща III, Ергенинский, Чограй II и VIII, Элистинский. Местоположение половины памятников — район Чограйского водохранилища на Восточном Маныче (Востокманычский Левобережный I и II, Чограй II и VIII), два памятника представляют южные Ергени (район Элисты: Архаринский и Элистинский), один — средние Ергени (Ергенинский), один находился на Ставропольской возвышенности (Веселая Роща III). Существенно, что курганы на памятниках, как правило, раскапывались подряд: исключение иногда составляли редкие очень крупные насыпи, подлежащие выключке в процессе создания мелиоративных сооружений. Насколько можно было судить по находкам простых листовидных ножей и ножей «с перехватом», жаровен, маркирующих ранние востокманычские комплексы, лопаток мелкого рогатого скота, характерных

¹ Поскольку курганные могильники практически никогда не раскапываются полностью, а востокманычские комплексы преимущественно впускались в курганы более раннего времени, нейтральный термин «погребальный памятник» оказывается предпочтительнее термина «могильник».

² Электронную версию базы данных и ключа к ней содержит диск, прилагаемый к данной книге.

для финальных и, главным образом, поствосточноманычских долиньских комплексов, материалы памятников охватывали весь период существования восточноманычской погребальной традиции.

Сравнение распределения различных признаков погребального обряда в выборках по памятникам между собой, а также в общем массиве индивидуальных погребений позволяет оценить вариативность частоты этих признаков и на этой основе выделить общие (характеризующие «норму» погребального обряда) и частные (присущие отдельным памятникам отклонения от «стандарта») показатели.

Общее направление интерпретации полученных данных обусловлено признанием культового характера изучаемых памятников: в древности курган выполнял одновременно функции кладбища и святилища. Культовая роль курганов привлекает внимание археологов сравнительно редко, в особых выдающихся случаях сложной архитектуры курганной насыпи, как, например, в Молочанском кургане-святилище (Пустовалов, 1999; 2005. С. 47–49). В нашей работе основное внимание уделено осмыслению ритуального предназначения и использования рядовых курганов, комплексов и артефактов.

Как известно, при реконструкции социальных отношений по данным погребальных памятников необходимо учитывать специфику данных: консерватизм погребальных традиций далеко не всегда позволяет непосредственно переносить модели, опирающихся на анализ материалов могильников, на «живое» древнее сообщество. Однако явное переоформление и упорядочивание культа, сопровождавшее появление пласта финальнокатакомбных памятников, в том числе маньчских, и сравнительно краткий исторический промежуток (200–300 лет), в который этот пласт укладывается, позволяют считать, что в данном случае источник прямо отражает представления носителей обряда о собственном социуме. Насколько сильно эти представления могли расходиться с реальностью — это вопрос дальнейшего обсуждения, выходящего за рамки этой работы.

Исходные положения, на которых строились социокультурные реконструкции, сводились к следующим:

1. Формирование неспецифичных (включающих останки представителей всех основных социальных групп, составляющих данный коллектив) могильников в традиционных обществах с различным укладом всегда строилось с учетом отношений родства; пространственные (плани/стратиграфические) соотношения захоронений в той или иной степени отражают степень близости и структуру родственных связей.

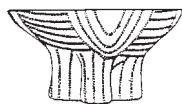
2. Наличие явных следов планировки курганного пространства для всех степных культур энеолита — бронзового века, присутствие в курганах захоронений индивидуумов различных половозрастных групп, а также совместных погребений позволяет утверждать, что курганные могильники формировались как родовые кладбища.

3. Поскольку основу социальных отношений в позднеродовом обществе по-прежнему составляли отношения родства, изучение именно этого аспекта является ключевым для моделирования социальных отношений.

В подходе к изучению социально-семейных структур опорными работами стали исследования М.Д. Хлобыстиной (Хлобыстина, 1986, 1993, 1994, 1995, 2003), посвященные реконструкции основных моментов социогенеза и социальной истории на материалах могильников Северной Евразии от палеолита до раннего железного века. Анализ археологических материалов в этих работах основывается на сопоставлении двух рядов данных: половозрастных характеристик погребенных — с одной стороны, и плани/стратиграфической соотнесенности погребений — с другой.

Сопоставление обрядовых признаков с половозрастными характеристиками погребенных оказалось, однако, затруднено недостатком профессиональных антропологических определений. Лишь около четверти погребенных индивидуально и одной пятой погребенных совместно имели определения возраста, сделанные, в основном, антропологами Г.П. Романовой и А.В. Шевченко (материалы могильников Веселая Роща I—III, Грушевка I—II, Спасское, Цаган Усн III—IV, Чограй I—IX). Остальной материал нашей выборки имеет определения археологов — авторов раскопок (возможно, после консультаций с антропологами, но в документальных источниках это не оговаривается). Поэтому нам пришлось опираться на суммированные определения археологов и антропологов, имеющих весьма приблизительные границы, что подчеркивается принятой в работе общеупотребительной терминологией: «младенец»/ребенок раннего возраста — 0—2 года; «ребенок»/ребенок 1 возраста — 3—7 лет; «подросток»/ребенок 2 возраста — 8—15 лет; «взрослый» — старше 15 лет. Число определений пола погребенных индивидуально, явно сделанных антропологом, еще меньше (88 индивидуумов). Для расширения этой выборки (до 182 индивидуумов) в значительной мере пришлось полагаться на опыт и исследовательскую квалификацию И.В. Сеницына (также, вероятно, обсуждавшего хотя бы часть материалов с А.В. Шевченко).

Небольшое количество и невысокое качество половозрастных определений позволили лишь начать исследование структуры общества носителей восточноманычской погребальной традиции.

2. Характеристика материалов

Ниже приводится описание основных черт восточноманычского погребального обряда на основе суммарных характеристик выборки индивидуальных погребений и сравнения с ней выборок совместных погребений и «кенотафов»; рассматриваются данные о «жертвенниках», а также некоторые примеры структур дополнительных сооружений — курганных насыпей и оградений.

При рассмотрении внимание акцентируется на сходстве и различии распределения различных показателей в выборках восьми статистически представительных памятников.

Следует, вероятно, еще раз подчеркнуть, что разделение комплексов на виды носит методический характер: совместные погребения, «кенотафы» и «жертвенники» открыты в курганных могильниках на всей территории восточноманычской культуры. На памятниках они, как правило, присутствуют в курганах вместе с однокультурными индивидуальными погребениями (табл. 6, илл. 2, 3).

2.1. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

(486 комплексов, 78,4% общей выборки)

2.1.1. Место в кургане

Восьмую часть массива индивидуальных погребений (12,7%) составляют основные, занимающие центральное место в кургане (табл. 7)³. В выборках статистически представительных памятников в основном наблюдается та же картина, за двумя исключениями: в Чограе II вообще отсутствуют основные погребения, в Ергенинском — составляют 56,0%. Особенность последнего памятника состоит в том, что все раскопанные В.П. Шиловым курганы эпохи бронзы были восточноманычскими (табл. 8, илл. 4).

Все основные могилы и две трети впускных заглублены в материк (71,7%), остальные находились в теле насыпи, редко — в верхнем слое погребенной почвы (табл. 9). У последних двух категорий могильное сооружение не прослеживалось. Появление практики не заглубленных в материк курганных захоронений — нововведение восточноманычского периода, получившее позднее дальнейшее развитие (подобные погребения довосточноманычского времени в Северо-Восточном Предкавказье исключительно редки). В среднем на памятниках доля не заглубленных в материк погребений

³ В общей выборке учтено 72 собственно восточноманычских кургана, содержащих 74 основных восточноманычских погребения (в к. 06 Ергенинского могильника, по наблюдениям автора раскопок В.П. Шилова, три погребения могут считаться основными). Таким образом, 29,1% курганов общей выборки и 25,2% курганов выборки индивидуальных погребений появились в восточноманычское время, остальные содержат более древние погребения.

составляет 25,3%; существенные отклонения наблюдаются в Веселой Роще III и Ергенинском, где такие комплексы практически отсутствуют, а также в Элистинском, где они составляют больше половины индивидуальных погребений (55,9%) (табл. 10, илл. 5).

Впускные захоронения совершались как с поверхности существовавшей насыпи, так и с древнего горизонта у ее края. Большинство (около 90%) впускных комплексов находилось на расстоянии 2–12 м от центра кургана, отмеченного основным погребением (около 60% находилось на расстоянии от 2 до 7 м).

Низкая плотность размещения восточноманычских комплексов в курганах (по данным общей выборки, в среднем 2,5 комплекса на курган) (илл. 2) заставляет обратить пристальное внимание на местоположение погребений.

Впускные индивидуальные погребения большей частью (55,4%) располагались в восточной поле (СВ, В и ЮВ сектора; в противоположных ЮЗ, З и СЗ секторах обнаружено лишь 28,3% погребений) (табл. 11, илл. 6). Основные направления (по странам света) представлены существенно слабее диагональных, меридиональное — слабее, чем широтное. В ряде случаев восточноманычское погребение располагалось над основным, не нарушая, даже в случае заглубления в материк, придонную часть основного (восточноманычского же или, чаще, более древнего) погребения.

Исключив из выборки погребения, расположенные в непосредственной близости к основному (расстояние между центрами шахт/ям меньше 3 м), получим, в целом, такое же распределение.

Этот основной порядок размещения можно наблюдать и на отдельных памятниках, однако очевидно различие между распределением погребений в выборках памятников Восточноманычский Левобережный I и II, структурно сходным с распределением выборки индивидуальных погребений, и в двух других наиболее статистически представительных памятниках (Элистинский и Веселая Роща III) (табл. 12, илл. 7, 8). В последних также видна предпочтительность размещения в восточной поле, однако статистическое различие основных и диагональных направлений выражено не так четко в Веселой Роще III, а северо-восточный сектор нагружен так же, как восточный в обоих памятниках. Учитывая схематичность фиксации данных в Восточноманычских Левобережных могильниках и мелкий масштаб приводимых в публикации планов курганов, можно исключить этот материал из выборки. Оставшаяся часть, однако, подтверждает наблюдение об относительно большей загруженности восточной полевой и диагональных секторов (табл. 12, илл. 9).

2.1.2. Могильные сооружения

Основными видами могильных сооружений были катакомбы и ямы (66,0% и 32,5%; табл. 13, илл. 10, 11). Присутствие обоих видов обнаруживается во всех памятниках, где было раскопано более шести восточноманычских комплексов в материке. При этом основное восточноманычское погребение в кургане могло быть совершено как в катакомбе, так и в яме, впускные при нем также совершались в конструкциях обоих видов.

Соотношение катакомб и ям различно на памятниках и в разных регионах, однако катакомб в материке, как правило, больше, чем ям (табл. 14, 15, илл. 12)⁴.

Форма входных шахт *катакомб* в плане⁵ приближалась к квадрату и широкому (0,7 => Шр:Дл < 0,9) прямоугольнику (основной вид), овальные и круглые встречаются

⁴ Можно предполагать, что в насыпи сооружались в основном ямы, поскольку рыхлая структура грунта затрудняла создание катакомб.

⁵ Имеется в виду прослеженная в материке нижняя часть ямы. Единственный случай заплечиков по четырем сторонам входной шахты в нашей выборке зафиксирован в совместном погребении Архаринский к. 31 п. 01.

очень редко (табл. 16, 17, илл. 13). Особая, редкая (8,0%) разновидность входных шахт — т.н. фигурные, или «приталенные» ямы с вогнутыми внутрь стенками — прямоугольные и квадратные. Дно, как правило, горизонтальное, изредка — слегка наклонное ко входу в камеру.

Площадь шахт по дну для большинства катакомб варьировала в пределах от 1 до 2,5 кв. м (табл. 18, илл. 14). Часть катакомб, содержащих захоронения детей, имела входную шахту площадью явно меньшей основного стандарта; 25% входных шахт имело площадь более 3 кв. м.

О глубине шахт можно судить по небольшой выборке основных погребений (табл. 22, илл. 19). В целом, можно констатировать, что шахты не были глубокими, основная масса имела глубину приблизительно от 1 до 2,5 м.

Ориентировки входных шахт — преимущественно основные (72,2% катакомб), главным образом, меридиональные (табл. 23, 26, илл. 20).

В отличие от предшествующего раннекатакомбного периода для катакомбных конструкций с прямоугольной входной шахтой менее характерно перпендикулярное расположение осей шахты и камеры (Т-катакомбы; 18,3%); камера, главным образом, выводилась под длинную стенку и располагалась параллельно (Н-катакомбы, 75,5%; у четвертой части катакомб входная шахта была квадратной, и расположение осей не регистрировалось) (табл. 27).

Соединение шахты и камеры оформлялось в виде уступа, часто довольно высокого, расположенного рядом со стенкой, к которой примыкала камера катакомбы. Перепад уровня пола между шахтой и камерой в среднем составлял 0,5 м, в отдельных случаях достигал 1,5 м. Вход — большей частью низкий, щелевидный, занимал центральную часть или всю стенку, однако известны случаи смещения входного отверстия к краю стенки (лишь крайне редко — на угол, как у ранних катакомб). Выраженный дромос, соединяющий шахту с камерой, практически не встречается; изредка вместо него ниже входного уступа в передней части камеры делалась невысокая дополнительная ступенька. Классический арочный вход, как и дополнительные ступени или пандус во входной шахте, — черты, характерные для раннекатакомбных конструкций, — не типичны для восточноманычских катакомб. Заклад входа в камеру зарегистрирован в небольшом числе погребений. На Ставропольской возвышенности основной материал закладов — камень-плитняк, в равнинных районах отмечаются следы плетеных циновок и дерева.

Камера выводилась, большей частью, под восточную (31,5%) и северную (20,8%) стенки шахты (напротив, наиболее редко встречающийся вариант — северо-западная ориентировка входа, 2,8%) (табл. 28, илл. 23)⁶. Учитывая местоположение конструкции в кургане, можно сказать, что для восточноманычских катакомб в целом характерным был разворот камерами в диапазоне С—СВ—В—ЮВ, то есть от центра — в восточной поле, к центру — в западной. Расположение камеры с западной (ЮЗ—З—СЗ) стороны от шахты было возможно (за редчайшими исключениями) только при размещении погребения в восточной поле кургана (в чем, кстати, состоит характерное отличие восточноманычских катакомб от более поздних лопатинских на той же территории). Небольшая серия катакомб с южным входом имела несколько отличный диапазон размещения — это, главным образом, северная поля кургана.

Форма камер в плане в придонной части существенно более аморфна, чем у входных шахт, однако можно различить приближение к овалу, короткому прямоугольнику, полукругу (сегменту). Потолок чаще куполообразный. Площадь камеры, как правило, близка к площади входной шахты. Исключение составляет опять-таки часть детских

⁶ Отметим, что в лопатинских катакомбах, следующими за восточноманычскими на той же территории и часто — в тех же памятниках, доминирующие ориентировки меняются на диаметрально противоположные.

погребений, иногда имевших малую камеру при входной шахте, соответствовавшей «взрослому» мерному стандарту.

Среди *ямных могильных сооружений* в материке явно доминируют прямоугольные (81,8%) и квадратные (11,8%), изредка с фигурными стенками (10,7%) ямы, размеры и пропорции которых в придонной части близки к размерам и пропорциям входных шахт катакомб (табл. 16–18, илл. 13, 14).

Часть ям (как правило, могил, содержащих неординарный инвентарь) превосходит по площади входные шахты катакомб и отличается наличием заплечиков. Площадь таких ям выше заплечиков могла быть более 12 кв. м (например, Зунда Толга к. 01 п. 01 (илл. 11, 2); Шишлина. Отчет 1994; Шишлина, 1997а) и даже более 16 кв. м (например, Цаган Усн VIII к. 01 п. 03). Столь грандиозные сооружения на Ставропольской возвышенности пока не известны.

Наряду с «большими» (по сравнению с площадью, занимаемой останками взрослого погребенного) выделяется небольшое число «малых» (площадью до 1 кв. м в придонной части) ям, овальной и прямоугольной формы, содержащие, как правило, захоронения детей. Отметим небольшую серию захоронений взрослых в таких малых ямах, где останки оказываются плотно «вписаны» в контур сооружения (около 1%).

К числу ям со сложным профилем можно отнести редко встречающиеся ямы с углублениями в дне по четырем углам (для колес реальной повозки, например, Чограй VIII к. 05 п. 01, Ергенинский к. 06 п. 03, и, возможно, подразумеваемой, например, Чограй IX к. 09 п. 04), с подиумом для погребенного и подбоями ниже заплечиков (Цаган Усн VIII к. 01 п. 03). 74,1% могильных ям имеют основные ориентировки, так же, как и шахты катакомб, большей частью меридиональные (табл. 23, илл. 16).

Следы перекрытий деревом прослеживаются сравнительно редко, чаще всего именно в больших ямах с заплечиками, главным образом на территории Калмыкии, причем отмечаются сложные многослойные конструкции из дерева и циновки (Ергенинский, Цаган Усн VIII, Зунда Толга). Еще реже на дне обнаруживаются столбовые ямки от закрывающей тело деревянной и/или плетеной конструкции (например, Цаган Усн VIII к. 01 п. 03; Веселая Роща II к. 02 п. 09; Островной к. 03 п. 28; Элистинский к. 02 п. 07) или от столбов перекрытия.

В целом, единство форм, общих параметров, конструктивных деталей и ориентировок входных шахт катакомб и ямных могильных конструкций свидетельствует о том, что скорее надо говорить не о двух видах, а о *двух модификациях одного могильного сооружения*, которое представляло собой, по предположению исследователей (Андреева, 1996; Гей, 1999а), архитектурную модель повозки. Керамические модели повозок, обнаруживаемые, главным образом, в погребениях предкатакомбного и раннекатакомбного пласта изучаемых памятников, также демонстрируют два варианта конструкции (Калмыков, 2012). Это крытая повозка — «кибитка» и открытая повозка (с бортами) — «телега». Например, в Чограйских могильниках обнаружены керамические модели: Чограй VIII к. 03 п. 03 — «кибитка», Чограй II к. 13 п. 09 и Чограй IX к. 02 п. 08 — «телеги». Вероятно, верх был съемным, поэтому можно предложить интерпретацию ямной могильной конструкции как модели открытой повозки, а катакомбной конструкции как модели повозки со снятым и поставленным на землю верхом.

Наконец, к числу самых редких видов могильных сооружений (1,5% погребений в материке) могут быть отнесены *каменные ящики*, обнаруживаемые, главным образом, на памятниках Ставропольской возвышенности (в нашей выборке это пять индивидуальных погребений: Грушевка II к. 01 погребения 01, 07 и 08; Китаевка к. 06 п. 05; Востокоманычский Левобережный II к. 08 п. 15), по формам, площади и пропорциям

(Шр.:Дл.) сходные со стандартными восточноманычскими шахтами/ямами, в которые эти ящики большей частью и помещались⁷.

Завершая обзор могильных сооружений, обратимся еще раз к выборкам статистически представительных памятников и отметим следующее.

Большие могильные конструкции (с площадью входной шахты/ямы в нижней части более 3 кв. м), присутствуя во всех памятниках, нигде не составляют большинства, и распределение их по памятникам неравномерно. Наибольшую концентрацию больших конструкций обоих видов дают памятники Архаринский, Ергенинский и Веселая Роща III (около 40%), наименьшую — Восточноманычский Левобережный II (менее 10%) (табл. 21, илл. 17).

Ориентировки могильных конструкций на всех памятниках демонстрируют те же особенности, что и общая выборка, — доминирование основных, главным образом, меридиональных направлений над диагональными (табл. 26).

Обращает на себя внимание явная симметричность двух систем ориентировок: ориентирования могильных конструкций и заполненности секторов курганов (в последнем случае преобладают диагональные направления, а «осевые» северный и южный сектора оказываются наименее нагруженными). Это позволяет предполагать существование четкой организации пространственного размещения комплексов, основанной на ориентации по странам света (анализу этой организации посвящен раздел 3).

2.1.3. Положение останков

Захоронению в курганах подлежали умершие всех выделяемых возрастных групп, как мужчины, так и женщины (табл. 29, 30, илл. 24).

Отметим очень слабую (по сравнению с ожидаемой смертностью для общества с традиционным укладом) представленность младших групп (младенцы — 2,8%, дети — 11,8%, подростки — 12,2%), особенно младенцев. Вместе с тем, очевидно присутствие индивидуальных погребений детей, подростков и взрослых, а также лиц обоих полов на всех статистически представительных памятниках нашей выборки (табл. 31–33, илл. 25–27)⁸.

Захоронения совершались по обряду трупоположения. Исключение составляет небольшая (всего 13 комплексов, 2,7% выборки индивидуальных погребений) серия погребений, содержавших специально уложенные разрозненные кости скелета взрослых людей, как мужчин, так и женщин, — так называемые парциальные захоронения⁹. Для 11 погребений устанавливается факт захоронения эскарнированных костей, в двух случаях затруднительно сказать, имеем ли мы дело с захоронением эскарнированных костей или с частями птомы: в Веселой Роще II к. 03 п. 04 обнаружено захоронение черепа (головы?) взрослого человека; в Цаган Усн III к. 01 п. 12 эскарнированные ко-

⁷ Описания ям в документации, как правило, отсутствуют.

⁸ В отдельных случаях (точная статистика не ясна из-за возможных пробелов в документации, в учтенных нами материалах — около 10% индивидуальных погребений) особенностью скелетных останков является выраженная деформация черепа. Любопытно, что для парциальных индивидуальных погребений этот показатель возрастает до 26,7%. Исходя из имеющихся определений пола, можно предполагать, что деформация черепа была гораздо более характерна для женщин, чем для мужчин (соответственно, 31,3% и 5,1% погребений), однако эти данные нуждаются в подтверждении. Отмечу, что в серии черепов из восточноманычских погребений могильников в районе Восточного Маньча, изученной А.А. Казарницким, наблюдается та же тенденция: «Краниологическая серия восточно-манычской катакомбной культуры из могильников южной Калмыкии... представлена 26 мужскими и 20 женскими черепами, из которых 9 мужских (35 %) и 14 женских (70 %) несут на себе следы лобно-затылочной или кольцевой искусственной деформации» (Казарницкий, 2012. С. 80).

⁹ В выборке индивидуальных погребений имеются еще два комплекса (Чограй III к. 02 п. 04 и Чограй VIII к. 13 п. 03), в которых представлены останки детей в одном случае — одной, в другом — несколькими фалангами. В разделе 5 мы отнесли эти комплексы к числу индивидуальных погребений с эскарнацией, однако подчеркнем, что обычай отдельного захоронения фаланг взрослых людей в восточноманычской традиции неизвестен. Соответственно, два этих «погребения» можно рассматривать и как особые комплексы, в частности, так называемые кенотафы.

сти взрослого мужчины были уложены в кучу, рядом с которой лежала часть скелета, с ненарушенным положением костей (в сочленении). В последнем случае, возможно, имело место вторичное проникновение в могилу. Таким образом, достоверные случаи погребения расчлененных (вскоре после смерти или в момент смерти) останков (птомы) в выборке индивидуальных погребений не представлены (среди совместных есть одно такое погребение, Лола I к. 04 п. 08). Захоронения эскарнированных костей подробно рассмотрены в разделе 5¹⁰.

Стандартное положение тела у взрослых и детей — на левом боку (90% индивидуальных погребений, в которых установлена поза погребенного), чаще всего — со средней степенью скорченности ног (около 90 градусов) в тазобедренном суставе и с сильной или максимальной степенью скорченности (45 градусов и менее) в коленном суставе. Стандартное положение рук — вытянутых или согнутых в локтях — кистями в области бедер — коленей (295/79,5% случаев определимого положения рук). Отдельными исследователями отмечаются нюансы — одна или обе кисти на бедрах, между бедер, под бедрами. По-видимому, самостоятельным, хотя и редко встречающимся вариантом (20/5,4%) положения рук было положение вытянутой левой руки параллельно телу, а правой, согнутой под прямым углом, предплечьем или запястьем — на локтевом суставе левой. Редки варианты других положений, среди которых одно может считаться как наследие предыдущего, довосточноманычского времени, так и проявлением общих катакомбных традиций: левая рука вытянута параллельно телу (кисть у бедра), правая слабо согнута в локте (кисть на тазе) (27/7,3%).

Для погребенных характерна южная (37,4%), юго-восточная (19,3%) и восточная (17,9%) ориентировка скелетов (табл. 34, илл. 28). Соответственно, традиционный способ размещения умершего в камере катакомбы — параллельно входному отверстию, лицом к нему, головой вправо от входа (взгляд из шахты). В редких случаях, когда стандартная ориентировка входа (от центра кургана — в восточной поле) менялась на противоположную, погребенный сохранял положение на левом боку и ориентировку в пределах ЮВ сектора, но оказывался спиной ко входу (18/4,1%). Еще более редкий вариант, главным образом, при выводе камеры под западную стенку, — замена южной ориентировки на северную и сохранение, таким образом, положения покойного относительно входа (8/1,8%).

Поскольку для зафиксированных в материке погребальных сооружений более характерны основные ориентировки (более 70% конструкций), а погребенные практически всегда лежали вдоль оси могильной камеры, меньшая доля основных ориентировок умерших (63,2%), очевидно, обусловлена существованием в нашей выборке значительного количества (около 30%) погребений на уровне древнего горизонта и в насыпи, где могильные сооружения не прослеживались.

Распределение ориентировок погребенных на отдельных памятниках в целом повторяет распределение общей выборки (табл. 35, илл. 29, 30). Наиболее существенные отклонения демонстрируют Ергенинский могильник (при главенстве южной ориентировки памятник дает идеально ровное распределение по отношению к оси С—Ю) и Чограй II (лидируют восточная и юго-восточная ориентировки).

2.1.4. Состав находок и следов

Характерной особенностью восточноманычских погребений является сравнительно большое количество находок, традиционно (условно и не вполне систематично)

¹⁰ В наших материалах существуют дополнительные наблюдения относительно ритуальной практики обращения с останками погребенных. Известны случаи трупоположения в стандартной позе с рассечением костей взрослого индивидуума (Веселая Роша III к. 21 п. 13) (Геннадиев, Державин и др., 1987) и захоронения эскарнированных останков «со следами распила» на длинных костях (Цаган Усн IV к. 01 п. 06) (Арапов. Отчет 1987).

разделяемых на следующие категории (в порядке частоты встречаемости): посуда, жаровни и курильницы, орудия труда и оружие, кости животных, главным образом, мелкого рогатого скота («заупокойная пища» и «жертвенники»), повозки и их части, личные украшения. К числу «безинвентарных» (без учета не всегда зафиксированных в документации следов органических подстилок и минеральных красок, подсчеты по которым затруднены) можно отнести лишь 19% индивидуальных захоронений.

И по разнообразию входящих в категорию видов, и по частоте встречаемости в комплексах в целом набор инвентаря может быть определен как «подчеркнуто орудийный» (разумеется, при доминировании находок посуды).

Погребальный инвентарь размещался, как правило, в могильной камере, в головах и ногах погребенного, перед ним (в случае катакомбной конструкции — соответственно, направо и налево от входа (взгляд из шахты)). Изредка сосуд или орудие оказывались перед/под коленями погребенного; орудия — за спиной и согнутыми ногами умершего. Находки во входной шахте также редки, но могут включать в себя, помимо повозки, весь спектр найденных в камерах вещей¹¹. Возможны находки (посуда, кости животных) в заполнении входной шахты/ямы, попавшие сюда или непосредственно, при засыпке конструкции землей, или упавшие вместе с рухнувшим перекрытием. Все это говорит о вариативности деталей обряда; вероятно, вещи, помимо основного ритуального назначения, в различных контекстах несли дополнительную семантическую нагрузку¹².

В задачи данной работы не входит (несмотря на очевидную актуальность) классификационный анализ артефактов восточноманычской культуры; рассматривая обрядовые особенности выделяемых групп, мы работаем с вещами на уровне категорий. Основная цель обзора — охарактеризовать состав погребального инвентаря, сконцентрировав внимание на ритуальном и социально-дифференцирующем назначении вещей и закономерностях распределения их на памятниках. Поэтому ниже кратко рассматривается присутствие в индивидуальных погребениях категорий артефактов с опорой на существующие исследования. За единицу во всех статистических подсчетах принимается содержащий находку комплекс.

А. Посуда

А1. Керамическую лепную посуду содержало 59,9% восточноманычских индивидуальных погребений (291 комплекс)¹³. Размах значений на памятниках весьма велик — от 40,0% содержащих посуду комплексов в Чограе II до 96,0% в Ергенинском могильнике; однако в среднем выборка памятников подтверждает присутствие посуды в 60% погребений (табл. 36, илл. 31).

¹¹ Зарегистрирован один случай помещения деревянной повозки в дромос катакомбы — Веселая Роща III к. 16 к. 05 (Романовская, 1982). И способ размещения повозки, и сама дромосная конструкция экстраординарны для восточноманычской культуры.

¹² В отличие от коллег, считающих, что «помимо утилитарных и социально-знаковых функций металлические (как в равной мере и все прочие. — М.А.) изделия выполняли в рамках погребального обряда вторичную по отношению к их прямому назначению культовую роль» (Кияшко, 2002. С. 21), мы полагаем, что именно ритуальное назначение предметов, обнаруженных в культово-погребальных комплексах, надлежит учитывать в первую очередь. Разделять культовое, социально-знаковое и утилитарное назначение артефактов и считать при этом именно последнее «прямым», а культовое «вторичным», означает игнорировать специфику источника и сильно модернизировать менталитет носителей катакомбного обряда, даже повседневная жизнь которых была пронизана сакральным, а погребально-поминальные ритуалы были средоточием культовой практики.

¹³ Сложность керамического комплекса восточноманычской культуры состоит в явном взаимодействии как минимум двух больших блоков керамических традиций — степного (собственно катакомбного) и северокавказского (уходящего корнями в нововободненское время), при доминировании последнего. Налицо большее совершенство северокавказской посуды и по составу теста, и по обжигу, и по способам обработки поверхности. Черты симбиоза, а в конце периода — по-видимому, и полного синтеза двух блоков традиций, видны в технологических особенностях, в морфологии и в декоре посуды.

Чаще всего в погребении представлены 1–2 сосуда (табл. 37, илл. 32), причем в наборах посуды обычно представлены образцы разных видов¹⁴.

I. Закрытые формы без ручек

1. *Реповидные горшки*, для которых характерны невыделенность горла и пропорции: $H < D$ тулова, $D_{\text{дна}} > 0,5 D$ тулова (илл. 34, 1–7, 9, 10) (Отдел II – короткошейные горшки, группа Д по схеме С.Н. Братченко). Представлены в 15% комплексов с посудой¹⁵. Имеются как очень крупные экземпляры (D тулова до 50 см) (например, в Ергенинском могильнике), так и небольшие (D тулова до 20 см) (Веселая Роща III). Иногда на плечиках имеется налепной валик с округлыми вдавлениями и 1–2 миниатюрные (явно декоративные) ручки.

2. *Чугунковидные горшки*, с невыделенным или слабовыделенным коротким горлом и пропорциями $H < D$ тулова, $D_{\text{дна}} < 0,5 D$ тулова (илл. 34, 14–21) (Отдел II – короткошейные горшки, группа Г по схеме С.Н. Братченко). Представлены в 36% комплексов с посудой. Максимальный диаметр тулова несколько меньший, чем у реповидных сосудов (до 30 см). Вдавленный различными, большей частью, шнуровыми штампами орнамент располагался на плечиках. Иногда вместо орнамента на плечиках имелся уступ. Внешняя поверхность таких сосудов иногда покрывалась охрой (так называемая красноохристая керамика).

3. *Высокошейные (высокогорлые) горшки* с прямым, раструбным и суживающимся кверху горлом (илл. 35, 19–22) (Отдел III – высокошейные сосуды, группы Б–Д по схеме С.Н. Братченко). Представлены в 8% комплексов с посудой. Известен один крупный экземпляр, $D=H=29$ см (Веселая Роща III к. 21 п. 13); остальные не превышают по тем же показателям 20 см. Изредка штампованный орнамент украшает плечики и горло.

II. Закрытые формы с одной петельчатой ручкой

4. *Кувшины и кружки* (илл. 35, 1–14) (Отдел VI – кувшины, группа Г по схеме С.Н. Братченко). Представлены в половине (48%) комплексов с посудой. По морфологии и параметрам близки к чугуновидным горшкам – с одной стороны, и к высокошейным – с другой. Петлевидная ручка крепится на плечике и ниже венчика. Изредка штампованный орнамент украшает плечики и горло, а также ручку. Иногда вместо орнамента на плечиках имелся уступ.

III. Закрытые формы с двумя петельчатыми ручками

5. *Двуручные «амфоры»* (илл. 35, 15–16) (Отдел V – амфоры, группы А, Б и В по схеме С.Н. Братченко). Представлены в 6% комплексов с посудой. Представляют собой модификацию кувшинов/кружек.

IV. Закрытые формы с четырьмя ручками-выступами

6. *Четырехручные «амфорки»* (илл. 35, 17–18) Представлены в 0,5% комплексов с посудой. Представляют собой модификацию высокошейных горшков небольшого размера. Выступы имеют вертикальное отверстие. Штампованный орнамент украшает плечики и горло.

V. Сосуды открытых форм

7. *Миски и банки* (илл. 35, 23) (Отдел VII – миски по схеме С.Н. Братченко). Представлены в 8% комплексов с посудой.

¹⁴ Мы намеренно используем термин «вид», чтобы подчеркнуть неразработанность классификации восточноманычской посуды. Приводимый список видов форм ориентирован на широко известную схему классификации катакомбной керамики С.Н. Братченко (1976).

¹⁵ В 72 индивидуальных погребениях с посудой вид единственного сосуда или отдельных входящих в комплекс сосудов не определялся, большей частью из-за плохой сохранности, отсутствия иллюстраций, в некоторых случаях – из-за сложности отнесения сосуда к определенному виду. В случаях, когда $D_{\text{дна}}$ короткошейного горшка равен D тулова, определить вид сосуда (реповидный? чугуновидный?) затруднительно (илл. 34, 8, 11–13).

VI. Особые формы посуды

8. *Воронки* (илл. 35, 24–25). Представлены в 2% комплексов с посудой.

Половина погребений с посудой содержала одноручные сосуды (кувшины и кружки) (табл. 38), причем отметим, что расширение набора посуды (более 2 сосудов в комплексе) происходило, как правило, именно за счет увеличения числа одноручных форм. Это, в частности, свидетельствует о важном месте, которое занимали напитки и полужидкие формы пищи в составе погребальных даров. Так, в составе инвентаря комплекса Восточноманычский Левобережный II к. 14 п. 01 было 5 сосудов, 4 из которых — кувшины/кружки, еще два комплекса с 5 сосудами содержали по 3 кувшина/кружки (Архаринский к. 03 п. 04 и Чограй VIII к. 21 п. 01).

Обращает на себя внимание сравнительная редкость находок реповидных горшков в восточноманычских комплексах, поскольку именно эта форма сосуда, наряду с курильницей, считается типичной для маньчского круга культур; в частности, для западноманычской культуры именно «реповидный сосуд с венчиком» считается «основой керамического комплекса» (Власкин Н.М., 2010а. С. 20).

Ярко проявляется своеобразие наборов посуды Ергенинского могильника: в половине индивидуальных погребений, содержавших посуду определенных форм, представлены реповидные горшки, причем в трех случаях — по два таких сосуда при отсутствии посуды других форм (например, в к. 10 п. 02, илл. 36). В качестве единственного сосуда реповидный горшок обнаружен в 14 погребениях выборки, из них шесть погребений относятся к Ергенинскому могильнику.

В то же время около половины (45%) основных индивидуальных погребений выборки (главным образом, в курганах того же Ергенинского могильника) содержали 1–2 больших реповидных горшка, что позволяет говорить об статусной символике этой посуды (на центральное место в кургане, очевидно, могли претендовать главы семейно-родовых коллективов, см. раздел 3).

Реповидные и чугуновидные сосуды практически не встречаются вместе в одном погребении (в нашей выборке 3 случая, 3% от числа комплексов с числом сосудов больше 1). Взаимодополнительность распределения этих форм по памятникам видна на графике (табл. 36, илл. 33), что заставляет предполагать хотя бы частичное сходство функционального (в рамках обряда) назначения — с одной стороны, и демонстративно дифференцирующую роль этих артефактов — с другой. Сопряженность рассматриваемых двух видов видна и в существовании «переходных форм» (илл. 34, 8, 11–13), а также в украшении некоторых экземпляров чугуновидных сосудов налепным валиком, характерным и для реповидных сосудов. Тем не менее, большие размеры, грубая лепка, нарочито небрежная («расчесы») обработка поверхности, специфические детали (горизонтально-уплощенный венчик, изредка с желобком «под крышку», «вотивные» ручки) — все это, помимо пропорций, отличает реповидные сосуды от чугуновидных, с гладкой, часто лощенной поверхностью, иногда покрытой слоем охры, изредка — со сложными ассиметричными орнаментальными композициями (илл. 37)¹⁶.

Особый культовый характер посуды из могильных комплексов не может быть доказан, поскольку мы не располагаем сравнительным поселенческим материалом. По аналогии с другими катакомбными культурами, где поселения все же известны (например, в среднедонской: Маслихова, 2006. С. 19), можно предполагать определенную морфологическую специфику погребальной посуды. Живописные следы темных потеков на внешней поверхности некоторых реповидных и чугуновидных сосудов, причем часто идущие от дна (сосуд переворачивали), и покрытие поверхности пачкающей

¹⁶ Нельзя не отметить, что чугуновидные сосуды по форме и декору явно продолжают традиции северокавказской культуры (в предгорном и степном вариантах, в последнем случае на территории, позднее занятой восточноманычскими памятниками). Напротив, реповидные горшки объединяют степные маньчские культуры.

охрой представляют собой следы одноразовых и явно культовых действий, которым не подвергались кувшины и кружки.

А2. Деревянная посуда. Плохо сохранившиеся образцы этой посуды фиксируются, как правило, в погребениях с «неординарным» набором инвентаря (17 комплексов, 3,5% выборки индивидуальных погребений), всегда по одному экземпляру. Основные виды — *блюда (или подносы)* прямоугольной и овальной формы (девять комплексов) и полусферические (круглодонные) *чаши* (пять комплексов). В стенках последних иногда имеются бронзовые скобы (свидетельство ремонта, что указывает на особую — возможно нематериальную — ценность предмета) (рис. 38).

Зафиксированные в базе данных находки деревянной посуды сосредоточены в двух памятниках: Веселая Роща III (семь комплексов с прямоугольными блюдами) и Ергенинский могильник (пять комплексов с чашами и один — с овальным блюдом).

Находки небольших деревянных *дисков* (три комплекса) обычно рассматривают как крышки керамических сосудов, поэтому также условно могут быть отнесены к посуде¹⁷.

Б. Курильницы и жаровни

Б1. Керамические лепные курильницы — чаши на крестообразных поддонах — встречены в 25,5% индивидуальных погребений (124 комплекса), как правило, по 1 целому экземпляру, редко (5 случаев) — в виде большого фрагмента («половины») (табл. 39, илл. 39, 40)¹⁸. Внешняя сторона и плоский край чаш, как правило, орнаментированы геометрическими композициями (преобладают оттиски веревочки и многорядного шнура, образующие полукруглые «шевроны»). Внутри чаши и отделения («кармана») прослеживаются следы нагара, редко — угольки.

График (илл. 41) демонстрирует очень большой разброс значений количества индивидуальных погребений с курильницами на различных памятниках — от 4,0% в Ергенинском могильнике до 46,7% в Веселой Роще III. Следует, однако, помнить, что курильницы, помимо индивидуальных и совместных погребений и «кенотафов», встречаются и в жертвенных комплексах («жертвенниках»), хорошо представленных именно в Ергенинском могильнике.

Отметим также полную независимость концентрации индивидуальных погребений с курильницами, посудой и орудиями из различных материалов — бронзы, камня и кости — на памятниках (илл. 41, 42).

Б2. Жаровни. Другой предмет, на котором также бывают видны следы нагара, — жаровни из фрагментов крупных толстостенных глиняных лепных сосудов, не встречающихся в целом виде в восточноманычских комплексах, в индивидуальных погребениях обнаруживается гораздо реже (особенно по сравнению с погребениями предшествующего периода) (4,1%, 20 комплексов) и никогда не сочетается с курильницей (табл. 39, илл. 40). Можно полагать, что данный предмет — остаточное явление предыдущего раннекатакомбного периода, и, соответственно, он маркирует ранние восточноманычские комплексы. Отметим полное отсутствие жаровен на трех памятниках (Архаринский, Ергенинский, Веселая Роща III). Возможно, к этим памятникам следует добавить Элистинский могильник: согласно описанию, в к. 23 п. 03 «находи-

¹⁷ Изредка в погребениях обнаруживаются следы деревянных *шкатулок и/или футляров*, содержащих орудия (например, нож в Цаган Усн VIII к. 01. 03) или другие предметы (например, набор птичьих костей в Чограе VIII к. 12 п. 06).

¹⁸ Лишь в одном комплексе нашей выборки (Веселая Роща III к. 15 п. 02) было обнаружено 2 курильницы, одна из которых находилась в камере, другая — во входной шахте катакомбы. Отметим, что курильницы — не единственный предмет, который систематически помещался в курганные комплексы как в целом виде, так и в виде части: то же можно сказать и о каменных ступках (см. ниже).

лось дно сосуда (раздавлено землей), возможно, заменявшее курильницу» (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 89). Следов нагара и золы не отмечено.

Сугубо культовый характер курильниц (кадильниц) и жаровен сомнению не подвергается.

В. Орудия труда и/или оружие

Орудия из бронзы, камня и кости являются наиболее распространенными после посуды и курильниц находками в восточноманычских погребениях.

Явное количественное превосходство случаев находок бронзовых орудий над каменными и костяными (табл. 40, илл. 42) (при том, что в число последних включены и находки камней и костей животных без видимых следов обработки и использования, см. ниже)¹⁹ свидетельствует о том, что сопровождавший умерших набор орудий с весьма ограниченным числом включенных в него категорий был обусловлен ритуалом и отличался от прижизненного предметного окружения. Преобладание находок бронзовых орудий сохраняется, в основном, и на отдельных памятниках — очевидно, ритуальная норма была достаточно жесткой. Бесспорно, какую-то небольшую часть погребального орудийного комплекса составляли деревянные артефакты, практически не поддающиеся реконструкции.

По концентрации индивидуальных погребений, содержащих орудия из бронзы и камня, рассматриваемые памятники могут быть условно разделены на две группы: сравнительно «богатые» (Ергенинский, Веселая Роща III, Архаринский, Чограй VIII) и сравнительно «бедные» (Восточноманычский Левобережный I и II, Чограй II, Элистинский). На бедных орудийным инвентарем памятниках (Восточноманычский Левобережный I и Чограй II), равно как и в богатейшем Ергенинском могильнике, доля погребений с костяными предметами (орудиями) увеличивается, что, возможно, больше отражает прижизненную реальность.

В1. Орудия из бронзы представлены массовыми находками (ножи и стержни) и раритетами (крюки, тесла, долота, иглы) (илл. 43)²⁰.

Ножи (илл. 43, 1–13) (в археологической документации и литературе до 90-х годов они иногда именовались наконечниками копий или дротиков) обнаружены в 20,0% (96 комплексов) выборки индивидуальных погребений. Как правило, в погребении присутствует один экземпляр, лишь в семи комплексах встречено по два ножа. Все ножи, за исключением 4 экземпляров (Восточноманычский Левобережный II к. 41 п. 01; Чограй VIII к. 12 п. 03; Ергенинский к. 02 п. 01; Цаган Усн VIII к. 01 п. 03) имели двулезвийный клинок.

В выборке представлены все типы классификационной схемы Е.И. Гака (Гак, 2002, 2005а, 2005б). Преобладают формы с листовидным клинком (типы II–III, 28,6% комплексов), треугольно-ромбовидным клинком (типы IV–V, 27,4%; они же — «карасики» типологии С.Н. Братченко и тип 4 типологии С.Н. Корневского), клинком с пере хватом средней длины (тип VIII, 14,3%; «пламевидные» типологии С.Н. Братченко;

¹⁹ Орудия из разных материалов представлены в погребениях, в основном, равномерно, по одному экземпляру; редко в комплексе сочетаются два экземпляра одной категории. В семи погребениях было по два бронзовых ножа (1,4% выборки индивидуальных погребений, 5,7% индивидуальных погребений с ножами). В двух случаях отмечены находки двух каменных пестов в комплексе, в одном — трех. В последнем случае (Чограй I к. 03 п. 06) погребение мужчины содержало большой набор каменных орудий и предметов, кремневые стрелы и гальки, поэтому оно идентифицируется как захоронение мастера-изготовителя каменных стрел.

²⁰ Бронзовые проушные топоры в восточноманычских погребальных памятниках не представлены, что, вероятно, объясняется обрядовыми ограничениями. В состав общей выборки включено известное «погребение литейщика» (Веселая Роща I к. 03 п. 03; совместное погребение мужчины и троих детей), содержавшее две двусторчатые формы для отливки втульчатых топоров (Державин, Тихонов, 1981). Негативы этих форм близки к топорам так называемого бичкин-булукского типа, происходящих из довосточноманычских погребений Ставрополя и Калмыкии (Калмыков, Корневский, 2001. С. 52–63; Гак, 2011. С. 7). См. ниже, раздел 2.2 «Совместные погребения».

тип 2 типологии С.Н. Кореневского (Братченко, 1976. С. 95–97; Кореневский, 1978. С. 33–48)), с коротким треугольным клинком и «плечиками, образующими по отношению к черенку прямой или близкий к нему тупой угол» (тип I, 11,9% (Гак, 2002. С. 284); «дротиковидные» по терминологии С.А. Арапова (Арапов, 1992б. С. 95)) (табл. 42)²¹. Согласно данным Е.И. Гака, ведущими (представленными наибольшим количеством экземпляров) типами ножей восточноманычской катакомбной культуры были типы II (орудия с относительно узким листовидным клинком), V (с треугольно-ромбовидным клинком стройных пропорций) и VIII (с перехватом средней длины) (Гак, 2005б. С. 62–70)²².

Обсуждая проблему индикаторов металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья, Е.И. Гак отметил, что к числу форм, появившихся в позднекатакомбный период и связанных именно с манычской погребальной традицией, следует относить ножи: 1) «дротиковидные»; 2) «с широколиственным клинком и сравнительно узким черенком»; 3) «с широким треугольным клинком, резко сужающимся под тупым углом к черенку»; 4) «с перехватом и резко расширяющимся по отношению к нему лезвием» (Гак, 2011. С. 76, рис. 3). Эти четыре типа соответствуют, в целом, выделенным исследователем ранее типам I, III, IV, VII–IX.

По памятникам ножи распределяются крайне неравномерно (табл. 41, илл. 44): больше всего их в Веселой Роще III (42,2% комплексов), меньше всего — в Восточноманычском Левобережном I (3,3% комплексов). При этом ни в одном из восьми памятников количество комплексов с ножами не приближалось к среднему — 20% выборки индивидуальных погребений. Существенное превышение этого показателя в Архаринском и Ергенинском могильниках, в Веселой Роще III и Чограе VIII дает основание говорить о более высоком уровне материального благополучия оставивших эти памятники коллективов по сравнению с остальными четырьмя (могильники Восточноманычский Левобережный I и II, Чограй II, Элистинский). Если же иметь в виду абсолютное количество ножей, то значительные серии их дали два памятника — Ергенинский (13 экз.) и Веселая Роща III (19 экз.).

На вышеназванных четырех памятниках, содержащих большое число комплексов с ножами, встречены как простые листовидные клинки, так и клинки с перехватом. Иногда они сочетаются и в одном комплексе, например, Ергенинский к. 10 п. 02. Особенностью коллекции ножей из Веселой Роши III является преобладание «карасиков» (тип III классификации Е.И. Гака), слабее представленных на других памятниках.

57,9% индивидуальных погребений с ножами содержали также бронзовые стержни (55 комплексов); это сочетание устойчиво прослеживается и в выборках погребений по отдельным памятникам, что позволяет предполагать, что обе категории предметов имели отношение к одному и тому же аспекту ритуала.

Стержни (илл. 43, 14–18) являются вторым по массовости бронзовым орудием в восточноманычских комплексах (16,3%, 78 индивидуальных погребений содержали стержни, в полевых отчетах чаще называемые шильями; в 55 случаях, как отмечено выше, они сочетались с бронзовыми ножами). В основном, в погребениях представлено по одному экземпляру орудия, редко (11 случаев) — два, исключительно редко (2 случая) — три (Цаган Усн VIII к. 01 п. 03, Ергенинский к. 11 п. 01).

²¹ Поскольку ножи несут на себе следы сработанности, иногда очень сильные, у нас часто возникали трудности с определением типологической принадлежности этого артефакта (несмотря на подробные иллюстрации, приложенные Е.И. Гаком к его типологической схеме). Поэтому характеризовать типологический состав ножей восточноманычской культуры следует, непосредственно опираясь на данные Е.И. Гака (Гак, 2002. С. 285, табл. 1; 2005б. Рис. 10).

²² По данным Е.И. Гака, размеры катакомбных ножей варьируют в пределах 5–24 см (Гак, 2005б. С. 61).

Классификация стержней, представленная Е.И. Гаком в 2005 г., включала четыре функциональные группы, разделенные, в свою очередь, по морфологическим особенностям, на типы. «Функциональное назначение стержня визуально определялось по виду рабочего окончания (группа 1 — игольчатое, группа 2 — клиновидное, группа 4 — притупленное) или наличию ушка на тыльном конце стержня (группа 3)». Проведено деление орудий по размерам: короткие до 5 см, средние 5—15 см, длинные — более 15 см (Гак, 2005б. С. 72).

Группа 1 — орудия с колюще-прокалывающей функцией, или собственно «шилъя», обоюдоострые и с одним заостренным концом, с упором и без упора, с четырехугольным и (редко) округлым сечением. Подавляющее большинство учтенных Е.И. Гаком на территории Предкавказья и нами в индивидуальных погребениях нашей выборки орудий относится к этой группе; средние и длинные экземпляры могут рассматриваться и как оружие — стилеты.

Группа 2 — орудия с режущей функцией (в зависимости от формы лезвия — стамески, микрозубильца, резцы; имеют четырехугольное сечение). В эту группу входят длинные (25,5 см и 23,5 см) стержни-стамески из погребений «мастеров-изготовителей каменных стрел» (2 экземпляра: Чограй VIII к. 12 п. 03, Чограй I к. 03 п. 06).

Группа 3 — орудия с колюще-протягивающей функцией, или иглы. В выборке индивидуальных погребений имеется 4 с бронзовыми иглами; по контексту мы отнесли данные находки к престижным раритетам (см. ниже).

Группа 4 — стержни с неопределенной функцией (круглые в сечении стержни, притупленные с обоих концов) (3—4% нашей выборки).

Позднее Е.И. Гаком в соавторстве с А.А. Калмыковым из состава 1 группы были выделены еще несколько видов встречающихся в восточноманычских комплексах стержневидных орудий: это наконечники стрекал, буравчики, крестовые пробойники (Гак, Калмыков, 2009. С. 110). Исключительно с манычской культурой связывается появление массивных стреловидных стрекал с притупленным жалом (илл. 43, 17) (Гак, 2011. С. 77, рис.4, 4—7).

Не располагая информацией о типологической принадлежности стержней, и исходя из того, что 70—80% находок приходится на стержни первой группы (шилъя), ниже мы рассматриваем эту категорию находок без разделения на группы, выделив в отдельную категорию лишь иглы.

Погребения со стержнями представлены на всех восьми рассматриваемых памятниках, как правило, в количестве, пропорциональном количеству погребений с ножами (табл. 41, илл. 44). По количеству погребений, сочетающих в составе инвентаря нож и стержень, выделяются памятники Ергенинский, Архаринский и Веселая Роща III.

Крюки (илл. 43, 20—22) найдены в 2,7%, 13 индивидуальных погребениях, всегда по одному экземпляру. «Это изделия с втулкой для крепления древка, переходящей в стержень, конец которого приострен и загнут. В верхней части втулки имеются отверстия для штифтов. С помощью штифтов края втулки стягивались, что позволяло жестко закреплять в ней деревянную рукоять. Рукоять могла быть довольно длинной, ее остатки нередко сохраняются во втулке и достигают 70 см [Братченко, Санжаров, 2001. С. 86]» (Гак, 2005б. С. 84). В восточноманычских комплексах представлены все три типа орудий, выделенных Е.И. Гаком по деталям оформления втулки (все крюки — кованые), в нашей выборке — первые два (с сомкнутой и не сомкнутой выделенной втулкой). Сечение крюка обычно квадратное или прямоугольное, редко — круглое и желобчатое. В выборке имеется крюки с сохранившимся крепежным штифтом (Китавский к. 07 п. 04, Чограй VIII к. 05 п. 01) и крюк, втулка которого орнаментирована пуансоном (Ергенинский, к. 11 п. 01). Длина орудий — 10—15 см (до изгиба крюка).

По концентрации этих орудий в индивидуальных погребениях резко выделяется Ергенинский (четыре комплекса, 16% индивидуальных погребений памятника, 30,8% всех комплексов с крюками нашей выборки) (табл. 43, илл. 46). Так же, как и в случае с бронзовыми ножами и шильями, обращает на себя внимание крайняя неравномерность распределения этой категории находок по памятникам и полное отсутствие их в Архаринском и Восточноманычском Левобережном I могильниках (в Элистинском один экземпляр крюка обнаружен в совместном погребении к. 08 п. 06, см. ниже). По концентрации находок бронзовых ножей и шильев (в Архаринском — максимальной, в Восточноманычском Левобережном I — минимальной) эти два памятника занимают противоположные позиции.

Тесла и долота (илл. 43, 23–27). Тесла присутствуют в девяти индивидуальных погребениях (1,9% выборки) по одному экземпляру. Практически все они, по своим удлинённым пропорциям, принадлежат к «постпривольненским» скакунскому и кнышевскому типам по схеме С.Н. Братченко и С.Н. Санжарова (Братченко, Санжаров, 2001), которым в целом соответствуют III и IV типы классификации Е.И. Гака (Гак, 2005б)²³. Один экземпляр из Цаган Усн III к. 01 п. 12 отнесен Е.И. Гаком к выделенному им комаровскому (II) типу, более близкому по пропорциям к привольненскому (I), представленному в раннекатакомбных памятниках, но имеющему «узко раскованную резко выделенную лезвийную часть» (Гак, 2005б. С. 80).

В семи комплексах тесла были встречены вместе со втульчатыми желобчатыми долотами (всего индивидуальных погребений с долотами в выборке также девять), относящимися к привольненскому и костромскому типам (Братченко, Санжаров, 2001) и к трем типам классификации Е.И. Гака (2 группа, типы I–III), выделенным по способу оформления втулки (сомкнутые и не сомкнутые края).

Совстречаясь в комплексах, тесла и долота образуют вторую (после ножей и стержней-шильев) устойчивую ритуальную орудийную пару (63,6% комплексов с теслами и/или долотами) (табл. 49)²⁴.

Исключительную концентрацию этих артефактов, причем во всех комплексах — в сочетании тесла и долота друг с другом, а также с ножами и/или стержнями-шильями, а в четырех случаях — в сочетании с крюками, дает Ергенинский могильник (6 индивидуальных погребений — 24%) (табл. 43, илл. 46).

На остальных семи памятниках погребения с теслами и/или долотами встречаются, как правило, один-два раза или не встречаются совсем, предметы не сочетаются друг с другом (из пяти погребений тесло и долото вместе содержало только одно — Чограй VIII к. 30 п. 02). Можно отметить, что так же, как и в случае с крюками, появление этих артефактов не обусловлено непосредственно высокой концентрацией на памятнике массовых орудий из бронзы — ножей и шильев и даже не предполагает обязательное наличие ножа и/или шила в погребениях с раритетами (присутствуют в двух комплексах из пяти).

Иглы (илл. 43, 19). Представлены в нашей выборке четырьмя экземплярами, два из которых происходят из погребений Ергенинского могильника. Е.И. Гак отметил, что все находки игл в Предкавказье «сосредоточены к востоку и юго-востоку от низовий Дона и связаны с погребениями культур манычского круга» (Гак, 2005б. С. 72).

Если высокая концентрация массовых находок бронзовых орудий — ножей и стержней — на памятнике может считаться показателем материального достатка создавшего

²³ Общим основанием классификационных построений для тесел и долот продолжает оставаться предложенная А.А. Иессеном схема хронологического членения материала с опорой на морфологические особенности орудий, обнаруженных в составе Привольненского и Костромского кладов (Иессен, 1950).

²⁴ Уточним, что предметы, входящие в такую условную «пару», даже встречаясь в одном комплексе, располагаются чаще всего в разных местах могилы и явно обладают и своей собственной ритуальной семантикой.

его коллектива, то наличие бронзовых раритетов — крюков, тесел, долот, игл, вероятно, маркирует присутствие индивидуумов с особым семейно-социальным статусом.

Деревянные орудия с обмоткой из бронзового жгута (дрота), квадратного в сечении, фиксируются очень редко, поскольку первоначальная форма и назначение деревянного предмета не восстанавливается, а бронзовая обмотка представлена фрагментами, чаще всего в виде серии квадратных или прямоугольных скобок-обойм (например, в нашей выборке, Спасское к. 01 п. 11; Цаган Усн VIII к. 01 п. 03; Чограй I к. 12 п. 06; пример тщательной фиксации *in situ* подобного орудия с обмоткой см.: манычское погребение 32 Большого Ипатовского кургана (Кореневский и др., 2007. Рис. 26, 8).

В2. Оружие и орудия/предметы из камня. Анализ входящих в данный отдел категорий затруднен отсутствием специальных разработок и недостатками документальных данных. Очевидно, орудия и предметы из камня из погребальных комплексов восточноманычской культуры, равно, как и синхронных и более ранних культур Предкавказья, должны стать в ближайшем будущем предметом самостоятельного углубленного исследования.

Находки *каменного оружия* редки (12 индивидуальных погребений, 2,7% выборки), на памятниках — единичны.

К числу предметов сугубо ритуальных следует отнести полированные *топоры* (три комплекса) и *булавы* (четыре комплекса) (табл. 44, илл. 48, 49).

Все три вошедшие в выборку проушные *топора* разнятся между собой по форме, пропорциям и проработанности деталей. Наиболее совершенный экземпляр из змеевика (определение М.А. Романовской; длина — 11,5 см), с намеченным ребром на верхней грани от проуха к лезвию, сопоставимый по форме и качеству отделки с северокавказскими (так называемыми кабардино-пятигорскими) топорами предшествующей эпохи, происходит из Веселой Роши III к. 16 п. 05 (илл. 48, 1). Второй топор из черного камня (Веселая Роша III к. 23 п. 03а) (длина — 8 см), более массивных пропорций, также похож на кабардино-пятигорские, но отличается простотой профиля (не подчеркнуты обушная и лезвийная часть) и несовершенством декора (по обеим сторонам отверстия имеются небрежно «прочерченные» линии, имитирующие, видимо, традиционный для более ранних топоров рельеф (илл. 48, 2)). Наконец, последний топор (Ергенинский к. 10 п. 02) из диабазы (по определению В.П. Шилова) (длина — около 7,5 см), с плохо проработанной обушной частью и резко уплощенными верхней и нижней гранями, представляет собой явно деградированный вариант изделия (илл. 48, 3)²⁵.

Три названные погребения содержали деревянные повозки, два были основными в курганах. Наибольшее количество «престижных» предметов, помимо каменного топора и повозки, представлено в основном п. 02 к. 10 Ергенинского могильника (тесло, долото, золотые височные кольца) (илл. 36). Можно констатировать упадок мастерства в производстве этой категории вещей, представленной в могильниках Северного Кавказа и Предкавказья с эпохи ранней бронзы, при сохранении, однако, их общей социально-знаковой функции как предметов, маркирующих высокий (вождеско-воинский?)²⁶ статус. Резкое снижение производственных стандартов особенно заметно при сравнении рассматриваемых топоров с великолепными топорами из предшествующих северокавказских комплексов Архаринский к. 18 п. 02 (Синицын, Эрдниев, 1963. Табл. 24) и Му-Шарет I к. 13 п. 02 на территории Калмыкии (Шишлина, 2007. С. 140, рис. 69)²⁷.

²⁵ Сужу по недостаточно профессионально выполненному рисунку в полевом отчете.

²⁶ Пол обоих погребенных в могильнике Веселая Роша III — мужской, в Ергенинском — не определен.

²⁷ К ним примыкает топор из разрушенного погребения в насыпи кургана (Чограй VI к. 01 п. 01), возведенной над основным раннекатакомбным погребением (Кореняко, Отчет 1978. Рис. 333).

Интересна «*модель топора*» — плоское отшлифованное орудие (?) (из гальки?), форма которого напоминает профиль топора, длиной 12 см, обнаруженное в заполнении входной шахты основного погребения (Веселая Роща II к. 07 п. 01) (илл. 48, 4). Интерпретировать эту уникальную находку пока затруднительно.

Булавы, диаметром около 5 см, представлены двумя разновидностями формы — с гладкой поверхностью (Восточноманычский Левобережный I к. 02 п. 02; Восточноманычский Левобережный II к. 13 п. 04; Чограй VIII к. 13 п. 04) (илл. 48, 7) и с четырьмя симметрично расположенными шишечками-выступами на поверхности (Грушевка II к. 01 п. 07) (илл. 48, 8). Еще один экземпляр подобной булавы (типа «Мариуполь-Бородино» по классификации В.И. Клочко (2006) происходит из совместного погребения Чограй IX к. 05 п. 05 (илл. 48, 9). Абрис тела булавы может быть (используя терминологию С.Н. Братченко) «приплюснутым» (Восточноманычский Левобережный I), «круглым» (Восточноманычский Левобережный II, Чограй VIII), «бочонковидным» (Грушевка II). Как поделочный камень использовался белый мрамор, черный серпентин, в одном случае (Восточноманычский Левобережный I) И.В. Сеницын пишет о «мягкой породе белого камня» (Сеницын, 1978. С. 18). Все предметы тщательно заполированы. Если первая разновидность формы (с гладкой поверхностью) представляет собой наследие предыдущих периодов (например, шаровидная булава с гладкой поверхностью происходит из северокавказского погребения Чограй VI к. 04 п. 03), то вторая (с выступами) на исследуемой территории известна из восточноманычских и лопатинских комплексов, в соседних областях — в памятниках финальнокатакомбных культур (подробно см.: Мимоход, 2013. С. 159–163).

В рамках весьма условной категории *пращевых камней* (назначение сугубо предположительно) учтен «тщательно обработанный круглый камень в виде булавы, но без признаков сверления» (Сеницын, Эрднеев, 1971. С. 46; изображение отсутствует), обнаруженный в комплексе Элистинский к. 02 п. 07. Несмотря на отсутствие других находок, это впускное в курган с основным «северокавказским» захоронением погребение следует признать неординарным: оно было совершено в большой яме с заплечиками, с деревянным перекрытием и особой «шатровой конструкцией над погребенным»; с ним была связана досыпка насыпи, увеличившая высоту кургана с 2 м до 4–4,5 м. Шаровидный кусок мела диаметром 6,5 см с насечкой в виде прямой линии встречен в комплексе Чограй I к. 03 п. 06 вместе с кремневыми стрелами и большим набором каменных орудий и галек²⁸. Наконец, два каменных «шара» обнаружены в комплексе Веселая Роща III к. 16 п. 02 (илл. 48, 5, 6).

Кремневые наконечники стрел — миниатюрные (длиной 1–3 см), треугольной и листовидной формы, с выемчатым основанием — встречены в пяти комплексах выборки индивидуальных погребений (илл. 48, 10, 11). В двух случаях (Чограй I к. 03 п. 06 и Чограй VIII к. 12 п. 03) большие (соответственно, 7 и 13 экземпляров) серии стрел сопровождались кремневыми гальками и отщепами (заготовки?), орудиями и предметами из камня (песты, «выпрямители древков стрел», орудия неясного назначения), кости (отжимник?) и бронзы (стержни — резцы, зубильца), что позволило определить комплексы как погребения «мастеров-изготовителей каменных стрел» (Смирнов Ю.А., 1983; Березуцкая, 1993). В остальных трех комплексах, учтенных в нашей базе данных, встречено по одной стреле, причем два погребения относятся к числу неординарных по размерам и своеобразию могильных конструкций (катакомба с обширным дромосом и большая яма с заплечиками), включавших деревянные повозки, а также каменный топор и бронзовые бусы (Веселая Роща III к. 16 п. 05) и сверхбогатое ожерелье

²⁸ Аналогичный шар из мела или известняка диаметром около 3 см встречен в лопатинском погребении Чограй III к. 07 п. 01, судя по бронзовым височным кольцам, также неординарном.

из 1540 пастовых и 30 сердоликовых бус (Архаринский к. 28 п. 05). Последний из двух названных комплексов²⁹ включал также 3 «выпрямителя древков стрел», а первый — 2 «кварцитовые гальки» (заготовки?). Таким образом, можно полагать, что и в этих двух случаях речь может идти о хотя и сокращенном, но «производственном наборе». Наконец, в последнем случае (Цаган Усн VIII к. 02 п. 01) наконечник стрелы вместе с обломком лезвия бронзового ножа был обнаружен среди костей барана (3 лопатки и 4 ноги), причем наконечник «находился в лопатке барана» (Шишлина. Отчет 1988. С. 29), что являлось, вероятно, результатом особых культовых действий.

В целом можно заключить, что в контексте восточноманьчжского погребального обряда стрелы выступают, в основном, в составе «производственных», а не «колчаных» (парадных, боевых, охотничьих) наборов.

78 индивидуальных погребений (16,0%) содержало *каменные орудия и/или «предметы»* (табл. 40, илл. 42). Под «предметами» имеются в виду отдельные камни со следами и без следов обработки. Функциональное назначение обнаруживаемых в погребениях *каменных орудий* неясно, поэтому названия выделяемых видов: «песты», «ступки/наковальни», «выпрямители древков стрел», «абразивы» условны, а сами виды — весьма возможно, не однородны. Первые два вида изготавливались, главным образом из твердых пород камня («галька»), третий — из песчаника. Кроме того, в погребения изредка попадают каменные предметы неясного назначения, крайне редко — *кремневые орудия, отщепы и гальки*.

Наиболее многочисленную группу находок образуют *песты* (39 индивидуальных погребений, 8,0% выборки) (илл. 47, 1–5, 7, 9, 11, 12, 15), в основном встречающиеся по одному экземпляру (исключения: в Чограе I к. 12 п. 06 и Чограе VIII к. 30 п. 02 было по два песта; в Чограе I к. 03 п. 06 и Цаган Усн III к. 01 п. 15 — по три песта). Длина орудий варьирует в пределах приблизительно от 10 до 30 см. По морфологическим особенностям различаются песты с выделенной и невыделенной рукоятью, гладкие и граненые с различной формой сечения. Преобладают неправильные формы, сохраняющие облик гальки-сырья, лишь изредка встречаются хорошо сделанные и отшлифованные геометрически правильные образцы (например, Чограй VIII к. 28 п. 02). Число комплексов с пестами колеблется на памятниках от 2,2% в Восточноманьчжском Левобережном I до 17,2% в Чограе VIII (табл. 45, илл. 50).

Следующий вид каменных орудий, так называемые *ступки* или *наковальни*³⁰ (илл. 47, 6, 8, 10, 13, 14, 16), представлен в 17 индивидуальных погребениях выборки (3,5%), причем в 11 комплексах — вместе с пестами, образуя, таким образом, третью устойчивую пару ритуальных предметов. В эту группу включены плоские камни, чаще всего гальки, сохраняющие свою природную форму, шириной от 10 см. Круглые ступки с углублением в центре встречаются крайне редко (илл. 47, 14; 124, II, 2). Следы срабатанности, так же, как у пестов, в описаниях не отмечены. Часть предметов имеет один прямой, ровно сколотый край. В комплексах ступки/наковальни присутствуют в одном экземпляре. Число индивидуальных погребений со ступками/наковальнями колеблется на памятниках от 0% в Чограе II до 16% в Ергенинском могильнике. Последний памятник уникален также тем, что в только нем число комплексов со ступками/наковальнями превосходило число комплексов с пестами) (табл. 45, илл. 50).

Концентрированное присутствие пестов и ступок/наковален в группе погребений с престижными бронзовыми орудиями (табл. 49) (соответственно, 42,9% и 19,0% комплексов) позволяет связывать эти предметы, особенно взятые в сочетании друг

²⁹ По определению И.В. Синицына, погребение принадлежало женщине.

³⁰ В литературе встречаются названия «растиральник», «терочник», «курант», «наковальня», «ступка». Мы объединили последние два, явно расходящиеся друг с другом, термина.

с другом, с особым важным аспектом ритуальной практики (подробнее об этом см. раздел 5.2).

Так называемые *выпрямители древков стрел* — небольшие прямоугольные песчаниковые плитки, полукруглые в поперечном сечении, с продольным желобком посредине плоской грани — встречаются в 8 индивидуальных погребениях (1,6% выборки) в количестве от 1 до 7 экземпляров, причем лишь в двух случаях в сочетании с кремневыми наконечниками стрел (Архаринский к. 28 п. 05; Чограй VIII к. 12 п. 03) (илл. 48, 13, 14). Плитки небольшие (около 6–8 × 3–4 × 2–3 см), некоторые имеют стертые края и желобок (шириной около 0,5 см).

Каменные *орудия/предметы неясного назначения* (7,6% выборки индивидуальных погребений, 37 комплексов) представлены большей частью различными камнями (кроме кремня) без следов обработки, чаще всего без должных оснований именуемых «абразивами». Лишь изредка встречаются орудия (обычно в составе каменно-орудийных наборов, например, Чограй VIII к. 12 п. 03, Цаган Усн III к. 01 п. 15) и каменные предметы со следами обработки/использования, характер которых трудно определить. К числу таких предметов (обычно обнаруживаемых в нерядовых погребениях) можно отнести большой окатанный камень-гальку из комплекса Чограй VIII к. 05 п. 01, по форме приближавшийся к прямоугольному параллелепипеду, разбитый поперек на две части, сложенные вместе, внутри ровного скола находился толстый слой мела. Также отметим набор из двух конусовидных «фишек» (из ферросидерита?), гальки с отверстием и плоского камня со следами охры из комплекса Чограй IX к. 01 п. 01 (илл. 48, 16, 19–21); антропоморфную гранитную (?) фигурку (?) из комплекса Ергенинский к. 10 п. 02 (илл. 36, Б, 7). Очень редкую находку представляет собой каменное конусовидное *пряслище* (?), орнаментированное косыми насечками по краю узкого основания, из Веселой Роши II к. 02 п. 03 (илл. 48, 17)³¹.

Как уже отмечалось, *кремневые орудия* встречаются в восточноманычских погребениях исключительно редко (4 комплекса — 0,8% выборки индивидуальных погребений). В комплексе Элистинский к. 09 п. 02 обнаружен «кремневый скребок на конце пластинки» (Синицын, Эрднеев, 1971. Табл. 19, 3), в комплексе Китаевка к. 01 п. 01 — «кремневая ножевидная пластина» (Найденко, 1972. Рис. 3, 5). Возможно, к орудиям или заготовкам следует относить кремневый отщеп из комплекса Цаган Усн VIII к. 01 п. 03 и серию ощепов из Чограй VIII к. 12 п. 03. Кроме вошедших в выборку комплексов, упомянем также два кремневых орудия из Зунда Толга к. 01 п. 01 (Шишлина, 1997а. Рис. 4) и уникальный большой набор кремневых изделий (орудий? заготовок?) из Зунда Толга к. 10 п. 03 (Шишлина. Отчет 2002. Рис. 186). Три комплекса нашей выборки содержали серии *кремневых галек — заготовок* (Ергенинский к. 06 п. 02, Чограй I к. 03 п. 06 и к. 12 п. 06).

В заключение еще раз подчеркнем, что представленный в погребениях набор каменных предметов явно несет черты обусловленной ритуалом избирательности. Можно заметить, что на памятниках частота появления каменных орудий в целом пропорциональна частоте встречаемости орудий бронзовых, хотя разброс значений, безусловно, меньше (илл. 42). При этом не все комплексы с каменными орудиями/предметами содержали и орудия из бронзы, таковых лишь 61,2%; в погребениях с пестами и ступками/наковальнями бронзовые орудия встречаются чаще — в 71,1%.

³¹ Упомяну еще одну уникальную находку — каменный цилиндрический скипетр (?) из не вошедшего в базу данных комплекса к. 01 п. 01 могильника Зунда Толга (Шишлина, 1997а. Рис. 4, ж). По размерам и пропорциям этот артефакт близок к скипетру из кургана у ст. Андрюковская (майкопская культура) (Корневский и др., 2008. Рис. 3, 1; здесь же см. подборку аналогичных предметов из памятников энеолита — раннего бронзового века степной зоны Евразии), однако скипетр из Зунда Толга имел круглое сечение, из Андрюковской — квадратное, со скругленными углами.

ВЗ. Предметы/орудия из кости встречены в 68 индивидуальных погребениях (14,0% выборки) (табл. 40, илл. 42). Сюда отнесены найденные вне сочленения отдельные кости животных — главным образом, мелкого рогатого скота, как с отмеченными следами обработки (не более 2,0% комплексов) и использования, так и без них³². Часть подобных костей, вероятно, представляла собой орудия, которые требуют функционального изучения еще в большей степени, чем каменные, однако обычное отсутствие описаний и изображений в полевой документации не позволяет надеяться на сохранность находок этой категории в музейных коллекциях.

Наиболее массово представлены *астрагалы* (таранные кости мелкого рогатого скота), учтенные в 33 комплексах (6,8% выборки), чаще всего в количестве от одного до трех, редко — в большом (несколько десятков) числе.

Второе место по частоте встречаемости занимают *лопатки мелкого рогатого скота* — 12 комплексов, 2,5% выборки. В отличие от более поздних лолинских погребений, где лопатки встречаются, по-видимому, чаще, всегда по одной и в строго определенной позиции — у предплечья/локтя согнутой левой руки (Мимоход, 2007. С. 145; 2013, илл. 27–32), в восточноманычских комплексах может быть две-три лопатки (например, две лопатки в комплексе Ергенинский к. 06 п. 02; интересно, что на одной из этих лопаток имелось небольшое круглое отверстие), и располагаются они в могильном сооружении по-разному.

Небольшую серию составляют находки *рогов* (7/1,4% комплексов; определения вида животных, как правило, отсутствуют), всегда по одному экземпляру в погребении.

Один раз (Веселая Роща III к. 21 п. 13) *обломок ребра* крупного животного был предварительно идентифицирован авторами раскопок как ложило (Державин, 1989. С. 126, рис. 3, 9), однако позднее трасологический анализ аналогичных предметов из лолинских погребений позволил опознать в них струги — орудие кожевенного производства (Усачук, 2002; Мимоход, 2013. С. 91–94). К той же сфере А.Н. Усачук относит костяные проколки из локтевой кости мелкого копытного (4/0,8% комплексов; илл. 48, 22) и, возможно, *костяные трубочки* длиной 7–9 см, с продольным отверстием/полостью и одним косо срезанным (рабочим) краем, встреченные в двух комплексах нашей выборки индивидуальных погребений по одному экземпляру (Восточноманычский Левобережный I к. 12 п. 01 и к. 52 п. 07) (Синицын, 1978. Табл. 30, 7; 57, 5). По мнению С.Н. Санжарова, подкрепленному археологическим контекстом (к. 01 п. 08 у с. Набережное в Донецком Приазовье), костяные орудия из локтевой кости мелкого рогатого скота использовались носителями каткомбных традиций также как писала — инструменты для нанесения рисунков охрой на различные поверхности (Санжаров, 1989). На наших экземплярах следов охры не обнаружено.

Вероятно, орудиями являются и изредка встречающиеся кости метаподия с раздвоенным концом (2/0,4% комплексов; илл. 48, 23).

В набор орудий из погребения «мастера-изготовителя каменных стрел» (Чограй VIII к. 12 п. 03) входила костяная плоская палочка (отжимник?) (илл. 121, Б, б).

Упомянем находку двух так называемых *пряслиц* дисковидной и конусовидной формы, изготовленных, вероятно, из эпифизов бедренных костей крупного рогатого скота (Чограй IX к. 09 п. 04) (илл. 48, 25, 26). Подобные вещи являются культурно-хронологическим индикатором более поздней лолинской культуры (Мимоход, 2007. Рис. 4; 2013. С. 94–97, илл. 51) и широко представлены в синхронных восточноманычским

³² Для значительного числа костяных находок (около четверти комплексов с предметами из кости) вид животного не определен.

памятниках гинчинской культуры Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни (Гаджиев, 1998. С. 108, рис. 100, 1–17; 110, 18–22, 25, 26)³³.

Кость использовалась и для изготовления *рукоятей* (бронзовый нож с костяной заполированной рукоятью из рога (илл. 119, 1) и бронзовое шило с костяной рукоятью происходят из погребения «литейщика» Веселая Роща I к. 03 п. 03, вошедшего в выборку совместных погребений), а также цилиндрических *обойм* на деревянные рукояти и *муфт* для бронзовых стержней. Эти предметы иногда украшались резным геометрическим орнаментом (например, обойма деревянной рукояти каменной булавы из комплекса Грушевка II к. 01 п. 07 (Державин, 1991. Рис. 17, 18); муфта из комплекса Веселая Роща III к. 21 п. 13 (Державин, 1989. Рис. 3, 86)). Иногда, впрочем, похожие орнаментированные костяные трубочки оказываются в собрании личных украшений — костяных колец и пронизей (см. ниже).

Метаподии мелкого рогатого скота использовались в качестве *игольников* для бронзовых игл (например, Грушевка II к. 01 п. 07, Веселая Роща II к. 02 п. 03, Ергенинский к. 11 п. 01, Веселая Роща II к. 02 п. 03) (илл. 48, 24).

Как весьма редкую находку отметим *набор тонких трубчатых птичьих костей*, уложенных прямоугольником параллельно и перпендикулярно друг другу в деревянном футляре (Чограй VIII к. 12 п. 06).

В итоге, несмотря на редкость костяных находок в погребениях, можно предполагать, основываясь на большом разнообразии составляющих набор артефактов, широкое использование костяных предметов и орудий вне сферы погребального обряда. Продолжала существовать традиция резьбы по кости, великолепно представленная в материалах погребений предыдущей эпохи роговыми орнаментированными булавками.

Необычно высокая концентрация костяных предметов в Ергенинском могильнике (48,0%), при том, что астрагалы встречены всего один раз, но максимально представлены лопатки мелкого рогатого скота (6 комплексов, 25%), свидетельствует, вероятно, не только о поздней — предлолинской — дате памятника в системе восточноманычских древностей, но и о возможности расширения состава погребального инвентаря в престижных захоронениях за счет включения «необязательных» предметов из кости.

Г. Кости животных

В данную категорию включены случаи находок костей животных в сочленении, а также черепов, что позволяет предполагать помещение в могилу не костей, а частей туши³⁴ (в 63/13,0% индивидуальных погребениях) (табл. 47, илл. 52). Основную часть составляют находки костей мелкого рогатого скота (10,1% индивидуальных погребений), существенно реже встречался крупный рогатый скот (2,1% индивидуальных погребений). По одному разу отмечены в нашей выборке кости лошади (Китаевка к. 06 п. 04) и змеи (Островной к. 03 п. 28)³⁵.

³³ Отметим, что в одном индивидуальном женском погребении Восточноманычский Левобережный II к. 07 п. 04 обнаружено «глиняное пряслице конусовидной формы, орнаментированное вертикально прочерченными короткими линиями по всей поверхности, диаметр пряслица у основания 3,5 см, высота 2,5 см» (Синицын, 1978. С. 68). Пряслица представляют собой редкую находку именно в погребальном контексте. Серия глиняных пряслиц разных форм и размеров обнаружена Е.И. Гаком на поселении среднедонской катакомбной культуры Рыкань 3 (Гак, 2013. Рис. 8, 1–8).

³⁴ Из-за краткости описаний не всегда можно установить, имел ли обнаруженный череп животного нижнюю челюсть или нет. В то же время в классическое сочетание костей, маркирующее «жертвенник», — ноги и череп, изредка вместо черепа входила нижняя челюсть. Поэтому можно усомниться, что «жертвенники», по крайней мере в погребениях и «кенотафах», всегда составлялись из частей туши, а не из костей животных. О «жертвенниках» в насыпи см. ниже раздел 2.3.2 «Жертвенники».

³⁵ В данном комплексе погребенная была подпоясана змеей (Шишлина и др., 2002. С. 24). На факт, что змее отводилось особое место в погребальном обряде населения Калмыкии в эпоху энеолита — ранней бронзы, впервые было обращено внимание Н.И. Шишлиной (Шишлина, 1998).

По составу костей находки домашних животных могут быть весьма условно и нечетко разделены на:

- так называемые *жертвенники*, хорошо известные по погребальным материалам других культур ранней и средней бронзы степной полосы (уложенные вместе кости конечностей — метаподии и акроподии — и/или черепа (редко — отдельно челюсти), представляющие собой останки жертвенных животных, вероятно, символизирующие присутствие этих животных по принципу *pars pro toto*) (с жертвенниками из костей мелкого рогатого скота — 3,5% индивидуальных погребений; из костей крупного рогатого скота — 1,4%);
- так называемая *жертвенная пища* (ноги с лопатками или тазовыми костями, позвонки и ребра; рядом с костями иногда находится бронзовый нож, по-видимому, первоначально воткнутый в мясо) (2,7% индивидуальных погребений). В качестве остатков сопровождающей погребенного «жертвенной пищи» учтены, в основном, кости мелкого рогатого скота³⁶.

В случае, когда фиксировалось присутствие только конечностей («нога/ноги») (2,5% индивидуальных погребений) определить характер находки не представлялось возможным.

По количеству индивидуальных погребений с костями домашних животных выделяются Ергенинский могильник (32,0%) и могильник Чограй VIII (31,0%). Неожиданно низкий (по сравнению с другими категориями инвентаря) показатель дает Веселая Роща III (8,9%).

Д. Повозки

Остатки *деревянных повозок* обнаружены в 3,7%, 18 индивидуальных погребениях (табл. 46, илл. 51).

Из-за плохой сохранности детали конструкций прослеживались редко. В могилу помещались четырехколесные повозки или *их части*: кузов (основа кузова) с колесами; только кузов или его часть, иногда с настилающими циновками (Веселая Роща III к. 23 п. 03, Ергенинский к. 06 п. 05); отдельное колесо (закрывало вход в камеру со стороны входной шахты в Элистинский к. 06 п. 01). В некоторых случаях следы дерева минимальны, но мощный слой циновок в центре входной шахты и прямоугольные очертания объекта позволяют предполагать, что перед нами фрагмент убранства повозки (Чограй VIII к. 28 п. 02).

Возможно, традиция помещать в погребение части повозки, а не всю ее целиком, как-то коррелирует с осмыслением всей могильной конструкции как повозки: подлинные детали были призваны дополнить архитектурную модель, приблизить ее к реальности; при этом отдельные ценные деревянные элементы конструкции оставались в мире живых.

Из предметов упряжи иногда отмечается присутствие ярма (Веселая Роща III к. 23 п. 03, Ергенинский к. 10 п. 02; илл. 36). В отдельных случаях удалось установить, что борта кузова были украшены геометрическим резным орнаментом (Веселая Роща III к. 23 п. 03)³⁷.

Повозки находились на дне (в одном случае на заплечиках; Архаринский, к. 28 п. 05) могильных ям или входных шахт катакомб. Уникален случай расположения повозки в дромосе (или в первой камере, соединяющей входную шахту и вторую камеру, где находился погребенный) катакомбы в Веселой Роще III к. 16 п. 05.

³⁶ В индивидуальном погребении Китаевка к. 06 п. 04 обнаружены кости ног и ребра лошади.

³⁷ В совместном погребении Лола I к. 04 п. 07 кроме кузова с колесами обнаружено дышло «из двух плоских четырехгранных брусев, раздвоенных на одном конце». Планки задней части борта кузова были украшены резной резьбой (Синицын, Эрдниев, 1963. С. 33, 34).

Наличие повозки отчетливо связывается со специальным оформлением ямы/шахты: в 50,0% погребений с повозками ямы/шахты имели вогнутые стенки, в 22,2% — ямы по четырем углам под колеса повозки.

Редко прослеживаемые конструктивные особенности повозок и упряжи (трехчастные сплошные колеса с выступающими ступицами в средней доске на неподвижных осях; решетчатый кузов, крепящийся к раме с крестовиной; дышло-рогатина) в целом соответствуют данным о повозках более раннего времени в Прикубанье и более западных регионах (Романовская, 1982; Избицер, 1993; Гей, 2000. С. 175–191).

По концентрации индивидуальных погребений с повозками выделяются памятники Веселая Роща III (17,8% комплексов), Ергенинский (16,0%) и Чограй VIII (10,3%). Полностью отсутствуют повозки в трех памятниках: обоих Восточноманычских Левобережных могильниках и Чограе II.

Отметим, что кроме находок деревянных повозок в выборке имеется два случая находок небольших (диаметром 7–8 см) глиняных моделей колес с выступающими ступицами (Веселая Роща II к. 02 п. 03, два экземпляра; Элистинский к. 27 п. 01, один экземпляр). Находки подобных колес и глиняных моделей повозок (модель повозки — по-видимому, двухколесной крытой «арбы» — встречена в восточноманычском «кенотафе» Элистинский к. 05 п. 08)³⁸ на изучаемой территории гораздо шире представлены в северокавказских и раннекатакомбных погребениях (Шишлина, 2007. С. 183, 184; Калмыков, 2012).

Е. Личные украшения

Украшения, составлявшие наряд погребенных, встречены в 123 индивидуальных погребениях (25,3%). Весь массив украшений можно разделить на «штучные» (височные кольца, встречающиеся в погребениях в 1–3 экземплярах) и «наборные» (ожерелья, браслеты и пояса).

Е1. Металлические височные кольца «каплевидной» формы с заходящими друг за друга концами диаметром 1–2 см (группа 2 тип II «овальные кольца в один оборот с заходящими друг за друга уплощенными концами» и тип III «овальные кольца в полтора оборота с расплюснутыми концами» в классификации Е.И. Гака (2005б. С. 94)³⁹) присутствовали в 4,5%, 22 комплексах выборки индивидуальных погребений (табл. 44, илл. 49; 54, 1, 2). Основным материалом служила бронза (17 комплексов), редко — драгоценные металлы: золото (три комплекса) и серебро (два комплекса); один раз материал определен автором раскопок В.П. Шиловым как сурьма (Ергенинский к. 05 п. 08).

Кольца всегда располагались в области черепа погребенного, по одному (11 случаев) или два (10 случаев). Парные кольца изготовлены из одного и того же материала. Лишь в одном комплексе (Ергенинский к. 10 п. 02) встречены три кольца, причем одно золотое и два серебряных.

Височные кольца из восточноманычских погребений следует относить к числу престижных украшений-знаков, отмечавших особый личный статус погребенного. В этом отношении показательно, что кольца зафиксированы не во всех восьми представительных памятниках, причем они отсутствуют не только в бедных бронзовым орудиим инвентарем индивидуальных погребениях памятников (Восточноманычский Левобережный II, Элистинский), но и в памятниках сравнительно в этом отношении

³⁸ Аналогичная модель происходит из не вошедшего в нашу выборку «жертвенного места» или «кенотафа» восточноманычской культуры Три брата к. 09 (Синицын, 1948; Шилов, 1984). Деревянная двухколесная арба с дышлом обнаружена в манычском погребении 32 Большого Ипатовского кургана (Кореневский и др., 2007. С. 41, рис. 23).

³⁹ По нашим данным, кольца типа III также могли иметь уплощенные желобчатые в сечении концы, как и кольца типа II.

богатых (Архаринский, Веселая Роша III)⁴⁰. По концентрации погребений с металлическими височными кольцами в нашей выборке резко выделяется Ергенинский могильник (20,0 %).

Е2. Наборные украшения, встреченные в 116 (23,9%) индивидуальных погребениях, формировались из бус, подвесок, пронизей и колец. Основными материалами наборных украшений (по частоте встречаемости) были фаянс (паста) (10,9% комплексов), бронза (9,1%), кость (8,4%), сердолик (5,6%). Существенно реже использовались гагат (гешир) и раковина (1–2%) (табл. 48, илл. 55, 56). По месту нахождения на скелетах людей наборные украшения могут быть разделены на ожерелья, ручные браслеты и пояса.

Из *фаянса* различной окраски — белого, желтого, голубого — изготавливались небольшие (диаметром около 5–7 мм) бусы (дисковидные, бочонковидные), входившие в состав преимущественно ожерелий, а также мелкий (диаметром 1–2 мм) бисер, регулярно встречающийся в районе таза и поясничных позвонков погребенных и чаще всего представлявший собой украшение (нашивное?) пояса⁴¹. Изредка бисер имел не шаровидную, а фигурную форму — украшался округлыми («бородавчатый бисер») и коническими («рожковый бисер») выступами (илл. 54, 8, 18, 19). Иногда несколько неразделенных фаянсовых бус-бисеренок образовывали трубчатую пронизь (о технологии изготовления фаянсовых украшений из погребальных памятников Калмыкии эпохи бронзы см.: Shortland et al., 2007; Шишлина и др., 2010).

Бронзовые бусы и пронизи, встреченные в ожерельях и браслетах, по вариативности размеров и форм близки к фаянсовым, включая бисер⁴². Более правильно, впрочем, говорить о близости пастовых бус и пронизей к бронзовым, поскольку производство и распространение фаянсовых украшений, выполненных в подражание традиционным бронзовым, падает именно на время восточноманычской культуры (Shortland et al., 2007. Р. 282). Основные формы бронзовых бус — шаровидная, бочонковидная, биконическая; редко встречающиеся формы — цилиндрическая и фигурная (тип V «удлиненные с профилем птичьей головки» и тип VII «прямоугольные с В-образным профилем» в классификации Е.И. Гака). Еще реже встречаются трубчатые пронизи — гладкие и в виде неразделенных бус («простые» и «многовитковые» по терминологии Е.И. Гака); единичны находки трубчатых пронизей, украшенных с двух сторон продольными рядами шариков. Практически выходят из употребления бронзовые подвески, широко распространенные в раннекатакомбное время. Единичны находки простых (не витых) стерженьков-подвесок с шариком на конце, маленьких дисковидных медальонов (илл. 54, 3), маленьких орнаментированных плоских прямоугольных и трапециевидных подвесок. Эти находки являются своего рода «реминисценцией», отмечающей первую половину существования восточноманычской погребальной традиции. Ярким примером сохранения семейно-родовых драгоценностей после смены основных обрядовых парадигм (формы могильного сооружения, позы умершего) на восточноманычские является набор бронзовых украшений в комплексе Веселая Роша II к. 02 п. 03, включавший 3 крупных орнаментированных дисковидных медальона и большую орнаментированную подвеску-амулет в виде овальной ложки.

⁴⁰ Впрочем, в Архаринском имеется два, а в Элистинском — одно совместное погребение, где у одного из погребенных были височные кольца.

⁴¹ Ощутимого разрыва в параметрах между бусами и бисером нет, переход, скорее всего, был плавным. Тем не менее, сочетание в рамках одного комплекса фаянсовых бус различных размеров, как правило, не наблюдается.

⁴² Е.И. Гак проводит границу между бронзовыми бусами и бисером из катакомбных погребений на отметке $L = 0,5$ см (Гак, 2005б. С. 105). Бусы из восточноманычских погребений в основном не превышают по длине 0,5–0,7 см. Большие бусы ($L \geq 1$ см) встречаются редко и в единичных экземплярах.

Украшения из кости (илл. 54, 6, 7, 9–11). Основной вид украшений — костяные кольца и (реже) пронизи, обнаруживаемые в погребениях как в единичных экземплярах, так и в виде низок, чаще всего на костях рук, реже — в области шейных и грудных позвонков. Как правило, они нарезались из трубчатых костей животных (мелкого рогатого скота?) и лишь слегка подшлифовывались, сохраняя в сечении форму кости. Достаточно очевидно их отличие от полированных прямоугольно-профилированных костяных колец из северокавказских и раннекатакомбных погребений. Костяные пронизи с резным геометрическим орнаментом чрезвычайно редки (причем есть вероятность, что это не пронизи, а обоймы рукоятей орудий).

Изредка встречаются костяные подвески в виде шариков на «ножке» (подражание бронзовым подвескам-стерженькам, распространенным в довосточноманычское время и практически не представленным в восточноманычских погребениях), костяные бусы и даже бисер (последнее требует проверки) (подражание? синхронным бронзовым и фаянсовым изделиям). Редчайшей находкой являются костяные пластинки — поясные бляшки (нашивки?) (всего 36 экземпляров) в форме параллелограмма с отверстиями по углам, украшенные по внешней слегка выпуклой поверхности резным геометрическим орнаментом (Чограй I к. 03 п. 06).

Украшения из сердолика представлены бусами дисковидной и бочонковидной формы, а также сравнительно редко (не более 3% комплексов) встречающимися в количестве 1–2 экземпляров плоскими «секторовидными» подвесками (илл. 54, 4, 8, 16).

Из *гагата* изготавливались бочонковидные бусы, из *раковины* («перламутра») — бусы дисковидные и плоские неправильной формы⁴³.

Следует подчеркнуть, что, судя по небольшому числу бус и редкости находок подвесок и пронизей, в абсолютном большинстве случаев состоявшие из них ожерелья и браслеты были «неполными» и к тому же собранными из различных материалов. Нередко число обнаруженных в погребении бус не превышало 10. Самое большое количество (по нескольку сотен) фаянсовых бус (не бисера!) в ожерельях дали некоторые погребения Лолинского I и Архаринского могильников: например, комплекс Архаринский к. 28 п. 05 содержал 1540 пастовых и 30 сердоликовых бус (очевидно, числа округлены; Синицын, Эрдниев, 1963. С. 98). Сердоликовые бусы были представлены в комплексах во внушительном количестве (по нескольку десятков) в Лолинском I, Архаринском и Ергенинском могильниках. Наконец, ожерелья из значительного (около или более 100) числа бронзовых бус представляют собой исключительно редкую находку (в нашей выборке это комплексы Ергенинский к. 05 п. 08 и Чограй VIII к. 28 п. 02).

Рассматривая присутствие наборных украшений в индивидуальных погребениях восьми памятников (табл. 48, илл. 55, 56), можно отметить, что украшения эти существенно чаще представлены на четырех богатых погребальным инвентарем памятниках — Ергенинском (60% комплексов), Веселой Роше III (44,4%), Архаринском (42,1%), Чограе VIII (34,5%). Ергенинский могильник превосходит все остальные по относительному количеству комплексов с украшениями из фаянса, бронзы и сердолика. Чограй VIII выделяется высокой концентрацией комплексов, где представлены костяные кольца и пронизи.

Сравнивая наборы украшений из восточноманычских погребений с аксессуарами костюма носителей предшествующих культур, нельзя не констатировать присущие

⁴³ Любопытно, что в совместном погребении Грушевка I к. 11 п. 06 (илл. 61), которое по ранним чертам (форма катакомбы, форма курильницы) можно относить к самому началу восточноманычского времени, встречена круглая подвеска из раковины с отверстием (илл. 54, 5). Аналогичные подвески происходят из лолинских погребений, и Р.А. Мимоход связывает их появление в Лоле с влиянием Северо-Восточного Кавказа, где аналогичные украшения представлены в памятниках гинчинской культуры, синхронной, в целом, восточноманычской (Мимоход, 2013. С. 205, 206, илл. 78, 10–14; Магомедов, 1998. Рис. 125, 42–52, 71).

изучаемым нами более поздним изделиям, с одной стороны, явную упрощенность и художественное несовершенство, с другой — своего рода «провинциальность» (отрыв от многовековых кавказских ювелирных традиций). Это проявляется в малочисленности состава наборных украшений (распространенность «неполных» ожерелий, браслетов, поясов); в отсутствии крупных и вычурных форм подвесок и пронизей, не говоря уже о полном исчезновении бронзовых и роговых булавок; в тяготении к мелким формам бус; в понижении качества отделки костяных колец и пронизей; в сокращении доли металлических украшений и замене их украшениями из фаянса. Последнее, впрочем, так же, как и производство и использование фаянсового, бронзового и костяного (?) бисера, является инновацией именно позднекатакомбного времени. Отмеченный «упадок» ювелирного дела сопровождался, следовательно, и некоторыми достижениями.

Ж. Следы органических подстилок и покровов, красок и огня

Ж1. Следы органических подстилок и покровов отмечены в 112 (23,0%) индивидуальных погребениях выборки. Состояние исходной документации, однако, позволяет предполагать, что реально подобные артефакты присутствовали в значительно большем числе комплексов.

Благодаря проекту, организованному Н.И. Шишлиной, была многосторонне исследована значительная серия образцов органики из погребений эпохи ранней и средней бронзы Калмыкии. Установлено, что основным сырьем текстильных (в широком смысле, включая не только тканые, но и плетеные артефакты) изделий было растительное волокно, но начиная с эпохи средней бронзы (восточноманычская культура) «степняки начали осваивать шерсть» и «вероятно, овладели уже техникой валяния, а возможно, и ковротокачества» (Шишлина, 1999. С. 34).

Стандартный обряд предполагал наличие в могильной камере *подстилки* из органического (растительного — трава, камыш, растительное волокно — и животного — шкура/кожа) материала под погребенным. В особых случаях использовалась ткань и войлок. Следы *покровов* из растительных материалов встречаются на перекрытиях могильных сооружений (Зунда Толга I к. 01 п. 01), в оформлении стен могил и в конструкциях балдахин (Цаган Усн VIII к. 01 п. 03), внутри повозок (в виде рулонов: Веселая Роща III к. 23 п. 03, Элистинский к. 08 п. 07), на останках погребенных (саван). Все эти варианты покровов — по одному и в различных комбинациях — представлены только в неординарных погребениях. Также только в погребениях, отмеченных местоположением и/или размерами и проработкой деталей могильного сооружения, и/или количеством погребального инвентаря, присутствуют плетеные циновки и ткани, что говорит о материальной ценности этих артефактов для носителей восточноманычского погребального обряда. Наиболее концентрированно они (как и в целом следы органических покровов и подстилок, включая «камышовые прослойки» на поверхности выкидов (к. 10) и на слоях насыпи под «жертвенниками» (к. 06)) представлены в Ергенинском могильнике.

Ж2. Следы красной краски (охры) отмечены в 74 (15,2%) индивидуальных погребениях (табл. 47, илл. 52). Вероятно, в действительности процент присутствия краски должен быть выше — более 20% (предположительно, в документации раскопок 60-х годов эта информация могла быть частично утрачена).

Окрашенными, главным образом, оказывались останки погребенного (43 комплекса; 8,8%). Реже на дне могильных камер отмечались пятна охры отдельно от останков (иногда — под предметами инвентаря) (28 комплексов; 5,8%). Еще реже (14 комплексов; 2,9%) краска была представлена в виде куска минерала.

По-видимому, чаще всего окрашивались стопы или стопы и голени погребенного, причем делалось это на месте, после помещения останков в могилу. Реже следы краски отмечались на черепе (как правило, без указания точного местоположения), еще реже — на других (помимо голеней и стоп) частях посткраниального скелета. К числу следов рисунков охрой на теле погребенного (возможно, нанесенных прижизненно и не связанных, таким образом, с погребальным ритуалом) отнесем несколько зафиксированных случаев маленьких пятен охры на костях: Веселая Роща III к. 16 п. 01 (на эпифизе бедренной кости детского скелета «пятнышко вишнево-красной охры»); Цаган Усн III к. 01 п. 15 («на черепе на лбу след охры»); Чограй VIII к. 12 п. 03 («пятна охры на нижней челюсти погребенного»).

Даже имея дело с недостаточно четкими, плохо поддающимися формализации описаниями следов охры в комплексах нашей выборки, можно понять, что способ использования охры в восточноманычском погребальном ритуале представлен множеством вариантов и более «ситуативен», чем набор погребального инвентаря, на отдельных предметах которого, кстати, также иногда отмечены пятна охры.

Очевидно, что следы охры существенно чаще встречаются на богатых орудийным инвентарем памятниках (от 37,8% комплексов в Веселой Роше III до 28,0% в Ергенинском), чем на бедных (от 12,0% комплексов в Чограе II до 1,3% в Восточноманычском Левобережном II). Из этого можно заключить, что частота использования красной краски также является индикатором материального благосостояния различных коллективов⁴⁴. Интересно, что в памятниках с большим числом комплексов со следами охры преобладающие способы использования этой краски были разными: в Веселой Роше III чаще всего зарегистрирована окраска голеней и стоп погребенных, в Ергенинском — пятна охры отдельно от останков.

ЖЗ. Следы мела. Что касается следов мела, то в наших источниках они задокументированы еще хуже, чем следы охры, отчасти из-за сложности отличить в полевых условиях естественные образования (заизвесткованность дна, продукты разложения органических подстилок) от искусственной подсыпки мела. Так же, как и охра, мел представлен в виде порошкообразной массы (пятна, прослойки) и в кусках (крайне редко, например, шаровидный кусок мела из Чограя I к. 03 п. 06).

Как правило, останки погребенного не посыпались мелом, однако иногда мел мог находиться на дне камеры под органической подстилкой, на которой лежал скелет, занимая, таким образом, значительную площадь. Выразительный случай — Цаган Усн III к. 01 п. 15: частично расчлененный скелет лежал на органической подстилке зеленого цвета, под которой был слой мела; куски мела обнаружены также в головах погребенного (Арапов. Отчет 1987). Абсолютно уникальным на этом фоне является случай мощной посыпки мелом останков погребенного в Цаган Усн VIII к. 01 п. 03: «все кости человека были покрыты толстым слоем мела, достигавшим у костей ног 4–5 см». Погребенный лежал на настиле из толстых деревянных плах. Сверху плахи были окрашены мелом и красной краской, присыпаны угольками (Шишлина, 1991. С. 124). Отсутствие значительных пятен охры в этом погребении (не считая бело-красной росписи помоста-ложа), имевшем весьма сложную могильную конструкцию (фигурная яма с заплечиками и подбоями, со сложной системой перекрытий) и включавшем богатый инвентарь, в то время как в большинстве погребений с охрой, напротив, не было следов мела, наводит на мысль о существовании знаковой бинарной оппозиции «охра» - «мел» («огонь» - «вода»?).

⁴⁴ Полное отсутствие следов охры в погребениях Архаринского могильника, причем не только в индивидуальных, но и в совместных, а также в «кенотафах», может уверенно связать с недостатками полевой фиксации в ходе первых больших «новостроечных» работ в начале 60-х годов.

На пятнах мела, так же, как на охристых пятнах, мог располагаться инвентарь. В Чограе VIII к. 05 п. 01 большой камень, содержащий слой мела между расколотыми частями, был положен на «слой угля и мела» (Андреева, 1989. С. 42).

Ж4. Следы огня достоверно представлены единичными яркими случаями. Помимо упомянутой находки угольков на раскрашенном охрой и мелом помосте под погребенным в Цаган Усн VIII к. 01 п. 03 и «слоя угля и мела» под камнем в Чограе VIII к. 05 п. 01, в нашей выборке имеются два комплекса с явными следами огня. В основном погребении (п. 01) самого большого кургана (к. 11) Ергенинского могильника «в углу входной ямы... обнаружены следы копоты от сгоревшего деревянного предмета»; обнаруженный в камере реповидный сосуд «был поставлен на костер. В результате оказались закопченными дно и стенки сосуда, а также западная стенка камеры над входом» (Шилов. Отчет 1985–1986. С. 13, 15). В Веселой Роще II к. 02 п. 09 внутри могильной ямы была возведена деревянная конструкция — столбики поддерживали перекрытие; в заполнении ямы отмечено «большое количество золы и угля»; следы огня зафиксированы и на дне; в результате автор раскопок приходит к выводу, что «деревянное сооружение было сожжено» (Романовская. Отчет 1978. С. 17). Напомним, что находки угольков в некоторых курильницах также указывают на использование огня в погребальной церемонии.

2.2. СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

(67 комплексов, 10,8% общей выборки)

Совместные погребения включали останки двух и более индивидуумов (илл. 57–61). В 55 совместных погребениях положение умерших (117 индивидов) в одной камере — явное (в могильном сооружении в материке) или реконструируемое (рядом и на одной глубине в насыпи) — позволяет с большой долей вероятности предполагать синхронность упокоения останков (трупоположение). Девять погребений (19 индивидов) содержали парциальные захоронения, причем в восьми из них парциальные останки одного погребенного сочетались с трупоположением второго. Судя по четкой организации пространства камеры и аккуратной сложенности костей эскарнированного скелета, и в этих случаях можно говорить о синхронности захоронений⁴⁵.

В оставшихся трех погребениях (7 индивидов) можно предполагать кумулятивный характер комплексов (синхронность, впрочем, также не исключается)⁴⁶.

Можно отметить, что совместные погребения представлены в основном (90%) двойными захоронениями; лишь десятую часть подобных погребений составляют комплексы с 3 и 4 погребенными в одной камере (соответственно, в учтенных материалах — пять и два случая). Нельзя не признать, что в целом возрастной состав погребенных совместно выглядит гораздо более «нормально» за счет резкого увеличения доли трех младших групп, составляющих в сумме половину погребенных индивидуумов, в то время как среди индивидуальных погребений доля тех же младших групп — менее четверти (табл. 29, илл. 24)⁴⁷.

Столь же отчетливо в совместных погребениях увеличивается доля парциальных захоронений останков: в нашей выборке учтено восемь случаев погребения эскарнированных костей и один случай погребения с «рассечением птомы» (13,4% совместных

⁴⁵ Рассмотрение этих комплексов приводится в разделе 5.

⁴⁶ Восточномамыцкий Левобережный I к. 15 п. 02, Чограй II к. 16 п. 11, Китаевка к. 06 п. 03. Подробно состав этих комплексов разобран в разделе 3.4 «Ярусные могильные сооружения (“склепы”)».

⁴⁷ Анализ половозрастных комбинаций и расположения погребенных в одной камере, а также характеристика выделяемых групп содержится в разделе 4.2 «Совместные погребения».

погребений против 2,7% индивидуальных). Во всех случаях эскарнации и рассечению подвергались останки взрослых людей.

По целому ряду фундаментальных обрядовых признаков: соотношению основных и впускных погребений, видов и форм могильных сооружений; распределению сооружений по секторам курганов и ориентировок входных шахт катакомб/могильных ям (табл. 7, 11, 13, 16, 24, 27, 28, илл. 9, 17, 21) — совместные погребения принципиально не отличаются от индивидуальных. По площади шахт/ям первые, как правило, превосходят вторые, но сравнительно незначительно (табл. 18, 19, илл. 14, 15).

В двойных погребениях, где нерасчлененные останки уложены параллельно друг другу головами в одном направлении (46 комплексов, 68,7% выборки совместных погребений) преобладают, как и в индивидуальных, ориентировки на Ю (47,8%) и В (23,9%), но отсутствуют ориентировки на З и СЗ.

Как нюансы (возможно, важные) в сравнении с индивидуальными погребениями следует отметить большую долю заглубленных в материк конструкций (соответственно, 87,9% против 71,7%, табл. 9), ямных могильных конструкций (41,1% против 32,5%, табл. 13), Т-катакомб (26,7% против 18,9%, табл. 27), ориентировок входа в камеру на З (23,3% против 11,6%, табл. 28).

Системное отличие наблюдается в видимом «богатстве» инвентаря совместных погребений (табл. 50–54, илл. 62–66). Доля совместных погребений с теми или иными категориями инвентаря превосходит таковую у индивидуальных практически по всем показателям. Полностью отсутствуют лишь бронзовые тесла и долота (напомним, что они обнаружены в 1,9% индивидуальных погребений), причем было бы неверно, вероятно, объяснять это отсутствие малым размером нашей выборки совместных погребений, где процент комплексов, содержащих бронзовые ножи и стержни, возрастает в полтора раза, крюки — более чем в два с половиной раза по сравнению с индивидуальными. Отметим, что среди крюков (всего 5 экз. в пяти совместных погребениях) имеется даже редкий экземпляр «двузубой» вилки (Элистинский к. 08 п. 06). Бронзовые иглы, являющиеся большой редкостью в индивидуальных погребениях, в выборке совместных захоронений не представлены.

Уникальной находкой в совместном погребении Веселая Роща I к. 03 п. 03 (Державин, Тихонов, 1981) является «комплект металлопроизводственных инструментов», включавший «оборудование плавки, литья (тигель, две двустворчатые формы для отливки втульчатых топоров) иковки (молотки, наковаленки) металла, а также правки и отделки готовых металлических изделий (абразивы)» (Гак, 2011. С. 70–71).

Кажется важным подчеркнуть экстраординарность данного комплекса для погребальной традиции восточноманычской культуры. Очевидно, в массе своей кузнецы-металлурги либо погребались по общему для всех обряду и не снабжались профессиональным инструментарием, либо захоранивались вне курганов⁴⁸.

Дискуссионен вопрос о роли единственного экземпляра каменного оружия в совместных погребениях нашей выборки. Это находка каменной булавы с четырьмя выступами в парном погребении Чограй IX к. 05 п. 05. По описанию руководившего раскопками комплекса Г.П. Павловича, булава находилась «в спине погребенного и, судя по сдвинутым ребрам, попала туда, когда ткань тела еще не разложилась»; отмечено также повреждение позвоночника погребенного (мужчины?) от удара булавой. В результате делается резонное заключение, что данная находка не может быть безоговорочно отнесена к погребальному инвентарю (Андреева, Ульянова. Отчет 1986. С. 66–67).

⁴⁸ Катакомбные погребения «литейщиков» очень редки. В сводке Е.И. Гака по катакомбному металлу Нижнего Подонья, Северского Донца и Степного Предкавказья приводятся данные о семи комплексах (Гак, 2005б. С. 51). Тем не менее, пристальное внимание к этим важным комплексам повлияло на формирование представлений об их «типичности» для катакомбного обряда.

Вопреки ожиданиям, число находок каждой категории инвентаря в совместных (большей частью двойных) погребениях не удваивается. Расширяются только наборы керамической посуды (до 10 экземпляров в комплексе; максимальное число сосудов в индивидуальных погребениях — 5) (табл. 38, илл. 32). Состав форм, в основном, соответствует таковому в индивидуальных погребениях. В больших наборах, чаще сопровождающих совместные погребения взрослых и детей, встречаются миниатюрные «детские» кружечки, мисочки и баночки, которые, как правило, не клали в индивидуальные детские погребения.

Наконец, следует сказать, что совместные погребения органично вписываются в структуру могильников, не определяя и не нарушая последнюю сколько-нибудь явным образом, не группируясь по отдельным курганам (в десяти курганах было по два совместных погребения, в остальных 47 — по одному). При этом единственными восточноманычскими комплексами в курганах совместные погребения бывают чуть реже (всего шесть случаев, 9,0%), чем индивидуальные (14,2%). Рассматривая распределение комплексов по памятникам (табл. 6, илл. 3) можно убедиться, что количество совместных погребений колеблется незначительно, отклоняясь от 10,8 % в общей выборке на 3–4% в обе стороны, что свидетельствует о регулярности совершения обряда. Это, в свою очередь, является важным аргументом для заключения об особом, жертвенном, или *погребально-жертвенном* характере совместных синхронных погребений по обряду трупоположения.

2.3. КОМПЛЕКСЫ БЕЗ ОСТАНКОВ ЛЮДЕЙ

В начале 90-х годов В.И. Мельник кратко охарактеризовал два основных вида специфических (не содержащих останков людей) комплексов ряда катакомбных культур (главным образом — предкавказской/манычской) северокавказского региона (Мельник, 1991. С. 45–55). Речь шла о так называемых кенотафах и жертвенниках.

Терминологически кенотаф определяется как «погребение, в котором погребальное сооружение морфологически соответствует стереотипу (конкретного) некрополя, но не содержит останков умершего или содержит его символического заместителя» (Смирнов Ю.А., 1997. С. 176). Хотелось бы подчеркнуть, что использование греческого слова «кенотаф» (дословно — «пустая могила») при составлении первичного описания материалов раскопок и в процессе источниковедческого анализа не представляется вполне нейтральным для последующей исторической реконструкции, поскольку невольно акцент делается только на одном (погребальном) аспекте изучаемых комплексов, и, соответственно, последние автоматически включаются в разряд погребений. Вместе с тем, с не меньшим основанием (а для ранних эпох — пожалуй, с большим) подобные «кенотафы» могут рассматриваться как жертвенные комплексы.

Вместе с тем, принятое в современной археологической литературе деление курганных культовых комплексов на могильные и жертвенные отнюдь не всегда может быть однозначно соотнесено с действиями погребальными — с одной стороны, и жертвоприносительными — с другой. На принципиальную невозможность разделения этих действий настойчиво обращала внимание коллег-археологов Е.В. Антонова, исследовавшая данную проблему на материалах раннеземледельческих памятников Месопотамии с опорой на данные письменных источников (Антонова, 1999, 2005). Опираясь на генерализирующее наблюдение В.Н. Топорова, что «предметная сфера обряда похорон не отличается заметно от таковой в любом жертвоприносительном обряде» (Топоров, 1985. С. 90), исследовательница заключает, что «инвентарь погребений может указывать на практику жертвоприношений вообще», а «положенный с умершим

инвентарь предназначался не только ему, но и обитателям того света» (Антонова, 2005. С. 67). В качестве еще одного примера отметим, что о сложности однозначного определения назначения некоторых комплексов из могильников энеолитических культур Юго-Восточной Европы (Кукутени-Триполье, Гумельница, Тисаполгар — Бодрогкерестур) писала Л.И. Авилова, акцентировавшая внимание на жертвоприносительном характере так называемых культовых ям и кенотафов (Авилова, 1986).

В отличие от термина «кенотаф», сохраняющего свое значение («символическое погребение») в целом неизменным при рассмотрении погребальных памятников различных эпох и культур, термин «жертвенник» приобрел узкоспециальное значение применительно к древностям степных предкавказских курганов. В данном контексте он (в противоречии с толкованием словарей русского литературного языка) обозначает определенный набор костей крупного и мелкого рогатого скота — череп/нижняя челюсть и/или нога/ноги, компактно уложенных вместе. Подобные «жертвенники» могут находиться и в погребениях, и в «кенотафах», а также образовывать самостоятельные жертвенные комплексы на перекрытиях могильных конструкций, на выкидах, на слоях насыпи, а также в специальных ямах.

Понятно, что поскольку «кенотафы» и «жертвенники» выделены на разных основаниях (в первом случае основной признак — форма сооружения, во втором — присутствие определенных костей животных), возникает проблема их разделения, усугубляемая невозможностью проследить вмещающую конструкцию в насыпи кургана (полемику по этому вопросу см.: Мельник, 1991. С. 54). Тем не менее, в полевой практике археологи, исследующие курганные памятники Северо-Восточного Предкавказья, в большинстве случаев определяют внутри этой дилеммы вид вновь открытого культового комплекса катакомбного времени, руководствуясь тремя показателями:

1. *Место расположения.* «Кенотафы» по определению фиксируются в материке (в насыпи контуры сооружения не прослеживаются), а характерные для погребений и «кенотафов» артефакты — посуда, курительницы, орудия, украшения — в насыпи самостоятельно (без захоронений) встречаются достаточно редко; «жертвенники» отмечаются на древнем горизонте и в насыпи).

2. *Вид животного.* Погребения и «кенотафы», как правило, содержат «жертвенники» из костей мелкого рогатого скота; жертвенные комплексы, в основном, включают кости крупного рогатого скота и, по некоторым наблюдениям, лошади.

3. *Состав наборов артефактов.* Единственным предметом, входящим время от времени в состав жертвенных комплексов предкавказской/манычской культуры, является курительница, в то время как «кенотафы» дают широкий спектр находок.

Возникают, однако, и затруднения, которые свидетельствуют о неадекватности имеющейся научной номенклатуры структуре источника. Тем не менее, поскольку число зафиксированных восточноманычских комплексов без останков людей в памятниках нашей общей выборки невелико, попытаемся рассмотреть их в рамках двух традиционно выделяемых групп, оговаривая сложные моменты.

2.3.1. «Кенотафы»

В общей выборке имеется 67 (10,8%) комплексов, которые могут быть рассмотрены в восточноманычском культурном контексте как «кенотафы» (табл. 6, илл. 3, 67–69)⁴⁹. Придонная часть сооружений 60 комплексов была выявлена в материке, двух комплексов — на уровне древнего горизонта или чуть ниже его, пяти комплексов — в кур-

⁴⁹ В двух комплексах, рассматриваемых в этом разделе как «кенотафы», были обнаружены несколько фаланг детских скелетов (Чограй VIII к. 13 п. 03 и Чограй III к. 02 п. 04). В разделе 5 эти же комплексы рассматриваются как парциальные погребения. Однозначно определить характер комплексов в настоящее время невозможно.

ганной насыпи. Понятно, что последние семь комплексов включены в группу условно. Все пять курганов, содержавшие эти семь комплексов, включали также восточноманычские погребения.

Комплекс «на древнем погребенном почвенном слое» к западу от основного ямного погребения (Лола I, к. 12 к. I) включал кости двух особей крупного рогатого скота, а также глиняную курильницу, 4 глиняных сосуда, бронзовый нож, 2 бронзовых стержня, костяную проколку, клык медведя (? — М.А.), 3 каменные, 1 сердоликовую и большое количество (около 170 экз.) пастовых бус, разбросанных по дну вмещающей конструкции, которая представляла собой плохо выявлявшуюся яму диаметром 1,65 м. И.В. Сеницын отнес данный комплекс к числу жертвенных (Сеницын, Эрднеев, 1963. С. 22–23), однако большой набор артефактов позволяет рассматривать его и как «кенотаф».

В группу «кенотафов» включен нами и комплекс Цаган Усн IV к. 01 ж. 1/к. I, также рассмотренный автором раскопок как жертвенный (см. Приложение). Он находился рядом с условно основным восточноманычским погребением 5, к Ю от него. Контуры сооружения в верхнем слое погребенной почвы в плане прослеживались плохо, однако сочетание фрагментированного плана и разрезов (в профилях основной бровки) позволяет полагать, что это была характерная восточноманычская фигурная яма с углублениями по углам и крестовиной-подиумом в центральной части, ориентированная по странам света. «На возвышении помещения» обнаружены каменные орудия (пест, ступка и «терочник» или небольшой пест), а также «козлиный рог» со следами обработки (илл. 123, 124).

Отметим, что аналогичные «жертвенники» из костей крупного рогатого скота и явно престижные артефакты (бусы из сердолика и «камня» (без уточнений), каменная ступка в виде круглого диска с углублением в центральной части) из двух этих комплексов в других «кенотафах» нашей выборки не встречены.

Остальные пять комплексов, как сказано выше, обнаружены в насыпях курганов.

Первый комплекс, обнаруженный в том же кургане (Цаган Усн IV к. 01), к В от условно основного восточноманычского п. 05, названный «находкой в насыпи» (нвн/к. III) (илл. 125), состоял из развалов двух сосудов и фрагмента курильницы.

Второй комплекс в курганной насыпи (Веселая Роща III к. 26 ж. 1) к З или СЗ от основного северокавказского погребения состоял из сосуда, фрагмента курильницы и небольшого камня-песчаника «неправильной формы»; рядом с сосудом отмечено пятно красной краски (Державин, 1989. С. 141).

Третий комплекс (Веселая Роща III к. 16 к. I) располагался в насыпи кургана к Ю от основного северокавказского погребения и включал в себя курильницу, сосуд и «кости овцы» («две задних ноги и череп, положенный на них сверху») (Романовская. Отчет 1978. С. 131).

Четвертый комплекс (Элистинский к. 08 к. I) обнаружен к ЮВ от основного погребения. «В насыпи кургана обнаружена зольная масса, занимающая площадь до 1 м в диаметре. Среди зольной массы находились остатки перегнивших плах, три каменных орудия: небольшой... пестик... предмет в виде ступки... предмет в виде песта» (Сеницын, Эрднеев, 1971. С. 72). Любопытно, что набор орудий идентичен вышеописанному комплексу-«кенотафу» Цаган Усн IV к. 01 ж. 1/к. I.

Последний комплекс (Элистинский к. 08 п. 07) находился к Ю от основного северокавказского погребения, «на 2 м выше древнего горизонта» и состоял из деревянной крытой повозки, внутри которой был найден бронзовый четырехгранный «пробойник» в виде шила с тупым концом и «костяной предмет в виде полой трубочки конусовидной формы». Повозка была ориентирована по линии С–Ю (Сеницын, Эрднеев,

1971. С. 75). Формально отнести этот комплекс к «кенотафам» мешает отсутствие доказательств, что повозка не была поставлена на слой насыпи без создания ямы. Однако, исходя из общекультурного контекста и имеющегося предельно краткого описания структуры насыпи, и наличие ямы, и соответствие ее стандарту могильных сооружений представляется наиболее вероятным.

Выше отмечалось, что новацией, внесенной носителями восточноманычской погребальной традиции, было появление значительных серий погребений в теле курганной насыпи. Вероятно, это «освоение» насыпи как вмещающего объема проявилось и в создании в ней комплексов, аналогичных «кенотафам» в материке.

Рассмотрев спорные случаи, обратимся к общей характеристике нашей выборки.

Так же, как и погребения, «кенотафы» могут быть основными (6/9,0%) и впускными комплексами (табл. 7). Есть свидетельства, что при впускных «кенотафах», так же, как и при впускных погребениях, совершались досыпки насыпи (например, Восточноманычский Левобережный I к. 60). В кургане, как правило, находилось один-два «кенотафа». Исключение представляет к. 03 Островного могильника, где было зафиксировано семь «кенотафов» (своеобразие этих комплексов рассмотрено ниже) и к. 01 Цаган Усн IV, где кроме двух вышеописанных «кенотафов» имелся еще один — в материке (п. 03/к. II).

В пределах кургана впускные «кенотафы» чаще появлялись в контексте, образованном однокультурными погребениями⁵⁰. Напротив, при всех основных «кенотафах» нашей выборки отсутствовали впускные однокультурные «кенотафы» и погребения в материке. Два основных «кенотафа» (Архаринский к. 22 п. 01, Ергенинский к. 01 п. 01) были единственными комплексами в курганах. В двух курганах при основных «кенотафах» (Сухая Падина I к. 04 п. 02 и Элистинский к. 04 п. 04) имелось по одному восточноманычскому/лолинскому погребению в насыпи. В к. 30 Архаринского могильника основной восточноманычский «кенотаф» (п. 02) был перекрыт «кенотафом» же лолинского времени (п. 01). В к. 17 Архаринского могильника наблюдался любопытный случай «обратной» стратиграфии. Бесспорно, основной (выкид прослежен на древнем горизонте) «кенотаф» п. 02, (ранне)восточноманычская атрибуция которого устанавливается по особенностям катакомбного сооружения и посуде, сопровождался ямно-катакомбным погребением 3 (скелет взрослого человека лежал на спине скорченно головой на Ю; около левой руки находилось 5 орнаментированных роговых молоточковидных булавок с «сигаровидным» стержнем). Можно предположить, что речь должна идти не об «обратной» стратиграфии, а об отсутствии насыпи над совершенным ранее п. 03 и возведении ее после появления «кенотафа» п. 02. В насыпи имелось также лолинское погребение (01) (Синицын, Эрдниев, 1966. С. 77–78).

Сооружения «кенотафов» представлены ямами и катакомбами, причем в отличие от погребений оба вида сооружений представлены одинаково часто (табл. 13). Учитывая, что для «кенотафов» в ямах при отсутствии артефактов сложнее определить культурную принадлежность, можно полагать, что в действительности ям в группе «кенотафов» могло быть больше.

По форме как ямы, так и входные шахты катакомб у «кенотафов» близки друг к другу и к могильным конструкциям: это прямоугольные и квадратные ямы, изредка — фигурные, а также с заплечиками (табл. 16). Камеры катакомб, так же, как у погребений, расположены чаще параллельно, реже — перпендикулярно оси входной шахты, однако

⁵⁰ Шесть впускных «кенотафов», расположенных по кругу, содержал учтенный В.И. Мельником (и не вошедший в нашу выборку) курган (к. 02) из раскопанного в 1966 г. И.В. Синицыным памятника в районе Чограйского водохранилища (Синицын, Эрдниев, 1987б. С. 11–15). В связи с этим В.И. Мельнику предположил, что «имелись какие-то специальные курганы, где и совершались символические погребения» (Мельник, 1991. С. 41). Однако на сегодняшний день случай этот остается уникальным.

доля Т-катакомб увеличивается почти в два раза по сравнению с индивидуальными погребениями (табл. 27). Размеры «кенотафов» также не выходят за рамки стандарта погребений (табл. 20, илл. 16). Можно отметить их сравнительно меньшую площадь и меньший вариативный размах. Некоторые различия видны в таком показателе, как ориентировка конструкций (могильных ям и входных шахт катакомб). В обоих случаях ориентировка по сторонам света является преобладающей, однако перепад между основными и диагональными, меридиональными и широтными направлениями у «кенотафов» не столь ярко выражен (табл. 25, илл. 22). Входные шахты чаще, чем у погребений, ориентируются в широтном, а могильные ямы — в диагональном (СВ–ЮЗ) направлениях.

У катакомб заметно отличаются распределения ориентировок входов в камеру (по сравнению с погребениями увеличивается доля диагональных, ЮВ и СЗ, направлений), при сохранении, впрочем, ведущих ориентировок на В и С (табл. 28, илл. 23). Принципиально иной по сравнению с погребениями выглядит картина распределения «кенотафов» по секторам курганов (табл. 11): резко возрастает загруженность западного (почти в четыре раза) и северо-западного (больше, чем в полтора раза) секторов.

Особый случай представлен в нашей выборке к. 03 Островного могильника, содержащим, помимо четырех впускных материковых восточноманычских погребений, семь, по-видимому, однокультурных «кенотафов» (Шишлина и др., 2002). Из них четыре комплекса (погребения 07, 09, 17 и 38) находились к ВСВ, два комплекса (п. 25 и п. 31) — к ЗСЗ и один комплекс (п. 08) — к ЮВ от центральной части кургана, причем на приблизительно одинаковом расстоянии (10–11 м) от нее. Конструкции всех «кенотафов», за исключением п. 08, представляли собой ямы. Комплексы, находившиеся в восточной поле, были приурочены к краю второй насыпи. Своеобычно расположение в ряд группы четырех ям в северо-восточном секторе, ориентированных в направлении СВ–ЮЗ. И ориентировка («вдоль радиуса кургана»), и положение (в ряд) не свойственны восточноманычским погребениям. Это скорее заставляет вспомнить традицию укладки в ряд костей крупного рогатого скота в «жертвенниках», где иногда насчитывалось до 7–10 особей (например, в к. 06 Ергенинского могильника), причем именно на краю полы перекрываемой насыпи (см. ниже). По находкам жаровен (в п. 08 — в сочетании с типичным восточноманычским сосудом), более характерных для раннекатакомбной культуры, весь комплекс «кенотафов» в восточной поле следует относить к началу восточноманычского времени. Это не противоречит вероятной дате п. 27 — основного для перекрывшей кенотафы насыпи 3. В целом, можно считать этот памятник не типичным для «сложившейся» восточноманычской культуры и предполагать особый, отличный от большинства «кенотафов», характер описанных комплексов.

Лишь 13,4% «кенотафов» и 18,0% погребений (совместных и индивидуальных) не содержало (без учета следов органики и краски) находок — артефактов и костей животных.

Основные категории вещей, составляющие инвентарь погребений (глиняные посуда и курильницы, бронзовые ножи и стержни), встречаются и в «кенотафах», но, за исключением посуды, — существенно реже (табл. 50, илл. 62). То же можно сказать относительно орудий и предметов из камня (песты и ступки/наковальни) и кости, наборов украшений; реже встречаются и следы красной краски. Полностью отсутствуют височные кольца и престижные раритеты (бронзовые крюки, тесла, долота, иглы; каменное парадное оружие), за исключением деревянной посуды (табл. 51–54, илл. 63–66).

Таким образом, больший, по сравнению с погребениями, процент содержащих находки «кенотафов» «уравновешивается» меньшей концентрацией находок в отдельных

комплексах. Даже «кенотафы» с повозками (Лола I к. 04 п. 04; Ергенинский к. 10 п. 04 и Элистинский к. 08 п. 06) содержали минимум находок, что явно не характерно для погребений с повозками⁵¹.

Единственная категория находок, встречающаяся в «кенотафах» существенно чаще, чем в индивидуальных и даже совместных погребениях, — это кости животных (соответственно, в 22,4%, 13,0% и 14,9% комплексов). В основном, это кости мелко-го рогатого скота. Чаще всего отмечаются кости ног, редко — в сочетании с черепом или нижней челюстью и/или лопаткой, что позволяет предполагать присутствие как «жертвенников», так и «жертвенной пищи».

Два показателя — частота встречаемости керамической посуды и повозок — оказываются у «кенотафов» очень близки к индивидуальным погребениям (табл. 50, 53, илл. 62, 65).

Керамический комплекс «кенотафов» почти не отличается по количеству (в основном, 1–2 сосуда) и составу от погребального. Можно отметить, однако, что в «кенотафах» реже встречаются классические «реповидные» ($H < D$ тулова, $D \text{ дна} > 0,5 D$ тулова) сосуды (8,6% кенотафов и 14,6% индивидуальных погребений) (табл. 38).

Как уже отмечалось, престижные украшения — височные кольца — в «кенотафах» не встречаются, как и бронзовые бусы, а сердоликовые бусы встречены два раза по 1 экземпляру (Лола I к. 12 к. I и к. 18 п. 02). Представлены, в основном, дисковидные фаянсовые бусы, иногда — в больших наборах (Архаринский и Лолинский I могильники), сравнительно редко — костяные кольца (табл. 54, илл. 66).

Наблюдения над концентрацией «кенотафов» в представительных памятниках (табл. 6, илл. 2) приводят к выводу, что доля этих комплексов в различных памятниках различается существенно больше, чем доля совместных погребений. По числу «кенотафов» резко выделяется Архаринский могильник (5 из 26 комплексов общей выборки, причем 3 — основные в курганах).

Заканчивая обзор выборки «кенотафов», отметим следующие моменты.

1. Весьма вероятна функциональная неоднородность этой серии комплексов.

2. Несмотря на бесспорное морфологическое сходство конструкций «кенотафов» и погребений и единый, по существу, набор содержащихся в них предметов, наблюдается статистическое отличие в деталях: ориентировке и местоположении комплексов, представленности инвентаря. В связи с этим очевидно, что в приложении к нашим материалам, термин «кенотаф» должен определяться не через понятие «погребение», а через понятие *«жертвенно-погребальный комплекс»*.

3. Поскольку, как уже говорилось, могильные конструкции восточноманычской культуры предположительно представляли собой архитектурную модель повозки, возможно, в ряде случаев приношением являлась именно символическая повозка в виде «кенотафа»⁵². В этом случае и впускное квазимогильное сооружение, и содержавшиеся в нем приношения направлялись похороненным в кургане предкам/сородичам. Вместе с тем, практика возведения новых насыпей над основными квазимогильными

⁵¹ В Лоле I к. 04 п. 04 набор артефактов включал, кроме повозки, «лопатку коровы» и «бесформенный песчаниковый камень» (Синицын, Эрднеев, 1963. С. 14). Комплекс Элистинский к. 08 п. 06 описан выше. Комплекс вещей из «кенотафа» с повозкой Ергенинского могильника к. 10 п. 04 (илл. 67) — три керамических сосуда (из них два — реповидных), деревянный поднос, два бронзовых ножа, «кости ног барана», «перламутровые бусы» и пастовый бисер (Шилов. Отчет 1984. С. 14–16) выглядит внушительно на фоне наших выборок погребений и «кенотафов» и обедненно (из-за отсутствия раритетов) — на фоне погребений Ергенинского могильника.

⁵² Подобным образом, как сопровождающую погребенного вторую повозку, мы интерпретировали сложный комплекс из памятника Спасское к. 01 п. 11 и п. 12 (илл. 68). Погребение (п. 11) было совершено в катакомбе, входная шахта которой имела фигурную форму. Рядом, параллельно входной шахте, была вырыта на ту же глубину фигурная яма с углублениями в дне по углам (п. 12). С нашей точки зрения, обе ямы символизировали собой повозки (Андреева, Новикова, 2001). Как сопровождающую восточноманычское совместное погребение в яме повозку можно рассматривать и упомянутый выше комплекс Цаган Усн IV к. 01 ж. 1/к. I.

сооружениями позволяет предполагать, что иногда (не всегда)⁵³ перед нами именно символическое погребение.

2.3.2. «Жертвенники»

Учено 24 «жертвенника» (жертвенных комплекса)⁵⁴ на восьми памятниках общей выборки (табл. 5, илл. 70, 71).

На то, что весь курган в целом воспринимался «восточноманычцами» как единое погребальное сооружение (а не как, скажем, кладбище с обособленными участками), может указывать размещение в насыпи или, редко, в неглубоких материковых ямах так называемых жертвенников (жертвенных комплексов) из черепов и конечностей (обычно присутствуют метаподии и/или фаланги) крупного рогатого скота. В отдельных случаях авторы раскопок определяют животное как лошадь, обычно без ссылки на заключение палеозоолога⁵⁵.

Подобные весьма немногочисленные, по сравнению с погребениями, комплексы обычно интерпретируются как захоронения шкур, символизирующих целую тушу животного, несмотря на то, что число конечностей не всегда соответствует числу черепов, особенно в больших наборах.

В памятниках общей выборки насчитывается 24 жертвенных комплекса в 19 курганах, 10 из которых были созданы «восточноманычцами». Напомним, что все учтенные нами курганы содержали восточноманычские погребения или «кенотафы». Восточноманычская культурная принадлежность 18 из «жертвенников» достоверно устанавливается по восточноманычской же атрибуции основного погребения или наличию в самом жертвенном комплексе курильницы. Что касается предположительного отношения к восточноманычскому времени остальных шести комплексов, то оно обосновывается только сходством планиграфии их размещения в кургане с наблюдаемой для явно восточноманычских «жертвенников». Для последних можно констатировать четыре основных способа размещения в насыпи:

1) над основным погребением/«кенотафом» или в непосредственной близости от него (Архаринский курганы 30 и 31; Ергенинский курганы 10, 11 и 12; Чограй VIII к. 26; Элистинский к. 05);

2) в поле кургана с единственным основным восточноманычским погребением (Веселая Роща II курганы 01 и 06; Цаган Усн VIII к. 01);

3) в поле, рядом с впускным восточноманычским комплексом или над ним (Элистинский к. 25);

4) в поле, на противоположном конце оси, проходящей через центр кургана и соединяющей жертвенный комплекс с восточноманычским впускным погребением

⁵³ Например, своеобразие конструкции основного «кенотафа» к. 01 п. 01 Ергенинского могильника (илл. 69) не позволяет считать, что в данном случае сооружение изоморфно стандартной восточноманычской катакомбе.

⁵⁴ Р.А. Мимоход указал на необходимость различения в насыпях курганов рассматриваемого региона двух групп жертвенных комплексов, учитывая способ их формирования: первая группа — комплексы с упорядоченным размещением предметов и/или структурированных останков животных (это, главным образом, рассматриваемые нами «жертвенники», однако есть и просто скопления костей животных); вторая группа — комплексы с внешне неупорядоченным размещением фрагментированных предметов и останков животных, связь между которыми устанавливается на основе страти/планиграфического анализа (Мимоход, 2000. С. 230). Впервые выделение комплексов второй группы было проведено самим Р.А. Мимоходом на материалах кургана 3 могильника Островной (Мимоход, 2002).

⁵⁵ Кроме комплексов, включавших «жертвенники» из костей мелкого рогатого скота, условно отнесенных нами к «кенотафам», в нашей выборке имеется лишь один, который из-за отсутствия артефактов и наличия следов огня можно считать жертвенным комплексом: в Веселая Роща II к. 03. Курган был возведен в восточноманычское время, в восточной поле имела округлая яма диаметром 1,2 м, на дне которой найдены кости «конечностей овцы и уголки». В курганах нашей выборки, заложенных в довосточноманычское время, редко фиксируемые находки в насыпях конечностей и/или черепов мелкого рогатого скота культурной идентификации не поддаются.

(«жертвенник» и погребение находятся на одинаковом расстоянии от центра) (Чог-рай VIII к. 18).

Имеющиеся немногочисленные стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что появление жертвенных комплексов было связано с процедурами:

- 1) создания насыпи над основным погребением (Ергенинские курганы 10, 11 и 12);
- 2) досыпки насыпи после/во время совершения впускного восточноманычского погребения (Элистинский к. 02 и к. 08).

Если данные комплексы представляют собой своего рода «строительную жертву», то во втором случае они должны «идейно» и «пространственно» соотноситься сразу с двумя могильными комплексами: с уже существующим захоронением и вновь создаваемым погребением. Обоснование и развитие этой точки зрения требует, однако, привлечения более обширных и лучше документированных материалов.

20 учтенных комплексов включали кости крупного рогатого скота, три — кости лошади (?), один — мелкие фрагменты костей животного неопределенного вида.

Чаще всего в состав «жертвенника» входят кости одной или двух особей (66,7%), максимальное число — более 10 (крупный рогатый скот) отмечено в Ергенинском могильнике. Обычно черепа укладывались на кости ног или между ними, если особей несколько — в ряд. Лицевой частью черепа были обращены, большей частью, на Ю — соответственно, ряд выстраивался по линии З—В. В комплексе Ергенинский к. 06 тризна 1 цепочкой друг за другом были уложены черепа и конечности (с С на Ю) теленка, коровы и крупного быка (Шилов. Отчет 1982. С. 7).

Учитывая специфический состав составлявших «жертвенники» костей и весьма вероятную для манычских культур символическую соотнесенность могилы (как катакомбы, так и ямы) с повозкой-кровом, описанные комплексы можно интерпретировать как символическое же приношение упряжных животных (Андреева, 1996; Гей, 1999а).

Курильницы находились рядом с костями животных в 14 (51,8%) из учтенных «жертвенников», т.е. в 1,5–2 раза чаще, чем в погребениях (25,5% индивидуальных и 34,3% совместных) и «кенотафах» (25,4%) (табл. 50). Так же, как в погребениях, данные артефакты представлены как целыми, так и намеренно фрагментированными («половина курильницы») формами, но последние опять-таки представлены больше именно в «жертвенниках».

Безусловно, рассматриваемые комплексы следует относить к числу престижных: все курганы с «жертвенниками» содержат восточноманычские погребения в материке, которые отличает позиция (основное или впущенное над основным «квазиосновное»; 58% курганов с «жертвенниками») и/или «богатый» инвентарь; «жертвенники» обнаруживаются, как правило, в больших курганах (84% курганов с «жертвенниками» имели высоту более 1 м).

По количеству «жертвенников» на памятниках и в отдельных курганах, а также по количеству особей бесспорно выделяется Ергенинский могильник. Полное отсутствие «жертвенников» в курганах Восточноманычского Левобережного I и слабая представленность их в Восточноманычском Левобережном II хорошо коррелируют с общей «бедностью» этих памятников, хотя, возможно, отчасти объясняется упущениями фиксации материалов в ходе первых больших новостроечных работ.

2.4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Так как основная масса восточноманычских погребений (87,8 %) была впущена в уже существовавшие курганы (или непосредственно рядом с ними, у края насыпи), главным видом больших земляных работ была досыпка насыпи, которая могла быть

полной, по всей поверхности кургана, и локальной, занимавшей полу или сектор. Судить о том, какой процент впускных погребений реально сопровождался досыпками насыпи, невозможно из-за дефицита стратиграфических данных. Однако очевидно, что именно с восточноманычским пластом следует связывать последнюю массовую реконструкцию насыпей курганов, появившихся в конце энеолитической — начале раннебронзовой эпохи. Можно предполагать, что размах строительной деятельности был весьма значительным (исходя из большого общего числа впускных погребений, которые, как правило, располагались в полах)⁵⁶.

Любопытна нестандартная последовательность создания к. 06 Ергенинского могильника (илл. 74, 2). По наблюдению автора раскопок, курган начал создаваться с юго-восточного сектора, в котором было создано п. 02 и возведена насыпь над ним. Затем к СЗ от п. 02 было сооружено п. 03, над которым насыпан курган, перекрывший не только это погребение, но и насыпь над п. 02, а также три «жертвенника» в пространстве между п. 02 и п. 03. Наконец, к СВ от ставшего центральным п. 03, у края насыпи появилось п. 05 и была сделана еще одна досыпка в северной части кургана. Все слои насыпи, разделенные камышовыми прослойками, читались в разрезах (Шилов. Отчет 1982. С. 3–6). Несмотря на то, что центральное п. 03 не является основным, финальная картина (погребения в полах находятся в СВ и ЮВ секторах) соответствует статистически выявленному предпочтению размещения восточноманычских погребений именно к СВ и ЮВ от центра (см. раздел 3.2).

Как яркий пример подчеркнутого сочетания новизны и приверженности традиции можно упомянуть ситуацию в к. 1 у с. Спасское (Благодарненский район Ставропольского края). У подножия кургана, возведенного в ямное время, имевшего пояс-крепиду из желтого материкового суглинка и окруженного рвом, с южной стороны были впускены рядом друг с другом восточноманычское погребение в катакомбе и сопровождавшая его яма-«кенотаф». Обе конструкции были приурочены к узкому проходу-перемычке во рве. После создания этих комплексов была произведена досыпка насыпи с юго-восточной стороны, поверх которой на этом участке был восстановлен пояс-крепида из материкового суглинка (Андреева, Новикова, 2001. Рис. 3, 4).

Собственно восточноманычские курганы чаще всего встраивались в уже существовавшие цепочки, как правило, вытянутые в широтном направлении (Шишлина, 2007. С. 242–257). Своеобразна ситуация в Ергенинском могильнике (раскопки В.П. Шилова в 1981–1986 гг.), где 11 из 12 раскопанных курганов, находившихся ближе к южному краю курганной цепочки (полосы), оказались восточноманычскими, один курган относился к позднесарматскому времени. Несмотря на то, что полоса в целом вытянута в меридиональном направлении, восточноманычские курганы, располагавшиеся рядом друг с другом, группировались по линии СЗ–ЮВ (Очир-Горяева. Отчет 2006).

При создании насыпей «восточноманычцы» продолжали использовать некоторые строительные приемы («слоистые» насыпи, состоящие из слоев суглинков разного цвета, обваловка основного погребения в могильниках Веселая Роща III и Ергенинский) и архитектурные формы (курганы с уплощенной вершиной — Ергенинский), получившие распространение в Предкавказье с эпохи ранней бронзы в новотиторовской культуре Северо-Западного Предкавказья (Гей, 2000). На Ставрополье курганы с плоскими

⁵⁶ Средняя сохранившаяся к моменту раскопок высота курганов общей выборки — 1,5 м. Обратим внимание на то, что два памятника, наиболее богатых погребальным инвентарем, явно отличаются от остальных шести большей средней величиной насыпей, содержавших восточноманычские комплексы. Это Веселая Роща III (средняя высота 1,9 м, средний диаметр 44,2 м) и Ергенинский (соответственно, 1,9 и 36,8 м). За ними с большим отрывом следует Архаринский (1,9 и 25,3 м). Средний размер курганных насыпей еще одного «богатого» восточноманычского памятника — Чограй VIII, напротив, самый скромный (1,0 и 32,5 м), возможно, потому, что два самых больших кургана в цепочке не подвергались раскопкам.

вершинами известны также с предкатакомбного (Светлоградский курган) (Андреева, 1986а) и раннекатакомбного (Ипатовский курган) (Кореневский и др., 2007) времени.

По описанию В.П. Шилова (Шилов. Отчет 1985–1986), к. 11 Ергенинского могильника (илл. 72) имел форму пирамиды с уплощенной вершиной, ориентированной по странам света. Как известно, в некоторых курганах последующего, лолинского времени имелись квадратные и прямоугольные каменные крепи́ды-оградки, также ориентированные по странам света и окружавшие насыпи с плоскими вершинами (подборку данных см.: Мимоход, 2013). Судя по материалам Ергенинского могильника, традиция сооружения прямоугольных насыпей имела место и в восточноманычское время.

Случаи фиксации околоскурганых рвов очень редки. Примеры кольцевидных и дуговидных рвов дает Ергенинский могильник (илл. 73, 74, 2). К сожалению, уровень полевой фиксации недостаточен, чтобы судить о достоверности форм. Бесспорным можно считать только наличие этой архитектурной детали в некоторых восточноманычских курганах.

В финальнокатакомбное время сокращается применение камня в строительстве курганов даже на Ставропольской возвышенности, что придает насыпям специфически степной облик.

2.5 ВЫВОДЫ

Приведенное выше общее рассмотрение материалов погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры позволяет сделать некоторые заключения, определяющие ход дальнейшего исследования.

1. Создание восточноманычских погребальных и жертвенных комплексов в пределах курганов и могильников, существовавших с более ранних периодов от ямного до раннекатакомбного времени, и отсутствие следов разрушения ранее созданных структур указывают на существование идеологии преемственности у оставившего эти памятники населения. О том, что эта идеология отражала реальную, хотя и частичную, генетическую преемственность населения на изучаемой территории в эпоху ранней и средней бронзы, свидетельствуют результаты краниометрического и остеометрического исследования антропологических материалов, проведенного А.А. Казарницким. Исследователь пришел, в частности, к выводам, что «краниологические серии катакомбной культуры Калмыкии, Ростовской области и южной части Волгоградской области оказались неоднородны по своему составу. Во всех выборках удалось выделить преимущественно две морфологические составляющие: субстратную, характеризующуюся большими широтными параметрами черепа и распространенную в предыдущую эпоху, и наряду с ней новую — более лептоморфную»; и далее: «...ключевым аспектом формирования антропологического состава азово-каспийских степей в эпоху бронзы является постепенное, начиная с периода средней бронзы, проникновение переселенцев из более южных территорий, имеющих относительно лептоморфное строение черепа и менее крупный посткраниальный скелет, чем население предшествующего времени. К началу эпохи поздней бронзы морфологических свидетельств сохранения здесь субстратных популяций эпохи ранней бронзы уже не наблюдается» (Казарницкий, 2012. С. 181, 183).

2. Присутствие на различных памятниках захоронений индивидуумов всех возрастных групп и обоих полов говорит о том, что планы/стратиграфия и состав могильников, вероятно, должны содержать информацию о структуре родственных отношений.

3. Неравномерность концентрации в различных памятниках больших могильных сооружений, «жертвенников» из костей крупного рогатого скота и артефактов, марки-

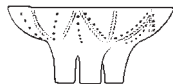
рующих уровень материального достатка и престиж, свидетельствует о существовании института обособленной семейно-общинной собственности и выраженной имущественной дифференциации между общинами.

4. Высокая концентрация всех перечисленных в пункте 4 признаков в Ергенинском могильнике указывают на особое место (возможно, связанное с потестарными функциями) оставившего этот памятник семейно-родового коллектива.

5. Совместные погребения, в большинстве случаев синхронные, демонстрируют черты, с одной стороны, отличающие их от индивидуальных погребений (большая доля комплексов с инвентарем, в том числе престижным бронзовым, но наиболее металлоемкие орудия отсутствуют), с другой — объединяющие оба вида погребений в рамках единой «нормы» (увеличивается только число единиц посуды, остальные категории вещей представлены стандартным индивидуальным набором). Более или менее равномерное присутствие совместных синхронных погребений на памятниках свидетельствует о регулярности совершения обряда и позволяет предположить *погребально-жертвенный* характер совместных синхронных погребений по обряду трупоположения.

6. В настоящее время группа комплексов, называемых «кенотафами», скорее всего, не однородна и включает в себя различные по назначению структуры. Тем не менее, в целом функцию основной массы комплексов, которые представлены сооружениями, изоморфными могильным, и содержат находки, аналогичные встреченным в погребениях, можно определить как *жертвенно-погребальную*.

7. Вероятно, сооружение «жертвенников» из частей туш крупного рогатого скота (головы и ноги) было преимущественно связано с процессом создания курганных насыпей/досыпок.

3. Организация курганного пространства

3.1. ОРИЕНТАЦИЯ ПО СТРАНАМ СВЕТА — ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ КУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА

Характеристика археологических общностей эпохи бронзы, изучаемых по курганным погребальным памятникам, обязательно включает в себя описание преобладающей (часто абсолютно доминирующей) ориентировки (ориентировок) погребенных относительно стран света, сохраняющейся неизменной на огромных пространствах на протяжении больших промежутков времени. Естественно, именно этот признак может считаться важнейшим индикатором стоящего за археологической общностью религиозно-идеологического («ритуально-мифологического») и этнического единства.

Для степных скотоводов, с присущим им подвижным образом жизни, точность ориентации по странам света была насущной жизненной необходимостью во все исторические эпохи. Огромный объем накопленных данных об ориентировках могильных сооружений и останков в степных культурах бронзового века свидетельствует о том, что процедура ориентирования по странам света являлась важнейшим элементом погребального ритуала.

Имеющиеся сведения о преимущественных ориентировках погребенных по одному из четырех основных направлений (С, В, Ю, З) в основных погребениях степных предкавказских курганов носителей ямной (головой на В), новотиторовской (головой на З), северокавказской (головой на В), западноманычской (головой на С), восточноманычской (головой на Ю) и т.д. культурных традиций не могут быть подвергнуты сомнению⁵⁷. Смена в катакомбную эпоху традиционных для раннего бронзового века степной полосы широтных ориентировок могильных конструкций (и, соответственно, восточной — в Северо-Восточном и западной — в Северо-Западном Предкавказье ориентировки погребенных) на меридиональные (для тех же территорий, занятых памятниками восточно- и западноманычской культур, противопоставляются южное и северное направления) отмечено специалистами как эпохальное явление (Кияшко, 2002). Важной чертой данной эпохи стало более широкое использование диагональных (или, по терминологии А.В. Подосинова (1999), «промежуточных») ориентировок (СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ) могильных сооружений и содержащихся в них останков. Интересно, что позднее, в позднем бронзовом веке (варианты срубной КИО) статистически

⁵⁷ Мы оставляем за рамками данного раздела обсуждение сложной проблемы взаимоотношения археологически фиксируемых (как правило, по направлению головы) и культурно значимых ориентировок погребенных (например, по направлению лица или ног). Далее везде (кроме специально оговоренных случаев) рассматриваются ориентировки погребенных по направлению головы.

наиболее значимыми становятся именно диагональные ориентировки погребенных, в частности, СВ⁵⁸.

Отметим, что изучение расположения комплексов в кургане привлекает внимание исследователей катакомбных памятников существенно реже — поскольку до настоящего времени главным объектом анализа остаются именно погребения, а не курганы и, тем более, могильники. Это связано, с одной стороны, с необходимостью сосредоточения усилий на решении первоочередной источниковедческой задачи — обработке огромных массивов данных из многотысячных серий раскопанных «закрытых» комплексов; с другой стороны, планиграфия и стратиграфия степных курганов, перегруженных погребениями различных периодов и культур, представляет собой, как правило, трудно поддающийся упорядочиванию предмет изучения. Вероятно, поэтому описанный А. Хойслером (Häusler, 1976) сорок лет назад «принцип круговой планировки кургана», состоящий в использовании сочетания географической системы координат (ориентирование погребений и курганного пространства в целом по странам света и «промежуточным» направлениям) с двумя видами симметрии — осевой (комплексы в курганах располагаются относительно осей — географических направлений) и билатеральной (учитывается оппозиция «правый»-«левый»), не получил широкого обсуждения и развития в литературе по курганной археологии. Более или менее явным для специалистов остается тяготение впускных комплексов к расположению вокруг основного. Так, применительно к интересующим нас материалам «манычского круга», С.Н. Братченко указал на наличие круговой (круг, полукружие, дуга) планировки и отметил некоторые закономерности формирования этой структуры в насыщенных катакомбными погребениями курганах Нижнего Подонья (Братченко, 1976. С. 16–19). Наличие «дугообразной» планировки «микромогильников» из катакомбных (восточноманычских) погребений в курганах Ставрополя констатировал В.Л. Державин (Державин, 1991. С. 74)⁵⁹. Но в целом приходится констатировать, что изучение пространственной организации монокультурных микромогильников в пределах одной курганной насыпи в настоящее время может считаться темой, находящейся на периферии исследовательских интересов. Несмотря на это, археологи, по-видимому, единодушны во мнении, что именно изучение ориентировок погребенного, могильного сооружения (и его частей) и направления от центра кургана к этому сооружению *в их взаимосвязи* должно лежать в основе реконструкции систем ориентации в разных культурах (Кияшко, 2002; Мельник, 2003).

Определение константных точек, позволяющих провести оси З–В и С–Ю, было возможно на широких степных пространствах, занятых курганными могильниками, только с помощью наблюдения за движением небесных тел (прежде всего, солнца) и использования простых инструментов. Процедура подобной ориентации в эпоху бронзы, вероятно, была аналогична описываемой в древнеиндийской «Манасара-шилпашастре»: «Чтобы определить страны света, на поверхности воды устанавливается гномон с 12, 18 или 24 делениями, затем описывается круг с центром у основания гномона с радиусом вдвое больше его высоты. Отмечаются две точки, где тень гномона пересекается с линией круга до и после полудня. Линия, соединяющая эти две точки, есть линия восток — запад.

⁵⁸ Имплицитно этот факт — ориентирование объектов по четырем основным и четырем диагональным направлениям — хорошо известен специалистам по курганной археологии среднего, и особенно — позднего бронзового века, и широко используется для описания и систематизации материалов.

⁵⁹ В Восточном Ставрополье и Калмыкии для эпохи ранней бронзы (ямная и северокавказская культуры) известны три основных вида размещения однокультурных комплексов в курганах: 1) линейная планировка, при которой ориентированные в широтном направлении 2–3 могильные ямы располагаются по меридиональной оси; 2) круговая или «дуговая» планировка (три и более погребений, редко); 3) изредка фиксируется перпендикулярное расположение могил основного и впускного погребений. В раннекатакомбный период отдельные впускные погребения начинают помещаться в полах курганов в разных направлениях от основного, чаще всего без явных следов планировки.

От каждой из этих — восточной и западной — точек чертится круг размером в радиус. Две точки пересечения этих кругов, которые называются головой и хвостом рыбы, есть север и юг. Промежуточные страны света находятся тем же способом с помощью рыбы, получающейся между точками установленных четвертей» (Цит. по: Подосинов, 1999. С. 117). Можно думать, что набор простых предметов — штырь, установленный в центре круглой подставки, и чаша с водой в качестве плотницкого уровня — позволял определять страны света и, соответственно, размечать планировку объектов на местности.

Возвращаясь к материалам востокоманычских курганов, отметим следующее. Наиболее точно ориентированным объектом являлся сравнительно редко прослеживаемый абрис могильных ям и входных шахт катакомб на уровне впуска; заданная ориентировка сохранялась, однако, и в большинстве случаев фиксируемой в материке придонной части этих сооружений. Несмотря на то, что семантически нагруженным элементом обряда была, вероятно, в первую очередь именно ориентировка останков (лицом и/или головой/ногами), на практике точнее всего она фиксировалась в ориентировке могильных сооружений. В востокоманычской традиции погребенный обычно укладывался по длинной оси могильной камеры, в катакомбах — параллельно, крайне редко — перпендикулярно входу. Соответственно, в процессе исследования немногочисленные случаи ориентировок погребенных, приходившиеся на границы между восьмью секторами, корректировались с учетом ориентировок могильных сооружений, в которых они находятся.

Примеры курганной планиграфии в случаях, когда количество впускных востокоманычских комплексов было больше двух, особенно в курганах с основным востокоманычским погребением, также демонстрируют привязку к основным (ось В—З) и диагональным направлениям (илл. 74, 1; 75—77).

Учитывая, что впускные востокоманычские комплексы отделяет от основных (позднеямных, северокавказских, раннекатакомбных, собственно востокоманычских) сравнительно небольшой хронологический интервал, а случаев досыпки насыпи при создании немногочисленных довостокоманычских впускных погребений не отмечено, за условный центр кургана нами всегда принимался геометрический центр могильной ямы (или входной шахты катакомбного могильного сооружения) основного погребения. Сложные случаи курганов с несколькими основными погребениями не рассматривались⁶⁰. Из точки этого условного центра на плане кургана проводился азимут до центра могильной ямы или входной шахты погребения, заглубленного в материк; если дно могилы находилось в насыпи и контуры ее не прослеживались — до области грудной клетки скелета, лежавшего в традиционной позе на левом боку, скорченно. В последнем случае можно предполагать, что из-за сыпучей структуры грунта насыпей основным видом не доведенных до материка могильных сооружений были ямы, по оси которых были положены погребенные⁶¹.

При описании массива индивидуальных погребений (раздел 2) была отмечена явная симметричность двух систем ориентировок: расположения конструкций относи-

⁶⁰ В курганах эпохи бронзы на изучаемой территории достоверно зафиксированы три основные возможности последовательности создания кургана: 1) над одним основным погребением возводилась первоначальная насыпь, в которую или рядом с которой впускались остальные погребения с возможной последующей досыпкой насыпи; 2) одной насыпью перекрывалось сразу несколько погребений; 3) 2—3 погребения, перекрытых небольшими рядом стоящими насыпями, перекрывались затем общей насыпью. Соответственно, вершина насыпи («центр») не всегда находилась над единственным древнейшим основным погребением. Однако последние два варианта встречаются редко.

⁶¹ Несовершенство исследовательской процедуры (не говоря уже о погрешностях полевой фиксации и возможных ошибках ориентирования объектов, допущенных создателями древних могильников) в нашем случае лишь отчасти компенсируется значительным объемом выборки. Эта первая попытка объяснить выбор места для совершения востокоманычского захоронения в практически свободных полях кургана, безусловно, нуждается в более фундаментальной проработке.

тельно стран света (табл. 23, илл. 20) и заполненности секторов курганов (табл. 11, 12; илл. 6, 9). В первом случае преобладают основные, главным образом меридиональные направления, во втором — диагональные направления, а «осевые» северный и южный сектора оказываются наименее нагруженными.

Эти наблюдения явились стимулом к более детальному рассмотрению пространственного размещения комплексов в курганах для реконструкции общих черт той «строительной схемы», которой руководствовались создатели этих погребальных памятников, и которая может быть выявлена статистически при изучении значительного массива данных.

Важной новацией, внесенной носителями восточноманычской погребальной традиции в практику курганных захоронений, стало размещение части впускных погребений целиком в насыпи кургана (имеется в виду уровень дна погребальной камеры). Подобная практика не имела места (исключения — единичны) на изучаемой территории в довосточноманычское время. Поэтому была предпринята попытка получить дополнительную информацию, сравнив показатели ориентировок в выборках индивидуальных погребений в материке и в насыпи.

3.2. ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ВПУСКНЫХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ В МАТЕРИКЕ И В НАСЫПИ КУРГАНА

Как было отмечено выше, наиболее точно ориентировки задавались носителями обряда (и фиксируются исследователями сегодня) для небольших и геометрически правильных объектов, каковыми являются *могильные сооружения*. В нашем случае это прямоугольные и квадратные могильные ямы и входные шахты катакомб. Сначала повторим уже сделанные наблюдения над этим общим массивом из 302 ям и катакомб выборки индивидуальных погребений (табл. 23, илл. 20): обращает на себя внимание очень близкое сходство распределения ориентировок входных шахт и могильных ям; доминируют основные направления (75%), среди них меридиональное явно преобладает над широтным, а диагональное направление ЮВ—СЗ встречается чаще, чем перпендикулярное ему.

Теперь рассмотрим 288 конструкций в материке (в том числе 186 катакомб и 102 могильные ямы), для которых определены ориентировки и характер (основное или впускное) (табл. 55, 56, илл. 78, 79). Характеристики общей выборки «гипертрофируются» у основных погребений и, наоборот, «сглаживаются» у впускных, однако распределение ориентировок остается принципиально тем же.

Традиционно погребенные по обряду трупоположения (парциальные захоронения составляют всего около 3% массива) укладывались в стандартной позе — на левый бок, скорченно, чаще всего в бедрах под прямым, в коленях под острым углом, тяготея к «идеальной схеме»: берцовые кости параллельны бедренным, стопы у таза (чего невозможно, видимо, было достичь без подрезания сухожилий и связывания), руки вытянуты к коленям. Такая поза предполагает, что умершего ориентировали *именно головой и/или лицом*, а не ногами.

В 298 могильных конструкциях в материке ориентировка погребенных определялась в 275 случаях. Расклад ориентировок погребенных в 180 катакомбах и 95 ямах оказался похожим (табл. 57, илл. 80, 81) и соответствующим выборке индивидуальных погребений в целом (табл. 34, илл. 28). Три четверти погребенных ориентировались головой на Ю (40,0% в катакомбах и 45,3% в ямах), В (23,9% и 18,9%) и ЮВ (11,7% и 14,7%), т.е. лицом на З, Ю и ЮЗ.

Устанавливается явное различие в распределениях ориентировок погребенных индивидуально в материке и в насыпи (94 комплекса) (табл. 57, илл. 82). Если у погребенных во впускных материковых конструкциях преобладают направление на Ю, В и ЮВ, то у погребенных в насыпи — на ЮВ (38,3%), Ю (25,5%) и ЮЗ (21,3%), т.е. лицом на ЮЗ, З и СЗ. В материковых индивидуальных погребениях умершие ориентировались головой/лицом главным образом по основным направлениям (преимущественно на Ю/З), в конструкциях в насыпи — по диагональным (преимущественно на ЮВ и ЮЗ/ЮЗ и СЗ). Погребения обоих уровней связывает традиция хоронить покойников головой на Ю, преобладающая в захоронениях в материке и выраженная в захоронениях в насыпи.

Различны и распределения впускных индивидуальных погребений в материке и в насыпи по секторам курганов (соответственно, 197 и 68 комплексов на расстоянии 3 м и более от центра), при сохранении общего порядка — большей «нагруженности» диагональных секторов. Для материковых погребений характерны сосредоточение в восточной поле (суммарно СВ, В и ЮВ — 64,5% против ЮЗ, З, СЗ — 23,4%), предпочтительность северо-восточного направления (27,9%) в целом и восточного направления (16,8%) — среди основных. Погребения в насыпи существенно чаще попадают в западную полу (ЮЗ, З и СЗ — 47,1%), максимально присутствуют в юго-восточном секторе (25,0%), среди основных направлений лидирует западное (11,8%) (табл. 58, илл. 83, 84). «Взаимодополнительность» в порядке размещения двух видов комплексов («сдвиг» погребений в насыпи в западном и южном направлениях, в то время как погребения в материке больше тяготеют к восточному и северному) проступает четче в выборке курганов с основным восточноманычским погребением (табл. 59, илл. 85, 86).

Могильные конструкции в материке, ориентированные по основным направлениям, больше концентрировались в диагональных секторах, а из основных — в восточном, в то время как конструкции, развернутые в промежуточных направлениях, сосредотачивались в диагональных секторах и преимущественно ориентировались перпендикулярно радиусу кургана (табл. 60, 61).

Соответственно, учитывая позу на левом боку, погребенные ложились в восточной половине кургана «посолонь», а в западной — «противосолонь» (в последнем случае сохраняя ориентировку головы преимущественно в южном, а лица — западном направлениях; катакомбы здесь разворачивались камерами к центру кургана, в то время как в основной массе катакомб, находившихся в восточной половине, камера выводилась в направлении от центра) (табл. 62, 63).

У погребений в насыпи большее число погребенных головой на ЮВ ложится в основные сектора или в диагональные (ЮВ, СЗ), но вдоль радиуса (табл. 64).

Таким образом, отчетливо (хотя и в виде основной тенденции, а не жесткого правила) проступает система размещения, свойственная впускным материковым восточноманычским захоронениям (впускное погребение или ориентируется по основным направлениям, воспроизводя традиционную ориентировку основного погребения, или разворачивается в диагональном направлении перпендикулярно радиусу, соотносясь тем самым с отмеченным основным погребением центром). Это все тот же «принцип круговой планировки», увиденный в свое время А. Хойслером (1976) в курганах катакомбного и более раннего времени западной части северопричерноморской степи, точнее, система, построенная на двух взаимосвязанных пространственных принципах (кодах): *географическом* (ориентация по странам света и выбор направления внутри оппозиций «основное-диагональное», «меридиональное-широтное», «южное-северное», «восточное-западное», а также «посолонь-противосолонь») и *антропоморфном* (структурирование пространства с помощью оппозиций «левый»-«правый»). Эти оппози-

ции, безусловно, использовались для организации курганного пространства и раньше, в раннекатакомбный и докатакомбный периоды бронзового века, представленные сериями ямных, северокавказских, ямно-катакомбных и северокавказско-катакомбных погребений, происходящих не только с этой же территории, но и зачастую из тех же могильников и курганов, что и манычские комплексы. Сущность восточноманычской «новации» для территории Северо-Восточного Предкавказья состояла в появлении подхода, который: 1) более очевидным образом связывал между собой три вида ориентировок (погребенного, могильного сооружения, направления от центра кургана); 2) делал упор на важности южного и западного направления в ориентировке погребенных (головой и лицом), меридионального направления в ориентировке могильных конструкций, а также на желательности размещения могил в восточной половине кургана. Ничего подобного в материалах предшествующих пластов в курганах Северо-Восточного Предкавказья мы не наблюдаем (характеристику этих материалов см.: Державин, 1991; Шишлина, 2007).

3.3. РАЗМЕЩЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ В МАТЕРИКЕ И В НАСЫПИ КУРГАНА

Размещение массовых категорий погребального инвентаря по секторам в кургане (посуда, курильницы, бронзовые ножи и стержни) соответствует в общих чертах статистической картине размещения погребений.

Сравнение выборок индивидуальных погребений в материке и в насыпи по концентрации массовых находок убеждает в существенно большей бедности погребений в насыпи. По большинству показателей — доля комплексов с керамическими курильницами и жаровнями, каменными пестами и каменными орудиями/предметами в целом, костями животных, костяными орудиями/предметами, массовыми (бусы и пронизи) и престижными (металлические височные кольца) украшениями, следами красной краски — впускные погребения в материке превосходят погребения в насыпи в 2–5 раз (табл. 65, илл. 87). Исключение составляет посуда, одинаково представленная в погребениях в материке и в насыпи (57,7% и 56,9%). Редкие «престижные» вещи (повозки, бронзовые тесла и долота, каменное оружие) сосредоточены исключительно в материковых погребениях и в восточной поле.

Различие между двумя уровнями — «ярусами» кургана усиливается за счет более богатых инвентарем совместных погребений, сосредоточенных преимущественно в материке. Соответственно, можно говорить о большей «престижности» пласта погребений в материке в целом и о «сниженности социального статуса» индивидуумов, похороненных в насыпи. Погребения последних, приуроченные главным образом к насыпям больших курганов⁶², не сопровождалась досыпками насыпи.

В этой связи стоит обратить внимание на одну важную деталь. Среди очень небольшого количества впускных совместных погребений в насыпи в нашей выборке (всего шесть) есть два весьма богатых. Первое (Чограй IX к. 05 п. 05) было парным, содержало останки мужчины (?) и женщины (?) (возраст обоих — *juvenis*) (илл. 88). В погребении обнаружены: 3 лепных сосуда, бронзовый нож, каменная булава (между ребер мужского скелета), золотое височное кольцо (у черепа мужчины), сердоликовая бусина, фаянсовый бисер. Под погребенными прослежены следы древесного тлена (остатки деревянной конструкции, возможно — кузова повозки). Второй комплекс (Элистинский к. 08 п. 06) представлял собой совместное погребение женщины и ребенка «в

⁶² Только восемь курганов, содержащих индивидуальные погребения в насыпи, имели на момент раскопок высоту менее 1 м (от 0,7 до 0,9 м).

возрасте около 2 лет», находившихся «внутри кузова повозки»; инвентарь составляли 6 лепных сосудов, бронзовый нож, бронзовый «двурогий» крюк, каменный пест, золотое височное кольцо (у черепа женщины), сердоликовые бусы, фаянсовый бисер. Погребение сопровождалось досыпкой насыпи (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 73–75). Отметим, что в насыпи того же кургана, в нескольких метрах севернее (ближе к центру кургана), находился комплекс (п. 07), отнесенный нами к «кенотафам»: повозка, в которой обнаружены «два больших свертка циновки в несколько метров», бронзовый четырехгранный стержень «с тупым концом» (стрекало?) и костяной предмет «в виде полый трубочки конусовидной формы с тщательно заполированными концами». С этим комплексом, в свою очередь, И.В. Синицын связал расположенный в насыпи чуть севернее п. 07 «жертвенник» из голов и конечностей семи особей крупного рогатого скота (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 72, 75).

Отличие (в качестве и количестве сопровождающего инвентаря) индивидуальных погребений в насыпи от совместных (большее, чем у тех же видов комплексов в материке) — дополнительное, на наш взгляд, свидетельство особого (жертвенно-погребального) характера последних.

3.4. ЯРУСНЫЕ МОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ («СКЛЕПЫ»)

При исследовании планиграфических особенностей размещения восточноманычских комплексов особого внимания заслуживают редкие случаи совместных кумулятивных (предположительно) погребений, а также явно преднамеренного «наложения» разновременных захоронений в пределах кургана, поскольку предельное пространственное сближение захоронений при наличии значительного незаполненного пространства декларирует существование близких родственных связей.

Совместные кумулятивные погребения. В нашей выборке насчитывается три случая совместных погребений в катакомбах, которые можно рассматривать как асинхронные (кумулятивные), поскольку не зафиксировано, что останки погребенных находились в одной камере:

1. В Восточноманычском Левобережном I могильнике к. 15 п. 02 скелет женщины находился на дне камеры, а скелет ребенка — на дне входной шахты катакомбы; судя по находке жаровни, погребение следует относить к началу восточноманычского времени.

2. В Чограе II к. 16 п. 11 из-за плохой прослеженности могильного сооружения трудно понять, находились ли оба погребенных подростка в одной камере, или один из них покоем в входной шахте; северная ориентировка погребенных и выведение камеры под западную стенку позволяет считать это погребение относительно поздним (предлолинским/раннелолинским).

3. Комплекс из Китаевки к. 06 п. 03 представляет собой сложный случай кумулятивного или кумулятивно-синхронного погребения: в одной входной шахте напротив друг друга имелись два входа в камеры; одна камера (п. 03б) содержала восточноманычское по обряду погребение взрослого человека; другая — раннекатакомбное по обряду погребение взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине в глубине «чулкообразной» камеры, и останки двух подростков, помещенных скорченно на правом боку, ближе ко входу (п. 03а). Возможно, подростки были похоронены одновременно со взрослым, и п. 03а следует относить к раннекатакомбному времени, а весь сложный комплекс п. 03 в целом рассматривать как поликультурное погребение-«склеп».

Собственно, только в этом последнем случае можно говорить о явной асинхронности захоронений. Помещение останков ребенка во входную шахту катакомбы в Вос-

точноманычском Левобережном I могильнике к. 15 п. 02 могло иметь место до закрытия шахты. Существенно, однако, что останки ребенка располагались выше останков взрослого (как в случаях прямого перекрытия погребений) — следовательно, предковые отношения в пространстве кургана могли моделироваться и в вертикальной плоскости.

Случаи прямого перекрытия погребений. Чаще всего прямое перекрытие имело место в связи с явно преднамеренным размещением впускного восточноманычского погребения над основным, однако имеются и редкие случаи перекрытия в полах кургана, достаточно далеко как от центра, так и от других впускных погребений, что делает маловероятной случайность попадания комплексов в одну точку.

По уровню залегания, «связки» комплексов делятся на две группы: 1) оба погребения достигают материка (9 случаев); 2) одно погребение находится в материке, другое — в насыпи над ним (14 случаев). Третий вариант — оба погребения находятся в насыпи — не встречается. Погребения в «связке» могли быть как однокультурными (восточноманычскими) (илл. 89), так и разнокультурными (илл. 90). Перекрываемые конструкции представлены как ямами, так и катакомбами. Остановимся на случаях, когда перекрытие совершалось в материке.

Три случая «впуска» восточноманычских погребений в основные однокультурные явно демонстрируют отношения родства.

1. В к. 27 Элистинского могильника контур стен входной шахты основного погребения 2 в верхней части нарушала катакомба п. 01 (илл. 89, 1). Конструкции, по-видимому, параллельны друг другу, дно камеры п. 01 находилось в заполнении шахты п. 02. Основное погребение принадлежало женщине, впускное — ребенку 4–5 лет (Синицын, Эрднеев, 1971. С. 92–93). Поскольку детские погребения в восточноманычской традиции, как правило, не являлись основными, у нас нет оснований предполагать, что имелось в виду «замещение» или «присвоение» центральной позиции (впускных погребений в кургане не было)⁶³. Скорее, имелось в виду помещение ребенка в могилу сородича, создание совместного кумулятивного погребения — «склепа». В восточноманычских совместных синхронных погребениях чаще всего встречалось именно это сочетание — взрослый и младенец/ребенок (см. раздел 4.2).

2. Аналогичная ситуация имела место в к. 12 Восточноманычского Левобережного II могильника. Могильную яму основного п. 02, содержащую останки взрослого человека перекрывала входная шахта катакомбы п. 01 (в камере находился скелет подростка). Оба погребенных лежали в «классической» для «восточноманычцев» позе, вещей при них не было (Синицын, 1978. С. 73; табл. 66, 3).

3. В к. 23 могильника Веселая Роща III катакомба основного п. 03 имела весьма своеобразную конструкцию (илл. 89, 2). В северной стенке входной шахты, у дна был сделан вход в камеру (3а), в которой был погребен мужчина. На 1,1 м выше дна входной шахты, в восточной стенке был сделан вход в другую камеру (входная ступенька, таким образом, была выкопана в заполнении, представлявшем собой мешаную материковую супесь). В восточной камере (3б) также был похоронен мужчина. После совершения этого захоронения в шахту была поставлен кузов повозки. Верхняя часть шахты, выше повозки, имела «гумусированное заполнение с включениями торфа». Погребенные имели сходный набор инвентаря: глиняный одноручный сосуд-кувшин, бронзовый нож, деревянный поднос. При погребенном в нижнем ярусе находился каменный полированный топор (Державин, 1989. С. 134–135).

⁶³ Термин «присвоение» был использован исследователями, столкнувшимися с явлением намеренного перекрытия основного погребения на западноманычском материале (Балабина, 1993).

Не исключено, что данная «связка» представляет собой двухъярусное синхронное совместное захоронение. Более подобных случаев, однако, не встречено, а примеры «встройки» камер в уже имевшиеся ямы есть в «связках» разнокультурных погребений (см. ниже). На возможность повторного вскрытия могилы может указывать прямоугольная яма-уступ с северной стороны входной шахты: подобные элементы конструкции в восточноманычской погребальной практике не известны. Вне зависимости от характера комплекса (синхронный? асинхронный/кумулятивный?), вероятнее всего, размещение погребений по вертикали демонстрирует вертикальные (генеалогические) родственные связи умерших (рассмотрение подобных случаев см., например, в работе М.Д. Хлобыстиной (1995)).

Из шести случаев перекрытия восточноманычскими погребениями более ранних, пять относятся к основным погребениям. Стратиграфическая «связка» комплексов в поле отмечена один раз — в к. 01 могильника Чограй IX (в 8,7 м к СЗ от центра). Камера восточноманычского п. 09 была выведена под северо-западную стенку входной шахты, контуры которой, возможно, не были полностью прослежены или приблизительно совпадали с контурами существовавшей здесь могилы ямного п. 08 (илл. 90, 1). Дно камеры и шахты находились на одном уровне. От ямного погребения подростка *in situ* («в сочленении») на дне шахты сохранились кости левой руки и, частично, стоп. Судя по их положению, погребенный лежал головой на С. Около левого локтя находился набор тонких костяных булавок с прямым стержнем. В небольшой камере находился скелет взрослого человека, сопровождаемый типичным восточноманычским инвентарем — курительницей, пестом, сосудом, костями мелкого рогатого скота (Андреева, Ульянова. Отчет 1986. С. 11–13). Надо признать, что ситуация в целом плохо поддается интерпретации: получившаяся в итоге конструкция совершенно не стандартна, как не стандартно и расположение инвентаря п. 09. В частности, необычно расположение сосуда, находившегося за спиной погребенного, на дне шахты, на месте отсутствовавших костей скелета п. 08. Тем более неясно, как соотносить с ситуацией возрастные характеристики погребенных. Бесспорно лишь, что п. 08, наряду с основным п. 11, — два древнейшие погребения кургана, относящиеся к докатакомбному времени. Появление новых комплексов (погребений 01, 04, 07 и 09) связано с восточноманычской культурой.

Остальные пять учтенных случаев перекрытия основных погребений (Веселая Роща I к. 14 п. 01 и п. 02; Веселая Роща III к. 06 п. 07 и п. 01; Чограй VIII к. 05 п. 03 и п. 04, к. 21 п. 01, п. 04 и п. 02, к. 26 п. 01 и п. 02) представляют собой «наложение» конструкций, без разрушения останков в основной могиле (илл. 90, 2–4). Перекрываемые погребения относились к позднеямной, северокавказской и раннекатакомбной культурам. Почти все комплексы содержали останки взрослых людей. Исключение составляет к. 05 могильника Чограй VIII. Основное позднеямное погребение (п. 04) этого кургана было совместным и содержало останки женщины и ребенка. Выше располагалось «квазиосновное» восточноманычское погребение подростка (п. 03). В поле, к СВ от основного погребения, находилось еще одно погребение подростка (п. 01) (Андреева, 1989. Рис. 7, 8). Возможно, детско-подростковый состав погребений этого кургана не случаен.

Сохранение более ранних захоронений, использование их конструкций для совершения повторных/впускных захоронений, чаще расположенных выше, выраженное присутствие среди последних останков детей и подростков позволяют предполагать существование традиции «наследования» могильного сооружения, которое вместе с более поздней достройкой может рассматриваться как своего рода «склеп».

Применительно к разнокультурным захоронениям, очевидно, уверенно можно говорить лишь о существовании «идеологической парадигмы» предковых отношений.

Подкреплялась ли она реальным (хотя и далеким) генетическим родством — неясно. В любом случае «ярусные» погребения представляют собой важное свидетельство того, что курганное пространство использовалось для моделирования семейно-родственных отношений.

3.5. ВЫВОДЫ

1. Наличие предшествующих культурных пластов в курганах незначительно (из-за низкой плотности погребений) сказывалось на планиграфическом порядке расположения восточноманьчжских захоронений. Размещение последних подчинялось определенной системе, которая реализовалась в каждом отдельном кургане лишь частично и может быть реконструирована при статистическом изучении значительного массива комплексов/курганов. Предполагается, что знаковую основу описанной системы, вероятно, составляли статистически маркированные бинарные оппозиции ориентировок по странам света, которые на современном языке обозначаются как **«основная»**–«диагональная», **«меридиональная»**–«широтная», **«южная»**–«северная», **«восточная»**–«западная».

2. Представляется, что в целом система размещения является материальным воплощением нескольких взаимосвязанных пространственных кодов: *географического* (ориентация по странам света), *антропоморфного* (структурирование пространства могильной камеры вокруг останков с помощью оппозиций **«левый»**–«правый», **«передний»**–«задний», **«верхний»**–«нижний») и, возможно, *артефактного* (соотнесенность погребальных сооружений с «кровом» (повозкой) и/или планиграфией стойбища). Поистине всеохватная роль географического кода в культурах древности детально представлена в обстоятельной монографии А.В. Подосинова (Подосинов, 1999). Ранее Э. Лич особо подчеркнул фундаментальный характер пространственного моделирования социальных отношений для человеческой культуры в целом, отметив, что «чем однообразнее контекст реального территориального пространства, тем более жесткой и искусственной оказывается модель» (Лич, 2001. С. 66)⁶⁴. Если учесть, в этой связи, что погребальные памятники восточноманьчжской катакомбной культуры также оставлены именно степным скотоводческим населением, «жесткость и искусственность» выявленной модели не кажется удивительной.

3. Присутствие на памятниках и в отдельных курганах захоронений индивидуумов различных возрастных групп и обоих полов (см. раздел 4) позволяет думать, что перед нами семейно-родовые кладбища. Соответственно, географический код в первую очередь должен был выполнять роль классификатора семейно-социальных отношений⁶⁵. Принимая во внимание весьма вероятную гипотезу о соотнесенности в восточноманьчжском погребальном обряде могилы с повозкой, можно высказать предположение об отражении в системе размещения комплексов в кургане планиграфической структуры стойбища, судя по сложности — большесемейного. Отражение это, вероятно, было

⁶⁴ Материалом для этого заключения послужили наблюдения над организацией внутреннего пространства монгольской юрты. «Когда природная местность не может дать какого-то видимого центра, с которым увязывалось бы все остальное, культура способна легко найти замену. ...По традиции каждая юрта своим входом точно ориентирована на юг. Пространство внутри юрты поделено и образует сложную сетку — “восток/запад”, “север/юг” — так что в каждой части палатки осуществлялась деятельность точно предсказуемого характера» (Лич, 2001. С. 66). Аналогичным образом организовывалось пространство вокруг юрты (Жуковская, 1988. С. 24–25). Сходные примеры моделирования пространства с опорой на страны света в соотнесенности с социальными (семейно-родовыми) отношениями у кочевых народов широко представлены в этнографической литературе (например, у тундровых кочевников — ненцев: Головнев, 1995. С. 198–230).

⁶⁵ В общем историко-генетическом плане, как утверждали Э. Дюркгейм и М. Мосс, первые попытки классификации явлений внешнего мира, напротив, основывались на опыте осмысления отношений родства (Мосс, 1996. С. 6–73).

зеркальным: если мертвые поворачивались лицом к западу, то для живых главным сакральным направлением, связанным с восходом солнца, должен был быть восток.

4. Поскольку большинство восточноманьчжских комплексов введено в курганы с основным довосточноманьчжским погребением и при этом чаще всего по одному-два, можно думать, что социально-семейные отношения чаще всего не копировались, а моделировались в пространстве кургана. Погребение в кургане означало вхождение в «общину мертвых», структурно подобную «общине живых». При этом статус индивида в большесемейной общине, вероятно, мог определяться заново (в противном случае количество основных погребений должно было бы быть существенно бóльшим) по отношению к погребенным предкам, реальным или мифическим.

5. Связь ориентировок погребенных с движением солнца позволяет предполагать, что таким образом в обряде передавалось направление движения усопшего в «страну мертвых», располагавшуюся на юге. Отметим, что выстраивание пространства кургана и могильного сооружения с помощью ориентации по странам света и промежуточным направлениям, тяготение погребений к одной — восточной — половине кургана, доминирование оси С—Ю в ориентировании могильных конструкций и погребенных, бинарная оппозиция и в то же время единство ориентировок в двух культурах маньчжского круга (головой на Ю в восточноманьчжской, головой на С в западноманьчжской, но в обоих случаях — лицом на З), отсылка к круговому движению (посолонь/противосолонь), связанному с антропоморфным ориентационным кодом (правый-левый), — все эти особенности находят наиболее близкое соответствие в ориентационной системе, отраженной в письменных памятниках древнеиндийской (ведийской) традиции. Обращение к ведийским источникам не случайно: последние выделяются среди общего индоевропейского наследия своей древностью, а также количеством и ярким своеобразием интересующей нас информации (подробнее см.: Андреева, 2013б). В то же время необходимо помнить, что гипотеза относительно присутствия (прото)-индоиранцев в степном регионе северной части Евразии по крайней мере начиная с III тысячелетия до н.э., выстроенная на основе главным образом лингвистических данных, за последние десятилетия прочно утвердилась в науке. Л.С. Клейн в целом ряде работ представил аргументацию индоарийской принадлежности катакомбных памятников (работы 1980—2000-х годов на эту тему исследователю удалось собрать и переиздать во втором томе труда «Этногенез и археология»: Клейн, 2013).

4. Половозрастные группы: обрядовые особенности

4.1. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

4.1.1. Размещение в кургане и ориентировки погребенных различных возрастных групп

Захоронению в курганах подлежали умершие различных возрастных групп: младенцы (дети раннего возраста, 0–2 года, 13/2,8% индивидуальных погребений с определениями возраста); «дети» (дети 1 возраста, 3–7 лет, 55/11,8%), «подростки» (дети 2 возраста, 8–15 лет, 57/12,2%), «взрослые» (старше 15 лет, 342/73,2 %) (табл. 29, илл. 24), как мужчины (87/47,8% погребений взрослых с определением пола антропологом и/или археологом), так и женщины (95/52,2%) (табл. 30).

Отметим очень слабую (по сравнению с ожидаемой смертностью для общества с традиционным укладом) представленность младших групп. Сопоставив данные по памятникам (табл. 31, илл. 25, 26), можно прийти к заключению, что несовершенство методики полевых исследований могло повлиять на состав выборки, поскольку число индивидов довзрослого возраста оказывается существенно меньше в памятниках, раскопанных И.В. Синицыным в 60-х годах, когда снятие курганных насыпей землеройной техникой впервые приобрело широкий размах. Тем не менее, столь явную непропорциональную малочисленность двух младших групп нашей выборки трудно целиком отнести за счет погрешностей раскопок. Особенно слабо представлен ранний (младенческий) возраст (13 погребений в 11 курганах восьми памятников). Все погребения младенцев открыты в больших по размеру (высотой более 1 м) курганах (лишь одна полуразрушенная насыпь – Тюльпан к. 01 – имела высоту 0,8 м; два кургана без следов поздних досыпок – Веселая Роща III к. 21 и Элистинский к. 08 – были высотой 5,0 и 6,5 м), причем восемь погребений (61,5%) находились в насыпи или были незначительно углублены в древнюю почву. Можно предполагать, что большие курганы (в выборке индивидуальных погребений таких курганов высотой более 1 м – 69,7 %, в общей выборке – 67,5 %) иногда были местом «притяжения» младенческих захоронений, но очевидно, что дети раннего возраста в массе своей индивидуально не погребались в курганах. Как во многих традиционных обществах, ребенок, вероятно, не отделялся от матери в качестве самостоятельного индивида до определенного момента социализации, связанным, например, с наречением имени, который отмечался специальным обрядом. Естественным социобиологическим рубежом могли являться завершение цикла грудного вскармливания (особенно в обществах, связанных со скотоводческим укладом) или момент, когда ребенок начинает самостоятельно ходить⁶⁶. Дети

⁶⁶ На существование, например, у алан особых кладбищ для детей раннего возраста указывает Д.С. Коробов (Коробов, 2003. С. 165, 166).

1 возраста (55 погребений в 39 курганах 13 памятников) также представлены сравнительно слабо (хотя эта выборка в четыре раза больше «младенческой»), но эти погребения открыты преимущественно в материке (61,5%), в курганах различной высоты (43,6% курганов имели высоту менее 1 м).

Констатируем практически полное отсутствие основных курганных погребений индивидуумов младшего возраста (младенцы — 0, дети — 1, подростки — 2 основных погребения) (табл. 66, илл. 91, А). По такому показателю, как «уровень дна могильной конструкции», как уже отмечалось, отличную от других групп картину дают младенческие погребения (табл. 67, илл. 92, А). Можно заметить, что в центральной части кургана погребения детей и подростков чаще располагались непосредственно над основным, а погребения взрослых близко примыкали к последнему в горизонтальной плоскости (табл. 68).

Соотношение материковых конструкций — ям и катакомб во всех группах приблизительно одинаково, за исключением младенцев, однако в данном случае выборка слишком мала (пять катакомб и одна яма, остальные семь погребений в насыпи) (табл. 69, илл. 93, А), чтобы делать какие-либо заключения. Все пять погребений в каменных ящиках принадлежат взрослым.

Распределения погребений всех четырех возрастных групп по секторам курганов принципиально не различаются. Для всех групп характерно большее тяготение к восточной поле кургана (СВ, В, ЮВ) и диагональным направлениям. Погребения младенцев (33,3%) и детей (35,1%) чаще попадают в северо-восточный сектор (подростки и взрослые, соответственно 20,0% и 22,7%), подростков — в юго-западный (25% против 0% у младенцев, 10,8% у детей, 10,1% у взрослых). Для погребений взрослых характерно большее тяготение к основным направлениям (при сохраняющемся в целом доминировании диагональных) и подчеркнутая «нагруженность» восточного сектора (15,7% против 8,1% младших групп) (табл. 70, илл. 94–97).

Тяготение младших групп (особенно детей и подростков) к направлению на ЮВ (28,1%), наряду с «классическим» — на Ю (28,1%), видно в распределении ориентировок погребенных (у взрослых, соответственно 16,5% и 40,2% комплексов) (табл. 71, илл. 98–99). Заметно совпадение доминирующей ориентировки всех младших групп (на ЮВ) с преимущественной ориентировкой погребенных в насыпи. Интересен маленький «пик» распределения головой на С, который дают детские погребения. Он связан, в частности, со случаями разворачивания катакомб камерами на 3 (к центру кургана в восточной поле), что противоположно основному восточноманычскому стандарту.

Исходя из этих данных можно заключить, что основные направления в большей степени связываются со старшинством, а диагональные направления и, возможно, обряд «переворачивания» погребенного и камеры катакомбы относительно шахты в северном, северо-западном и западном направлениях — с младшим возрастом в системе семейно-социальных отношений. При этом выбор сектора кургана определялся явно не возрастным, а, скорее, поколенческим статусом погребенного.

4.1.2. Некоторые особенности формирования возрастного состава погребений в курганах

Рассматривая массив индивидуальных погребений нашей выборки, мы убедились, что за одним исключением погребения детей раннего и 1 возраста не бывают основными. Одно основное детское захоронение (Чограй III к. 02 п. 03) сопровождали впускные однокультурные комплексы: погребение ребенка или подростка (п. 02) и погребение (п. 04), содержавшие «несколько фаланг детского скелета». Таким образом, можно

констатировать существование детско-подросткового монокультурного микромогильника в пределах памятника, — явление, редкое для восточноманычского погребально-го обряда, но заслуживающее внимания. В том же кургане, в насыпи, обнаружено еще одно впускное погребение подростка (п. 01), вытянутое дорзальное положение скелета которого, как и отсутствие сопровождающего инвентаря, не позволяют установить культурную принадлежность.

Впускным же индивидуальным погребениям младенцев и детей в курганах в большинстве случаев сопутствуют однокультурные погребения взрослых — как мужчин, так и женщин, основные или впускные, индивидуальные и совместные, причем наличие последних коррелирует с повышенной концентрацией в кургане детских захоронений. Таков, например, состав впускных восточноманычских комплексов в к. 07 Восточноманычского Левобережного I могильника (одно двойное погребение взрослых, три погребения детей, одно погребение ребенка или подростка, одно погребение взрослого); в к. 08 Элистинского могильника (одно двойное погребение взрослого и младенца, одно двойное погребение взрослого и ребенка; два погребения младенцев; одно погребение ребенка, три погребения взрослых). Отметим, что стратиграфическая последовательность впускных восточноманычских погребений, как правило, не устанавливается, поэтому предположение относительно более раннего появления в курганах погребений взрослых обосновывается не столько стратиграфически (связками «основное-впускное», восемь случаев), сколько логически — исходя из суммы данных об особом «несамостоятельном» социальном статусе детей.

Однако в восьми из 31 кургана, содержащих впускные восточноманычские погребения младенцев и детей, не было однокультурных погребений взрослых. В четырех из них (Восточноманычский Левобережный I к. 09; Восточноманычский Левобережный II к. 35; Веселая Роща III к. 01; Чограй VIII к. 15) погребения взрослых и детей (или взрослых с детьми) присутствовали в более раннем пласте — ямном или северокавказском. В Чограе III к. 04, помимо основного ямного погребения взрослого и «кенотафа» катакомбного времени, имелись впускное северокавказское двойное погребение подростка и ребенка, а также впускное ямно-катакомбное погребение ребенка или подростка. В Чограе VIII к. 03 предшествующий пласт представлен двумя погребениями подростков — основным северокавказским и впускным северокавказско-катакомбным, образующими вместе с детским восточноманычским детско-подростковый поликультурный микромогильник. В Восточноманычском Левобережном II к. 06 вторым погребением было основное ямное погребение индивидуума юношеского возраста (близко к подростковому?). Наконец, в Восточноманычском Левобережном II к. 26, помимо трех восточноманычских детских погребений, имелись: погребение подростка и двойное погребение подростков той же культуры; основное и впускное ямные погребения взрослых индивидов. Представляется, что структурообразующим для детско-подросткового восточноманычского пласта (микромогильника) в кургане было двойное погребение подростков (п. 06), совершенное по обряду парных погребений взрослых (подробнее см. раздел 4.2.2).

Что касается погребений подростков, то два основных погребения (Веселая Роща II к. 06 п. 01 и Элистинский к. 14 п. 02) не сопровождались однокультурными комплексами. В отличие от погребений детей, погребения подростков могли быть и единственными впускными восточноманычскими комплексами в курганах, вне зависимости от того, имелись ли уже в более ранних пластах погребения индивидуумов младшего возраста или нет (девять случаев).

В целом можно сказать, что доступ на общинное кладбище открывался для индивида постепенно: младенцы захоранивались в курганах в экстраординарных случаях,

дети — существенно чаще, но, как и младенцы, при условии наличия погребений взрослых. Статус подростков в этом отношении приближается к статусу взрослых — по-видимому, их хоронили на семейно-родовом кладбище без ограничений. Отмеченная особенность — редкие случаи формирования особых детско-подростковых кладбищ из 2–5 погребений — требует дальнейшего исследования на более широком материале и пока может быть оставлен без интерпретации.

4.1.3. Инвентарь погребений различных возрастных групп

Специфическая особенность статистически не представительной группы погребений младенцев состоит в присутствии инвентаря (в частности, керамической посуды) в 100% комплексов, что, вероятно, просто было условием *sine qua non* обнаружения последних в насыпях курганов.

Категориями находок и следов, встречающимися в погребениях индивидуумов всех возрастных групп, являются: курильницы и жаровни, керамическая посуда, каменные и костяные орудия/предметы, кости животных («жертвенники» и «жертвенная пища»), украшения (кроме височных колец), красная краска (табл. 72, илл. 100–105).

Курильница — явно ритуальный предмет (в связи с чем его стоило бы называть кадилницей), единственный, появляющийся с одинаковой регулярностью в погребениях всех четырех возрастных групп (23–27% комплексов) (илл. 100, А). Как показано на примере сравнения выборок по восьми памятникам (раздел 2), присутствие курильницы в комплексе не связано с «богатством» или с «бедностью» инвентарного набора. Помимо погребений и «кенотафов», курильницы встречаются в составе так называемых жертвенников из голов и ног крупного рогатого скота. Эти наблюдения позволили сформулировать еще одну гипотезу, трактующую причину появления курильниц в погребениях: этот артефакт мог отмечать биологическое старшинство (первородство) умершего (Андреева, 2004).

Трудно сказать, какую знаковую роль выполняли предшествующие появлению курильниц немногочисленные *жаровни*, в процентном отношении более всего представленные в погребениях младенцев (1/7,7% комплексов), менее всего (1/1,8% комплексов) — в погребениях подростков (в младшей группе в целом 5/4,0% против 15/4,4% комплексов взрослых, т.е. приблизительно одинаково).

Глядя на гистограммы (илл. 100–105), легко заметить, что такие категории, как *керамическая посуда* (53–100% комплексов), *кости животных* (10–23%) и *украшения* (бусы, пронизи) (22–46%) встречаются одинаково часто в погребениях детей, подростков и взрослых и существенно чаще (в два раза и более) — в погребениях младенцев. *Следы красной краски (охры)* наиболее концентрированно представлены также у младенцев (5/38,5%), слабее у детей (12/21,8%), еще меньше у подростков (8/14,0%) и взрослых (49/14,3%).

Отметим, что реповидные сосуды практически всегда происходят из погребений взрослых⁶⁷. Чугунковидные сосуды и кувшины/кружки (последние преобладают) представлены во всех группах. Любопытно, что индивидуальные захоронения младенцев и детей никогда не сопровождалось миниатюрными кружками и мисочками, известными из совместных погребений взрослых с детьми. Один раз в погребении подростка встречена миниатюрная керамическая воронка (Чограй VIII к. 12 п. 06), крайне редко подобные предметы большего размера бывают в погребениях взрослых (три комплекса).

⁶⁷ В «младенческом» погребении 12 к. 21 Веселой Роши III небольшой сосуд, учтенный нами как реповидный, по пропорциям близок и к чугунковидным, но имеет горизонтально уплощенный венчик, как это бывает у собственно реповидных. В п. 11 к. 02 Чограя II (подросток) найден фрагмент реповидного сосуда. Этим исчерпываются находки реповидных сосудов в младших группах.

«Классический» состав «жертвенников» из костей мелкого рогатого скота (череп/челюсть или череп/челюсть и нога/ноги животного), помимо младенцев (все три комплекса с костями животных), лучше всего представлен в детских погребениях (шесть из семи комплексов с костями животных), слабее — у подростков (два из девяти комплексов) и взрослых (11 из 36 комплексов); «жертвенники» из костей крупного рогатого скота изредка сопровождают погребения и детей (один комплекс), и взрослых (пять комплексов).

Оказывается, что в младенческих и детских погребениях в большинстве случаев отсутствуют находки костей, которые можно было бы трактовать как «жертвенную» или «напутственную» пищу: есть лишь один детский комплекс п. 02 к. 06 Лолинского I могильника, в котором находились «две ножные кости овцы» (Синицын, Эрдниев, 1963. С. 18), которые можно считать и «жертвенником», и «пищей».

Превосходя остальные по числу погребений с украшениями, младенческая группа существенно уступает более взрослым в разнообразии материалов и многочисленности бус и пронизей. Младенцев чаще всего сопровождают костяные кольца (по несколько штук, в четырех комплексах из шести с украшениями), по одному разу встречены бронзовая и сердоликовая бусины. Нет ни простых (из одного материала), ни сложно-составных ожерелий в 1–2 десятка бус. В двух погребениях встречен пастовый бисер, количество его не известно.

Большие ожерелья из сотен пастовых, десятков бронзовых и значительного числа (более 5) сердоликовых бус являются атрибутами костюма отдельных взрослых индивидуумов, ярче всего представленных в нашей выборке комплексами Архаринского (к. 09 п. 02, к. 19 п. 04, к. 21 п. 05) и Лолинского I (к. 06 п. 01) могильников⁶⁸. Более скромные ожерелья изредка встречаются в детских и подростковых погребениях, как правило, неординарных и по другим показателям. Упомянем великолепный (и явно унаследованный от предыдущего, раннекатакомбного периода) набор украшений из детского погребения Веселая Роща II к. 02 п. 03, включавший, помимо низки пастовых дисковидных бус, три «оригинальных» дисковидных орнаментированных бронзовых медальона и орнаментированную бронзовую подвеску-амулет в виде ложечки.

Две достаточно аморфных категории — *каменные и костяные орудия/предметы* также представлены во всех возрастных группах, но в разном количестве и принципиально разном составе.

Четко оформленные *каменные орудия* практически отсутствуют в погребениях младенцев и детей. В них встречены либо просто камни без следов обработки, либо каменные предметы (Чограй IX к. 01 п. 01; илл. 48, 19–21). Редкая находка — каменное пряслице — встречена в детском погребении Веселая Роща II к. 02 п. 03 (илл. 48, 17). Орудия, в том числе песты, впервые появляются в погребениях подростков (2/3,5% комплексов). В остальных трех из пяти погребений подростков с каменными орудиями/предметами последние представлены по одному разу маленькой гладкой галькой (оберег?), «обломком кремня», и своеобразным орудием-предметом из крупной гальки, форма которой приближалась к четырехгранному прямоугольному параллелепипеду, разбитой поперек на две части; между плоскими срезами разлома сделана меловая прослойка (Чограй VIII к. 05 п. 01).

Что касается *орудий/предметов из кости*, в целом в два-три раза чаще встречающихся у младенцев, детей и подростков, чем у взрослых, то во всех трех младших группах резко преобладают комплексы с астрагалами (таранными костями) мелкого рогатого скота: младенцы — 2, дети — 8, подростки — 13 (соответственно, 66,7%, 72,7% и 76,5%

⁶⁸ Речь не идет о не поддающемся учету пастовом бисере, который встречается при погребенных всех возрастных групп.

от числа комплексов с орудиями/предметами из кости), причем иногда количество астрагалов достигает нескольких десятков (например, около 100 в Чограй VIII к. 05 п. 01), чего не бывает в могилах взрослых, где в 6 комплексах представлены по 1–3 экземпляра (18,2% от числа комплексов с орудиями/предметами из кости). Остальные предметы из кости в погребениях младенцев и детей представлены отдельными (в основном, трубчатыми) костями мелкого рогатого скота со следами и без следов обработки. Лопатки мелкого рогатого скота (3 комплекса), рог «животного» (1 комплекс) и трубчатые кости птицы без эпифизов (1 комплекс) впервые появляются в погребениях подростков.

Вышеназванными категориями предметов и следов ограничивается состав инвентаря погребений детей раннего возраста (младенцев). В целом его можно охарактеризовать как «неорудийный», «социально индифферентный» и в то же время «подчеркнуто культовый» (часто встречаются «жертвенники» и следы красной краски).

В значительной мере эта характеристика приложима и к погребениям детей, в которых, однако, впервые появляются предметы, маркирующие неординарный социальный статус. Это бронзовые височные кольца (2/3,6% комплексов) (в подростковой группе — 2/3,5% комплексов, кроме бронзовых, появляются кольца из золота; у взрослых известны также экземпляры из серебра и сурьмы — всего 16/4,7% комплексов) и каменная булава (1/1,8% комплексов). Вероятно, эти артефакты (отметим, что это также не орудия!) можно отнести к числу знаков потенциально (в младшем возрасте) или реально (во взрослом возрасте) наследуемого статуса. Вспомним, кстати, что эти знаки переходят в восточноманычский погребальный обряд от непосредственных предшественников — носителей северокавказской культурной традиции, погребенных в тех же курганах. Тот же аспект культурной преемственности демонстрируют находки глиняных моделей колес в детских погребениях (2/3,6% комплексов).

В незначительном числе погребений детей встречены стержни (2/3,6% комплексов), ножи (1/1,8%; точнее, черенок от ножа, Чограй VIII к. 28 п. 01) или вместе нож и два стержня (1/1,8%; Восточноманычский Левобережный II к. 34 п. 08). Характерно, что во всех трех основных погребениях младшего возраста — детском и двух подростковых — имелись стержни-шилья и/или ножи, символизирующие, по-видимому, переход индивидуумов в категорию взрослых, или, по крайней мере для ребенка, — переход в категорию подростков («предвзрослых»).

Начиная с подросткового возраста, в инвентарь погребений включаются, как уже отмечалось, каменные орудия (в том числе — песты, 2/3,5% комплексов) и раритеты — керамическая воронка, бронзовый крюк, деревянный поднос (по 1/1,8% комплексов). Возрастает число погребений с бронзовыми ножами (10/17,5% комплексов) и стержнями (5/8,8% комплексов) (сочетание этих предметов — 5/8,8% комплексов). Несколько неожиданной, на фоне постепенного расширения ассортимента и постепенного же увеличения числа погребений с престижными категориями инвентаря от младшего возраста к старшему, выглядит повышенная, по сравнению со взрослыми, концентрация деревянных повозок в погребениях подростков (4/7,0% против 14/4,1% погребений взрослых). Учитывая, однако, «предбрачный» статус подростковой группы и вероятную роль повозки как крова для нуклеарной семьи, можно предположить, что наличие собственной повозки было важным материальным условием брака. К идее возможности символического «посмертного брака» в погребальном обряде восточноманычской культуры подводит приводимый ниже анализ совместных погребений взрослых (см. раздел 4.2.2).

Наконец, только взрослых, наряду с максимально часто встречающимися бронзовыми ножами (80/23,4% комплексов), стержнями (68/19,9%), крюками (12/3,5%), каменными пестами (33/9,6%), сопровождали бронзовые тесла (9/2,6%), долота (9/2,6%), иглы (4/1,2%), каменные ступки/наковальни (16/4,7%) и топоры (3/0,9%).

В итоге можно констатировать, что потенциальные возможности расширения состава сопровождающего инвентаря зависели от принадлежности умершего к определенной возрастной группе. Это, кстати, можно также заметить на материалах богатейшего памятника — Ергенинского могильника, в котором ни детские погребения (семь комплексов), ни погребение подростка не содержали бронзовых ножей и шильев, каменных орудий, но дали значительные коллекции бус, в том числе бронзовых, и костей мелкого рогатого скота.

Появление престижных раритетов в некоторых детских и подростковых погребениях (например, Чограй VIII к. 13 п. 04 — каменная булава; к. 05 п. 01 — золотые височные кольца, бронзовые крюк, нож и два стержня-шила, деревянная повозка; подобных случаев нет в Ергенинском могильнике) можно соотнести с существованием внутри линиджей «главных» руководящих семей.

4.1.4. Некоторые особенности обряда мужских и женских погребений (предварительные замечания)

Учитывая недостатки нашей источниковой базы в отношении определения пола взрослых людей (см. раздел 1.7), рассмотрим распределение лишь некоторых основных показателей в мужской (87 погребений) и женской (95 погребений) выборках.

Основное наблюдение, которое можно сделать в отношении мужских и женских погребений, — отсутствие принципиальных различий по таким показателям, как место в кургане (соотношение погребений основных и впускных, в материке и выше материка, в центре и в полах), вид могильного сооружения, ориентировка останков (табл. 73—77). По месту в кургане (сектор насыпи) намечается некоторое своеобразие мужской группы (подчеркнутое тяготение к северному, северо-восточному и восточному секторам кургана), которое, однако, трудно оценить на фоне нейтрального (сходного с общей выборкой) распределения женских погребений (табл. 78). Наконец, категориальный набор инвентаря в целом оказывается одинаковым у обеих групп (табл. 79). Исключение составляет каменное престижное оружие (топоры, булавы), представленное в пяти мужских погребениях.

Основная категория погребального инвентаря восточноманычских комплексов — посуда одинаково часто сопровождает мужские и женские погребения. Это относится как к массовой керамической посуде, так и к престижной — деревянной. Разновидности форм керамической посуды также представлены одинаково у обоих полов. Приблизительно с одинаковой частотой встречаются, по-видимому, и курительницы.

Можно заметить, что в мужских погребениях в 1,5–2 раза чаще встречаются орудия из бронзы, камня и кости, как престижные, так и массовые, а также повозки и следы красной краски (охры). Напротив, в женских погребениях чаще, чем в мужских, встречаются украшения⁶⁹ и такой престижный раритет, как бронзовая игла⁷⁰.

Массовые бронзовые орудия — ножи и стержни-шилья — несколько по-разному представлены в мужской и женской выборках: у мужчин преобладают ножи, у женщин —

⁶⁹ Это касается в первую очередь бус и пронизей. Височные кольца встречены в одном мужском погребении и восьми женских, но из последних пять происходят из Восточноманычского Левобережного I могильника, где можно сомневаться в достоверности определения пола.

⁷⁰ Когда та или иная категория или вид предмета представлен в мужской или женской выборке один раз, естественно, появляется дополнительное сомнение в правильности определения пола в данном конкретном случае. Однако мужское погребение из могильника Грушевское II (к. 01 п. 07) содержало, помимо бронзовой иглы и золотого височного кольца, каменную булаву — предмет, не встреченный в женских погребениях; женское погребение из Архаринского могильника (к. 28 п. 05), помимо 3 «выпрямителей древков» и 1 кремневого наконечника, содержало великолепное ожерелье из пастовых (1540 шт.) и сердоликовых (30 шт.) бус, что действительно характерно для женских погребений. Отметим, что оба комплекса по богатству инвентаря относятся к числу неординарных.

стержни, но доля погребений с обеими категориями предметов одинакова (20,7% и 20,0% комплексов).

Интересны находки престижных бронзовых орудий — тесел и/или долот — в женских погребениях (три комплекса). Все эти погребения были основными в курганах. В Чограе VIII к. 28 основное погребение женщины (*adultus*?) с бронзовым долотом, каменным пестом и деревянной повозкой (п. 02) сопровождалось погребением ребенка (п. 01). В Ергенинском к. 05 основное погребение беременной женщины (возраст?) (п. 08), содержавшее бронзовые нож, стержень-шило, крюк, тесло и долото, каменные пест и ступку/наковальню, сопровождали восемь восточноманычских впускных погребений, в том числе одно младенческое, пять детских, два женских, одно мужское. Наконец, последнее основное женское погребение (возраст?) (п. 01) было единственным в одном из двух самых больших (высотой 5,3 м) из раскопанных курганов Ергенинского могильника (к. 11), погребальный инвентарь включал бронзовые нож, три стержня, крюк, тесло, долото, иглу, половину каменной ступки/наковальни, деревянную повозку. Подчеркнем, что из шести погребений с теслами и/или долотами, определенных как мужские, четыре были впускными. Исходя из этих данных⁷¹, можно полагать, что в обществе носителей восточноманычской погребальной традиции женщины могли достигать высокого статуса в системе позднеродовых отношений, но реже, чем мужчины.

Следует отметить и существенное превосходство находок специализированных каменных орудий, в частности, пестов и ступок/наковален, в мужских погребениях.

Принадлежность основных погребений в курганах лицам обоих полов, при том, что впускными при них также могли быть погребения разнополых индивидуумов, является аргументом в пользу существования у «восточноманычцев» билинейного счета родства. Вероятное доминирующее положение мужчин в области семейно-социальных отношений проявлено в погребальном обряде сравнительно слабо — больше на количественном, чем на качественном уровне. То же можно сказать о почти не отраженном в обряде разделении труда. Понятно, что более или менее реалистичную картину традиционных социальных ролей мужчин и женщин в обществе носителей восточноманычского погребального обряда можно будет дать только с дальнейшим накоплением достоверных антропологических данных о поле и возрасте доживаемости погребенных, пищевом рационе, специфических физических нагрузках и заболеваниях.

4.2. СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

В разделе 2.2 кратко рассмотрены основные особенности восточноманычских совместных погребений. Отмечено, что абсолютное большинство (64 из 67) этих комплексов может считаться синхронными захоронениями. При сравнении с возрастным составом выборки индивидуальных погребений выяснилось резкое и явно преднамеренное смещение сферы применения обряда совместных погребений в сторону детства (илл. 24); резкое увеличение в них доли специфических парциальных захоронений взрослых людей; а также явно бóльшая концентрация находок (илл. 62–66). При этом «престижные» раритеты ведут себя по-разному: в совместных погребениях полностью отсутствуют бронзовые тесла и долота, в то время как концентрация бронзовых крюков резко возрастает.

С другой стороны, по таким важным признакам, как соотношение основных и впускных погребений, видов и форм могильных сооружений; распределение соору-

⁷¹ В Ергенинском могильнике определения пола и/или возраста погребенных были сделаны либо антропологом А.В. Шевченко, либо автором раскопок В.П.Шиловым, после консультаций с А.В. Шевченко.

жений по секторам курганов и ориентировок входных шахт катакомб/могильных ям, совместные погребения принципиально не отличаются от индивидуальных. Отмечено, впрочем, большее тяготение совместных погребений к нижнему, материковому «ярусу» кургана (табл. 9). К этому можно добавить, что так же, как и индивидуальные, совместные погребения могли быть «квазиосновными» (один комплекс, Веселая Роща III к. 06 п. 07; погребение в катакомбе взрослого и подростка находилось над основным северокавказским погребением взрослого) и располагаться в непосредственной близости от центра (пять комплексов).

Из 64 совместных синхронных погребений нашей выборки 58 (90,6%) являются двойными, 4 (6,3%) тройными, 2 (3,1%) содержало останки четырех индивидуумов (табл. 80). Основная часть двойных комплексов и все комплексы с большим числом погребенных (более половины массива) — это явно разнопоколенные погребения (взрослых с младенцами и детьми). Число взрослых индивидуумов в одном погребении не превышает двух. Устойчивые серии образуют двойные погребения взрослых с младенцами; взрослых с детьми; взрослых. Останки младенцев не встречаются в комбинациях с останками людей дозрелого возраста; останки детей практически всегда сочетаются с останками более взрослых (подростки, взрослые) индивидуумов⁷². Обращает на себя внимание необычно высокий процент совместных погребений взрослых с младенцами и детьми (22,0% и 19,8%) по сравнению с долей захоронений младенцев и детей в серии индивидуальных погребений (2,8% и 11,8%). Это обстоятельство достаточно ясно указывает на существование ритуальных норм формирования совместных погребений в одной камере; на преобладание поколенческих («вертикальных») связей между умершими; на несамостоятельный статус младенцев и детей.

Для дальнейшего исследования объединим группы совместных погребений в группы — выборки по возрастному составу (табл. 80):

- **группа А:** захоронения взрослых с младенцами (14 погребений, в том числе 11 двойных, 2 тройных, 1 — с 4 погребенными);
- **группа В:** захоронения взрослых с детьми (19 погребений, в том числе 17 двойных, 1 тройные; 1 — с 4 погребенными);
- **группа С:** двойные погребения взрослых (16 погребений);
- **группа D:** погребения, включающие останки подростков в различных сочетаниях друг с другом, детьми и взрослыми (13 погребений, в том числе 12 двойных и 1 тройное).

Выборка D, в отличие от первых трех, явно носит смешанный и, так сказать, «буферный» характер; только выявив специфические черты погребений взрослых с младенцами и детьми — с одной стороны, и двойных погребений взрослых — с другой, можно будет попытаться рассмотреть эти материалы.

Во всех выделенных группах подавляющее большинство (84–92%) составляют впускные погребения, заглубленные в материк (табл. 81, 82; илл. 106, 107). Приблизительно равное количество катакомб и ям в группах В и С контрастирует с преобладанием ям в группе А и явным преобладанием катакомб в группе D (табл. 83, илл. 108), характерным и для индивидуальных погребений. Это заставляет еще раз подчеркнуть своеобразие состава группы D по сравнению с остальными тремя: в ней слабо представлены захоронения взрослых индивидуумов (4 погребения из 13), присутствующие во всех погребениях групп А–С.

⁷² В выборке имеется всего два двойных детских погребения (Веселая Роща III к. 06 п. 06 — в материке, в катакомбе, и Ергенинский к. 10 п. 03 — в насыпи; оба разрушены, позы не устанавливаются, возраст — «ребенок» — не уточняется). Далее эти комплексы не рассматриваются.

Какие-либо принципиальные различия между группами А–D в размещении в кургане и ориентировках погребенных достоверно установить трудно из-за малочисленности групп.

4.2.1. Группы А и В

(илл. 57, 58, 60)

Появление значительного числа младенцев, равно как и большое число детей раннего и I возраста в группах А и В, так же, как и традиция помещения в курган детских индивидуальных погребений при условии наличия захоронений взрослых людей, свидетельствуют о важной функции погребенных с детьми взрослых быть «детоводителями» (возвращая греческому слову «педагог» его первоначальное значение) — проводниками на семейно-родовое кладбище.

Интересен такой показатель, как размещение погребенных в могиле — яме или камере катакомбы (табл. 84, 85). В группах А и В захороненные по обряду трупоположения взрослые индивидуумы сохраняют традиционную для восточноманычского погребального обряда позу — на левом боку, скорченно. Эту же позу придают телам детей (чаще) и младенцев (реже). У младенцев полностью отсутствует вариант разворота тела на правый бок (лицом ко взрослому), имеющийся для всех других групп. Для младенцев характерно (шесть случаев) положение на спине вытянуто, или слабоскорченно (естественный сгиб в коленях?). Пол взрослого определен в I случае антропологом как мужской, в остальных — археологом как женский. Два таких случая вытянутого на спине положения ребенка есть и в группе В (Восточноманычский Левобережный I к. 14 п. 01 и Элистинский к. 02 п. 08; как указывает И.В. Сеницын; возраст детей 3–4 (Сеницын, 1978. С. 26, 27) и 2–3 года (Сеницын, Эрднеев, 1971. С. 49), взрослые в обоих комплексах — женщины). Возможно, данная поза отделяет «несоциализированных» новорожденных от детей, и, таким образом, наше условное деление на группы (А и В, младенцы и дети) расходится с градациями, принятыми у носителей изучаемой традиции. Уверенно судить об этом затруднительно, поскольку в выборке индивидуальных младенческих погребений останки шести погребенных разрушены, остальные шесть имели «классическую» позу — скорченно на левом боку, один — на правом.

Что касается положения погребенных в камере, то надо подчеркнуть сохранение для всех взрослых и части младенцев и детей стандартной позиции — вдоль длинной оси, в случае катакомбы — параллельно входу, чаще лицом к нему. Останки малолетних укладывались или перед взрослым, или (реже) за спиной у него (в последнем случае исключительно в позе «на левом боку, скорченно»). Особая черта младенческих и детских захоронений в составе совместных — положение останков перпендикулярно старшему (взрослому или подростку) (или старшим, если их двое) индивидууму, в ногах последнего, лицом или спиной к нему/к ним — пять случаев. Известен не вошедший в нашу выборку комплекс (Зунда Толга к. 10 п. 02) положения младенца 1,5–2 лет в головах у взрослого, спиной к нему, скорченно на левом боку (Шишлина. Отчет 2001).

Разнообразие позиций младенцев и детей при стабильном положении взрослых не оставляет сомнений в том, что именно останки взрослого человека были «структурообразующим объектом» в пространстве камеры.

Как отмечалось в разделе 2.2, совместные погребения явно превосходят индивидуальные по концентрации предметов инвентаря и украшений. Особенной концентрацией находок выделяются именно погребения выборки А (табл. 90, илл. 100–104). При анализе индивидуальных погребений выяснено, что возможности расширения состава сопровождающего инвентаря непосредственно зависели от принадлежности умерше-

го к определенной возрастной группе. Можно полагать, что не появление младенцев в составе совместного погребения влекло за собой расширение списка наименований погребального инвентаря (уложенного, как правило, компактно в головах или ногах взрослых; все височные кольца найдены также на черепках взрослых), а, напротив, престижность церемонии обусловила включение в комплекс останков новорожденных⁷³. Однако увеличение числа единиц посуды в погребениях выборки А (до 8 против 3 в индивидуальных захоронениях младенцев) и выборки В (до 10 против 5 в индивидуальных захоронениях детей) можно уверенно связать с присутствием в могилах останков младенцев и детей, особенно учитывая факт спорадического появления в этих комплексах специфической детской посуды — миниатюрных кружечек и мисочек (например, в комплексах Элистинский к. 02 п. 08 или Чограй IX к. 01 п. 04).

Немногочисленные определения антропологом Г.П. Романовой (не всегда, впрочем, вполне корректно приводимые археологами в отчетах и публикациях) пола и возраста взрослых людей, погребенных вместе с младенцами (5) и детьми (2) в одной камере (табл. 88), опровергают стереотип восприятия данных комплексов как погребений непременно женских («женщина с ребенком/детьми»). Таковы все определения пола И.В. Синицыным — всего 7 в группе А и 12 в группе В; еще одно определение «женщина пожилого возраста с ребенком» в Ергенинском к. 04 п. 03 принадлежит или автору раскопок В.П. Шилову, или антропологу А.В. Шевченко.

По данным Г.П. Романовой, в четырех случаях из семи пол взрослого определяется как мужской, в двух — как женский, в одном — как женский (?). Интересно, что именно мужчин, в основном, сопровождали двое и трое детей: это знаменитое «погребение литейщика» (Веселая Роща III к. 03 п. 03: мужчина и три младенца) и два тройных погребения (Веселая Роща I к. 07 п. 08: мужчина и двое детей 4–5 и 5–6 лет; Веселая Роща III к. 21 п. 15: мужчина и два младенца). В мужских погребениях с детьми, естественно, обращает на себя внимание концентрация младенцев (в трех из четырех комплексов) и пожилой-старческий возраст взрослых (в двух из четырех комплексов; в остальных двух возраст не указан). Отметим и случаи пожилого-старческого возраста погребенных женщин с детьми: кроме комплекса Ергенинский к. 04 п. 03, в не вошедшем в нашу выборку совместном погребении Зунда Толга к. 10 п. 02, вместе с младенцем 1,5–2 лет, была похоронена женщина в возрасте 55–60 лет (определение антрополога). Захоронения людей старческого возраста отмечены в массиве восточноманычских индивидуальных погребений крайне редко (около 3%, причем лишь одно погребение — женское; в целом, процент, безусловно, занижен по отношению к реальному из-за погрешностей фиксации, но все же не может быть высоким).

Нарочитая разведенность по «крайним» поколениям («младенцы — старцы») погребенных вместе детей и взрослых ставит под сомнение существование между ними ближайших отношений биологического родства (отцовства/сыновства, равно как и братства/свойства). Тем не менее, оставаясь в рамках принятой нами модели интерпретации могильного сооружения как жилища-повозки, в котором вместе оказываются самые близкие родственники, можно трактовать двойные совместные разнопоколенные погребения в одной камере как символическую демонстрацию предковых отношений. Отраженные в обряде отношения родительства могли фиксировать не только биологическое материнство/отцовство, но и являться результатом:

- моделирования предковых отношений в рамках погребального ритуала (сама по себе практика совместных синхронных трупоположений, являющаяся, как мы стремились показать, органической и стабильной частью общей системы погреб-

⁷³ Как яркое исключение на этом фоне выглядят ожерелья из бронзовых бус на головах двух из трех младенцев, сопровождавших мужчину-литейщика (Веселая Роща III к. 03 п. 03). Кроме этого, у тех же младенцев обнаружены «три небольшие, плохо сохранившиеся бронзовые застёжки у пояса» (Державин, Тихонов, 1981. С. 255).

бального ритуала, предполагает преимущественно жертвоприносительный характер этих комплексов);

- практики усыновления, которая должна была быть широко распространенным явлением в обществе, основанном на отношениях родства, со сравнительно низкой (особенно для женщин) средней продолжительностью жизни;
- существования института классификационного родства, отличного от биологического;
- комбинации вышеперечисленных факторов.

4.2.2. Группы С и D (илл. 59, 60)

Для *группы С* — двойные погребения взрослых людей — наиболее существенно, что мы имеем серию из шести погребений шести памятников, где отмечена парность (мужчина и женщина) состава комплексов; два погребения из одного кургана одного памятника определены как двойные мужские погребения; в остальных восьми случаях пол неясен или у одного, или у обоих погребенных (табл. 89). В первую очередь, отложив в сторону однополые мужские погребения из уникального по ритуальным особенностям памятника Цаган Усн IV, рассмотрим основную серию из 14 комплексов.

Начнем с рассмотрения возрастных характеристик парных погребений (табл. 89). Заметно совпадение возраста разнополых погребенных в одной камере: два случая юношеского возраста, один — «молодые», один — «средних лет», один — 40–50 лет. В двух комплексах возраст не совпадал: с разрывом приблизительно в поколение старшим оказывался мужчина (мужчина *Adultus-Maturus* и женщина *Juvenilis*; мужчина старше 45 лет и пол не определен, 20–25 лет). К этим наблюдениям можно добавить, что тройное погребение из выборки А (Лола I к. 04 п. 08) включало, по определению археолога, мужчину, женщину и ребенка в возрасте до 2 лет; определений пола взрослых из комплекса с четырьмя индивидуумами группы В (2 взрослых, младенец и ребенок; Грушевка I к. 11 п. 06) в отчете не приведено, однако существенное различие в размерах этих двух скелетов и поза их лицом друг к другу, при том, что дети занимают позицию между взрослыми, позволяют полагать, что данное погребение также может считаться парным.

Погребенные мужчины и женщины могли занимать одинаковое положение в камере погребального сооружения: скорченно на левом боку спереди или сзади партнера — в позиции «друг за другом»; скорченно на правом боку лицом к партнеру (табл. 86); скорченно на левом боку рядом с эскарнированными останками, уложенными в «кучу» или «пакет» (для последних в трех случаях пол не определен, в одном — Сухая Падина I к. 03 п. 05 — определен как женский, рядом с мужским левобочным захоронением). Имеется также случай (недостаточно хорошо документированный) двойного парциального захоронения (Ергенинский к. 03 п. 04) с имитацией позы «на левом боку» у обоих погребенных, причем останки одного взрослого индивидуума (пол не определен) были уложены в соответствии с общим стандартом — по центру камеры катакомбы, вдоль длинной оси, лицом ко входу, а второго (молодой женщины) — в ногах у первого, перпендикулярно ему.

Положение останков скорченно на левом и правом боку лицом друг к другу, головой в одном направлении (Востономанычский Левобережный I к. 07 п. 05, Лола I к. 04 п. 07, Чограй IX к. 05 п. 05) — заслуживает особого внимания, поскольку оно коррелирует, с одной стороны, с определенным видом погребального сооружения (ямой в материке или насыпи) и с престижными видами находок (повозка, бронзовый крюк — Лола I к. 04 п. 07; бронзовый нож, каменная булава, золотые височные кольца в Чограй IX

к. 05 п. 05), а с другой стороны, во всех трех случаях фиксируется разный пол погребенных. Продолжая развивать гипотезу «повозочной символики» в погребальном обряде катакомбных культур Предкавказья, можно заметить, что поскольку использовались как крытые фургоны, так и открытые возки, то можно предполагать символическую соотнесенность ямы и открытой повозки, катакомбы — и повозки со снятым и поставленным на землю верхом. Нахождение в открытой повозке предполагает особую зрелищную церемониальность, парность же и симметричное расположение погребенных наводят на мысль об имитации свадебного ритуала, заставляя вспомнить многочисленные взаимные переключки — «отражения» обрядов похорон и свадьбы, исследованные на восточнославянском фольклорном и этнографическом материале (Байбурин, Левинтон, 1990). Как отмечают авторы, «во взаимоотношении погребального и свадебного обрядов главную роль играет их типологическая, структурная связь и ей подчинены “переключки” другого рода, в том числе и те, которым можно приписать “цитатную”, отсылочную функцию» (Байбурин, Левинтон, 1990. С. 65). Родство этих «ритуалов перехода» выражено, в частности, «в теме и метафорике пути», что возвращает нас к нашим «могилам-повозкам».

Важно, что в нашей выборке восточноманычских материалов полностью отсутствуют не только тройные захоронения индивидуумов, принадлежащих к одной возрастной группе (в принятых нами широких рамках), но и не прослеживаются явным образом какие-либо другие тернарные структуры (например, в группировке погребений в кургане). Впервые на значимость феномена тройных погребений (которые, в случае разнополости взрослых погребенных, можно трактовать как свидетельство существования парно-группового брака) в степных курганах Евразии в бронзовом веке обратила внимание М.Д. Хлобыстина (Хлобыстина, 1986). Позднее вопрос о тернарных структурах в погребальных памятниках ранней и средней бронзы Прикубанья и Нижнего Подонья был поднят А.Н. Геом. По его мнению, можно говорить «об определенном пике их (тройных погребений. — М.А.) распространения в культурах захоронений с повозками (новотиторовская и ее аналоги) и в генетически связанных с ними позднейших катакомбных культурах» (Гей, 1999б). Эта мысль подтверждается приведенными в другой работе (Гей, 1999а) данными по концентрации совместных — двойных и тройных погребений в памятниках ямной, новотиторовской, преддонецкой катакомбной, донецкой катакомбной, западноманычской катакомбной и батуринской катакомбной культур. Заметно, что в синхронных рассматриваемой нами восточноманычской серии памятниках донецкой и западноманычской культур концентрация совместных погребений приблизительно в полтора раза выше; среди западноманычских захоронений имеются тройные. Последние представляют собой большую редкость — около 2% от всего массива. Более детально сопоставить эти данные с нашими мешает отсутствие возрастных определений.

Подчеркнем еще раз, что восточноманычские захоронения с тремя индивидуумами в одной камере не могут быть отнесены к разряду простых тернарных структур: если учитывать возраст, то очевидна схема $3 = 2 + 1$ (или двое детей и взрослый, или двое взрослых и ребенок), которая может быть нарушена включением еще одного ребенка (упоминавшиеся погребения с четырьмя индивидуумами). В докатакомбном пласте памятников, из которых происходят восточноманычские комплексы нашей выборки, такие «простые» тройные схемы все же представлены: например, Архаринский к. 02 п. 02 (мужчина и две женщины — определение археолога); Восточноманычский Левобережный II к. 40 п. 02 (мужчина и две женщины — определение археолога); Чограй I к. 02 п. 08 (подросток до 12 лет, подросток 12–13 лет; ребенок-подросток 6–8 лет — определение антрополога); Спасское к. 03 п. 05 (три подростка — определения археолога и

антрополога). Однако среди посткатакомбных материалов (лолинская культура) также имеется один подобный комплекс (Лола II к. 04 п. 01: женщина, мужчина и взрослый — определение археолога — уложенные друг за другом скорченно на левом боку). Он выглядит как пережиток на фоне постепенного упадка обряда совместных погребений по обряду трупоположения.

Таким образом, сегодня, в условиях дефицита информации, свидетельства парности двойных при отсутствии тройных восточноманычских погребений взрослых людей могут считаться аргументом в пользу преимущественной нормативности парного (моногамного?) брака.

Уникальным памятником, содержащим два двойных однополых мужских совместных погребения (возраст всех погребенных от 45 лет и старше, определения А.В. Шевченко), является курган 1 Цаган Усн IV. Отступлением от восточноманычской погребальной нормы можно считать уже то, что курган был одиночным (отдельно стоящим, на расстоянии 500 м к СВ от группы курганов Цаган Усн III) — единственным таковым в нашей выборке (подробное описание этого памятника см. Приложение; предположительная интерпретация комплекса каменных орудий из него см. раздел 6.2).

В завершение обзора совместных синхронных погребений восточноманычской культуры несколько слов по поводу комплексов *группы D*, включавших останки подростков.

Прежде всего, как уже отмечалось, обращает на себя внимание сравнительная малочисленность сочетаний «подросток и взрослый» в одном погребении (4 случая из 13). Исходя из сделанных выше наблюдений, можно полагать, что подростки, в отличие от детей, не нуждались в «детоводителе», и, напротив, сами могли выполнять эту роль. Из упомянутых четырех комплексов в одном (Востоchnоманычский Левобережный I к. 45 п. 01) археологом указывается «юношеский возраст» обоих погребенных в катакомбе (14—15 и 16—17 лет) (брак?), еще в одном (Востоchnоманычский Левобережный I к. 43 п. 01) положение погребенных в яме лицом друг к другу и сравнительно большие размеры скелета подростка (юношеский возраст?) позволяют предполагать обряд «похорон-свадьбы».

Третий комплекс (Островной к. 03 п. 27) (илл. 109) своеобразен по составу (мужчина старческого возраста и подросток 8—9 лет) и положению останков: погребенные положены перпендикулярно входному отверстию, на левом боку, головами в противоположных направлениях (подросток — головой ко входу). Такое положение — перпендикулярно входу — встречается крайне редко (два комплекса в выборке индивидуальных погребений). Обращает на себя внимание расположение находок в пространстве камеры: весь инвентарь, в том числе бронзовые крюк, нож и шило, находится рядом с подростком. Очевидно, что в данном случае именно подросток является «главным лицом», а старик — «лицом сопровождающим и зависимым».

Лишь в последнем, четвертом погребении (Веселая Роща III к. 06 п. 07) состав (женщина? 30—45 лет, подросток 8—12 лет, определение антрополога) и положение останков (оба на левом боку, скорченно, подросток за спиной у женщины) в камере катакомбы позволяют предполагать отношения «детоводительства», в которых главная роль отводится взрослым.

С другой стороны, как уже говорилось, в выборке полностью отсутствуют совместные захоронения младенцев и подростков. Таким образом, в обряде совместных погребений подростки оказываются в значительной мере «замкнуты» на своих ровесников и детей — ситуация сходная с вышеописанными (раздел 4.1.2) случаями существования «детско-подростковых» могильников из 2—5 погребений в пределах кургана.

Роли подростков в пространстве обряда совместных погребений могут быть различными. Налицо возможность «детоводительства» (например, тройное захоронение Веселая Роща III к. 05 п. 02, где двое детей 5–6 и 2–4 лет располагались в ногах у подростка в возрасте до 13 лет, определение антрополога) и «похорон-свадьбы» (Восточноманычский Левобережный II к. 26 п. 06 — два подростка 7–8 лет и 7–9 лет, определение археолога; Тюльпан к. 01 п. 04 — подросток и ребенок, определение археолога; в обоих комплексах погребенные находились в ямах лицом друг к другу).

4.3. ВЫВОДЫ

1. Появление восточноманычских захоронений детей в кургане лимитировалось наличием «детоводителя» старшего (взрослые мужчины и женщины, редко — подростки) возраста, погребенного или вместе с ребенком в одном могильном сооружении, или отдельно, но в пределах того же кургана. Значительная часть детей раннего и, возможно, часть детей 1 возраста не попадала на родовое кладбище. Самостоятельное (без «детоводителя») вхождение в «общину умерших предков» оказывалось возможным только для подростка после зачисления его (вероятно, после соответствующих инициационных процедур) в число взрослых членов общины живых. Расширение потенциального состава погребального инвентаря за счет включения специфических орудий труда по мере взросления индивидуума достаточно четко отражает процесс социализации (инкультурации) носителя восточноманычской обрядовой традиции.

2. Вероятное доминирующее социальное положение мужчин проявлено в восточноманычском погребальном обряде сравнительно слабо. Принадлежность основных погребений в курганах лицам обоих полов может быть трактована как проявление билинейного (по отцу или по матери) исчисления родства.

3. Обряд совместных синхронных погребений является органической частью восточноманычской погребальной традиции. Сравнение серий совместных и индивидуальных погребений убеждает, что специфических различий по основным обрядовым признакам практически нет, а те, что имеются, носят скорее количественный, чем качественный характер. Вместе с тем, поддержание стабильной доли совместных погребений в разных могильниках (около 10% комплексов) говорит о регулярности совершения этого обряда. Как отметила М.Д. Хлобыстина, «случайные, экстраординарные причины играли минимальную роль в строго регламентированной практике погребальной обрядности первобытных эпох» (Хлобыстина, 1993. С. 135). Поскольку вторичные (парциальные) захоронения содержала лишь небольшая часть совместных синхронных погребений, а остальные разделяются по количеству и составу на более или менее четкие группы, можно предполагать жертвоприносительный характер этих комплексов. Реализовывать подобную практику могла, естественно, только общность надсемейного уровня.

4. Имеющиеся свидетельства парности двойных погребений взрослых (группа С) позволяют предполагать нормативность парного (моногамного?) брака и существование нуклеарной (малой) семьи. Вместе с тем, преобладание разнопоколенных совместных погребений (группы А, В и, частично, D) говорит о том, что основой социальных отношений были отношения вертикального родства, и, соответственно, основным социальным организмом должна была являться большесемейная община/линидж. Можно предполагать экономическую и идеологическую невыделенность нуклеарных семей из состава больших.

5. «Нормой» синхронного совместного погребения в одной камере для восточноманычской катакомбной культуры является двойное погребение и расширение его состава

ва всегда связано с присутствием среди умерших ребенка/детей раннего и I возраста. Поскольку в состав большинства двойных синхронных погребений также входят младенческие и детские захоронения, то можно сказать, что сфера применения данного вида погребального и жертвоприносительного обряда оказывается в восточноманычской культуре смещена в сторону детских возрастных групп, а сам обряд, вероятно, редуцирован по сравнению как с предшествующей эпохой (финал ранней — начало средней бронзы, поздний этап новотиторовской культуры, позднеямное — раннекатакомбное время), так и, возможно, по сравнению с синхронными памятниками Западного Предкавказья, где совместных погребений больше (до 30% от общего числа погребений в преддонецкой катакомбной и до 16% в западноманычской катакомбной культурах) и состав их шире (Гей, 1999а). В дальнейшем перспективным представляется изучение феномена совместных погребений именно в динамике — от ранних «развернутых» форм к поздним «деградированным».

5. Погребения эскарнированных костей: манифестация семейно-родовых связей

Яркой, хотя и сравнительно редко встречающейся (а при плохой сохранности костей — трудно опознаваемой) особенностью погребальной практики культур катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) являются захоронения расчлененных останков — эскарнированных костей или частей птомы⁷⁴ (традиционную обрядовую норму составляло трупоположение). Этот способ захоронения, известный со времени появления первых преднамеренных погребений в эпоху мустье (Смирнов Ю.А., 1991), на материалах ККИО в обозримом будущем должен быть изучен (учитывая огромность массива раскопанных к настоящему времени курганов) более или менее подробно.

Расчлененные (вторичные, парциальные)⁷⁵ захоронения, наряду с другими специфическими видами комплексов ККИО — так называемыми кенотафами и совместными погребениями, — давно, но спорадически привлекали внимание исследователей. Начало систематического изучения этих «особых видов погребений катакомбной общности» было положено в начале 90-х годов (Мельник, 1991). На основе представленной в книге серии расчлененных погребений (около 40 комплексов из памятников Предкавказья) В.И. Мельник открыл обсуждение возможных классификационных подходов к этому материалу — обсуждение, к сожалению, до сих пор не получившее продолжения в изучении катакомбных древностей.

Надо сказать, что в 2000-х годах в отечественной археологии в целом определенно проявился интерес к погребениям «с нарушенной анатомической целостностью костяка». В немалой степени этому способствовали работы В.С. Флерова, исследовавшего постпогребальные (постдепозиционные) разрушения останков в средневековых аланских могильниках Донецко-Донского междуречья и Центрального Предкавказья (Флеров, 1993, 2000, 2007). На западносибирских материалах эпох неолита и бронзы построила методическую работу О.В. Зайцева, рассмотрев отражение в археологических источниках обряда захоронения нарушенных (расчлененных) останков — с одной стороны, и обряда, связанного с разрушением имевшего место ранее трупоположения — с другой. Два этих культурных феномена существовали в древности повсеместно, иногда — в рамках одной традиции, и различить их проявления достаточно сложно. Не следует забывать и о естественном, природном факторе разрушения захоронений. При раскопках археолог должен установить, во-первых, отсутствие или наличие следов по-

⁷⁴ Под «расчленением» я (вслед за В.И. Мельником) понимаю любые предшествовавшие ингумации (преддепозиционные) нарушения целостности останков, в археологической практике отраженные в нарушении анатомической целостности скелета.

⁷⁵ Исследователи, специально занимавшиеся эти феноменом, использовали эти термины в разной логической соподчиненности (Смирнов Ю.А., 1991. С. 211, 242; Мельник, 1991. С. 8, 9; Зайцева, 2005. С. 62–71). В археологической литературе двух последних десятилетий (особенно посвященной сибирским материалам) в качестве наиболее общего используется термин «вторичное погребение».

вторного вскрытия могилы и, во-вторых, тафономическую (естественную) или антропогенную природу нарушений целостности скелетных останков. С большой степенью достоверности это можно сделать, тщательно исследуя микростратиграфию могильных сооружений, опираясь на результаты разнообразных анализов полевых материалов и в присутствии антрополога-полевика, владеющего знаниями как в области тафономии, так и судебной медицины (Зайцева, 2005. С. 35–75).

Понятно, что накопленный к настоящему времени массовый материал этим условиям не удовлетворяет. Осуществляя выбор в рамках двух названных выше альтернатив, археологи вынуждены довольствоваться визуально наблюдаемыми особенностями (характер и степень разрушения, состав нарушенных останков и расположение их, а также инвентаря в могильном сооружении), зачастую не позволяющими получить необходимую и достаточную информацию. Так, например, изучая материалы разрушенных погребений средневековых могильников Окско-Сурского междуречья, Т.В. Осипова половину составленной ею обширной выборки признала не поддающейся делению по времени (предепозиционное? постдепозиционное? и то, и другое?) и причинам разрушения (Осипова, 2006).

Возвращаясь к памятникам ККИО, отмечу, что морфологическая сложность изучаемого феномена — с одной стороны, и, в большинстве случаев, недостаточная подробность его описания в полевых условиях — с другой, по сей день составляют серьезное препятствие для построения «работающих» классификаций. Об очевидной острой нехватке специальных исследований расчлененных скелетных останков методами естественных наук и говорить не приходится. Однако научный уровень фиксации погребальных памятников в целом и скелетных останков в частности неуклонно поднимается.

Исследователи продолжают посвящать специальные публикации расчлененным погребениям ККИО, особенно тем, которые выдаются деталями могильного сооружения и инвентаря, а также особенностями обращения с останками умершего (например: Каменецкий, 2002; Власкин, Науменко, 2010). Напомню, что в свое время уделялось внимание и реконструкции других специфических способов обращения с телом умершего, не предполагавшим смещение разъятых частей, как массовых — например, связыванию конечностей и возможному подрезанию сухожилий на ногах для придания погребенному максимально скорченной позы (Коренько, 1984), так и экзотических — в частности, перепиливанию диафизов длинных костей рук и ног (Геннадиев, Державин и др., 1987; Державин, 1989). Важно подчеркнуть, что, несмотря на грандиозный объем накопленных данных, вопрос о существовании в ритуальной практике носителей катакомбных культур устойчивых традиций постпогребального вскрытия могильных камер до сих пор не поднимался — прежде всего, из-за отсутствия убедительных стратиграфических свидетельств. Кумулятивные совместные погребения в одной могильной камере также достоверно не известны, в то время как синхронные совместные захоронения представлены хорошо (Мельник, 1991; Гей, 1999а, 2003).

Сегодня катакомбные погребения с нарушенной анатомической целостностью скелета распределяются исследователями по двум основным группам: 1) захоронения расчлененных останков; 2) разрушенные (без указания причин) погребения. Первые (выделяемые по вышеупомянутым «косвенным» признакам) и будут находиться в центре нашего внимания.

Как уже отмечалось, в данной области классификационные подходы только начинают намечаться. В.И. Мельник разделил катакомбные расчлененные погребения на две группы: 1) «погребения с рассечением» (варианты: с рассечением по суставам и с рассечением по кости); 2) «вторичные погребения» (варианты: полностью эскарни-

рованные и полураспавшиеся) (Мельник, 1991. С. 9). Первый вид встречается редко, основная масса материала попадает во вторую группу. Для выделения групп исследователь имплицитно руководствовался синтезом нескольких оппозиций: 1) способ нарушения целостности останков: «искусственное (механическое) разделение» — «естественный (немеханический) распад»; 2) время нарушения: непосредственно перед смертью или непосредственно после нее — спустя длительный период после смерти; 3) результат нарушения (состояние останков в момент погребения): захоронение костей или не полностью распавшихся останков — захоронение частей птомы с сохранившимся анатомическим порядком костей.

В своей методической работе О.В. Зайцева, опираясь на материалы из памятников неолита — бронзового века Западной Сибири, классифицировала погребения с предепозиционными нарушениями останков исходя из одного основного показателя — времени нарушения. К основной группе («вторичные погребения») ею были отнесены захоронения эскарнированных (полностью или частично) останков; в данном случае речь идет о «постмортальных» (имевших место в сравнительно долгий период после смерти) нарушениях⁷⁶.

Под «расчлененным погребением» (полным или парциальным) исследовательница предлагает понимать «помещение в могилу преднамеренно расчлененного тела умершего вскоре после смерти или непосредственно в момент смерти...» (Зайцева, 2005. С. 33). При этом имели место «перимортальные» нарушения целостности скелета. Понятно, что эти группы содержательно близки к выделенным В.И. Мельником «вторичным погребениям» и «погребениям с расчленением» ККИО.

Таким образом, работая над материалами разных археологических культур неолита — бронзового века, два ученых пришли к сходному классификационному решению, что, вероятно, указывает на фундаментальный характер и эпохальную культурную значимость двух выделенных видов предепозиционных нарушений. Отметим также, что для создания работающей типологии необходимо, прежде всего, максимально достоверно реконструировать состояние останков в момент погребения. Для решения этой задачи и должны быть мобилизованы современные разносторонние методы исследований палеоантропологического материала.

С другой стороны, в ожидании результатов использования инновационных методов можно все же продвигаться вперед, анализируя погребения расчлененных останков в связи с характеризующей соответствующие археологические общности «погребальной нормой». Ниже резюмируются результаты такого небольшого исследования на материале восточноманьчжской культуры.

В изучаемом массиве представлено всего 25 погребений с расчлененными останками (4,0% общей выборки)⁷⁷, что красноречиво свидетельствует об экстраординарности данного явления в рамках восточноманьчжской традиции.

Опираясь на работы В.И. Мельника и О.В. Зайцевой, этот материал можно разделить на группы⁷⁸:

⁷⁶ О.В. Зайцева отмечает, что «термин “вторичное погребение” был заимствован археологами из этнографии и культурной антропологии, а в этих дисциплинах расчленение вовсе не является обязательным условием для вторичного погребения и... подразумевает перемещение и перезахоронение телесных останков в любом их состоянии» (Зайцева, 2005. С. 33). Этого указания, на мой взгляд, достаточно, чтобы не использовать указанный термин на стадии первичного анализа археологического и антропологического материала.

⁷⁷ В одних и тех же могильниках присутствуют захоронения расчлененных останков (в хронологической последовательности) ямной и северокавказской степной культур, раннекатакомбного времени (ямно-катакомбные и северокавказско-катакомбные), восточноманьчжской, лолинской культур. Поэтому культурная атрибуция расчлененных погребений иногда бывает затруднена отсутствием идентифицирующих вещей. Несмотря на то, что по этой причине некоторые восточноманьчжские комплексы могли не попасть в нашу выборку, процентное колебание не может быть значительным.

⁷⁸ В погребениях всех групп кости скелета, судя по описаниям, не встречены в заполнении могильных конструкций.

1) погребения полностью эскарнированных останков (всего 21); диагностический признак — компактная укладка костей в нарушенном анатомическом порядке на дне могильной камеры;

2) погребения останков (птомы) с отчленением конечностей (всего одно); диагностический признак — сохранение на дне могильной камеры скелетных останков в анатомическом порядке, при полном или частичном отсутствии конечностей⁷⁹;

3) погребения, которые в настоящее время не могут быть однозначно отнесены к одной из двух первых групп и заслуживают отдельного обсуждения (всего три)⁸⁰.

Ясно, что пытаться уловить какие-то специфические особенности статистических характеристик по отношению к «погребальной норме» можно лишь для погребений «эскарнантов». Несмотря на малочисленность этой группы, для сравнительного анализа необходимо разделить ее на две части — индивидуальные и совместные погребения, каждую из которых можно сравнить с соответствующими группами комплексов с труположениями. Несмотря на очень маленький размер выборки погребений «эскарнантов», можно сделать содержательные наблюдения, учитывая, что «случайные причины» минимально влияли на погребальную практику.

5.1. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Индивидуальные погребения с эскарнированными костями (всего 13; 2,7% выборки индивидуальных погребений) происходят из 13 курганов семи памятников (табл. 91–95, илл. 109–118).

В основном, подобным образом захоранивались останки взрослых (старше 15 лет) индивидуумов (табл. 91). Однако в выборку попали и два комплекса, содержавшие кости детей. В одном (Чограй VIII к. 13 п. 03) обнаружено несколько фаланг, лежавших на пятне охры на дне могильной конструкции⁸¹, рядом с курильницей; в заполнении встречены фрагменты костяного кольца. В другом (Чограй III к. 02 п. 04) на дне зафиксированного подбоя не было ничего, кроме «одной фаланги (стопы?) детского скелета» и «двух комочков красной краски» (охры). Поскольку мелкие кости кистей и стоп подвержены более быстрому естественному разрушению, чем массивные длинные кости, череп и таз, можно полагать, что последние и не были помещены в могилу. Сходство комплексов между собой дополняется тем, что в каждом из курганов имелось еще по одному детскому восточноманычскому погребению с труположением, причем эти захоронения отличало противоположное стандартному положение скелетов — спиной ко входу в камеру — и окрашенность стоп. Оба кургана создавались в восточноманычское время, в обоих затруднительно определить основное погребение, в обоих — по три восточноманычских комплекса⁸².

⁷⁹ Это известное совместное погребение мужчины, женщины и ребенка Лола I к. 04 п. 08 (Синицын, Эрдниев, 1966. С. 34–38), учтенное В.И. Мельником (Мельник, 1991. С. 15–16). Здесь отмечен случай остеотомии: ноги мужчины и женщины были отрублены в бедрах выше колен (соответственно, нижняя часть бедер, кости голени и стоп отсутствовали).

⁸⁰ Сюда входят комплексы: 1) Веселая Роща III к. 21 п. 13 (Геннадиев, Державин и др., 1987; Державин, 1989. С. 126): мужской скелет лежал скорченно на левом боку, на длинных костях имелись следы распила; 2) Веселая Роща II к. 03 п. 04 (Романовская. Отчет 1978. С. 24): захоронение черепа (головы?) взрослого человека; 3) Цаган Усн III к. 01 п. 12 (Арапов. Отчет 1987. С. 24, 25): погребен мужчина, около 45 лет; эскарнированные кости были уложены в кучу, рядом с которой в сочленении лежала часть скелета: часть позвоночника, левая сторона грудной клетки, левая лопатка, кости плеча и предплечья левой руки (вытянута вдоль тела); с правой стороны сохранились несколько ребер.

⁸¹ Вид конструкции не определен, но судя по конфигурации в плане и горизонтальному без перепадов дну, предположительно это была яма или яма с подбоем.

⁸² В к. 13 Чограя VIII, кроме детских, было погребение взрослого (мужчины) в материке, в яме, в к. 02 Чограя III — погребение подростка, на уровне древнего горизонта, могильная конструкция не прослежена.

Аналогичных парциальных захоронений фаланг, а также отдельных костей кистей или стоп взрослых людей в нашей выборке нет. В этой связи упомяну одно, вероятно, поствосточноманычское (лолинская культура) п. 27 к. 04 могильника Цаган Усн VII в Калмыкии, содержащее останки индивидуума юношеского возраста: кости ног здесь были представлены только левой стопой, положенной в сочлененном состоянии рядом с телом (у таза) погребенного (Шилов. Отчет 1987. С. 63–64). Уместно также вспомнить, что в тех случаях, когда в восточноманычских погребениях обнаруживались следы охры, чаще всего они сосредотачивались именно в области голеней и стоп умерших (как, впрочем, и в большинстве других катакомбных культур). Особая роль стоп и следов в культовой практике и мифологических представлениях степных скотоводов энеолита и бронзового века в целом известна (Кореневский, 1999; здесь же сводка литературы по проблеме). Однако уверенно интерпретировать найденные детские фаланги в этом ключе пока явно преждевременно, тем более что достоверно не известно, были ли это фаланги ног или рук. Поскольку речь идет о небольшом количестве мелких костей (в одном случае — просто об одной фаланге), описанные погребения больше похожи на особые (жертвенные?) комплексы.

В выборке есть также одно погребение подростка (Чограй V к. 03 п. 01) (илл. 110, А), которое по своим характеристикам не отличается от десяти погребений взрослых и рассматривается ниже вместе с ними (всего, таким образом, 11 комплексов). Определения пола отсутствуют, за исключением также одного погребения (Чограй VIII к. 21 п. 01; мужчина) (илл. 110, В).

Состав останков (табл. 92). Краткие описания не позволяют детально анализировать состав эскарнированных останков. Обычно присутствуют череп (преимущественно без нижней челюсти) и длинные кости ног и рук (не обязательно в полном составе)⁸³. Приблизительно в половине случаев наличествуют и кости таза. К этому набору добавляются произвольно отдельные позвонки (иногда в сочленении) и/или ребра, лопатки, пяточные кости (более мелкие кости кистей и стоп не упоминаются, как, впрочем, и ключицы). В одном случае останки были представлены только фрагментом черепа («лицевая часть с верхней челюстью»), находившемся на дне могильной ямы, в центре.

Способ укладки (табл. 91). На дно камеры, вдоль ее оси, компактно укладывались длинные кости параллельно друг другу; с короткой стороны получившегося «пакета» размещался череп; немногие остальные кости находились под/между/длинными (четыре погребения). Также встречается укладка костей, имитирующая скорченное положение скелета (два раза «на левом боку» и один раз «на спине»). Учитывая расположение длинных костей и черепа, можно говорить об преимущественно южной ориентировке останков, что характерно и для восточноманычских трупоположений. В трех случаях в тексте публикации указывается лишь, что кости уложены «в кучу», но из-за отсутствия иллюстраций судить об упорядоченности невозможно.

Могильные сооружения (табл. 93). Приблизительно поровну представлены два вида могильных сооружений — катакомбы и ямы, по форме, пропорциям и параметрам не отличающиеся от восточноманычского стандарта: входные шахты катакомб и могильные ямы имеют прямоугольную, близкую к квадратной, или просто квадратную форму, большей частью площадью 1,5–2 кв. м). Две конструкции имели большие (площадью более 3,5 кв. м) могильную яму и входную шахту, что приблизительно соответствует

⁸³ К сожалению, из-за пробелов в полевой документации, трудно получить по всему массиву достоверную статистику случаев прижизненной деформации черепа у погребенных, хорошо известную у носителей катакомбных традиций. Однако если судить по материалам одного обширного могильника — Восточноманычского Левобережного I (Синицын, 1978), то можно увидеть явную связь признаков «эскарнация костей» и «деформированный череп»: здесь в выборке из 84 индивидуальных погребений с трупоположениями 17 раз отмечена деформация черепа (20,2%), а из пяти индивидуальных погребений «эскарнантов» череп был деформирован у четырех (80%).

доле больших конструкций в выборке индивидуальных погребений с труположениями (илл. 18).

Что касается ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям, то заметно большее преобладание основных направлений (главным образом С—Ю) у индивидуальных погребений с эскарнированными останками по сравнению с труположениями (90% против 72%). У катакомб входы в камеру ориентированы, главным образом, в широтном направлении, причем поровну по два раза на В и на З; у катакомб с труположениями ориентировка входа на В (самая массовая) встречается почти в три раза чаще, чем ориентировка на З. В выборке «эскарнантов» есть один случай ориентировки входа на Ю; это направление входа имеет лишь 7,4% катакомб с труположениями.

Сопровождающий инвентарь (табл. 94). По составу находок погребения с расчлененными останками не выделяются среди прочих индивидуальных погребений восточноманычской культуры. Несмотря на крайнюю малочисленность выборки, все же можно отметить сравнительную «бедность» первых: доля «безинвентарных» комплексов здесь почти в два раза выше, чем в погребениях с труположениями. Реже встречается даже самая массовая категория находок — керамическая посуда (46% против 60% погребений). В четырех погребениях обнаружено по одному сосуду, в одном (Чограй VIII к. 21 п. 01) неожиданно — пять (максимальное число для выборки индивидуальных труположений; комплексы с таким набором посуды составляют не более 1% массива)⁸⁴.

Слабо и своеобразно представлены орудия труда/оружие (имеются в 38% комплексов с труположениями); полностью отсутствуют орудия из бронзы (последние представлены в основном массиве шире, чем орудия из других материалов), равно как и костяные предметы и орудия, зато в двух комплексах (18%) встречены каменные орудия — песты (Чограй VI к. 02 п. 02; Ергенинский к. 11 п. 01). Это превосходит концентрацию пестов в погребениях с труположениями (8% комплексов) и соответствует доле погребений с труположениями, сопровождавшихся находками каменных предметов в целом.

Находки личных наборных украшений (отмечены в 24% индивидуальных погребений с труположениями) ограничиваются несколькими мелкими бусинками (фаянсовый бисер) в одном комплексе (Чограй VI к. 02 п. 02) (илл. 110, Б).

С неизменной частотой (около четверти комплексов) в сравниваемых выборках встречается лишь одна категория находок — глиняные курильницы.

Местоположение (табл. 95). Более ярко своеобразие рассматриваемых комплексов проявляется в особенностях их расположения. Прежде всего, отметим явно большую долю основных в выборке погребений с эскарнированными останками по сравнению с труположениями (27% против 12%) (илл. 114). Одно впускное погребение с «эскарнантом» (Чограй VIII к. 21 п. 01) также оказалось в центре кургана, в материке, над основным; еще одно (Востокоманычский Левобережный II к. 12 п. 03) — в центре кургана, в материке, рядом с основным, почти вплотную к нему.

Что касается впускных погребений, расположенных на расстоянии от трех и более метров от условного центра кургана, то существенно важно равномерное тяготение погребений с эскарнированными останками к основным и диагональным географическим направлениям, по сравнению с индивидуальными труположениями, более чем в два раза чаще занимающими диагональные сектора. В то же время неизменным остается правило хоронить преимущественно в восточной поле кургана. Наконец, существенно, что все захоронения «эскарнантов» были углублены в материк, в то время

⁸⁴ Большое число сосудов и присутствие среди них маленькой кружечки (высота 5,5 см, диаметр тулова 7,5 см), что характерно для совместных погребений взрослых с детьми раннего возраста, наводят на мысль, что и данное погребение, возможно, было оформлено как совместное и изначально содержало, кроме костей скелета мужчины старческого возраста, и кости скелета ребенка, полностью истлевшие и не зафиксированные при раскопках.

как почти треть (28%) индивидуальных погребений с трупоположениями обнаружены в насыпи, реже на уровне древнего горизонта или в верхнем слое погребенной почвы (илл. 115).

Необходимо также обратить более пристальное внимание и на *окружение изучаемых погребений однокультурными комплексами в курганах* (табл. 95). Во-первых, можно предположить (утверждать мешает малый размер выборки) несколько большее по сравнению с индивидуальными трупоположениями тяготение впускных индивидуальных захоронений «эскарнантов» к курганам, созданным именно в восточноманычское, а не более раннее время (соответственно, 25% против 19% погребений) (илл. 116). Во-вторых, сравнивая нашу небольшую серию с общей выборкой, можно убедиться, что «эскарнанты» практически не бывают единственными восточноманычскими комплексами в кургане (один случай — основное погребение Восточноманычский Левобережный I к. 13 п. 01) (9% курганов) (илл. 117), в то время как подобная «разбросанность» одиночных комплексов достаточно характерна для массива восточноманычских материалов в целом (26% курганов). При этом средняя плотность восточноманычских комплексов в курганах с индивидуальными «эскарнантами» и трупоположениями практически не отличается (около 2,5) (илл. 118). В сочетании с предыдущим наблюдением, это говорит об отсутствии тяготения эскарнированных захоронений к сравнительно редким курганам с большим (три и более) числом восточноманычских комплексов в материке. Наконец, в-третьих, обращают на себя внимание особенности планиграфических решений и повторяющиеся в пределах одного кургана отдельные характеристики погребений: это позволяет увидеть жесткую «вписанность» погребения с эскарнированными останками в структуру микромогильника, состоящего чаще всего из двух восточноманычских комплексов в материке. Рассмотрим эти случаи подробнее⁸⁵.

Так, одно основное погребение «эскарнанта» в большой (2,3 × 2,0 м) яме (Восточноманычский Левобережный I к. 40 п. 02) в центре кургана «дополнялось» находившимся «в юго-западном секторе кургана, ближе к центру» совместным синхронным погребением женщины и ребенка в катакомбе (п. 01) (диаметр кургана 17 м; Сеницын, 1978. С. 44); прямоугольная яма п. 02 ориентирована по линии С—Ю, квадратная входная шахта п. 01 — по странам света, камера — по линии С—Ю. Все погребенные, включая «эскарнанта», ориентированы черепами на Ю.

Другое основное погребение с эскарнированными останками в центре кургана (Восточноманычский Левобережный I к. 46 п. 01) было совершено в катакомбе, входная шахта и камера которой были ориентированы по линии С—Ю. Яма впускного комплекса — «кенотафа» (п. 02), находившаяся «в западном секторе кургана, в двух метрах от основного погребения» (диаметр кургана 16 м; Сеницын, 1978. С. 49) располагалась перпендикулярно п. 01 (была вытянута по линии В—З). Оба комплекса содержали по одному «чугунковидному» орнаментированному горшку⁸⁶.

В двух случаях впускные погребения с эскарнированными останками сопровождали основные восточноманычские погребения с трупоположениями. Основное погребение Восточноманычский Левобережный I к. 51 п. 02 было совершено в центре кургана, в катакомбе, входная шахта которой была ориентирована по линии С—Ю, а вход в камеру находился в западной стенке; скелет женщины с деформированным черепом лежал на правом боку, скорченно, головой на Ю. Отметим, что западная ориентировка входа и укладка умершего на правый бок представляют собой редко встречающееся «зеркально-симметричное отклонение» от традиционных для восточноманычцев характеристик обряда — ориентировки камеры в восточную половину круга и трупополо-

⁸⁵ К сожалению, ни в одном из рассматриваемых ниже курганов не зафиксированы подсыпки, вероятно, имевшие место при создании впускных погребений.

⁸⁶ Здесь и ниже планы курганов и погребений не приводятся, так как отсутствуют в публикации И.В. Сеницына.

жения на левом боку. Погребение с эскарнированными останками (п. 01) находилось в «юго-восточном секторе ближе к центру кургана» и представляло собой катакомбу, входная шахта которой также была ориентирована по линии С—Ю, а вход в камеру — на З. В обоих комплексах инвентарь представлен глиняной курильницей (Синицын, 1978. С. 53).

В к. 12 могильника Восточноманычский Левобережный II основное п. 02 было совершено в прямоугольной яме, вытянутой по линии В—З; погребенный на левом боку скорченно был ориентирован головой на В. Погребение с эскарнированными останками (п. 03) (лицевая часть черепа на дне могилы, в центре) было совершено в так же ориентированной прямоугольной яме, находившейся рядом с п. 02 с южной стороны. Еще южнее, на расстоянии 1 м к Ю от п. 03 располагалась также вытянутая в широтном направлении прямоугольная яма п. 04. Погребенный мужчина также лежал скорченно на левом боку головой на В. Могильная яма основного п. 02 в восточной части была нарушена катакомбой п. 01. По-видимому, прямоугольная входная шахта и овальная камеры п. 01 были ориентированы по линии В—З, погребенный (подросток) лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Вещей (за исключением следов подстилок) в погребениях не было (Синицын, 1978. С. 73). Таким образом, образован «микромогильник» из трех выстроенных в один ряд могил; еще одно погребение, перекрывающее основное, вписывается в тот же ряд. Существенно, что все погребенные ориентированы головой на В — эта ориентировка встречается в два раза реже «классической» ориентировки на Ю и, как правило, такие случаи в курганах единичны.

Сходную картину расположенных рядом и параллельно восточноманычских погребений демонстрирует к. 21 могильника Чограй VIII. Над основным раннекатакомбным погребением в центре кургана, в материк впущены два «квазиосновных» восточноманычских: п. 01 в небольшой (около 1,0 × 0,9 м) прямоугольной яме, вытянутой по линии С—Ю, содержавшей «пакет» эскарнированных костей мужского скелета, и п. 04, рядом с п. 01, к В от него, также в малой яме (1,2 × 0,9 м), ориентированной по линии С—Ю, в которой находился скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на Ю (илл. 111, 1). Инвентарь представлен посудой — большим набором в п. 01 и единственным кувшином-кружкой в п. 04 (Андреева, 1989. Табл. IV).

На одной линии, проходящей через центр кургана, находились в к. 42 Восточноманычского Левобережного I могильника впущенное в центр кургана «квазиосновное» восточноманычское п. 02 (в катакомбе с квадратной входной шахтой, ориентированной по диагональным направлениям, входом на СВ; в камере скелет взрослого человека с деформированным черепом лежал скорченно на спине или левом боку, головой на ЮВ) и впускное в северо-восточный сектор кургана п. 08 (в так же ориентированной катакомбе аналогичных пропорций кости скелета взрослого человека с деформированным черепом были сложены, имитируя позу «на левом боку», головой на ЮВ) (илл. 111, 2). Вещи обнаружены в п. 02 — курильница и пастовые трубчатые с выпускниками пронизи на костях погребенного. Остальные погребения в катакомбах в этом кургане (погребения 04, 05, 06, 07) относятся к предшествовавшему раннекатакомбному пласту, основное п. 03 — северокавказское (Синицын, 1978. С. 45).

Двумя комплексами в материке представлен восточноманычский пласт в к. 03 могильника Чограй V (илл. 111, 3). Оба погребения совершены в катакомбах, но конструкция впущенного в центр кургана над скоплением более ранних комплексов «квазиосновного» п. 07 прослежена плохо. В последнем вход в камеру располагался в восточной стенке входной шахты. Погребенный взрослый человек лежал в типично восточноманычской позе — скорченно на левом боку, головой на Ю. В 8 м к З от центра, за пределами территории, занятой ранними погребениями, находилось п. 01: эскарниро-

ванные кости скелета подростка были помещены в катакомбу, входная шахта которой была ориентирована по линии С—Ю, а камера располагалась к В от входной шахты («Н-катакомба»). Череп находился с южной стороны от «пакета» длинных костей. Оба погребения содержали по курильнице и по одному сосуду (в п. 01 — чугуновидный горшок, в п. 07 — кружка) (Коренько. Отчет 1978. С. 286—288, 296—298).

В оставшихся двух курганах из нашего списка не было ни основных, ни «квазиосновных» восточноманычских погребений. Обращает на себя внимание сходство черт могильных конструкций двух восточноманычских погребений в к. 11 Элистинского могильника (илл. 111, 4). Одно (п. 01) находилось в восточном секторе кургана, в прямоугольной яме, ориентированной по линии В—З; на дне уложены эскарнированные кости взрослого человека; инвентарь составлял каменный пест. Второе (п. 02) располагалось в северо-восточном секторе кургана, в катакомбе, с входной шахтой, параметрами, пропорциями и ориентировкой очень близкой к яме п. 01, с входом в северной стенке шахты; погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на В; инвентарь — глиняный сосуд (кувшин) (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 80). В данном случае объединяющим признаком является сравнительно редкая широтная ориентировка могильных конструкций (как в к. 12 Восточноманычского Левобережного II, см. выше).

Наконец, последний случай сочетания двух комплексов в материке под одной насыпью представлен в к. 02 могильника Чограй VI. Два восточноманычских погребения находились к В или ЮВ (п. 02 с эскарнированными останками взрослого человека) и к ЮВ или Ю (п. 09 — парное трупоположение мужчины и женщины)⁸⁷. Все погребенные были уложены в традиционной для восточноманычского обряда позе — на левом боку, скорченно, головой на Ю (в п. 02 укладка эскарнированных костей имитировала это положение). Сходство двух разных конструкций (п. 02 — яма с заплечиками, п. 09 — катакомба) состоит в большом размере входных ям (площадь ямы п. 02 выше заплечиков — 3,6 кв. м, площадь шахты п. 09 — 4,2 кв. м), указывающем на неординарный статус погребенных. Этот статус подтверждается нахождением во входной шахте п. 09 деревянной повозки; остальной инвентарь состоял из бронзовых ножа и шила, бронзового предмета (форма и назначение не ясны из-за плохой сохранности) в деревянном футляре, двух небольших шаровидных камешков (кусочки мела?) и курильницы. В п. 02 обнаружены глиняный сосуд-кружка, камень — «плоский подпрямоугольный булыжник с закругленными углами размерами 20 × 8 × 3,5 см» (вероятно, пест) и (среди костей) несколько фаянсовых бус (бисер) (Коренько. Отчет 1978. С. 312—314, 322—327). Этот комплекс, при всей скромности инвентаря, явно выделяется в нашей небольшой серии индивидуальных погребений «эскарнантов» разнообразием набора вещей (три категории).

Совпадение отдельных обрядовых характеристик индивидуальных погребений с эскарнированными останками и с трупоположениями в материке в пределах одного кургана (чаще всего речь идет о единстве параметров, пропорций и/или ориентировок могил) позволяет предположить, что в каждом случае эти погребения создавались в короткий промежуток времени одними и теми же людьми. Соответственно, основной целью при совершении захоронения эскарнированных костей должно было быть упокоение останков индивидуума, умершего существенно раньше, в пределах не только конкретного кургана определенного могильника, но и включение этих останков в состав «микромогильника», наряду с погребением новопреставленного или — в перспективе — еще живущего сородича.

⁸⁷ Входная шахта основного раннекатакомбного п. 07 была прослежена не полностью; кроме того, в курган были впущены еще три раннекатакомбных погребения, которые, вероятно, сопровождались досыпками насыпи. Поэтому определить центр, по отношению к которому выбирали местоположение своих погребений «восточноманычцы», можно только очень приблизительно.

На основании сделанных ранее (см. раздел 3) выводов о существовании в восточноманычской культурной традиции «географического кода», позволявшего моделировать семейно-родственные связи в пространстве кургана с помощью согласованной системы ориентировок, можно думать, что особенности расположения погребений с эскарнированными останками свидетельствуют об особом, «повышенном» статусе захороненных подобным образом людей. Вместе с тем, небольшие размеры могильных сооружений и скромность сопровождавшего «эскарнантов» инвентаря говорят о том, что статус этот определялся и ограничивался рамками большесемейной общины.

5.2. СОВМЕСТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Совместные погребения с эскарнированными костями (всего восемь; 12,5% выборки совместных синхронных погребений) происходят из восьми курганов семи памятников (табл. 96–100; илл. 112–118).

Высказанное выше предположение находит подтверждение в материалах выборки совместных синхронных погребений. Прежде всего, весьма заметна повышенная (в 4,5 раза) концентрация эскарнированных останков в совместных погребениях по сравнению индивидуальными (илл. 113). Превосходство настолько существенное, что было отмечено еще В.И. Мельником без детальных подсчетов (Мельник, 1991. С. 40). Поскольку восточноманычские совместные погребения моделировали, вероятно, связи внутри нуклеарной семьи (раздел 4.2), появление большого числа «эскарнантов» в этой выборке выглядит закономерным.

Половозрастной состав (табл. 96). Так же, как в индивидуальных погребениях, практически все эскарнированные кости принадлежали взрослым индивидуумам, как мужчинам, так и женщинам (отметим дефицит определений пола в нашей выборке). Исключение составляет п. 01 к. 12 могильника Чограй VIII: рядом с уложенными «пакетом» костями женского скелета (возраст 30–40 лет) обнаружены фрагмент черепа и ключица ребенка (возраст 1,5–2 года) (Андреева, 1989. С. 58).

Все погребения с эскарнированными останками — двойные, из них шесть содержали останки взрослых (75%), два — останки взрослого и ребенка раннего (младенческого) возраста (25%). Если посмотреть состав двойных совместных погребений, содержащих только труположения, то картина получается иная, с явным преобладанием сочетаний «взрослый и индивидуум довзрослого возраста» (60%); сочетание «взрослый и взрослый» встречено только в 20% двойных погребений. В трех тройных и двух погребениях с труположениями четырех индивидуумов также присутствовали останки младенцев и детей (табл. 80).

В совместных погребениях с «эскарнантами» встречены сочетания разнополых и однополых индивидов, но полностью документированы, к сожалению, всего два случая: Сухая Падина I к. 03 п. 05 (труположение: «мужчина 40–50 лет»; «эскарнант»: «женщина того же возраста») (илл. 112, А) (Державин. Отчет 1989. С. 23–24) и Цаган Усн IV к. 01 п. 06 (труположение: «скорее мужчина», «возраст старческий»; «эскарнант»: «мужчина, около 55 лет») (илл. 112, Б) (Арапов. Отчет 1987. С. 93). В выборке совместных погребений с труположениями сочетания разнополых индивидов в одном комплексе зафиксированы пять раз, однополых — один, причем последний комплекс происходит из того же кургана (Цаган Усн IV к. 01 п. 05), что и двойное мужское погребение с труположением и эскарнированными останками (п. 06). Этот памятник, представленный на момент раскопок одним отдельно стоящим курганом, выделяется на фоне остальных восточноманычских материалов рядом особенностей (см. Приложение), что позволяет видеть в двойных однополых погребениях взрослых скорее эк-

зотическое исключение и предположительно относить основную массу двойных погребений взрослых индивидуумов к разряду парных.

Состав эскарнированных останков (табл. 97) в совместных погребениях не отличается от такового в погребениях индивидуальных (насколько можно судить по предельно сжатым описаниям): это череп (в половине случаев отмечено отсутствие нижней челюсти, в остальных — информация отсутствует), длинные кости конечностей, реже тазовые кости. Дополнением к стандартному набору служили (в разных сочетаниях) отдельные позвонки, ребра, лопатки, фаланги. В одном погребении эскарнированные кости представлены только черепом без нижней челюсти, еще в одном — черепом (наличие нижней челюсти не оговорено в документации), ребром и позвонком⁸⁸.

Способ укладки (табл. 96). Два случая в нашей выборке, когда можно предполагать, что останки обоих погребенных совместно представляли собой в момент захоронения эскарнированные кости. Это, во-первых, вышеупомянутое погребение женщины и ребенка раннего возраста (Чограй VIII к. 12 п. 01). Утверждать, что скелет младенца был эскарнирован, мешает плохая сохранность немногих костей (фрагменты черепа и ключица) и условия находки (погребение обнаружено в насыпи, в процессе снятия ее скрепером). Второй комплекс (Ергенинский к. 03 п. 04) отражен в отчете недостаточно подробно: чертеж и фото погребения плохо читаются (Шилов. Отчет 1981. С. 108–111, рис. 288–293). Не ясно, разрушен или расчленен основной скелет взрослого человека, лежавший по оси камеры (автор отчета считает, что последнее, и поза «скорченно на левом боку» является имитацией). Что касается второго эскарнированного скелета («женщина молодого возраста»), находившегося в ногах у первого, то на фото видны длинные кости небольшого размера без эпифизов, принадлежавшие, вероятно, подростку⁸⁹.

В шести остальных комплексах встречено сочетание трупоположения одного погребенного с эскарнированными останками другого. Среди них есть еще одно погребение (Восточноманычский Левобережный II к. 08 п. 12), со специфическим набором костей взрослого индивидуума и своеобразным расположением скелета младенца: на дне могильной ямы в центре находился череп взрослого человека без нижней челюсти; вдоль северной стенки (поперек длинной оси ямы) лежал скелет ребенка, на спине, вытянуто, головой на 3 (чертеж или фото, к сожалению, отсутствуют) (Синицын, 1978. С. 70). Для двойных погребений взрослых характерно положение вдоль длинной оси камеры, в катакомбах — параллельно входу, на левом боку, скорченно (трупоположение) и в виде «пакета» (эскарнированные кости). Имела место и укладка костей, имитирующая положение «на спине скорченно» (Восточноманычский Левобережный I к. 22 п. 06) (илл. 112, В) и, возможно, «на левом боку, скорченно» (Ергенинский к. 03 п. 04, оба скелета). Эскарнированные кости складывались или перед лежавшим на боку погребенным (четыре случая), или в ногах у последнего, перпендикулярно ему (два случая). Ориентировка трупоположений и «пакетов» — преимущественно В, реже Ю, один раз — ЮВ; напомним, что доминирующей ориентировкой в индивидуальных погребениях и в совместных погребениях без «эскарнантов» является Ю. Перпендикулярное же положение погребенных в одной камере по обряду трупоположения встречается в нашей выборке редко и только в группах совместных погребений взрослых

⁸⁸ На фоне данных об индивидуальных погребениях надо признать значимым присутствие в четырех совместных погребениях с «эскарнантами» (50%) индивидуумов с деформированными черепами. В совместных погребениях с трупоположениями таких комплексов восемь, т.е. всего 14,5%. Даже предполагая, что последняя цифра несколько занижена из-за погрешностей фиксации данных в отчетах, можно отметить явную связь признаков «эскарнация» и «деформация черепа».

⁸⁹ В нашей выборке за исключением комплекса Ергенинский к. 03 п. 04 нет погребений с двумя взрослыми «эскарнантами», хотя такой вариант потенциально возможен для восточноманычской традиции. В изученных нами памятниках он встречен в одном лолинском погребении (Цаган Усн III к. 03 п. 02).

(четыре случая) и подростков (один случай) с детьми: дети располагаются в ногах у старших (табл. 84–87).

Двойное мужское погребение (Цаган Усн IV к. 01 п. 06), помимо состава, отличало и положение останков в камере катакомбы — «эскарнант» находился у противоположной входу стенки, а второй погребенный был положен на правый бок, спиной ко входу. В совместных погребениях с трупоположениями правобочное положение умерших также встречается редко; это погребения взрослых с детьми (взрослый на левом боку, перед ним — ребенок на правом боку) и двоих взрослых лицом друг к другу (идентифицируются как парные).

Могильные сооружения (табл. 98). Среди могильных конструкций в материке преобладают катакомбы. Входные шахты катакомб и могильные ямы имеют обычную прямоугольную и квадратную форму, площадь большей части конструкций — 2–3 кв. м (тот же стандарт характерен для совместных погребений с трупоположениями). В двух из четырех катакомб были большие входные шахты площадью около 4 кв. м. Напротив, в выборке совместных трупоположений большую входную шахту имела лишь пятая часть катакомб.

Ориентированы конструкции по сторонам света, вход в камеру у трех катакомб ориентирован на С, одной — на ЮВ. У погребений с трупоположениями расклад несколько иной: также преобладают, хотя и не так явно, основные ориентировки конструкций (66%), но при этом более половины катакомб ориентированы входом в широтном направлении (поровну на В и на З), далее следует ориентировка на С (17%) и на ЮВ (13%), остальные направления представлены единичными случаями.

Сопровождающий инвентарь (табл. 99). Как и прочие совместные, погребения с «эскарнантами» отличаются от индивидуальных сравнительным «богатством» наборов инвентаря. Посуда встречается чаще (в 86% совместных погребений с «эскарнантами» и 75% погребений с трупоположениями) и в большем количестве (соответственно до 4 сосудов в комплексе в первой выборке совместных погребений и до 10 — во второй).

Так же чаще обнаруживаются предметы из бронзы и камня. Три погребения с «эскарнантами» содержали бронзовые орудия — ножи и стержни; в той же пропорции (больше трети комплексов) ножи и стержни сопровождают совместные трупоположения, но встречаются лишь в четверти погребений с индивидуальными трупоположениями. Приблизительно одинаково в обеих выборках совместных погребений представлены предметы из камня (25% и 27% комплексов), однако в погребениях с эскарнированными костями не найдены каменные песты. В совместных погребениях с трупоположениями количество комплексов с пестами, напротив, несколько увеличивается (до 12%) по сравнению с индивидуальными погребениями.

Во всех совместных погребениях по сравнению с индивидуальными возрастает доля комплексов с курильницами (половина совместных погребений с «эскарнантами», более трети комплексов с трупоположениями).

Личные наборные украшения (из бус) встречены в совместных погребениях с «эскарнантами» два раза, причем лишь в одном случае пастовые (фаянсовые) бусы находились рядом с эскарнированными костями женского скелета (но и рядом с ногами погребенного скорченно на левом боку взрослого индивида) (Ергенинский к. 03 п. 04). Во втором комплексе (Восточноманычский Левобережный II к. 08 п. 12) бронзовые и сердоликовые бусы находились «у кистей рук ребенка», лежавшего на спине, вытянуто; останки взрослого индивидуума представлены черепом без нижней челюсти (Синицын, 1978. С. 70). Понятно, что наборные украшения составляли наряд погребенных, который не мог быть воспроизведен при захоронении эскарнированных костей. Подобные находки встречены в половине совместных погребений с трупоположениями.

ми, что в два раза превышает их концентрацию в индивидуальных погребениях по тому же обряду.

В целом, можно констатировать, что по составу инвентаря пока затруднительно отличить совместные погребения с эскарнированными костями от прочих совместных захоронений.

Местоположение (табл. 100). Равным образом, по доле основных (13% и 11%) и впускных в центр кургана (14% и 13%) комплексов обе выборки совместных погребений практически не отличаются друг от друга; в этом отношении не отличаются они и от «эталона» — выборки индивидуальных трупоположений (12% и 11%) (илл. 114). Зато не заглубленные в материк (и, следовательно, не прослеженные в насыпи, но предполагаемые) могильные конструкции отмечены для совместных погребений обеих групп более чем в два раза реже «нормы» (илл. 115). Своевременно напомним о малом размере нашей выборки (12,5% — это одно совместное погребение с эскарнированными костями, в данном случае — Чограй VIII к. 12 п. 01), позволяющем улавливать тенденцию только по совокупности разных признаков.

Как и прочие восточноманычские комплексы, впускные совместные погребения с эскарнированными костями за пределами центрального участка (диаметром до 6 м) сосредоточивались в восточной поле кургана, причем половина — именно в восточном секторе. Индивидуальные трупоположения и совместные погребения с трупоположениями, напротив, занимают основные сектора существенно реже, в частности, восточный — в 3–4 раза реже.

Окружение однокультурными комплексами в курганах (табл. 100). Впускные совместные погребения с «эскарнантами» тяготеют к курганам, заложенным в восточноманычское время, по сравнению с совместными трупоположениями, кажется, даже более явно (28,6% против 13,0% погребений), чем это имело место при сравнении индивидуальных погребений между собой (илл. 116). При этом получается, что единственными восточноманычскими погребениями в курганах совместные погребения с «эскарнантами» (26%) все же бывают гораздо (в 2,5 раза) чаще, чем совместные трупоположения (10%) и индивидуальные «эскарнанты» (9%), почти так же часто, как индивидуальные трупоположения (25%) (илл. 117). Возможно, здесь мы сталкиваемся с погрешностью, связанной с малым объемом выборки. Как характерную черту можно отметить существенно бóльшую плотность восточноманычских комплексов в курганах с обоими видами совместных погребений (4,25 для совместных с «эскарнантами», 3,71 для совместных с трупоположениями) по сравнению с обоими же видами индивидуальных погребений (илл. 118). Таким образом, для совместных погребений, включавших эскарнированные кости, характерно размещение в составе сравнительно больших (три и более комплексов в материке) однокультурных микромогильников в курганах.

В целом можно сказать, что совместные погребения с «эскарнантами» меньше отличаются от совместных погребений с трупоположениями, чем аналогичные группы индивидуальных погребений между собой; наиболее заметные отличительные черты первых состоят в более сильном тяготении к однокультурному окружению в курганах и более выраженной тенденции занимать престижное (основное направление от условного центра, в частности, восточный сектор) место в кургане. Эти особенности — общие для совместных и индивидуальных погребений с эскарнантами; объединяет их также сравнительная (для каждой группы отдельно, в рамках традиций совместных и индивидуальных трупоположений соответственно) скромность могильных сооружений и инвентаря.

Как уже отмечалось, восточноманычские совместные погребения моделировали, прежде всего, наиболее близкие родственные связи, в частности, внутри нуклеарной

семьи; очевидно, что ту же роль играли совместные погребения, включавшие не только трупоположения, но и эскарнированные останки. Важным условием подобного моделирования, как и в случае с индивидуальными погребениями «эскарнантов», был повышенный статус (прежде всего, поколенческий) погребенных в одном могильном сооружении внутри большесемейной общины.

5.3. ВЫВОДЫ

В книге, посвященной морфологии преднамеренного погребения, Ю.А. Смирнов выделил три обрядовых цикла посмертного обращения с умершими — птоματοлогический, тафологический и мнемологический — и отметил, что на больших отрезках времени оказывается «заметна “разная временная” акцентация для того или иного некрологического цикла: для *мифологического сознания* она проявляется по большей части на стадии птоματοлогического цикла, выражаясь преимущественно в многообразии предваряющих действий, направленных на тело умершего» (Смирнов Ю.А., 1997. С. 80). Это не удивительно — ведь эпохе мифологического сознания в социальном плане соответствует родовая организация общества, при которой все виды социальных связей основывались на отношениях родства и осмыслялись в понятиях родства. Тело человека — живое (сома) или мертвое (птома) — было воплощением и инструментом этих отношений.

Если подойти к феномену катакомбных погребений эскарнированных останков с этой точки зрения, то, опираясь на наши наблюдения, можно сказать следующее.

Поскольку совместные погребения моделировали наиболее тесные связи, чаще всего отношения индивидов внутри малой (нуклеарной) семьи, а число погребений с эскарнированными останками в этой группе явно завышено по сравнению с группой индивидуальных погребений, причем в совместных погребениях представлены случаи сочетания трупоположения одного погребенного с эскарнированными останками другого, то можно думать, что одной из основных целей эскарнации костей было последующее упокоение их в семейной могиле. При этом существенно, что не новый умерший помещался в уже существовавшую могилу родственника, а, напротив, в новую могилу рядом с трупом помещали кости умершего ранее человека. Бесспорно, такой способ формирования семейного склепа тесно связан с подвижным образом жизни пастушеских племен — носителей катакомбного обряда. Из-за дефицита данных можно лишь предполагать, что двойные совместные погребения взрослых, содержавшие трупоположение и эскарнированные кости, большей частью представляли собой парные захоронения мужчин и женщин.

Исходя из высказанной гипотезы о том, что курган в целом представлял собой модель стойбища большой семьи (раздел 3), сходным образом можно интерпретировать и смысл индивидуальных эскарнированных захоронений. Явно большее, по сравнению с основной выборкой, тяготение индивидуальных погребений с эскарнированными останками к центру и основным географическим направлениям в кургане можно трактовать как демонстрацию «старшинства».

6. Орудия и оружие: культовая и социально-знаковая функции

Особенность восточноманычских погребений состоит в сравнительно большом количестве находок, содержащихся в рядовых комплексах. К числу полностью «безинвентарных» (без учета не всегда зафиксированных в документации следов органических подстилок и минеральных красок) можно отнести лишь 19% индивидуальных захоронений. Заметен «подчеркнуто орудийный» характер наборов инвентаря (в число орудий можно условно включить и немногочисленную группу предметов, которая явно может быть отнесена к оружию); по частоте встречаемости (38% индивидуальных погребений) орудия идут вслед за самой распространенной категорией находок — керамической посудой (60% индивидуальных погребений). Это имплицитно приводит исследователей к мысли, что умершим клали «производственный», и, таким образом, «бытовой» набор вещей, имевший опосредованное отношение к культовой практике⁹⁰. Подтверждение этому видят, в частности, в том, что многие орудия (изготовленные из бронзы, камня и кости) несут на себе следы сработанности, иногда очень сильные (особенно это отличает бронзовые ножи). Упускается, как правило, из вида важнейший аспект функционирования орудий/оружия в первобытном обществе (и позднее, от эпохи ранних цивилизаций до средневековья), а именно — сакрально-магический характер этих предметов, их пограничное положение между сакральной и профанной сферами. В древности орудия и особенно оружие нераздельно сочетали в себе сакральную, престижную/статусную и практическую функции. Отметим, что погребальный контекст находок позволяет надеяться на раскрытие прежде всего именно первых двух граней использования артефактов.

6.1. ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ ИЗ БРОНЗЫ

В 2001 г. С.Н. Братченко и С.Н. Санжаров опубликовали монографическое исследование, содержащее описание и разносторонний анализ трех позднекатакомбных комплексов, открытых в Северскодонецком регионе (Приволье 11/8; Беловодск 6/2 и 6/9) и содержавших, наряду с другими бронзовыми орудиями, редчайшие находки — брон-

⁹⁰ Из числа содержащихся в катакомбных погребениях категорий артефактов только курильницы единодушно признаются сугубо предназначенными для культовых действий. Не располагая материалами поселений, нельзя говорить с полной уверенностью о том, что погребальная посуда «восточноманычцев» существенно отличалась от бытовой, хотя, бесспорно, отличие это существовало и отмечено на материалах других катакомбных культур (Маслихова, 2006). Это отличие само по себе является свидетельством исключительно ритуального назначения некоторых форм сосудов; формы, встречающиеся и в поселенческом, и в погребальном контекстах, могли приобретать ритуальную функцию, именно попадая в погребение. Как уже отмечалось, некоторые сосуды (чаще всего — реповидные горшки) несут на себе следы явно культовых действий, например, потеки от дна к горлу, что могло иметь место только при переворачивании сосуда. Любопытно, что некоторые чугунковидные горшки, как правило, прекрасно орнаментированные, покрывались слоем пачкающей охры, что исключало их использование в быту.

зовые втульчатые топоры (Братченко, Санжаров, 2001). Наряду с другими проблемами источниковедческого и историко-культурного характера (типологические особенности и происхождение найденных в погребениях вещей, культурно-хронологическая атрибуция самих погребений, концепция автономной организации металлопроизводства в пределах ККИО), которые авторы исследовали с привлечением материалов раннего и среднего бронзового века (РБВ и СБВ) Доно-Донецкого, Волго-Донского и Доно-Днепровского регионов, Предкавказья и Северного Кавказа, внимание в работе было уделено и вопросам функционирования редких находок (бронзовых топоров, тесел, долот, крюков) в среде носителей катакомбных и предшествующих им культур. По традиции исследователей интересовали, в первую очередь, практический и социально-знаковый аспекты использования вещей. Наиболее важные для нашей темы выводы этого исследования состоят в следующем (Братченко, Санжаров, 2001. С. 85–90):

1) редкие бронзовые орудия являются статусными вещами, отмечающими погребения «аристократической верхушки общества»⁹¹;

2) так как эти предметы встречаются как порознь, так и в различных сочетаниях друг с другом и с прочими категориями инвентаря, теоретически возможно выявление в «катакомбном обществе» социальных рангов, каждый из которых маркируется своим набором орудий;

3) моделью для построения такой социально-знаковой системы, усвоенной «катакомбным обществом», послужили «кавказско-переднеазиатские стандарты» ранне- и среднебронзовой эпох; об этом можно судить по единству категориального набора редких бронзовых орудий в неординарных майкопских (РБВ) и катакомбных (СБВ) погребениях.

Положение о «переднеазиатских стандартах» получило подтверждение в работах Л.И. Авиловой (2005, 2008), посвященных изучению плотницких орудий (все тех же тесел и долот, а также пил и топоров) из драгоценных металлов и бронзы, происходящих из Царского некрополя Ура (Раннединастический III период, середина III тысячелетия до н.э.). Эти вещи помещали в могилы царей и членов царской семьи в качестве регалий, поскольку «строительство, и прежде всего сооружение храмов, считалось в древней Месопотамии Раннединастического периода важнейшей сферой деятельности обожествляемого правителя, вождя-жреца, направленной на процветание общины и укрепление мирового порядка» (с. 173). Автор отмечает, что «сочетание драгоценных царских регалий с плотницким инструментарием наблюдается не только в Месопотамии эпохи бронзы: в “кладе Приама” из Трои II наряду с двумя золотыми диадемами, драгоценными украшениями присутствует бронзовая пила» (Авилова, 2008. С. 168).

Необходимо упомянуть также публикацию Е.И. Гака и А.А. Калмыкова, в которой показывается преемственность традиций металлопроизводства степного Предкавказья (центральная и восточная часть) в конце РБВ и в СБВ (последовательно: ямно-новоторовские, раннекатакомбные и манычские комплексы), а также известная самостоятельность этих традиций от кавказских металлургических центров (Гак, Калмыков, 2009). В данном случае внимание авторов привлекает, прежде всего, массовый материал (ножи), редкие виды стержней (наконечники стрел, зубилы, буравчики, крепостные пробойники) и все виды бронзовых украшений. Это позволило проследить не только категориальное, но и (на первых двух этапах) типологическое единство форм. Таким образом, большой хронологический разрыв между богатым орудийным комплексом майкопско-новосвободненской общности и сходным категориальным набо-

⁹¹ Это противоречит концепции, согласно которой погребения с бронзовыми теслами и долотами принадлежат мастерам-плотникам (по аналогии с известными погребениями мастеров-металлистов (литейщиков и кузнецов) и мастеров-изготовителей кремневых стрел) (Кияшко, 2002. С. 20–21).

ром в позднекатакомбных памятниках начинает материально и идейно заполняться более основательно.

Бронзовые орудия, обнаруживаемые в погребениях восточноманычской и синхронных ей катакомбных культур, археологи определяют как (по частоте встречаемости) ножи и стержни/шилья, крюки, тесла и долота, иглы, топоры (илл. 43). Перечисленные названия даются, прежде всего, исходя из морфологии изделий. Что касается наиболее массовых находок (так называемых ножей и шильев), то обозначающие эти категории вещей термины являются в значительной степени условными, мало говорящими о практическом использовании предметов, которые, как и крайне редко встречающиеся втульчатые (проушные) топоры, трудно однозначно отнести к одному классу — орудий или оружия⁹².

Напомним (см. раздел 2.1.4), что сопровождавший умерших орудийный набор, по-видимому, принципиально отличался от прижизненного предметного окружения. Об этом говорят: 1) *отсутствие орудий/оружия (из бронзы, камня и кости)* в большинстве могил (62% индивидуальных погребений, 60% индивидуальных погребений взрослых); 2) *большие перепады* (в 10 раз) в числе индивидуальных погребений с орудиями/оружием и без него в выборках по памятникам; 3) явное *превосходство случаев находок бронзовых орудий над каменными и костяными*, несмотря на то, что в число каменных и костяных орудий нами были включены и предметы неясного назначения (табл. 40, илл. 42).

Бронзовые орудия представлены в восточноманычских комплексах трех видов: индивидуальных погребениях, совместных синхронных погребениях и так называемых кенотафах, составляющих, соответственно, 78% и по 11% общей выборки (табл. 50, 51; илл. 62, 63). Несмотря на сравнительную немногочисленность двух последних групп, можно полагать, что:

- *крюки, тесла и долота являлись знаками сугубо личного статуса*, поскольку они не встречаются в комплексах без останков людей;
- статус лиц, чьи погребения отмечены *присутствием тесел и долот*, не предполагал *возможность совершения особых погребально-жертвоприносительных действий*, результатом которых являются совместные синхронные погребения.

Поскольку «массовые» бронзовые орудия (ножи и стержни), равно как и раритетные крюки, наиболее концентрированно представлены в совместных синхронных погребениях (число экземпляров орудий в совместных погребениях не увеличивается по сравнению с индивидуальными), именно эти комплексы демонстрируют высокий уровень материального благополучия.

Ножи и стержни представляют собой более или менее массовые находки (20% и 16% индивидуальных погребений), остальные предметы можно считать раритетами: крюки — 2,7% индивидуальных погребений, тесла и долота — по 1,9%, иглы — 0,8%, проушные топоры в восточноманычских памятниках вообще не известны (литейная форма проушного топора встречена один раз в совместном синхронном погребении могильника Веселая Роща I к. 03 п. 03). Как правило, предметы каждой категории встречаются по 1 экземпляру в комплексе, лишь менее 2% индивидуальных погребе-

⁹² Иногда исследователи катакомбных древностей предполагают и боевое использование тесел (или, как их называют в этом случае, топоров-тесел или тесловидных топоров; Братченко, Санжаров, 2001. С. 86). Ниже, при рассмотрении семи перечисленных категорий бронзовых изделий мы будем для краткости пользоваться термином «орудия», оговаривая вероятность использования некоторых из них также и в качестве оружия. Вероятно, по сходной причине С.Н. Корневский предпочитает во всех случаях пользоваться одним термином «орудия», подразделяя эту категорию на «орудия труда, войны и охоты» (например: Корневский, 2009). Изучение следов использования на бронзовых орудиях находится на начальной стадии. Имеется, в частности, пионерское исследование о заточке клинков бронзовых ножей (Бритюк, 1996).

ний содержало по 2 ножа и, соответственно, менее 3% — по 2–3 стержня, поэтому за единицу подсчета частоты везде брался содержавший орудие комплекс.

Ножи (илл. 43, 1–13; 119). Двулезвийность и сохранение симметричной сточенности клинка у большинства даже сильно сработанных экземпляров; заостренный конец клинка, резко расширяющегося к черенку у большинства ножей; специфическая форма ножей — «карасиков», «дротиковидных», «пламевидных» клинков с перехватом; наличие у значительного числа клинков выраженного ребра жесткости — все это говорит о том, что, несмотря на морфологическую вариативность, все данные орудия использовались главным образом как колющие и/или рубяще-режущие. Это наводит на мысль, что перед нами скорее оружие, чем орудие труда. Однако явное отсутствие длинных древков (отдельные обнаруженные экземпляры имели сохранившуюся короткую рукоять из дерева или кости (илл. 119, 1); судя по расположению ножей в пространстве могилы, древко отсутствовало) и, главное, длинных насадов-черенков, необходимых для прочного крепления пера, не позволяет считать эти артефакты наконечниками копий/дротиков. Возможности же классифицировать их как кинжалы зачастую мешает широкий «копьевидный» клинок, все тот же перехват, иногда очень длинный, в некоторых случаях — малые размеры. Все имеющиеся вариации двулезвийных катакомбных ножей отличает одно свойство — копьевидность клинка. Как отметил Е.И. Гак, «прямых свидетельств использования катакомбных ножей в качестве боевого режущего-рубящего или колющего оружия нет, хотя отдельные крупные двулезвийные экземпляры вполне отвечают техническим требованиям, предъявляемым к данному виду вооружения» (Гак, 2005б. С. 61). Немногочисленные сравнительно узкие клинки с продольным ребром жесткости (тип II_d) исследователь все же был склонен относить к «боевому оружию — кинжалам» (Гак, 2005б. С. 74)⁹³.

Очевидно, что основная причина, по которой плохо режущие орудия специалисты все же предпочитают именовать ножами, кроется в проблемах археологической систематики, в рамках которой наконечники копий/дротиков и кинжалы прочно отнесены к классу оружия, в то время как историко-культурный контекст катакомбных памятников не предполагает ни сугубой «военизованности» социума, ни сколько-нибудь важной роли охоты на крупных животных в его экономике.

Кажется, примирить противоречия можно, подчеркнув культовую роль катакомбных *копьевидных ножей* и связав их с ритуальной функцией жертвенного орудия/оружия, предназначенного, в частности, для забоя скота и/или манипуляций с тушей и ее частями (полагаю, что забой скота во всех случаях исполнялся в рамках жертвоприносительного ритуала). Именно в рамках ритуала предмет может отчетливо проявить свою символическую (оружие — копье) и практическую (орудие — нож) функции. Предлагаемая интерпретация основывается на том факте, что бесспорную основу хозяйства катакомбных, и в частности, восточноманычских племен составляло скотоводство, и важнейшим объектом жертвоприношений должен был являться мелкий и (реже) крупный рогатый скот. Соответственно, именно орудия, связанные с жертвоприносительным ритуалом, могли быть наиболее массовыми в орудийном комплексе артефактов из погребений. В рамках культовых действий, актуализирующих содержание неизвестного нам мифа, клинок вполне мог использоваться как нож/кинжал, манифестирующий копье.

⁹³ Ребро жесткости могли иметь и ножи, относящиеся к другим типам. Основываясь на перечисленных морфологических особенностях катакомбных ножей, С.Н. Корневский отнесит их к «клинковому оружию» (Корневский и др., 2007. С. 108). Использование ножей в качестве оружия в настоящее время предполагает (чаще имплицитно, размещая в своих публикациях рисунки ножей черенками вниз, подобно наконечникам копий), по-видимому, большинство специалистов в области катакомбных древностей (например: Братченко, 1976, 2001; Смирнов, 1996; Кияшко, 2002; Пустовалов, 2005; Рысин, 2007, 2008).

В связи с вышесказанным особого внимания заслуживает находка ножа в Цаган Усн VIII к. 01 п. 03 (илл. 119, 2). «Оригинальной формы нож, представляющий собой орудие с длинной четырехгранной рукоятью, на которой сохранились следы обмотки шнуром (или тонким кожаным ремешком) вплоть до лезвия. Раскованная в верхней части рукоять была согнута во втулку и завершалась петлей. Ниже рукояти располагалось подтреугольное скошенное лезвие, сегментовидное в сечении. Длина ножа — 16,5 см». Орудие, видимо, использовалось как однолезвийное, в связи с чем Н.И. Шишлина называет его также «скальпелем» (Шишлина, 1991. С. 124–126).

Это уникальный случай находки орудия со столь тонким и фигурным черенком/насадом. Мы склонны видеть в находке из Цаган Усн VIII своего рода «подсказку», позволяющую предполагать отдаленную генетическую связь катакомбных копьевидных ножей не только и не столько с кинжалами, но и с наконечниками копий раннебронзовой поры. Близко к наконечникам копий стоят и некоторые образцы ножей с узким и длинным перехватом (илл. 119, 4, 5)⁹⁴. Е.И. Гак, рассматривая ножи «с перехватом и рельефно расширенным по отношению к нему лезвием», отметил, что «именно из погребений Предкавказья происходит самая большая и разнообразная серия таких клинков, среди которых есть настолько изощренные... что трудно представить возможность долгого и эффективного использования их на практике» (Гак, 2011. С. 76, рис. 3, 20–23).

На преимущественно ритуальную роль ножей указывает и очень большой размах параметров обнаруженных в погребениях экземпляров: размеры катакомбных ножей варьируют в пределах 5–24 см (Гак, 2005б. С. 61).

В заметном количестве ножи встречаются в погребениях индивидуумов подросткового и взрослого возраста, как в мужских, так и в женских (табл. 72, 79; илл. 100). Можно предположить, что эта категория предметов отмечает полноправных членов состоятельных большесемейных общин. По памятникам ножи распределяются крайне неравномерно (табл. 41, илл. 44): ни на одном из восьми сравниваемых памятников количество индивидуальных погребений с ножами не приближалось к среднему — 20%. Существенное превышение этого показателя в Архаринском и Ергенинском могильниках, в Веселой Роще III и Чограе VIII дает основание говорить о более высоком уровне материального благополучия оставивших эти памятники коллективов.

Нож мог занимать разное место в пространстве могильного (или, в случае «кено-тафа» — квазимогильного) сооружения, находиться перед погребенным или (редко) у него за спиной, в головах, ближе к коленям, быть положенным отдельно или в комплексе с другими предметами. В последнем случае наиболее часто встречающийся вариант сочетания — нож, положенный на деревянный поднос и/или нож у костей мелкого рогатого скота, а также нож около сосуда (иногда на сосуде или под ним), что ясно указывает на ритуальную трапезу (илл. 53; 120, 2; 124).

Стержни (илл. 43, 16–18). Как отмечалось в разделе 2.1.4, большинство обнаруженных в восточноманычских комплексах стержней относится к 1 группе классификации Е.И. Гака, включающей стержни (собственно «шилья») обоюдоострые и с одним заостренным концом, с упором и без упора, с четырехугольным и (редко) округлым сечением.

Заметно, что ножи и шилья лишь в единичных случаях сопровождают захоронения детей, несколько чаще — подростков, стабильно присутствуют в погребениях взрослых индивидуумов обоих полов (табл. 72, 79; илл. 100). Исходя из «колюще-прокалывающей» функции этих «шильев» и тяготения их к ножам (71% индивидуальных по-

⁹⁴ Аналогичные «подсказки» имеются и среди ножей других катакомбных культур. Таков, например, нож с очень длинным перехватом из к. 3 п. 2 Второго Ольховатского могильника среднедонской катакомбной культуры (Синюк, Матвеев, 2007. Рис. 84).

гребений с шильями содержало также ножи, что составляет 47% от всех погребений с ножами и/или шильями) можно предположить, что основное назначение этих орудий (ритуального оружия, имеющего отношение к забою скота?) следует искать в той же сфере жертвоприносительных действий. В целом, приведенные наблюдения позволяют высказать предположение, что копьевидные ножи и определенная часть стержней имеет отношение к ритуалу жертвоприношения (включавшего трапезу) именно мелкого рогатого скота. Это не исключает, разумеется, возможности использования этих орудий по другому назначению, которое, однако, мы не можем реконструировать, изучая доступный нам контекст погребений. Обе категории предметов встречаются не только в погребениях, индивидуальных и совместных (в последних — в повышенной концентрации), но и в «кенотафах», где кости животных, прежде всего мелкого рогатого скота, представлены чаще, чем в погребениях (табл. 50, илл. 62).

Крюки (илл. 43, 21–23). Назначение бронзовых втульчатых крюков также проблематично. Е.И. Гак констатирует, что «функциональное назначение этих изделий не вполне ясно... Б.А. Куфтин сопоставлял их с железными крюками для вынимания мяса из котла, бытовавшими у кавказских горцев [Куфтин, 1949. С. 280]. В.Я. Марковин, в целом соглашаясь с такой интерпретацией, видел в них атрибут ритуального пиршества [Марковин, 1994. С. 248]. С.Н. Братченко и С.Н. Санжаров, оценивая особенности формы втульчатых крюков и погребальный контекст находок, пришли к выводу об их широком использовании в домашнем быту (как столовых приборов), скотоводческом хозяйстве (как наверший пастушьих “посохов”) и ритуальных действиях [Братченко, Санжаров, 2001. С. 86–87]» (Гак, 2005б. С. 85).

Можно, однако, усомниться в широком бытовом использовании крюков: как показано в разделе 2, данные находки — в комплексах всегда единичные — маркируют богатые инвентарем погребения (всего 18 индивидуальных и совместных погребений, 2,9% комплексов общей выборки). Около половины крюков входит в большие наборы «орудийного» инвентаря, сочетается с другими раритетами (бронзовые тесла, долота, иглы) и «изысканными» украшениями — бронзовыми и золотыми височными кольцами, бронзовыми и сердоликовыми бусами (табл. 49). Соответственно, можно полагать, что наряду с определенной ритуально-знаковой функцией крюки обладали и функцией социально-знаковой (знаки престижа, неординарного социального статуса). Причем статус этот предполагал возможность погребения людей (преимущественно взрослого возраста, мужчин и женщин)⁹⁵ как индивидуально, так и — чаще — в составе совместных захоронений: 28% (5 экз.) находок крюков происходят из совместных погребений, которые сами составляют лишь 11% общей выборки. Подчеркнем, что в нашей выборке крюки ни разу не встречены в «кенотафах» (жертвенных комплексах без останков людей), следовательно, их можно считать «неотчуждаемыми» статусными знаками.

Отметим, что крюки — единственный вид бронзовых орудий в восточноманычских памятниках, который иногда украшался орнаментом (рельефным пуансонным, на втулке, экземпляр из Ергенинского могильника к. 11 п. 01), что может говорить о церемониальном использовании. О том же, похоже, свидетельствует имеющаяся в нашей выборке совместных погребений находка «двузубого» (точнее, вероятно, сказать «двурогого») крюка (Элистинский к. 08 п. 06): подобная широкая морфологическая изменчивость предполагает достаточно узкую сферу применения орудия.

Привлекают внимание два случая сочетания крюков с костями крупного рогатого скота при отсутствии в комплексах других орудий: в Восточноманычском Левобережном II к. 33 п. 01 перед погребенным лежал бронзовый крюк, а в головах находился «жертвенник» — «два бычьих черепа, положенные на отрубленные у колен ноги быка»

⁹⁵ В двух случаях (Чограй VIII к. 05 п. 01 и Островной к. 03 п. 27) крюки сопровождали погребения подростков.

(Синицын, 1978. С. 89); в Китаевском к. 07 п. 04 кости разрушенного скелета человека были перемешаны с костями быка, крюк находился в западном углу могильной камеры, вместе с сосудом, в восточном углу обнаружена курильница (Найденко. Отчет 1972. С. 29–30). Кости крупного рогатого скота сравнительно редко встречаются в выборке индивидуальных погребений (10 комплексов, 2,1%), «жертвенников» из костей этих животных в погребениях и того меньше (семь комплексов), причем, как правило, присутствует одна особь. Вероятно, сочетание крюков с костями крупного рогатого скота не случайно и свидетельствует о каком-то специфическом аспекте неясной для нас ритуальной функции этих орудий. Можно, однако, предположить, что манипуляции с крюками совершались в процессе жертвоприношения (включавшего пиршество) именно крупного рогатого скота.

Тесла и долота (илл. 43, 24–28). Тесла и долота обнаружены только в индивидуальных погребениях взрослых (по 2,6%), мужчин (по 5,7%) и реже — женщин (2,1% и 3,2%) (табл. 72, 79). Совстречаясь в комплексах, тесла и долота так же, как ножи и шилья, образуют устойчивую орудийную пару (64% комплексов с теслами и/или долотами). Возможно, каждый из этих предметов обладал собственной ритуально-магической семантикой, однако прямое «утилитарное» назначение этих явно плотницких орудий не вызывает сомнений.

В среде носителей катакомбной традиции, в которой изделия из драгоценных металлов почти не представлены (исчерпываются единичными находками мелких височных колец), тесла и долота — массивные бронзовые орудия — вероятно, ценились очень высоко. Ни тесла, ни долота не встречаются в совместных погребениях и «кенотафах», никогда не сопровождают погребения детей и подростков, оставаясь исключительно принадлежностью погребений взрослых индивидуумов.

Не обнаруживается прямой зависимости между количеством бронзовых ножей/шильев на памятнике и присутствием бронзовых крюков, тесел и долот. Эти редкие находки могут отсутствовать в богатых находками ножей/шильев памятниках и присутствовать, напротив, в «бедных» бронзой могильниках. Однако на каждом памятнике неизменна связь тесел и долот с выдающимися (для данного памятника) по богатству и размерам погребальными комплексами, содержащими, как правило, ножи и стержни, реже — крюки (табл. 49).

Высокая концентрация тесел и долот в Ергенинском могильнике, присутствие их в шести основных погребениях этого памятника, которые отличаются значительными параметрами могильных конструкций (средняя площадь могильных ям/шахт — 4,5 кв. м) и курганных насыпей (средняя высота — 3,6 м) и включают другие бронзовые орудия (ножи, стержни, крюки), экземпляры каменного престижного оружия (два комплекса), орудия из камня — песты и/или ступки/наковальни (четыре комплекса), деревянную посуду (пять комплексов), повозки (два комплекса) и престижные украшения: височные кольца из бронзы, золота и сурьмы (четыре комплекса), бронзовые и сердоликовые бусы (пять комплексов) — все это отчетливо проявляет социально-знаковую функцию этих, по-видимому, столярно-плотницких инструментов. Вероятно, эти предметы маркируют погребения глав родовых коллективов (одиночные комплексы в Чограе II и VIII, Восточноманычском Левобережном II, Цаган Усн III) и/или членов богатых (правлящих?) родовых образований (Ергенинский могильник). Та же роль бронзовых тесел и долот в изучаемых памятниках проявляется, в частности, в том, что они встречены не только в мужских, но и в женских погребениях, отмеченных чертами экстраординарности (отметим также, что эти женские захоронения были основными в курганах).

Очевидно, что курганное строительство (как досыпка старых, так и создание новых насыпей), подобно строительству первых храмов в Месопотамии и Египте, могло осуществляться только усилиями значительного коллектива людей (в рамках позднепервобытного общества таким минимальным коллективом мог быть субклан, включавший ряд больших семей) при условии четкого административного руководства и с помощью использования тяглового скота (повозок? саней?) для передвижения больших масс грунта. Поэтому можно предполагать, что культовое использование тесел и долот, вероятно, имело место в ритуалах, связанных с созданием курганов, стойбищ, повозок.

Иглы (илл. 43, 14–15). В нашей выборке имеются четыре погребения взрослых людей (три – женских, одно – мужское), в которых встречены бронзовые иглы (табл. 49). Два из них (Грушевка II к. 01 п. 07 – впускное, мужское и Ергенинский к. 11 п. 01 – основное, женское) отличает исключительное богатство инвентаря, а второе – и большие размеры возведенной над ним насыпи (табл. 49). Остальные два погребения (Ергенинский к. 08 п. 01 – основное, женское и Веселая Роща III к. 05 п. 10 – впускное, женское) содержали также по ножу и шилу. Таким образом, редкость находок бронзовых игл в сочетании с контекстом позволяет видеть в них дорогие и престижные предметы преимущественно женского обихода (возможно, и культового служения).

Топоры (илл. 43, 29). Как отмечает Е.И. Гак, негативы литейных форм из погребения восточноманычской катакомбной культуры у хут. Веселая Роща в Ставрополье обнаруживают близость к топорам так называемого бичкин-булукского типа, происходящих из полиритуальных погребений Калмыкии (Бичкин-Булак 6/2) и Ставрополья (Ильинское-1, 1/5) (Калмыков, Кореневский, 2001); топоры этого типа имеют отчетливые признаки боевого оружия (Гак, 2005б. С. 77).

Поскольку бронзовые топоры представляют собой наиболее массивные и сложные в изготовлении изделия, можно предполагать их соотнесенность с высоким социальным рангом: применительно к поздне родовому обществу это статус вождя (военного лидера) клана/фратрии/племени. Обсуждать специфическую культовую роль топоров (как бронзовых, так и каменных) на наших материалах затруднительно.

Преимущественные находки литейных форм (и негативов) именно топоров в погребениях «литейщиков» могут говорить и о выделенном личном статусе мастеров, изготовлявших эти регалии.

Рассмотренные категории бронзовых предметов впервые появляются на Северном Кавказе в IV тысячелетии до н.э., в погребениях майкопско-новосвободненской ККИО, формирование которой происходило под воздействием переднеазиатских центров. Поэтому дальнейшее изучение древностей Кавказа и Ближнего Востока раннего и среднего бронзового века – эпохи ранних цивилизаций, вероятно, поможет лучше понять некоторые черты катакомбного погребального обряда и стоящего за ним ритуально-мифологического комплекса.

6.2. ОРУДИЯ И ОРУЖИЕ ИЗ КАМНЯ

Сначала кратко остановимся на нескольких случаях находок *каменного оружия* в погребениях нашей выборки.

Бесспорно, высоко престижными предметами, связанными с культом вооруженной борьбы, можно считать находки каменных *топоров* в трех мужских погребениях в катакомбах, с бронзовыми ножами и повозками (Ергенинский к. 10 п. 2, Веселая Роща III к. 23 п. 3а и к. 16 п. 05). Первые два погребения были основными в курганах, имевшими сравнительно невысокую (2,0–2,5 м) насыпь по сравнению с находившимися рядом с ними восточноманычскими же курганами (Ергенинский к. 11, высотой

5,3 м с единственным основным женским погребением с полным набором бронзовых орудий и каменной ступой; Веселая Роща III к. 21, высотой 5 м, с основным мужским погребением, с которым связана насыпь, возведенная «единовременно в несколько приемов» (Державин, 1989. С. 125); погребение содержало бронзовый нож, два стержня и крюк. Создается впечатление, что носитель высшей воинской регалии — топора — не всегда одновременно являлся верховным лидером, если мы правильно идентифицируем лицо, погребение которого отмечалось огромной и сложной насыпью.

Находки каменных *булав* встречены в трех мужских погребениях (Восточноманычский Левобережный I к. 02 п. 02; Восточноманычский Левобережный II к. 13 п. 04; Грушевское II к. 01 п. 07), одном детском (Чограй VIII к. 13 п. 04), одном совместном (мужчина и женщина) (Чограй IX к. 05 п. 05). Две булавы имели на теле по четыре округлых выступа (илл. 48, 8, 9). Богатым набором инвентаря отличаются два комплекса: Грушевское II к. 01 п. 07 — основное, в каменном ящике, содержавшее также бронзовые нож, стержень и крюк, каменный пест и «выпрямители древков стрел»; Чограй IX к. 05 п. 05 — впускное в насыпи, сопровождавшееся бронзовым ножом, каменными пестом и ступкой. В последнем случае булава находилась среди костей мужского скелета, что не позволяет однозначно рассматривать ее как сопровождающий инвентарь, а не орудие ритуального убийства. Символическая и статусная роль булав в наших контекстах не устанавливается. Л.С. Клейн, видящий в носителях катакомбных традиций предков индоариев, соотносит каменное оружие катакомбников — топоры и булавы (особенно крестовидные или имеющие четыре выступа) с оружием бога Индры — ваджрой (Клейн, 2010. С. 209–212; 2013. С. 70–72).

Как отмечалось выше (см. раздел 2.1.4), *кремневые стрелы* в восточноманычских комплексах присутствуют крайне редко, преимущественно в составе «производственных», а не «колчаных» (парадных, боевых, охотничьих) наборов.

Песты и ступки/наковальни (илл. 47). Отличает эту пару каменных орудий от рассмотренных выше пар орудий бронзовых (ножи и «шилья», тесла и долота) прежде всего то, что, взятые вместе, они функционально составляют одно целое. Иногда они и находятся рядом, в рамках нашей выборки один раз удалось проследить, как прислоненный к стене могилы пест стоял вертикально на ступке (Цаган Усн VIII к. 01 п. 03).

Наиболее многочисленную группу находок образуют *песты*. Длина орудий варьирует в пределах приблизительно от 10 до 30 см. По морфологическим особенностям различают песты с выделенной и невыделенной рукоятью, гладкие и граненые с различной формой сечения. Преобладают неправильные формы, сохраняющие облик гальки-сырья, лишь изредка встречаются хорошо сделанные и отшлифованные, геометрически правильные образцы⁹⁶.

Песты встречаются как в индивидуальных, так и в совместных погребениях, а также в «кенотафах» (табл. 51, илл. 63), как правило — по одному, иногда по два — большой и маленький⁹⁷. Эти артефакты сопровождают взрослых (в двух случаях — подростков) (табл. 72), чаще мужчин (20% индивидуальных погребений), чем женщин (7%) (табл. 79).

В катакомбных могилах песты часто лежат рядом со входом в камеру, что более или менее явно свидетельствует о их символической роли (фаллический символ, связывающий смерть и рождение).

⁹⁶ Иногда из-за неопределенной (например, «булкообразной», т.е. с выгнутой одной стороной и плоской другой) формы археологи затрудняются отнести тот или иной камень-гальку к пестам или ступам и предполагают возможность двойного назначения орудия — и пест, и ступа.

⁹⁷ Исключительно редки комплексы, которые по специфическим наборам каменных орудий определяются археологами как «погребения мастеров»: «литейщиков» и (чаще) «изготовителей кремневых стрел» (илл. 121). В состав этих наборов входят, в частности, и песты, вероятно, имеющие в этих случаях особую функцию.

О возможности признать в пестях «прототипы специфических вещей индоариев» — давилые камни для выжимания сомы (вед. *gravan* — м.) начиная с 1980 г. неоднократно писал Л.С. Клейн, представляя свою многостороннюю аргументацию индоарийской принадлежности катакомбных памятников (Клейн, 2010, 2013).

Каменные *ступки* — как округлые и прямоугольные с небольшим углублением, так и в виде почти плоских камней-галеk «естественной формы»⁹⁸ — невелики по размерам: рабочая поверхность обычно не превышает в диаметре 20 см.

В комплексах (индивидуальных и совместных погребениях, в «кенотафах») они обычно встречаются по одному экземпляру⁹⁹ и, большей частью, вместе с пестами (табл. 45). Любопытная особенность — иногда в погребение клали половину ступки (илл. 47, 16 и, возможно, 10). Этот артефакт, так же, как и песты, сопровождает останки взрослых, преимущественно мужчин (13% против 4% погребений женщин) (табл. 72, 79).

Небольшой размер ступок, наличие у редких, наиболее совершенных экземпляров дополнительного незначительного углубления в центре, природная гладкость или зашлифованность рабочей поверхности наводят на мысль о том, что они могли быть предназначены для получения небольшого количества жидкого продукта путем выжимания сравнительно мягкого материала. Особенно важно, что ступки встречаются в комплексах вместе с пестами; иногда они оказываются лежащими непосредственно рядом друг с другом (илл. 120)¹⁰⁰. Это позволяет полагать, что перед нами именно *парные каменные орудия*. В работе, посвященной каменным пестам и ступам из катакомбных памятников Нижнего Подонья, М.В. Власкин и Л.С. Ильюков упоминают об этимологическом родстве слов «пест» и «сту́па» в индоевропейских языках (обосновывая это ссылкой, в частности, на книгу Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова) и отмечают, что это родство, «видимо, обусловлено тем, что пест и сту́па выступали как две части одного целого» (Власкин, Ильюков, 1992. С. 192; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 692).

К сожалению, каменные орудия из погребений степных курганов раннего и среднего бронзового века до сих пор не стали объектом специального археологического и широкого лабораторного изучения (в отличие, например, от орудий бронзовых). Можно упомянуть лишь отдельные попытки трасологической экспертизы орудий из нескольких комплексов (например: Державин, Тихонов, 1981 (экспертиза Н.Н. Скакун); Коробкова, Шаровская, 1983; Шаровская, 1985). Обоснованность сделанных в этих публикациях выводов трудно оценить из-за отсутствия развернутого изложения методов и процедуры исследования. В прошлом, безусловно, имела место тенденция безосновательно относить все катакомбные песты и ступы (последние в этом случае превращались в «наковаленки») к орудиям кузнечного производства. Это стремление, особенно ярко проявившееся в российской археологии в 60–80-х годах прошлого века, было вызвано общим для мировой археологии интересом к феномену становления металлургии и металлообработки и связанного с ним прогресса социальных отношений. В последнее десятилетие ситуация изменилась: песты и ступы признаются «орудиями многофункционального назначения» (Гак, 2011. С. 75, 76).

⁹⁸ Достаточно примитивная форма большинства орудий — как пестов, так и ступ — вполне может быть также обусловлена требованиями ритуала, а не просто культурной «бытовой» традицией.

⁹⁹ Очень редкий случай — сочетание одного песта и двух ступок в комплексе демонстрирует п. 19 Лысого кургана (западноманычская культура, Нижнее Подонье) (Братченко, 1976. Табл. XVIII).

¹⁰⁰ В катакомбных конструкциях, впрочем, пест чаще оказывается во входной шахте у входа в камеру, а сту́па — в камере.

Изредка на пестях и ступах (впрочем, как и на других предметах из погребений маньчжурской катакомбной культуры) отмечаются следы красной краски (охры)¹⁰¹. Возможно, парные орудия использовались для растирания этого минерала, широко применявшегося (наряду с мелом) в погребальном обряде: охрой посыпались стопы погребенного, на пятна охры ставились отдельные предметы, иногда рисунки охрой наносились на подстилку на дне могильной камеры, раскрашивались части деревянных повозок и пр. Однако нельзя утверждать, что растирание краски — это основное предназначение пестов и ступок: в этом случае следы охры встречались бы гораздо чаще.

Таким образом, надо признать, что археологи не располагают в настоящее время сколько-нибудь полными данными о сфере применения этой пары орудий.

В этой связи представляется актуальным вернуться к несколько более подробному обсуждению неоднократно высказанного Л.С. Клейном предположения о том, что катакомбные песты использовались для приготовления легендарного напитка — сомы.

Представляется, что сюжет о культе бога Сомы/Хаомы, точнее — о жертвоприносительном ритуале (как он восстанавливается по текстам Ригведы и, в меньшей мере, Авесты), который включал в себя приготовление из сока растения «сомы/хаомы», обладавшего психоактивными свойствами, «напитка бессмертия» («амриты»), занимает особое место в поисках соответствий между данными исторических и археологических источников в индоиранском контексте. «В зороастризме, в ведийской религии и индуизме жертвоприношение хаумы-сомы — одна из основных частей священного ритуала, рассматриваемая как акт приобщения к богам, их бессмертию и вечной жизни. Такое значение ритуал сомы имел уже в общеарийский период» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 73). Амриту «пили жрецы во время ритуальных церемоний и жертвоприношений, возливали в жертвенный огонь, приносили в жертву различным богам» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 73)¹⁰².

Располагая сведениями об использовавшихся в ритуале предметах и субстанциях (желательно — разнообразных, и если не многочисленных, то, по крайней мере, не единичных, и образующих, таким образом, систему), археолог может попытаться сопоставить эти данные с известными ему археологическими комплексами (контекстами).

Важным стимулом к этой работе в российской науке стал выход в свет русского перевода Ригведы, выполненного Т.Я. Елизаренковой (Елизаренкова, 1999а, 1999б, 1999в). Помимо обширного очерка, подробно знакомящего читателя с основными аспектами изучения этого памятника и результатами, полученными мировой наукой к началу XXI в., кроме обстоятельных филологических комментариев к каждому гимну и ценнейшего справочного аппарата, издание содержит особенно важные для историков специальные эссе о «мире идей», «мире вещей» и — непосредственно — о Соме в Ригведе. Природным и социальным реалиям, окружавшим создателей гимнов, посвящена и вышедшая одновременно с переводом книга Т.Я. Елизаренковой «Слова и вещи в Ригведе» (Елизаренкова, 1999г). Таким образом, российские археологи получили надежное современное руководство в поисках параллелей между свидетельствами древнейшего памятника культовой поэзии индоариев и археологических памятников,

¹⁰¹ Например, в уже упомянутом п. 19 Лысого кургана следы охры обнаружены на песте и внутри одной из ступок (Братченко, 1976. С. 221). Опубликованное С.Н. Санжаровым катакомбное п. 8 к. 1 у с. Набережное в Донецком Приазовье содержало ступку, внутри выемки которой сохранилась охра, маленький пестик, два костяных «писала» из локтевых костей мелкого рогатого скота, подстилку со следами раскраски охрой (Санжаров, 1989. С. 105, 106).

¹⁰² Т.Я. Елизаренкова, ссылаясь на фундаментальное исследование (Этимологический словарь древнеиндоарийского языка) М. Мейрхофера, отмечает, что одно из названий Сомы «*am̐si* — m̐. 1) растение Сомы (обычно его переводят как «стебель Сомы» и 2) сок Сомы... восходит к общей индоиранской эпохе. Другое название — *andhas-* n. 1) растение Сомы, побег и 2) сок Сомы, еще более древнее — оно относится к общеиндоевропейской эпохе» (Елизаренкова, 1999а. С. 326).

возможность опираться не на собственное (неизбежно дилетантское) прочтение текстов, а на выводы специалистов по ведийской культуре.

Прочитую несколько важных для нашей темы положений из исследования Т.Я. Елизаренковой, озаглавленного «О Соме в Ригведе»:

«Сома наряду с Агни и Индрой является одним из трех основных богов в Ригведе. Ему специально посвящена мандала IX (гимны 1–114), несколько гимнов за ее пределами (I, 91; 8, 48 и 79; X, 25; и в нескольких гимнах Сома входит в состав парного божества, к которому обращен гимн: I, 93 – Агни-Сома, II, 40 – Сома-Пушан, VI, 74 – Сома-Рудра... Отдельные стихи, связанные с Сомой, достаточно часто встречаются в гимнах другим богам» (Елизаренкова, 1999а. С. 323).

«Сома мандалы IX тесно связан с ритуалом приготовления напитка бессмертия – амриты (*amṛta-*) из сока, который выжимают из растения. В основе всех поэтических образов лежат ритуальные действия жрецов. ...Божество, к которому обращена мандала IX, называется Сома-Павамана (*soma-pavamana-*), “Сома очищающийся”» (Елизаренкова, 1999а. С. 323).

Несмотря на то, что «гимны Соме-Паваманы не дают представления о строгой последовательности ритуальных действий», именно тексты IX мандалы «Ригведы» позволяют реконструировать порядок основных моментов: «1) предварительное замачивание, когда стебли сомы кладут в воду и держат их там, пока они не разбухнут; 2) выжимание сока давящими камнями (не исключено, что в древнем ритуале могли также использоваться две давящие доски). При простом выжимании инструментами были ступка и пестик; 3) пропускание выжатого сока через ситечко из овечьей шерсти, где он очищался от волокон – центральный момент ритуала – и стекал в специальные деревянные сосуды; 4) смешивание выжатого сока с водой, что делало его вкус менее резким; 5) смешивание выжатого сока с обычным или кислым молоком» (Елизаренкова, 1999а. С. 355). К напитку добавляли «взбитое ячменное зерно»; он «опьянял» (вызывал радостное возбуждение, прилив сил, галлюцинации)» (Елизаренкова, 1999а. С. 326).

«Отвращающим смерть», дарующим «долгую жизнь», «целительным» называют хаому и священные тексты зороастрийцев (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 73).

Особая природа индоиранского божества (деифицированное растение), упоминание используемых в ритуале орудий и предметов и, наконец, сама направленность действия на преодоление смерти, на «опытное переживание» бессмертия – все это побуждает искать в степных курганах эпохи бронзы, представлявших собой единство кладбища и святилища, древнейшие следы культа Сомы/Хаомы. Известно, что погребальный ритуал воспринимался и ведийцами именно как жертвоприношение (Елизаренкова, 1999б. С. 460; 1999в. С. 132–133, 425–426)¹⁰³.

Вернемся к нашим материалам.

Заметна повышенная концентрация пестов и ступок в погребениях с престижными бронзовыми орудиями – крюками, теслами, долотами, иглами (табл. 49). Вместе с тем среди восточноманычских комплексов с пестами и ступками выделяется небольшая группа явно неординарных погребений без бронзовых раритетов: Элистинский к. 05 п. 09 (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 68–71), Чограй VIII к. 18 п. 04 (Андреева, 1989. Табл. IV), Спасское к. 01 п. 11 (Андреева, Новикова, 2001. С. 18–22), Цаган Усн IV к. 01 п. 05 с сопровождавшим его «жертвенником» (компл. I) и п. 06 (см. Приложение), Цаган Усн VIII к. 01 п. 03 (Шишлина, 1991). Здесь орудия из бронзы были представлены только более или менее массовыми категориями – ножами и/или стержнями

¹⁰³ Подобная амбивалентность обрядовых действий в разной степени характерна для всех традиционных культур. Сошлюсь на замечание В.Н. Топорова, что «предметная сфера обряда похорон не отличается заметно от таковой в любом жертвоприносительном обряде» (Топоров, 1985. С. 90).

(шильями). О выдающейся социальной роли погребенных людей¹⁰⁴ говорят большие размеры могильных сооружений, позиция в курганах (основные и впускные с досыпкой насыпи погребения) и наличие следов жертвоприношений крупного рогатого скота. Статус погребенных из могильника Цаган Усн IV был еще и специфичен, поскольку два расположенных рядом погребения в к. 01 были двойными мужскими (других случаев совместных синхронных погребений однополых взрослых людей в общей выборке восточноманьчских комплексов нет).

В этих погребениях песты вместе со ступами находились во входных шахтах катакомб, или содержащих деревянную повозку, или представлявших собой «архитектурную модель» повозки (так называемые приталенные ямы). В Цаган Усн IV два песта и ступа находились в такой приталенной яме на краю могильной ямы основного для восточноманьчского пласта п. 05 (илл. 124, 125).

Среди орудий, лежавших на повозке основного п. 09 к. 05 Элистинского могильника, были и «выпрямители древков стрел» (прямоугольные песчаниковые плитки с полукруглым сечением и продольным желобком посередине плоской грани; предназначались, вероятно, для ошкуривания тонких ветвей). Приблизительные параметры основной массы орудий — $10 \times 3 \times 2$ см (желобок шириной около 0,5 см). Такие же «выпрямители» известны, в частности, из погребений «мастеров-изготовителей кремневых стрел» (имеются в виду погребения с наборами орудий — каменных, бронзовых и костяных (отжимники), кремневыми отщепами-заготовками и готовыми кремневыми наконечниками стрел (Смирнов Ю.А., 1983; Андреева, 1989) (илл. 121). По-видимому, исходя из этого «выпрямители» и получили свое название — тем более что внутри желобков иногда сохраняется дерево.

Появление этих специфических артефактов в комплексах с пестами и ступками, но без кремневых заготовок и стрел, заставляет вспомнить упоминания в Ригведе (IX, 15) о сочленениях побегов Сомы, об «узловатости» побегов, которая убирается в процессе ритуала очищения (Елизаренкова, 1999в. С. 17, 345). Процедура очищения стеблей, очевидно, должна была иметь место после размачивания побегов в воде и перед выжиманием сомы давящими камнями¹⁰⁵.

Особое внимание привлекает и присутствие в рассматриваемых «экстраординарных» комплексах глиняных воронок — редко встречающегося в катакомбных погребениях предмета (илл. 35, 24, 25; 122, III, 3), который со времен публикации А.А. Иессена материалов раскопок в зоне строительства Цимлянского водохранилища принято связывать с молочным производством (Иессен, 1954. С. 72). Предположительно, воронка использовалась как *цедилка*, точнее, как твердая основа цедилки, в которую вкладывался фильтр. Судя по нашей базе данных, в погребениях взрослых половина воронок

¹⁰⁴ Элистинский к. 05 п. 09: мужчина средних лет; Чограй VIII к. 18 п. 04: мужчина возмужало-старческого возраста (matures—senilis); Спасское к. 01 п. 11: мужчина (?) старше 35 лет; Цаган Усн IV к. 01 п. 05: синхронное двойное погребение: оба мужчины 45–55 лет; Цаган Усн VIII к. 01 п. 03: взрослый.

¹⁰⁵ До настоящего времени остается открытым вопрос о том, какое растение (и даже растение ли?) скрывается под ритуальным названием «Сомы/Хаома». Т.Я. Елизаренкова осветила содержание продолжающейся более ста лет дискуссии, подробно рассмотрела недостатки получившей широкую известность гипотезы Р.Г. Уоссона (R.G. Wasson) о том, что Сомы Ригведы — это мухомор (Елизаренкова, 1999в. С. 342–352), и констатировала, что «в последнее время ученые-индологи вновь обратились к эфедре, одной из самых старых идентификаций Сомы. ...Растение содержит в себе эфедрин, заключенный прежде всего в зеленых побегах. Больше всего эфедрина содержат те сорта эфедр, которые растут в горах. Эфедр распространена в основном в Евразии, причем область ее распространения необычайно широка» (Елизаренкова, 1999в. С. 33). О том, что в степях (в частности, Калмыкии) по крайней мере в XIX в., обычная эфедр (*Ephedra vulgaris*, *Ephedra distachya* — *хвойник двухколосковый*) произрастала в изобилии, свидетельствуют названия этого небольшого кустарника, использовавшегося в народной медицине: «степная малина», «калмыцкая малина», «калмыцкий ладан» (зафиксированы в словарях В.И. Даля, Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона). Пыльца эфедры неоднократно отмечена (в небольшом количестве и наряду с пылью других растений) при изучении проб грунта и почв из содержимого сосудов восточноманьчской культуры (Шишлина, 2007. С. 335–339, табл. 38, 39).

найдена вместе с пестами и/или пестами и ступами¹⁰⁶. Учитывая контекст, естественно согласиться с Л.С. Клейном (Клейн, 2013. С. 303), связавшим катакомбные воронки с ведийскими *навитри* — цедилками из овечьей шерсти, через которые Сوما стекал в приготовленные деревянные сосуды. Ригведа в переводе Т.Я. Елизаренковой описывает этот процесс так: «По ситу из овечьей шерсти кругами (бегают) приятный, // Золотистый осаждается в деревянных (сосудах)» (IX, 7, 6); «Царь проходит через цедилку, громко ревя» (IX, 85, 9); «Бык ревет в деревянном сосуде» (IX, 7, 3) (Елизаренкова, 1999в. С. 11, 75).

Деревянные сосуды, впрочем, в рассматриваемых комплексах не обнаружены. Понятно, что, как правило, небольшие деревянные предметы в погребениях сохраняются плохо. Однако следы деревянной посуды все же изредка фиксируются в престижных восточноманычских погребениях. Известны деревянные полусферические *чаши* (илл. 38) и прямоугольные и овальные *подносы*.

В итоге ситуацию с положенными в повозку наборами орудий хочется прокомментировать (несмотря на разделяющие эти столь разноприродные памятники время и пространство¹⁰⁷ и архаичную тяжеловесность катакомбных повозок, не сравнимую с легкостью и быстротой ведийских колесниц) словами гимна: «Этот бог едет на колеснице, // Павамана оказывает милости, // Шум (давильных камней) он делает явным» (РВ, IX, 3)¹⁰⁸.

Проверка данной гипотезы станет возможной только в результате проведения тщательных и разносторонних лабораторных анализов материалов из вновь открытых памятников. Приоритетным, следует, вероятно, считать фитолитный анализ заполнения придонной части могильных конструкций рядом с каменными орудиями, а также сосудов.

6.3. ВЫВОДЫ

Сегодня трудовая деятельность древних людей видится запечатленной в погребальном культе более опосредованно, чем это казалось десятилетия назад. Вероятно, представители ККИО клали в могилы наряду с содержавшей питье и пищу посудой и курительницами бронзовые и каменные орудия, необходимые для совершения важнейших ритуалов — как собственно погребального, так и, вероятно, прочих «ритуалов перехода», сопровождавших течение жизни семейно-родовых коллективов. Предполагалось, что именно эти вещи окажутся необходимыми умершему в потустороннем мире, изоморфном миру живых. Возможности функционального использования этих орудий/оружия вне ситуации ритуала должны стать предметом обсуждения в дальнейшем.

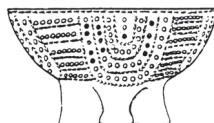
Присутствие в могилах орудий, необходимых для совершения жертвоприношений, открывает возможность изучения теистических (в широком смысле) представлений носителей катакомбных традиций (в том числе восточноманычской). Учитывая разнообразие орудий и явную их соотнесенность с разными действиями, а также разную представленность категорий в индивидуальных погребениях, можно заключить, что

¹⁰⁶ В отличие от орудий из камня — пестов, ступ и «выпрямителей» — воронки встречаются в детских погребениях, что, возможно, было одним из поводов для А.А. Иессена увидеть в них именно инструмент для отцеживания молока.

¹⁰⁷ Удастся ли нащупать культурно-генетическую связь между катакомбными пестами и великолепными пестами-скипетрами позднего бронзового века, распространенными в южной полосе Евразии от Карпат до долины Инда (Савва, 1987; Boroffka, Sava, 1998) — покажет время.

¹⁰⁸ Подчеркну, что речь идет именно о наборе, основу которого составляет сочетание песта и ступы: отдельные находки в погребениях пестов, воронок и выпрямителей ввиду вероятной полифункциональности этих вещей не могут быть однозначно интерпретированы. Напомню, что до сих пор неясно и предназначение каменных пестов и круглых таблечек — «растиральников» из погребальных памятников синхронных и более ранних культур степного региона.

культовая практика предполагала обращение к разным божествам пантеона, и статус покойного определялся, в частности, широтой культовых атрибутов, которые важно было иметь (или сохранить) в посмертии. Следует, однако, помнить о специфике нашего источника: имущественная дифференциация между общинами должна была отражаться на интенсивности отложения престижных и дорогих вещей в могильниках.

Заключение

Подчеркнутое внимание, которое было уделено в работе культовому характеру курганных памятников и входящих в них восточноманычских комплексов, обусловлено тем, что в текущей научной литературе этот аспект изучения катакомбных древностей чаще декларируется, чем исследуется. Очевидно, что система сложных и многоплановых ритуальных действий, следы которых наблюдаются при раскопках курганов, могла сложиться в достаточно развитом обществе. Необходимо, однако, помнить, что культовая специфика изучаемых материалов и отсутствие других данных особым образом ограничивают возможности реконструкций других аспектов жизни и деятельности строителей курганов.

В этой связи на первый план выходит рассмотрение курганных памятников именно как погребальных. С ранних этапов формирования погребальной практики и до настоящего времени пространственная структура могильников отражает (по-разному и с разной степенью полноты для каждого социума) структуру семейно-социальных отношений. Именно этот аспект изучаемых материалов является важнейшим для выяснения структуры катакомбного общества, принадлежность которого к позднеродовой стадии (или типу) представляется наиболее вероятной. В подобных обществах смерть индивида означала переход из «общины живых» в структурно подобную ей «общину мертвых».

Подвижный образ жизни исключал ингумацию всех умерших сородичей в одном месте (поскольку обряд предполагал упокоение, главным образом, целого тела). Следовательно, исключалась и возможность материального отражения системы родственных отношений с помощью организации пространства одного кладбища. Сакральное пространство могильника и курганной насыпи позволяло не столько непосредственно отражать прижизненные социально-семейные отношения между индивидуумами, сколько сознательно моделировать их основное содержание.

Исходя из гипотезы о соотнесенности в восточноманычском погребальном обряде могилы с повозкой, каковая при подвижном образе жизни могла выполнять функцию не только транспортного средства, но и «крова», можно высказать и логически вытекающее из этого предположение об отражении в системе размещения комплексов в кургане по основным (страны света) и диагональным направлениям планиграфической структуры стойбища, вероятно, в зеркальном отражении относительно оси С—Ю.

Большая семья (большесемейная община), включавшая несколько поколений родственников, имевших общего предка, являлась социальным образованием, наиболее характерным для позднеродового общества, его основной «ячейкой» (ИПО, 1988. С. 158–159, 167–172). В процессе смены поколений такая семья разрасталась в более сложное образование — субклан/линидж. Вероятно, структура последнего отражалась

в планиграфии курганного могильника, в то время как структура большой семьи находила воплощение в планиграфии отдельного кургана. Во всяком случае, схема наиболее простого варианта большесемейной общины, включавшей два—три поколения кровных родственников с их семьями, группирующихся вокруг одного предка, сопоставима со сложностью курганной планиграфии и стратиграфии.

Увеличение числа захоронений в курганах Северо-Восточного Предкавказья в восточноманычское время по сравнению со всеми предшествующими периодами начиная с энеолитической эпохи свидетельствует о росте населения, что, в свою очередь, должно было стимулировать развитие внутри родовой организации института обособленной общинной собственности на пастбищные участки. Доступность этих участков с их природными ресурсами определенным семейно-родовым образованиям отмечали курганные могильники. Коллективы носителей восточноманычского обряда, вероятно, как и в прежние эпохи, могли иметь несколько могильников, маркирующих территории пастбищ (каковые, при сезонном кочевании, как минимум, включали «зимники» и «летники»). Специфическая неравномерность распределения престижных культовых предметов по различным памятникам свидетельствует о выделении общин, сосредотачивавших в своих руках богатство, а возможно, и властные полномочия.

Если предлагаемая гипотеза о соотносительности курганной планиграфии с планиграфией большесемейного стойбища может быть подвергнута критическому рассмотрению уже сегодня, то слабая изученность географии и планиграфии могильников и частичная их раскопанность, очевидно, еще длительное время будут ставить под вопрос возможности реконструкции родовых образований (линиджей) более высокого уровня.

Обнаруживаемые (в совместных погребениях) следы существования малых семей внутри больших — немногочисленны. Можно, вероятно, говорить о невыделенности — экономической и идеологической — малых семей из состава большесемейной общины. Отсутствие тройных совместных погребений взрослых и свидетельства преимущественной разнополости двойных погребений может трактоваться как отражение нормативности парного брака.

На основе имеющихся данных о поле погребенных (нуждающихся в дополнении и уточнении) можно прийти к следующим заключениям. Принадлежность основных погребений в курганах лицам обоих полов, практика совместных захоронений с детьми как мужчин, так и женщин могут рассматриваться как аргументы в пользу существования билинейного (по отцу или по матери) счета родства. Бесспорно, улавливаются патриархальные тенденции в организации власти (предметы, соотносимые с высшими жреческими — возможно, и потестарными — функциями, обнаруживаются большей частью в погребениях мужчин), однако гендерная дифференциация практически не отражалась в обряде погребений основной массы восточноманычского населения.

В целом, в изученном археологическом материале (территориально и хронологически весьма ограниченном в рамках ККИО) не удалось выявить признаков, которые указывали бы на кризис позднеродовых отношений, распад большой семьи или явное обособление социальных страт. Предполагаемая «сниженность социального статуса» индивидуумов, похороненных в насыпи, по сравнению с погребенными в материке в тех же курганах требует проверки на новых материалах.

Приложение

М.В. Андреева, С.В. Арапов

Об одном необычном памятнике восточноманычской катакомбной культуры

Могильник Цаган Усн IV, состоявший из единственного кургана 1, раскопанный в 1987 году экспедицией Калмыцкого НИИ ИФЭ, находился в 5 км к ЮВ от поселка Цаган Усн Яшкульского района Республики Калмыкия (в момент раскопок — Калмыцкой АССР), у западной границы Черных земель¹⁰⁹. Небольшой курган 1 (диаметр 28 м, высота 0,4 м) был документально зафиксирован как «отдельно стоящий». В 500 м к ЮЗ от Цаган Усн IV располагался курганный могильник Цаган Усн III¹¹⁰, приблизительно на таком же расстоянии к СВ — курганный могильник Цаган Усн V¹¹¹. Пространство, разделяющее могильники, представляет собой ровный, ничем не пересеченный, степной ландшафт.

Несмотря на то, что при снятии насыпи кургана 1 бульдозером были оставлены три меридиональные бровки (центральная, восточная и западная) на расстоянии около 3,5 м друг от друга, малая высота насыпи не позволила получить существенных стратиграфических данных. Отмечено лишь наличие верхнего «старопахотного»¹¹² слоя мощностью 15–20 см и слоя насыпи из светло-коричневого суглинка, который ложился на погребенный дерн на глубине 45 см от 0. Под древним дерном (слоем суглинка серовато-коричневого цвета толщиной 5 см)¹¹³ находился материк — «красно-коричневый солонцовый горизонт». Судя по профилям бровок, диаметр первоначальной насыпи был не менее 12 м, и центр ее был смещен к С от погребений 4, 5 и 6 на расстояние около 2 м. Следы впущенных в насыпь ям и материковых выкидов в профилях отсутствуют, поэтому последовательность появления комплексов в кургане в общих чертах реконструируется, исходя из особенностей планиграфии, погребального обряда и инвентаря.

В кургане обнаружено пять погребений и три комплекса (илл. 122, I). За исключением погребения 1, принадлежащего к сарматской эпохе¹¹⁴, и погребения 2, которое

¹⁰⁹ Держатель Открытого листа и автор полевого отчета С.В. Арапов (Арапов. Отчет 1987). Полный вариант данной публикации включен в сборник памяти Н.Я. Мерперта, готовящийся к изданию в ИА РАН.

¹¹⁰ В Цаган Усн III зафиксировано и раскопано шесть курганов, содержащих материалы эпохи бронзы и раннего железного века (Арапов. Отчет 1987).

¹¹¹ В Цаган Усн V зафиксировано и раскопано два кургана, содержащих материалы эпохи бронзы и раннего железного века (Лапа. Отчет 1987).

¹¹² К началу раскопок насыпь была покрыта полынно-типчаковой растительностью. В отчете не говорится, на каких основаниях слой назван «старопахотным».

¹¹³ Далее под «древним горизонтом» мы имеем в виду верхнюю границу слоя погребенного дерна.

¹¹⁴ Погребение 1 находилось недалеко от репера (R0), к СВВ от него. В прямоугольно-овальной яме, ориентированной по линии В–З, на дне и в заполнении у дна обнаружены кости женщины, мужчины и ребенка. In situ сохранились кости ног одного из взрослых индивидуумов. Судя по ним погребенный лежал вытянуто на спине головой на З. Инвентарь: бронзовое зеркало, глиняное пряслице, керамический горшок, железный нож, железное кольцо-перстень, два небольших камня — ракушечник и галечник (Арапов. Отчет 1987. С. 64–66, рис. 150–152). Погребение 1 частично разрушило восточную часть погребения 2.

датировать затруднительно¹¹⁵, все остальные древности можно отнести к бронзовому веку. Погребения и комплексы концентрируются, в основном, в центральной части кургана.

І. ПОГРЕБЕНИЯ

Самым ранним было *погребение 4* (илл. 122, II), которое по обряду и вещам можно уверенно отнести к началу среднебронзовой эпохи (северокавказская культура/погребальная традиция). Оно находилось в центре кургана, между погребениями 5 и 6. Яма имела прямоугольно-овальную форму, размеры по дну 210 × 110 см и была ориентирована (с незначительным отклонением) по линии В–З. Восточная стенка у дна выгнута¹¹⁶, остальные вертикальны, дно слегка (на 6 см) понижалось с З на В. Глубина ямы около 190–196 см от верхнего уровня погребенной почвы¹¹⁷.

На дне ямы находился скелет мужчины в возрасте около 45 лет¹¹⁸. Погребенный был положен вытянуто на спине, головой на В. Руки вытянуты, плечевые кости прижаты к ребрам, нижняя часть предплечий находилась под крыльями таза, кисти лежали на бедрах; ноги сведены в коленях, большие берцовые прижаты друг ко другу. Очевидно, что останки (возможно, подвергнутые перед тем какой-то обработке с целью обезвреживания тканей) были очень плотно спеленаты. Кости грудной клетки, таза, голеней и стоп интенсивно окрашены охрой.

«Дно ямы в отдельных местах посыпано мелом, а у северной стенки — охрой. Здесь же у северной стенки встречены следы подстилки органического свойства» (Арапов. Отчет 1987. С. 70).

Находки

1. У левой височной кости обнаружено металлическое (серебряное? высоколигированное бронзовое?) круглое в сечении *височное кольцо* округлой формы, с несомкнутыми концами. Диаметр кольца — 1,4 см, диаметр сечения — 0,3 см (илл. 122, II, 2).
2. Рядом с левой кистью погребенного находился кремневый *наконечник стрелы* с выемчатым основанием, обработанный двусторонней ретушью. Длина наконечника — 2,0 см, ширина — 1,2 см, глубина выемки 0,4 см (илл. 122, II, 3).

Остальные погребения и комплексы эпохи бронзы появились в финальнокатакомбное время (восточноманычская катакомбная культура).

Рядом с погребением 4, к З от него, в центре кургана находилось *погребение 5* (илл. 123). Могильная конструкция представляла собой обширную яму квадратной формы. Размеры ямы по условному краю (уровень пятна в материке) — 275 × 260 см, по дну — 205 × 203 см, все стенки были слегка наклонными. Ориентировка ямы (по длинной оси на верхнем уровне) ССВ–ЮЮЗ. В заполнении ямы на большей части площади (глубина 150–209 см от 0, 105–164 см от древнего горизонта) прослеживались следы деревянного перекрытия (плахи уложены по длинной оси, ССВ–ЮЮЗ)¹¹⁹. Дно ямы ровное, горизонтальное находилось на глубине 173–177 см от древнего горизонта.

¹¹⁵ Погребение 2 располагалось западнее погребения 1, разрушившего его восточную часть. В яме овальной формы на дне лежали остатки скелета ребенка. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине или на правом боку, головой на З. Инвентаря не было (Арапов. Отчет 1987. С. 66, 67, рис. 153).

¹¹⁶ Возможно, деформация изначально прямой стенки появилась в результате близкого прилегания входной шахты более позднего погребения 6.

¹¹⁷ Так как стратиграфическая ситуация не ясна и вариантов реконструкции этапов сооружения насыпи может быть несколько, для всех погребений и комплексов эпохи бронзы в тексте указывается глубина от древней дневной поверхности; глубины от 0 (репера) отмечены на чертежах.

¹¹⁸ Все определения пола и возраста людей, погребенных в кургане, сделаны антропологом А.В. Шевченко.

¹¹⁹ Указывая направление плах, С.В. Арапов в то же время говорит, что перекрытие было сделано «из коры дерева». Возможно, речь идет о горбыле.

В центре ямы на дне обнаружены два скелета, лежавшие параллельно друг другу, один восточнее (скелет I), другой западнее (скелет II). *Скелет I* принадлежал мужчине в возрасте около 45–55 лет. Погребенный лежал скорченно на левом боку, слегка завалявшись на грудь. Ноги его были согнуты в бедрах под прямым углом к позвоночнику, в коленях — максимально (голени почти параллельны бедрам). Кисти рук сведены вместе, находились у коленей, при этом правая согнута и отведена локтем назад, а левая вытянута (очевидно, руки были связаны в запястьях). *Скелет II* (мужчина 45–55 лет) находился перед скелетом I, в такой же позе — скорченно на левом боку, но в отличие от последнего верхняя часть туловища этого погребенного была развернута на спину, а таз и ноги лежали в положении «на боку». Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть ее лежала под левым бедром в области таза, правая рука слегка согнута в локте и положена кистью между бедрами у лобка. Погребенные лежали параллельно, были ориентированы головами на ЮЮЗ.

На дне ямы (судя по чертежу — в центральной части) отмечены следы меловой подсыпки, непосредственно под погребенными также зафиксированы следы органического тлена (подстилка). Сверху на костях обоих скелетов имелись «следы отдельного перекрытия из коры» (Арапов. Отчет 1987. С. 72).

Находки

1. В заполнении ямы, на перекрытии (на глубине 148 см от древнего горизонта), ближе к юго-восточному углу лежал *длинный бронзовый стержень-шило*, четырехгранный в сечении, с одним заостренным и другим слегка притупленным концом (илл. 124, I, 9). Длина стержня — 14,9 см, сторона сечения — 0,5 см. Остальные вещи обнаружены на дне ямы. Наиболее представительную категорию составляет лепная посуда.
2. У южной стенки, ближе к юго-восточному углу стояли два сосуда. *Сосуд 1* представлял собой одноручный кувшин-кружку¹²⁰ с округлым туловом (плечики слегка завышены), высоким чуть сужающимся кверху горлом и слегка отогнутым приостренным венчиком. Небольшая петлевидная ручка, по словам автора раскопок, «полусферическая в сечении», имела круглое отверстие и крепилась верхней частью к горлу, слегка сужающемуся от плечиков к венчику, нижним концом — к месту соединения горла и тулова. На плечиках имелся уступ, венчик и основание горла были подчеркнуты углубленными линиями. Внешняя серо-черная пятнистая (спереди — следы нагара?) поверхность сосуда заглажена. Высота сосуда — 19,3 см, диаметр тулова — 19,5 см (илл. 125, I, 1).
3. Рядом с сосудом 1, к 3 от него, стоял кувшин (*сосуд 2*), по форме в целом аналогичный первому, но чуть большего размера. Так же подчеркнуты основания венчика и горла, также выделен уступ на плечиках. Но на этом кувшине полусферическая ручка была прикреплена к плечу и орнаментирована. На передней стороне ручки нанесена врезная Х-видная фигура из двух пересекающихся полос¹²¹, на боковых сторонах — поперечные короткие насечки по кругу. На плечиках под уступом находится ряд оттисков мелкого треугольного (вершинами вниз) штампа. Заглаженная внешняя поверхность сосуда имела красный (венчик, горло и плечики выше уступа) и черный (ниже уступа) цвет. Высота сосуда — 20,7 см, диаметр тулова — 23,5 см (илл. 124, I, 2).

¹²⁰ Условное деление одноручных сосудов на кувшины и кружки произведено по соотношению минимального диаметра горла и максимального диаметра тулова: у первых диаметр горла меньше половины диаметра тулова, у кружек — больше. Соответственно, если диаметр горла равен половине диаметра тулова, вид сосуда определяется как кувшин-кружка.

¹²¹ К сожалению, ни рисунок, ни фотография, приведенные в отчете, не позволяют понять, каким образом пересекаются линии, образующие крест.

Сосуды 3 и 4 меньшего размера находились практически в том же ряду, что и первые два, западнее последних, но стояли дальше от стенки, непосредственно в изголовье погребенных. Сосуд 3 при этом находился на оси между погребенными, сосуд 4 — рядом с черепом скелета II.

4. В рамках предложенного весьма условного классификационного деления можно назвать *сосуд 3* кружкой. Плечики сосуда завышены, горло цилиндрическое, приостренный венчик слегка отогнут. Основание венчика и горла подчеркнуто, но уступ на плечиках отсутствует. Сосуд имел ручку, вероятно, аналогичную по форме ручке кувшина-кружки ¹²², но большего размера, прикрепленную к горлу и плечу. Так же, как у сосуда 1, внешняя заглаженная поверхность имеет неровный серо(?)—черный цвет (спереди — следы нагара?). Высота сосуда — 15,3 см, диаметр тулова — 15,3 см (илл. 124, I, 3).
5. *Сосуд 4* представлял собой кувшин-кружку, по конструктивным особенностям и проработке деталей аналогичную сосуду 1, но имел более стройные пропорции, цилиндрическое горло и более массивные венчик и ручку¹²³. Высота сосуда — 16,7 см, диаметр тулова — 17 см (илл. 124, I, 4).
6. Последний, самый маленький *сосуд 5* (кружка) с коричневой внешней поверхностью был поставлен в северо-западный угол могилы. Он практически не имел горла — подчеркнутые уступом плечики переходили в выделенный заостренный венчик. Ручка, вероятно, такая же, как у других сосудов, крепилась к плечу выше и ниже уступа. Высота сосуда — 11 см, диаметр тулова — 15 см (илл. 124, I, 5).
7. *Большой бронзовый копьевидный нож* находился в изголовье погребенных, среди костей мелкого рогатого скота, между сосудами 1 и 2 — с одной стороны и сосудами 3 и 4 — с другой. Форма клинка — удлинено-линовидная, черенок узкий. Сечение клинка — линзовидное, черенка — прямоугольное. Длина ножа — 22 см, длина лезвия — 15 см, максимальная ширина лезвия — 6,5 см (илл. 124, I, 6).
8. *Бронзовый копьевидный нож среднего размера* лежал ближе к западной стенке могилы, перед скелетом II, на уровне пояса погребенного, и был направлен острием к погребенному. Нож имел короткий треугольный клинок и сравнительно длинный черенок. Сечение клинка — трапециевидное (кромки подчеркнуты фасками), черенка — прямоугольное. Длина ножа — 11,7 см, длина лезвия — 4,9 см, максимальная ширина лезвия — 5,3 см (илл. 124, I, 7).
9. Вместе с большим бронзовым ножом, ближе к черепу скелета I было расчищено «скопление костей»¹²⁴. Вероятнее всего, эти кости принадлежали мелкому рогатому скоту, и речь должна идти не о «скоплении костей», а об остатках части (какой?) туши.
10. Между правой плечевой костью и ребрами скелета II обнаружен *короткий бронзовый стержень-шило*, квадратный в сечении, «с одним заостренным концом» (Арапов, Отчет 1987. С. 77). Длина стержня — 9,6 см, сторона сечения 0,4 см (илл. 124, I, 8).
11. У правого локтя скелета II найдена *спиральная пронизь* из цветного металла (серебро? высоколигированная бронза?), цилиндрической формы. Длина пронизи — 0,8 см, диаметр — 0,3 см (илл. 124, I, 10).
12. На поясничных позвонках скелета II и рядом с ними, спереди, находилось скопление из 9 пастовых (фаянсовых) бисерных дисковидных и «бородавчатых» бус

¹²² Отдельный рисунок и сечение ручки не приведены в отчете; в тексте указано, что ручка была «круглая» (Арапов. Отчет 1987. С. 75).

¹²³ Описание сосуда отсутствует в тексте отчета.

¹²⁴ То же «скопление костей» упоминается в тексте отчета и как «кости животного, возможно, часть туши», и даже как «кости животных» (Арапов. Отчет 1987. С. 75, 76). Очевидно, мы имеем дело с небрежностью описания.

(судя по фотографии, по крайней мере часть из них, большего размера, имела по 4 округлых выступа). Диаметр бус — 0,3–0,7 см.

13. Скопление мелкого пастового бисера (всего 13 бусин, дисковидных и с выступа-ми) расчищено также у поясничных позвонков скелета I. Диаметр бус — 0,3 см.

Погребение 6 (илл. 122, III) находилось к В от погребений 4 и 5 и размещалось практически параллельно последнему, с незначительным смещением к С. Расстояние между восточной стенкой ямы погребения 5 и западной стенкой входной шахты погребения 6 составляло около 2 м: здесь находилась яма погребения 4. Могильная конструкция представляла собой катакомбу. Входная шахта имела прямоугольную форму, стенки ее были вогнуты, углы скруглены. Дно шахты — ровное, горизонтальное — находилось на глубине 174 см от уровня погребенной почвы. Размеры шахты по дну 222 × 182 см, ориентировка длинной оси ССВ–ЮЮЗ.

Юго-западный угол шахты незначительно нарушил восточную стенку ямы погребения 4.

Вход в камеру был сделан в середине северной стенки входной шахты. Форма входа — вероятнее всего, арочная — документально не зафиксирована. Высота входа над дном шахты — около 68 см, ширина входа со стороны шахты — 116 см. Камера соединялась с входной шахтой небольшой (длиной 20 см) перемычкой, вмещавшей «крутую» ступеньку. Высота ступеньки, согласно чертежу разреза, не менее 30 см, согласно нивелировочным отметкам — 3–4 см (Арапов, 1987. Рис. 163). Камера имела овальную, приближающуюся к круглой, форму, размеры 142 × 126 см, и была ориентирована перпендикулярно входной шахте. По нивелировочным данным дно камеры находилось на глубине 177–178 см от древней дневной поверхности.

На дне камеры обнаружены останки двух погребенных. В северо-восточной части камеры, у стенки, находились эскарнированные останки мужчины в возрасте около 55 лет (*скелет I*). Длинные кости рук и ног, таз, лопатки и некоторые более мелкие кости скелета были сложены прямоугольным «пакетом», ориентированным по линии СЗ–ЮВ. Рядом с «пакетом», к ЮВ от него стоял на основании череп (без нижней челюсти), повернутый лицевой частью на В. На затылочной части черепа, а также на длинных костях отмечены следы охры. Под черепом прослежена подстилка из органического материала (кора?)¹²⁵.

Скелет II (пол погребенного неясен, скорее мужской, возраст — старческий) лежал в центре камеры вдоль длинной оси скорченно на правом боку, сильно завалившись на грудь так, что обе лопатки оказались сверху. И запрокинутой назад головой, и лицом погребенный был обращен на В. Таким образом, вход в камеру находился позади, а скелет I — перед скелетом II. Обе руки погребенного были согнуты в локтях, причем левая — под максимальным углом, так, что кости предплечья лежали почти параллельно плечу; угол сгиба правой руки не зафиксирован. Ноги согнуты в бедрах и коленях под острым углом, стопы сведены вместе.

Дно камеры между входом и скелетом II было покрыто мелом: пятно почти прямоугольной формы размерами 40 × 20 см было вытянуто параллельно входному отверстию/ступеньке.

Находки

1. У правой височной кости черепа скелета I был обнаружен *фрагмент бронзового предмета* (не сохранился)¹²⁶.

¹²⁵ С.В. Арапов отмечает, что «на длинных костях имеются следы распила». Трудно судить, насколько основательно это заключение.

¹²⁶ Судя по месту находки, можно предположить, что это были остатки бронзового височного кольца. В нашей базе учтен аналогичный случай (Веселая Роша II к. 03 п. 04) находки в камере разрушенной катакомбы отчлененного черепа или головы взрослого человека (посткраниальный скелет отсутствовал). Рядом с черепом обнаружены два бронзовых височных кольца (Романовская. Отчет 1978. С. 24).

В головах у скелета II, сзади него, у входа в камеру, находились, не заходя на меловую подсыпку, уложенные в ряд с СВ на ЮЗ глиняные лепные *сосуд, воронка и курильница*.

2. *Сосуд* представлял собой миниатюрную кружку с высоким цилиндрическим горлом, округлым туловом и сравнительно массивной ручкой, прикрепленной верхним концом под венчиком, нижним — на переходе от горла к тулову. Орнамент из оттисков сдвоенных перевитых веревочек (автор раскопок пользуется словом «шнур») украшает горло кружки. Морфологически не выделенный венчик и переход от горла к тулову подчеркнуты полосами, между которыми располагался горизонтальный зигзаг. Внешняя заглаженная поверхность имела темно-коричневый неровный цвет. Высота сосуда — 8,2 см, диаметр тулова — 8,6 см (илл. 122, III, 2).
3. К ЮЗ от кружки находилась *воронка*, стоявшая вертикально раструбом вниз. На внешней поверхности красноватого цвета отмечены следы мела. Высота воронки — 13 см, диаметр чаши по краю — 15,9 см, диаметр «трубки» — 5,2 см (илл. 122, III, 3)¹²⁷.
4. С ЮЗ к воронке приставлена *курильница*, опрокинутая чашей вниз. Курильница имела неглубокую округлую чашу с внутренним отделением-«карманом» и невысокий цельный крестовидный поддон-подставку из четырех «сросшихся» ножек. Верхний край чаши и «кармана» чуть скошены наружу, при этом край «кармана» ниже края чаши. Орнамент по середине верхнего края чаши и «кармана» нанесен оттиском сдвоенной перевитой веревочки («шнур?»), по краю нижней плоскости крестовины и на внешней поверхности чаши — такой же веревочкой и мелким штампом (каким?), формирующим спиралевидные оттиски: на плоскости крестовины спирали отмечают общий центр и центры ножек, на поверхности чаши — заполняют пространство шести «свисающих» треугольников. Основанием треугольников является горизонтальный оттиск сдвоенной веревочки, расположенный чуть ниже верхнего края, сторонами — зигзагообразный оттиск того же штампа. Один из треугольников состоит из двух, имеющих общую сторону (вероятно, здесь находились концы оттиснутой веревочки). Высота курильницы — 6,5–7,2 см, высота чаши 4,4 — 5,1 см, диаметр чаши — 17,1 см, ширина отделения (от внутреннего края чаши до внешнего края отделения) — 4,8 см, длина отделения (между внешними краями отделения) — 6,8 см (илл. 122, III, 4).

Внутри чаши и под ней отмечено скопление охры.

II. КОМПЛЕКСЫ

Комплекс I («жертвенник I»)¹²⁸ (илл. 123). К Ю от погребения 5, практически вплотную к нему (расстояние между границами ям не превышало 50 см), на глубине 20 см от древнего горизонта были выявлены остатки конструкции, имевшей сложную конфигурацию. Две небольшие овальные ямы, вытянутые по линии В–З с пологими стенками, шириной около 60 см, глубиной 48–51 см от древнего горизонта, были разделены друг от друга «перемычкой» трапециевидной формы. Восточная граница последней,

¹²⁷ Судя по рисунку и фотографии в отчете, нельзя исключить, что узкий край воронки был полностью обломан.

¹²⁸ Жертвоприносительный характер комплекса очевиден, однако далее мы не используем предложенное С.В. Араповым название «жертвенник», поскольку этот термин в настоящее время прочно закреплен за особым видом восточноманычских комплексов, состоящим из уложенных особым образом костей конечностей и черепов крупного рогатого скота и чаще всего представляющим собой, вероятно, остатки «закладной» жертвы при возведении насыпи (см. раздел 2.3.2). Изредка встречаются аналогичные комплексы-«жертвенники» из костей мелкого рогатого скота.

в отличие от восточной границы ям, судя по чертежу, читалась в материке. Однако не менее вероятно, что верхняя часть восточного края конструкции в целом была срезана при работе бульдозера. При этом удалось зафиксировать, что к востоку от «перемычки» находилась еще одна округлая в плане яма с пологими стенками, зафиксированная практически у дна, на глубине 51 см от древнего горизонта. Диаметр ямы — 70 см, глубина от древнего горизонта — 64 см.

Находки

Все находки лежали в ряд с С на Ю, на восточном краю «перемычки».

1. С северного конца лежал *малый камень-пест* четырехгранной призматической формы, подшлифован. Размеры песта — $11,4 \times 6,9 \times 4,1$ см (илл. 124, II, 1).
2. Рядом с малым пестом, южнее, находился «козлиный рог со следами обработки»¹²⁹.
3. В юго-восточном углу «перемычки» находилась *каменная ступка*, овальной, почти круглой, формы, с коническими углублениями-вдавливаниями сверху и снизу и маленьким округлым углублением в центре; подшлифована. Диаметры ступки — 19,2 и 18 см, диаметр углубления в центре — 3,2 см, толщина по краю 6,9 см, толщина в центре — 3,2 см (илл. 124, II, 2).
4. Вплотную к ступке лежал *большой камень-пест* неправильно-четырехгранной призматической формы с выделенной рукоятью, подшлифован. Размеры песта — $27 \times 10 \times 5,8$ см, размеры рукояти — $12,3 \times 7,3 \times 4,3$ см (илл. 124, II, 3).

Несмотря на разрушения, выявленные детали позволяют предположить, что исходная форма конструкции представляла собой «приталенную» яму с ямками в дне по углам. В этом случае не прослеженную восточную часть конструкции можно реконструировать как зеркальное отражение западной. В восточноманычской погребальной традиции могильные ямы и входные шахты катакомб подобной формы представляли собой архитектурную модель повозки. Иногда внутри такой конструкции ставили настоящую деревянную повозку, колеса которой помещались в ямки по углам. В нашем случае, однако, еще одна круглая ямка должна была находиться в центре конструкции, аналогий чему подобрать трудно.

Комплекс II («погребение 3 — кенотаф»)¹³⁰ (илл. 125, I, 1) находился на расстоянии около 7 м к СВ от центрального репера и около 8 м к СВ от погребения 5 (если мерить до геометрического центра ям). Пятно ямы и верхний уровень стоявшей в яме посуды зафиксирован практически сразу под верхним уровнем погребенной почвы, на 5–10 см ниже древнего горизонта, практически у самого дна конструкции. Яма имела форму неправильного овала размерами 144×105 см, ориентированного по линии 3–В. В северо-западной части яма имела сравнительно ровное горизонтальное дно на глубине около 15 см от древнего горизонта, в юго-восточной части дно неравномерно понижалось до глубины около 40 см от древнего горизонта, образуя на этом уровне горизонтальную площадку¹³¹.

Находки

Находки (в основном, лепная глиняная посуда) были сосредоточены в западной части ямы и располагались на разных уровнях.

1. Около западной стенки на дне находился развал *сосуда I* — горшка с цилиндрическим горлом и слегка завышенными плечиками. Форма горшка заметно

¹²⁹ К сожалению, описание, фотография и рисунок предмета отсутствуют в отчете.

¹³⁰ В данном случае называть комплекс II «погребением» и «кенотафом», как это сделал С.В. Арапов в тексте отчета, можно очень условно, поскольку останки человека отсутствуют, а прослеженная конструкция не изоморфна восточноманычским могильным сооружениям.

¹³¹ Нельзя исключить, что неровности дна и стенок конструкции — результат перекопа животными (например, сусликами).

- ассиметрична. Конструктивные детали не подчеркнуты, орнамент отсутствует. Внешняя поверхность красновато-охристого цвета. Высота сосуда — 23,5–26 см, диаметр тулова — 31 см (илл. 125, I, 2).
2. К ЮВ от сосуда 1 на дне или в заполнении углубления обнаружен маленький *сосуд 2* — плошка (чашка без ручки). Расходящиеся от дна стенки в верхней части плавно переходят в вертикальные, верхний край загнут внутрь, венчик не выделен. Форма явно ассиметрична (на фото хорошо виден перепад уровня края). Дно массивное, толщина стенок постепенно уменьшается к верхнему краю. На внешней стороне отмечены следы красной краски. Высота сосуда — 4,7 см, диаметр тулова — 7 см (илл. 125, I, 3).
 - К С от сосуда II, на дне лежали на боку два сосуда — кружки¹³².
 3. *Сосуд 3*, находившийся западнее, представлял собой кружку с округлым туловом и высоким чуть расширяющимся кверху горлом и массивной ручкой, прикрепленной к середине горла и нижней части плечика. Венчик не выражен, верхний край горизонтально срезан. Высота сосуда — 9 см, диаметр тулова — 9,5 см (илл. 125, I, 4).
 4. *Сосуд 4*, лежавший вплотную к сосуду 3, восточнее, в рамках предложенного выше деления также представлял собой кружку с округлым туловом, высоким цилиндрическим горлом и прямоугольной в сечении ручкой, прикрепленной к верхней части горла и верхней части плечика. Венчик не выражен, верхний край горизонтально срезан. Ниже края горло украшает полоса из трех горизонтальных прочерченных линий-бороздок (ширина бороздки — около 2 мм); место крепления горла к тулову подчеркнуто рельефным валиком, по которому нанесены мелкие вертикальные насечки; ниже валика располагаются две горизонтальные бороздки, аналогичные нанесенным на горло; от нижней из них на плечики сосуда ложатся косые отрезки таких же бороздок, сгруппированных «елочками» вершинами вверх (по три с каждой стороны). Высота сосуда — 11,4 см, диаметр тулова — 10,7 см (илл. 125, I, 5).
 5. К ЮВ от сосуда I, рядом с ним, на скосе дна или в заполнении лежала на боку, чашей в сторону сосуда *курильница*. Курильница имела вид округлой чаши с внутренним отделением-«карманом» на цельной крестовидной подставке из четырех «сросшихся» ножек. Верхний край чаши и «кармана» горизонтально уплощен. Сложный орнамент нанесен на внешнюю поверхность чаши и нижнюю поверхность крестовины с помощью шнура из двух перевитых в одном направлении веревочек и штампа-трубочки, оставлявшего небольшие (диаметром 0,3 см) кольцевидные оттиски. Снизу на крестовине кружками отмечены центры ножек, оттисками шнура обведены их края. От края чаши, подчеркнутого горизонтальным оттиском шнура, к ножкам спускаются четыре полукруглых шеврона, каждый из четырех рядов того же шнура (внутри одного из шевронов имеется еще один, пятый оттиск шнура в виде вертикальной линии). Между шевронами пространство заполнено двумя чередующимися видами композиций. Первая представляет собой нанесенную с помощью шнура косую сетку, внутри каждой из ячеек которой находится кружок; вторая — спускающуюся от края к крестовине прямую линию, по обеим сторонам которой, параллельно ей, идут две линии-«змейки» (все выполнено таким же шнуром), между изгибами которых нанесены кружки. По краю чаши и отделения идут два ряда оттисков одинарной веревочки; между ними на краю чаши добавлен ряд кружков. Высота курильницы — 9,2 см, высота чаши — 5,4 см, диаметр чаши — 16,3 см, шири-

¹³² Рядом с сосудом II, на одной глубине с ним, у южной части ямы на чертеже отмечены точками следы (охры? мела? угля?), не прокомментированные ни в приложенной легенде, ни в тексте отчета.

на отделения (от внутреннего края чаши до внешнего края отделения) — 6 см, длина отделения (между внешними краями отделения) — 6,8 см (илл. 125, I, 6).

6. Рядом с сосудом I, к СВ от него, также на дне были уложены параллельно друг другу по линии СВ—ЮЗ *кости ног мелкого рогатого скота*.

Комплекс II можно определить как жертвенный.

Комплекс III («находка в насыпи») (илл. 125, II). Комплекс был обнаружен на расстоянии 8,2 м к В от центрального репера и от погребения 5, в 3 м к В от погребения 6 (если мерить от геометрического центра ям погребений). В насыпи чуть выше древнего горизонта или на нем, на глубине 40 см от 0, найдены остатки двух сосудов и курильницы. В альбоме отчета имеются изображения одного сосуда и курильницы. Информация о втором найденном сосуде, равно как и описания находок, полностью отсутствуют.

Находки

1. *Сосуд I* — горшок биконической формы, с резким перегибом от нижней части тулова к горлу-плечу (верхняя часть горла и венчик не сохранились). Перегиб подчеркнут рельефным уступом, по которому нанесены широкие косые вдавления, между которыми поднимаются узкие косые «ребрышки». Горло-плечу украшено вертикальными и наклонными оттисками шнура из двух перевитых в одном направлении веревочек. Ниже уступа в одном месте, противоположном лучше сохранившейся части, отраженной на рисунке, на фото видны частые косые насечки. Высота сохранившейся части сосуда — 19,5 см, диаметр тулова — 22,5 см (илл. 125, II, 1).
2. От *курильницы* сохранились обломки края округлой чаши. Плоский край чаши скошен внутрь. По краю и на внешней поверхности нанесен орнамент. Край украшен полосой из двух рядов косых оттисков мелкого треугольного штампа, между которыми идет ряд округлых ямочек. На внешней поверхности имеет место сложная композиция, фигуры которой нанесены теми же штампами с добавлением врезных линий: от расположенной ниже края горизонтальной линии из округлых ямочек спускаются разной величины шевроны и полосы, образованные врезными линиями с оттисками мелкого треугольного штампа между ними; навстречу им из придонной части чаши поднимаются елочки и треугольник, выполненные в той же технике. Фигуры нанесены небрежно, композиция явно не симметрична. Диаметр чаши — 18,2 см (илл. 125, II, 2).

Исходя из приведенных, к сожалению, неполных, данных можно полагать, что комплекс III по составу и назначению аналогичен вышеописанному жертвенному комплексу II.

* * *

Несмотря на практически полное отсутствие стратиграфических свидетельств, существует возможность гипотетически, но с высокой долей вероятности реконструировать последовательность появления погребений и жертвенных комплексов в кургане, опираясь на планиграфию, особенности погребального обряда и обнаруженных вещей.

Как уже говорилось, самым древним в кургане было погребение 4, относящееся к северокавказской погребальной традиции. Судя по форме найденного при погребенном височного кольца (так называемые калачевидные кольца — тип 6 по классификации А.Н. Гей; Гей, 2000. С. 160, 161), это захоронение можно отнести к раннекатакомбному времени в Восточном Предкавказье, непосредственно предшествовавшему оформлению восточноманычской культуры¹³³. Это погребение формально можно счи-

¹³³ На территории Восточного Ставрополя и Калмыкии в рамках одного раннекатакомбного горизонта, предшествовавшего появлению восточноманычского обряда, одновременно существовали северокавказская, ямная и две раннекатакомбные традиции (северокавказская катакомбная и ямно-катакомбная).

тать *основным* в кургане. Размеры существовавшей над погребением 4 насыпи остались неизвестными — возможно, они были совсем незначительными, что помогло «восточноманычцам» четко спланировать пространство своего могильника, «зажав» широтно ориентированную яму погребения 4 между двумя собственными меридионально ориентированными погребальными конструкциями погребений 5 и 6. Для этого пласта роль организующего центра выполняло погребение 5, которое стало, так сказать, *квазиосновным*. К этому заключению подводит сравнение плана кургана со стандартной схемой размещения восточноманычских комплексов в кургане по направлениям от центра — основным и промежуточным, с характерным предпочтением восточной половины — СВ, В, ЮВ. Предположить последовательность создания погребения 6 и комплексов II и III можно, сравнивая между собой найденные в них курильницы. Наиболее древней, «классической» по пропорциям и по симметричной орнаментальной композиции, созданной с использованием оттисков шнура, может считаться курильница из комплекса II. По сравнению с ней орнамент на курильнице из погребения 6 выглядит «деградированным» — стандартная четырехчастная схема заменена редкой шестичастной, фестоны упрощены до треугольников и нанесены более небрежно. Наконец, курильница из комплекса III демонстрирует полный распад стандартной орнаментальной схемы и отсутствие шнуровых отпечатков (о хронологической типологии курильниц см.: Егоров, 1970; Панасюк, 2012).

Что касается жертвенного комплекса I, то он мог появиться как одновременно с погребением 5, так и (менее вероятно) позднее.

Несмотря на то, что погребение 5 относится к пласту, непосредственно следующему за раннекатакомбным, ощутим культурный разрыв между ним и основным погребением 4. На первый взгляд, никаких архаических черт в обряде погребения 5 не демонстрирует. Напротив, сосуды из этого погребения представляют собой классические восточноманычские кувшины и кружки; то же можно сказать о ножах и пастовых бусах. Более того, найденные при погребенных фаянсовые «бородавчатые» бусы, по мнению Р.А. Мимохода, ясно указывают на второй, поздний этап существования восточноманычской традиции; расцвет использования фаянсовых бус с выступами приходится на следующий посткатакомбный период (подробное изложение сюжета с типологическими построениями и обширным списком аналогий см.: Мимоход, 2012; 2013. С. 191–199). Вместе с тем форма большого копьевидного ножа отсылает к раннекатакомбному времени (Гак, 2005б. С. 64) и в контексте погребения 5 выглядит как «антиквариат».

В целом, последовательность появления комплексов эпохи бронзы в кургане представляется следующей: погребение 4 — погребение 5 и комплекс I — комплекс II — погребение 6 — комплекс III. Представляется, что большинство катакомбных комплексов, условно называемых кенотафами, — это приношение предкам, могилы которых находятся в том же кургане (см. раздел 2.3.1). «Адресатом» жертвоприношения, остатки которого представлены комплексом II, вероятно, было погребение 5; комплекс III, возможно, «направлялся» погребению 6 или обоим погребениям кургана.

Исходя из полученных для аналогичных памятников радиоуглеродных дат следует относить северокавказское погребение 4 приблизительно к XXVI–XXV вв. до н.э., восточноманычские древности — к XXV–XXIII вв. до н.э. (Шишлина и др., 2007б. Табл. 5, 6; Мимоход, 2013. Илл. 110, 111, 114).

Архивные материалы

- Андреева М.В.*, 1979. Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 году // НА ИА РАН. Р-1. № 8039.
- Андреева М.В.*, 1985. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 13580–13583.
- Андреева М.В., Новикова Л.А.*, 1988. Отчет о работе Манычской экспедиции в Благодарненском районе Ставропольского края // НА ИА РАН. Р-1. № 13971–13973.
- Андреева М.В., Ульянова О.А.*, 1986. Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // НА ИА РАН. Р-1. № 11910.
- Арапов С.В.*, 1987. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ ИФЭ в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 12526.
- Арапов С.В.*, 1992. Отчет об археологических исследованиях у поселка Овата Целинного района Республики Калмыкия в 1992 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 17070–17071.
- Бабенко В.А.*, 1999а. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22348–22349.
- Бабенко В.А.*, 1999б. Отчет о раскопках курганного могильника «Айгурский-2» у совхоза «Советское руно» Ипатовского района Ставропольского края в 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22350–22351.
- Бабенко В.А.*, 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Айгурский-2» и курганного могильника «Айгурский-1» у совхоза «Советское руно» Ипатовского района Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 23452.
- Бабенко В.А.*, 2001. Отчет о раскопках курганного могильника «Барханчак 2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 26055–26056.
- Белинский А.Б.*, 1994. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье 1» и «Птичье 2» Изобильненского района Ставропольского края // НА ИА РАН. Р-1. № 18874–18875.
- Белинский А.Б.*, 1998. Отчет о раскопках курганных могильников «Ипатово 3», «Ипатово 6», «Ипатово 8» («Кузькин 1») у г. Ипатово Ставропольского края в 1998 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 21034–21035.
- Белинский А.Б.*, 1998–1999. Отчет о раскопках кургана 2 могильника Ипатово 3 у г. Ипатово Ставропольского края в 1998–1999 гг. // НА ИА РАН. Р-1. № 24080–24085.
- Белинский А.Б.*, 1999. Отчет о раскопках курганного могильника Ипатово-7 г. Ипатово Ставропольского края в 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22963–22964.
- Березин Я.Б.*, 1997. Отчет о раскопках могильников «Буйвола 1» у г. Буденновска и «Успенский 1» у г. Новоалександровска Ставропольского края в 1997 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 19830–19831.
- Березин Я.Б.*, 1998а. Отчет о раскопках курганного могильника Золотаревка-5 в Ипатовском районе Ставропольского края в 1998 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22352–22353.
- Березин Я.Б.*, 1998б. Отчет о раскопках курганных могильников «Ильинский-1» Труновского района, «Птичье-3» Изобильненского района, «Расшеватский-1», «Расшеватский-2», «Рас-

- шеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 21030–21033.
- Березин Я.Б.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-4», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22358–22361.
- Гаврилина Л.М.*, 1986. Отчет об исследованиях АЭ КНИИ ИФЭ в зоне строительства I очереди КАРОС в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1986 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11471.
- Гаврилина Л.М., Шишлина Н.И.*, 1986. Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1986 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11331.
- Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н.*, 1982. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции // НА ИА РАН. Р-1. № 11525.
- Державин В.Л.*, 1980. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции // НА ИА РАН. Р-1. № 8713.
- Державин В.Л.*, 1981. Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции на территории Ставропольского края в 1981 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 9785.
- Державин В.Л.*, 1989. Отчет о работе Благодарненской экспедиции в 1989 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 14215–14217.
- Калмыков А.А.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников Золотаревка-4 и Золотаревка-7 в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 году // НА ИА РАН. Р-1. № 23298–23299.
- Кольцов П.М.*, 2002. Отчет об исследовании курганов у п. Привольный (с-з Улан-Хееч) Яшкульского района Республики Калмыкия в 2002 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 27465.
- Коренько В.А.*, 1974. Отчет о работе Новоселицкого отряда Ставропольской археологической экспедиции // НА ИА РАН. Р-1. № 5412.
- Коренько В.А.*, 1975. Отчет о работах на территории Ставропольского края // НА ИА РАН. Р-1. № 6892.
- Коренько В.А.*, 1976. Отчет о работе Туркменского отряда Ставропольской экспедиции // НА ИА РАН. Р-1. № 8008.
- Коренько В.А.*, 1977. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 7223.
- Коренько В.А.*, 1978. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1978 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 7468.
- Лапа Н.Л.*, 1987. Отчет о раскопках в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 12438.
- Лычагин А.В.*, 2003. Отчет об охранных раскопках курганов в Ипатовском районе Ставропольского края в 2003 году // НА ИА РАН. Р-1. № 28817–28818.
- Ляхов С.В.*, 1997. Отчет об охранных раскопках курганов в Апанасенковском и Туркменском районах Ставропольского края в 1997 году // НА ИА РАН. Р-1. № 25677–25678.
- Ляхов С.В.*, 2002. Об охранных раскопках курганных могильников «Дамба — Калаус 1 и 2» в Туркменском районе Ставропольского края в 2002 году // НА ИА РАН. Р-1. № 25973–25974.
- Матюхин А.Д.*, 2005. Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Кунаковский-1», «Кунаковский-2», «Тоннельный-6», «Невинномысский-1» на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 году // НА ИА РАН. Р-1. № 29029–29031.
- Найденко А.В.*, 1972. Отчет о раскопках у с. Китаевка Ставропольского края // НА ИА РАН. Р-1. № 4886.
- Николаева Н.А.*, 1985. Исследование курганов в зоне строительства рисовой КАРОС на землях совхоза Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 10970.
- Николаева Н.А.*, 1986а. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства орошаемого участка в совхозе «Чограйский» (600 га) Калмыцкой АССР в 1986 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11627.
- Николаева Н.А.*, 1986б. Отчет о раскопках курганов на трассе дороги Волга—Чограй (Яшкульский район) в 1986 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 14263–14264.

- Николаева Н.А., 1987. Отчет о раскопках курганов на трассе канала Волга–Чограй в Яшкульском районе КАССР в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 12123.
- Очир-Горяева М.А., 1989. Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1989 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 13445–13446.
- Очир-Горяева М.А., 1990. Отчет об исследовании курганного могильника Улан-Зуха в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1990 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 15105–15106.
- Очир-Горяева М.А., 1991. Отчет об исследовании курганного могильника Хар-Зуха в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1991 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 17579–17580.
- Очир-Горяева М.А., 2006. Отчет об исследовании двух курганов могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2006 году // НА ИА РАН. Р-1. № 32643.
- Очир-Горяева М.А., 2007. Отчет о доследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2007 году // НА ИА РАН. Р-1. № 32805.
- Очир-Горяева М.А., 2008. Отчет о доследовании кургана 13 могильника «Ергенинский» в Кетченеровском районе Республики Калмыкия в 2008 году // НА ИА РАН. Р-1. № 37589.
- Петренко В.Г., 1980. Отчет о раскопке курганов у хут. Красное Знамя Александровского района Ставропольского края // НА ИА РАН. Р-1. № 8167.
- Романовская М.А., 1978. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в Александровском районе Ставропольского края в 1978 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 8488.
- Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганной группы Веселая Роща II и Веселая Роща III, произведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в 1979 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 8489.
- Ростунов В.Л., 2000. Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 26769.
- Тихонов Б.Г., 1976. Отчет о раскопках Александровским отрядом Ставропольской экспедиции курганного могильника Веселая Роща I // НА ИА РАН. Р-1. № 7512.
- Тихонов Б.Г., 1977. Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в зоне строительства 3 очереди Большого Ставропольского канала // НА ИА РАН. Р-1. № 8398.
- Цуцкин Е.В., 1982. Отчет о раскопках курганной группы Эвдык I в Приозерном районе Калмыцкой АССР // НА ИА РАН. Р-1. № 9378.
- Цуцкин Е.В., 1983. Отчет о работе Волго-Донской экспедиции в Приозерном районе в 1983 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11170.
- Шилов В.П., 1980. Отчет о доследовании кургана 9 группы «Три Брата-I» Волго-Донской археологической экспедиции в 1980 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 9517.
- Шилов В.П., 1981. Исследование Волго-Донской археологической экспедиции 1981 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 10968.
- Шилов В.П., 1982. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 9516.
- Шилов В.П., 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1983 г. (могильник Эвдык) // НА ИА РАН. Р-1. № 9589.
- Шилов В.П., 1984. Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11785.
- Шилов В.П., 1985–1986. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–86 гг. // НА ИА РАН. Р-1. № 11793.
- Шилов В.П. 1987. Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР // НА ИА РАН. Р-1. № 12351.
- Шилов В.П., Цуцкин Е.В., 1983. Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции ИА РАН и КНИИ ИФЭ в 1983 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 11170.
- Шишлина Н.И., 1987. Отчет о работе отряда ГИМ Калмыцкой археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР (Цаган Усн) // НА ИА РАН. Р-1. № 11884.

- Шишлина Н.И.* 1988. Отчет об исследованиях по трассе канала Волга—Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 12669—12671.
- Шишлина Н.И.*, 1993. Отчет о работе Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ в Сарпинском районе в 1993 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 17767—17768.
- Шишлина Н.И.*, 1994. Отчет об исследовании кургана 1 могильника Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 1994 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 18973—18975.
- Шишлина Н.И.*, 1995. Отчет о раскопках могильника Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 1995 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 19872—19873.
- Шишлина Н.И.*, 1998. Отчет о раскопках могильников Му-Шарет-4, Му-Шарет-1, Манджикины-1, Шупта-1, Шупта-2 в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия // НА ИА РАН. Р-1. № 22872—22876.
- Шишлина Н.И.*, 1999. Отчет об исследованиях в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 24063—24065.
- Шишлина Н.И.*, 2000. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2000 году (Му-Шарет-1, 4, Манджикины-1, 2, Островной) // НА ИА РАН. Р-1. № 22440—22446.
- Шишлина Н.И.*, 2001. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2001 г. // НА ИА РАН. Р-1 № 25279—25282.
- Шишлина Н.И.*, 2002. Отчет об археологических исследованиях в Республике Калмыкия в 2002 г. // НА ИА РАН. Р-1 № 27882—27883.
- Шишлина Н.И.*, 2003. Отчет об археологических исследованиях в Ремонтненском районе Ростовской области в 2003 году // НА ИА РАН. Р-1. № 31852—31853.
- Шишлина Н.И.*, 2004. Отчет об археологических раскопках могильника Темрта III в 2004 году // НА ИА РАН. Р-1. № 33331—33332.
- Шишлина Н.И.*, 2005. Отчет о работах Степной археологической экспедиции ГИМ в с. Ремонтное Ремонтненского района Ростовской области в 2005 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 28270—28271.
- Шишлина Н.И.*, 2006. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году // НА ИА РАН. Р-1. № 32001—32002.
- Шишлина Н.И.*, 2009. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2009 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 36927—36928.
- Шишлина Н.И.*, 2010. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2010 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 33716—33717.
- Шишлина Н.И.*, 2011. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2011 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 30855—30856.
- Шишлина Н.И.*, 2012. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2012 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 35937.
- Шнайдитейн Е.В.*, 1974. Отчет об археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ о раскопках курганов в Малодербетовском районе Калмыцкой АССР в 1974 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 5434.
- Шнайдитейн Е.В.*, 1988. Отчет об археологических раскопках в зоне канала Волга—Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 году // НА ИА РАН. Р-1. № 12901.
- Яковлев А.В.*, 1999. Отчет об охранных археологических раскопках курганных могильников «Типки-4», «Типки-5», «Типки-6», «Шарахалсун-3», «Шарахалсун-5», попадающих в зону строительства нефтепровода НПС «Комсомольское—Черное море» в Апанасенковском районе Ставропольского края в сентябре—ноябре 1999 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 22492—22493.
- Яковлев А.В.*, 2000а. Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 2 в Апанасенковском районе Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 23826—23827.
- Яковлев А.В.* 2001. Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 3 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 27156—27157.

Литература

- Авилова Л.И., 1986. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы // КСИА. М. Вып. 185. С. 9–14.
- Авилова Л.И., 2008. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники ист. мысли. 227 с.
- Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2003. Радиоуглеродный метод и проблемы датирования бронзового века // КСИА. М. Вып. 214. С. 9–20.
- Андреева М.В., 1984. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // СА. № 3. С. 201–205.
- Андреева М.В., 1986а. Курганы эпохи бронзы у г. Светлогорода (Ставропольский край) // КСИА. М. Вып. 188. С. 106–113.
- Андреева М.В., 1986б. Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополя // СА. № 2. С. 231–234.
- Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища // Древности Ставрополя. М.: Наука. С. 24–124.
- Андреева М.В., 1996. К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманьчской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): тез. докл. М. С. 13–16.
- Андреева М.В., 2004. Курильницы, ножи и шилья в контексте памятников восточноманьчской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии: к 75-летию А.А. Формозова. М. С. 187–201.
- Андреева М.В., 2005. Синхронные совместные погребения восточноманьчской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 4. С. 68–93.
- Андреева М.В., 2008а. Восточноманьчская катакомбная культура (анализ погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 27 с.
- Андреева М.В., 2008б. Восточноманьчская катакомбная культура (анализ погребальных памятников): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 435 с.
- Андреева М.В., 2008в. Кенотафы восточноманьчской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сборник в честь 80-летия Р.М. Мунчаева. М.: Таус. С. 298–306.
- Андреева М.В., 2009. Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-Восточного Предкавказья // КСИА. М. Вып. 223. С. 101–115.
- Андреева М.В., 2010а. Бронзовые орудия из катакомбных погребений Предкавказья: культовая и социально-знаковая функции // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К. С. 426–457.
- Андреева М.В., 2010б. Особенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманьчской катакомбной культуры // КСИА. М. Вып. 224. С. 171–185.
- Андреева М.В., 2012. Погребения эскарнированных костей: манифестация семейно-родовых связей и культа предков у носителей восточноманьчской катакомбной традиции // Проблемы археологии Кавказа. М.: Таус. Вып. 1. С. 62–85.

- Андреева М.В., 2013а. «Выжатые капли»: к вопросу о поисках ранних следов индоиранского культа Сомы/Хаомы в археологических источниках // КСИА. М. Вып. 229. С. 105–120.
- Андреева М.В., 2013б. Ориентация по странам света в маньчской катакомбной культуре: в поисках интерпретационной модели // КСИА. М. Вып. 230. С. 127–140.
- Андреева М.В., Дервиз П.Г., 1989. Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // КСИА. М. Вып. 196. С. 40–51.
- Андреева М.В., Новикова Л.А., 2001. Курганы у села Спасского Ставропольского края // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь; М.: Памятники ист. мысли. Вып. II. С. 5–51.
- Андреева М.В., Петренко В.Г., 1998. Комплексы эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное Знамя» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь. Вып. I. С. 7–54.
- Антонова Е.В., 1999. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Вост. лит. С. 19–30.
- Антонова Е.В., 2005. Погребения как источник реконструкции обрядово-мифологических комплексов дописьменных обществ // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 2. С. 65–71.
- Арапов С.В., 1990. Некоторые вопросы хронологии памятников предкавказской (маньчской) катакомбной культуры. // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье. С. 4–6.
- Арапов С.В., 1992а. Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 24 с.
- Арапов С.В., 1992б. Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.
- Артамонов М.И., 1935. Отчет о работах [на строительстве Маньчского канала] // ИГАИМК. М.; Л. Вып. 109. С. 201–212.
- Артамонов М.И., 1937. Раскопки курганов в долине реки Маньча в 1935 г. // СА. IV. С. 93–132.
- Артамонов М.И., 1949. Раскопки курганов на р. Маньче в 1937 г. // СА. XI. С. 305–336.
- Байбурун А.К., Левинтон Г.А., 1990. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука. С. 64–98.
- Балабина В.И., 1983. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. М.: Наука. С. 188–197.
- Балабина В.И., 1993. Курганный могильник Сагван II // Вестник шелкового пути. Археологические источники. М. Вып. I. С. 36–89.
- Березуцкая Т.Ю., 1993. Катакомбное погребение мастера – изготовителя стрел // Археология Доно-Волжского бассейна. Воронеж: ВГПУ. С. 47–52.
- Березуцкая Т.Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты: по материалам погребальных памятников. Воронеж: ВГПУ. 216 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983. От Скифии до Индии: древние арии: мифы и история. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль. 206 с.
- Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы, IV–II тысячелетия до н.э. М.: Наука. 210 с.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: периодизация и хронология памятников. Киев: Наук. думка. 251 с.
- Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. Ч. 1. 75 с.; Ч. 2: Альбом ілюстрацій. 124 с. (Свод археологічних джерел; вып. 1: Доба бронзи).
- Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецької та Донщини III тис. до н.э. Луганськ. 108 с.
- Бритюк А.А., 1996. Некоторые результаты анализа утилизации ямных и катакомбных бронзовых ножей // Древние культуры Восточной Украины: проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия. Луганск: Изд-во ВУГУ. С. 170–177.

- Власкин М.В., Ильюков Л.С., 1992. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. № 3. С. 178–194.
- Власкин М.В., Науменко С.А., 2010. О некоторых особенностях погребального обряда раннекатакомбной культуры на Нижнем Дону // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. междунар. науч. конф., Магас, 26–30 апр. 2010 г. С. 90–91.
- Власкин Н.М., 2010а. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб. 24 с.
- Власкин Н.М., 2010б. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб.
- Гак Е.И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. С. 280–299.
- Гак Е.И., 2005а. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 27 с.
- Гак Е.И., 2005б. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.
- Гак Е.И., 2011. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. М. Вып. 225. С. 69–87.
- Гак Е.И., 2013. Поселение Рыкань 3 в контексте памятников катакомбной общности восточно-европейской лесостепи // КСИА. М. Вып. 230. С. 141–161.
- Гак Е.И., Калмыков А.А., 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 104–119.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та. [Ч.] 1. 428 с.; [Ч.] 2. [7], 440–1328 с.
- Гей А.Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М. С. 42–77.
- Гей А.Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; М. Вып. 1. С. 4–14.
- Гей А.Н., 1999а. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Вост. лит. С. 78–113.
- Гей А.Н., 1999б. О тернарных структурах и принципе троичности в погребальных памятниках ранней и средней бронзы Прикубанья и Подонья // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: тез. докл. М. С. 83–86.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура: эпоха ранней бронзы, III тыс. до н.э. в степях Предкавказья. М.: Старый сад. 224 с.
- Гей А.Н., 2001. К вопросу об уровне социального развития степных скотоводов бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», 23–28 апр. 2001 г. Самара. С. 82–84.
- Гей А.Н., 2003. О коллективных погребениях бронзового века в Причерноморье и Предкавказье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: тез. конф. М. Ч. I. С. 82–84.
- Гей А.Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. М. Вып. 225. С. 3–10.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. думка. 304 с.

- Геннадиев А.Н., Державин В.Л., Иванов В.К., Смирнов Ю.А., 1987. О редкой форме погребально-го обряда в предкавказской культуре // СА. № 2. С. 124–141.
- Герасимова М.М., Калмыков А.А., 2007. Палеоантропологические исследования погребений лоллинской культуры // ВА. М. Вып. 15, ч. II. С. 246–255.
- Головнев, А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 606 с.
- Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды Двенадцатого Археологического съезда в Харькове 1902 года. М. Т. 1. С. 174–341.
- Городцов В.А., 1907. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды Тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославле. 1905. М. Т. 1. С. 211–285.
- Державин В.Л., 1984. Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // КСИА. М. Вып. 177. С. 90–95.
- Державин В.Л., 1989. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука. С. 125–194.
- Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА. 186 с.
- Державин В.Л., Тихонов Б.Г., 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. № 3. С. 252–258.
- Егоров В.Г., 1970. Классификация курганных катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 156–164.
- Елизаренкова Т.Я., 1999а. Ригведа: мандалы I–IV / изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. 2-е изд., испр. М.: Наука. 767 с. (Лит. памятники).
- Елизаренкова Т.Я., 1999б. Ригведа: мандалы V–VIII / изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. 2-е изд., испр. М.: Наука. 743 с. (Лит. памятники).
- Елизаренкова Т.Я., 1999в. Ригведа: мандалы IX–X / изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. 2-е изд., испр. М.: Наука. 559 с. (Лит. памятники).
- Елизаренкова Т.Я., 1999г. Слова и вещи в Ригведе. М.: Вост. лит. 239 с.
- Жуковская Н.Л., 1988. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука. 194, [2] с.
- Зайцева О.В., 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Томск. 278 с.
- Иерусалимская А.А., 1958а. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. № 2. С. 34–48.
- Иерусалимская А.А., 1958б. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья (предкавказский вариант катакомбной культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 20 с.
- Иессен А.А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. XII. С. 157–200.
- Иессен А.А., 1954. Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. М.; Л. Вып. 53. С. 61–79.
- Избицер Е.В., 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 24 с.
- Ильюков Л.С., 1986. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья // СА. № 2. С. 226–231.
- ИПО, 1988 – История первобытного общества: эпоха классообразования. М.: Наука. 564, [1] с.
- Казарницкий А.А., 2012. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (антропологический очерк). СПб.: Наука. 264 с.
- Калмыков А.А., 2012. Глиняные модели из погребений эпохи средней бронзы Егорлык-Калауского междуречья // Проблемы археологии Кавказа. М.: Таус. Вып. 1. С. 86–119.
- Калмыков А.А., Корневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. II. С. 52–63.
- Каменецкий И.С., 2002. Большая катакомба Балабинского I могильника // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. М. С. 140–156.
- Кейпер Ф.Б.Я., 1986. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит. 196 с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока).

- Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВолгГУ. 268 с.
- Клейн Л.С., 1970. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 165–179.
- Клейн Л.С., 1979. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. конф. Донецк. С. 18–20.
- Клейн Л.С., 1980. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник Ленинградского университета. № 20, вып. 4. С. 35–39.
- Клейн Л.С., 2010. Время кентавров: степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия. 496 с.
- Клейн Л.С., 2013. Этногенез и археология. СПб.: Евразия. Т. 2: Арии и *varia*. 528 с.
- Клещенко А.А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. М. Вып. 228. С. 171–190.
- Клочко В.І., 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Київ: АртЕк. 337 с.
- Корневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. № 2. С. 33–48.
- Корневский С.Н., 1999. Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзы (археологические источники и некоторые вопросы развития древних верований) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Вост. лит. С. 54–77.
- Корневский С.Н., 2009. Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско-новосвободненской общности // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 27–48.
- Корневский и др., 2007 — Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука. 229 с.
- Корневский и др., 2008 — Корневский С.Н., Жеребилов С.Е., Парусимов И.Н., 2008. Находка каменного «жезла» на левобережье Нижнего Дона и типы евразийских каменных стержневидных скипетров эпох энеолита — бронзового века // Археология Восточно-Европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Науч. книга. Вып. 6. С. 200–210.
- Корневский С.Н., Калмыков А.А., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь; М.: Памятники ист. мысли. Вып. II. С. 52–63.
- Корневский С.Н., Петренко В.Г., 1989. Курганы у станицы Воровсколесской // Древности Ставрополья. М.: Наука. С. 195–232.
- Корневский С.Н., Романовская М.А., 1989. Металлические изделия бронзового века из могильника у хут. Веселая Роща в Ставрополье // КСИА. М. Вып. 196. С. 34–39.
- Коренько В.А., 1984. Новый источник для изучения идеологии степного населения в эпоху бронзы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. С. 119–123.
- Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л. С. 88–94.
- Коробов Д.С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа, IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 384 с.
- Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома. [Т.] 1. 360 с.
- Лич Э., 2001. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов: к использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Вост. лит. 142 с.
- Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. 378 с.
- Марковин В.И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука. С. 226–253.

- Маслихова Л.И., 2006. Керамика погребений среднедонской катакомбной культуры как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 20 с.
- Мелентьев А.Н., 1969. Погребения эпохи бронзы в Задонье // КСИА. М. Вып. 115. С. 89–97.
- Мельник В.И. 1985. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы: (преемственность и взаимодействие культур): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 20 с.
- Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука. 136 с.
- Мельник В.И., 2003. Ориентирование погребенных в связи с их позой и расположением в курганах эпохи бронзы европейских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: тез. конф. М. Ч. I. С. 101–103.
- Мимоход Р.А., 2000. К определению понятия культовый комплекс в археологии // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына, 14–18 мая, Саратов–Энгельс.
- Мимоход Р.А., 2002. Анализ планиграфического и стратиграфического расположения находок в насыпи кургана 3 могильника Островной // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. С. 205–211.
- Мимоход Р.А., 2003. О погребениях финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: тез. конф. М. Ч. I. С. 103–106.
- Мимоход Р.А., 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Междунар. Нижневолж. археол. конф.: тез. докл. Волгоград. С. 108–114.
- Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: матеріали конференції. Луганськ. С. 70–74.
- Мимоход Р.А., 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикаспия // РА. № 4. С. 143–154.
- Мимоход Р.А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железа в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус. 292 с. (МОАИ; т. 10).
- Мимоход Р.А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. М. Вып. 225. С. 28–53.
- Мимоход Р.А., 2012. Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов конца средней – начала поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося рос. археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб. Кн. 2. С. 137–144.
- Мимоход Р.А., 2013а. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 25 с.
- Мимоход Р.А., 2013б. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М: ИА РАН. 568 с. (МОАИ; т. 16).
- Могильник Островной, 2002 – Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. 324 с.
- Мосс, М., 1996. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии. М.: Вост. лит. 360 с.
- Наглер А.О., Антипина Е.Е., 1988. О хронологическом месте восьмеркообразных ям эпохи средней бронзы моздокской степи // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский ГУ. С. 68–76.
- Николаева Н.А., 1990. О происхождении и хронологической позиции группы катакомбных погребений Калмыкии с красноохристыми сосудами // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье. С. 52–54.

- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1990. Курильницы предкавказской катакомбной культуры (индоевропейская керамическая форма 1) // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье. С. 54–57.
- Осипова Т.В., 2006. Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Пенза. 250 с.
- Очир-Горяева М.А., 2008. Археологические памятники Волго-Манычских степей: свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг. Элиста: Герел. 298 с.
- Панасюк Н.В., 2012. Хронология курильниц восточноманычской катакомбной культуры // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы междунар. науч. конф., Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. Махачкала. С. 115–117.
- Пандей Р.Б., 1990. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). 2-е изд. М.: Высш. шк. 319 с.
- Плихт ван дер и др., 2007 – Плихт Й. ван дер, Шишлина Н.И., Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А., 2007. Резервуарный эффект и результаты датирования катакомбных культур Северо-Западного Прикаспия // РА. № 2. С. 39–47.
- Подосинов А.В., 1999. Ex oriente lux!: ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки рус. культуры. 720 с.
- Попова Т.Б., 1955а. Племена катакомбной культуры: Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М.: Культпросветиздат. 180 с. (Труды / ГИМ; вып. 24).
- Попова Т.Б., 1955б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры // СА. XXII. С. 21–60.
- Пустовалов С.Ж., 1992. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка. 151 с.
- Пустовалов С.Ж., 1999. Молочанське святилище // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ. С. 104–118.
- Пустовалов С.Ж., 2005. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях. 412 с.
- Романова Г.П., 1991. Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополя эпохи ранней и средней бронзы // СА. № 2. С. 160–170.
- Романовская М.А., 1982. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. М. Вып. 169. С. 102–108.
- Рыков П.С., 1931. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия / Нижневолжский институт краеведения. Саратов. Т. IV. С. 49–79.
- Рыков П.С., 1936а. Археологические раскопки в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. I. С. 115–157.
- Рыков П.С., 1936б. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). Саратов. 152 с.
- Рыков П.С., 1936в. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия / Саратовский Нижневолжский институт краеведения. Саратов. Т. VII. С. 57–70.
- Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. М.: Наука. №. 14. С. 184–220.
- Рысин М.Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // Археологические вести. М.: Наука. № 15. С. 193–230.
- Савва Е.Н., 1987. К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья // Известия / АН МССР. Сер. обществ. наук. Кишинев. № 1. С. 62–71.
- Санжаров С.Н., 1989. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины // СА. № 2. С. 97–107.
- Санжаров, С.Н., 1991. Катакомбная культура на территории Северо-восточного Приазовья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев. 18 с.
- Санжаров С.Н., 2007 – Санжаров С.М. Східна Україна на рубежі середньої – пізньої бронзи: 07.00.04: автореф. дис. ... д-ра. ст. наук. Київ. 33 с.

- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М. С. 23–173. (Сообщения / Научно-методический Совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР; вып. VII).
- Синицын И.В., 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. Х. С. 143–160.
- Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во СГУ. Ч. 1: Археологические раскопки. 132 с.; Ч. 2: [Альбом иллюстраций]. 118 с.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1963. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Элиста: Калмиздат. 60 с. (Труды / Калмыцкий республиканский краеведческий музей; вып. 1).
- Синицын И.В., Эрднеев, У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) Элиста. 184 с. (Труды / Калмыцкий НИИЯЛИ и Калмыцкий республиканский краеведческий музей; вып. 2).
- Синицын И.В., Эрднеев, У.Э., 1971. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста. 140 с. (Труды / Калмыцкий НИИЯЛИ и Калмыцкий республиканский краеведческий музей; вып. 3).
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1979. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: Калмыцкий НИИИФЭ. С. 25–54.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1981. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Калмыцкий НИИИФЭ. С. 29–66.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1982. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: Калмыцкий НИИИФЭ. С. 59–92.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1985. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста. С. 43–69.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1987а. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста. С. 83–113.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1987б. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во. 174 с.
- Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1991. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: Калмыцкий ИОН АН СССР. С. 4–20.
- Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во ВПУ. 350 с.
- Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж: Изд-во ВГПУ. 156 с.
- Смирнов А.М., 1987а. Катакомбная культура в бассейне Северского Донца: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л. 24 с.
- Смирнов А.М., 1987б. Катакомбная культура в бассейне Северского Донца: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М. 182 с.
- Смирнов Ю.А., 1983. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. М.: Наука. С. 164–187.
- Смирнов Ю.А., 1991. Мустьерские погребения Евразии: возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.: Наука. 340 с.
- Смирнов Ю.А., 1997. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.: Вост. лит. 279 с.
- Топоров В.Н., 1985. К проблеме реконструкции индоевропейского похоронного обряда // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: [тез. докл. конф.]. М. С. 89–95.
- Тоцев Г.Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ. 304 с.
- Трифонов В.А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 26 с.
- Трифонов, 1991а. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев. С. 101–116.
- Трифонов В.А., 1991б. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука. С. 92–166.

- Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара. С. 71–82.
- Усачук А.Н., 2002. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трассологический анализ) // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. С. 267–279.
- Федосов М.Ю., 2012. Катакомбные культуры Донецко-Донско-Волжского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб. 22 с.
- Фисенко В.А., 1967. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 20 с.
- Флеров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена. 142 с. (Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Юга Восточной Европы; вып. 1).
- Флеров В.С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимеда. 162 с. (Труды Клин-Ярской экспедиции; 1).
- Флеров В.С., 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. М.: Таус. 370 с. (Труды Клин-Ярской экспедиции; вып. 3).
- Хлобыстина М.Д., 1986. Тройные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. М. Вып. 185. С. 28–35.
- Хлобыстина М.Д., 1993. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 148 с. (Археологические изыскания; вып. 8).
- Хлобыстина М.Д., 1994. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 153 с. (Археологические изыскания; вып. 17).
- Хлобыстина М.Д., 1995. Погребальные ритуалы первобытных эпох: археология, этнография, фольклор. СПб. 138 с. (Археологические изыскания; вып. 23).
- Хлобыстина М.Д., 2003. Поздний энеолит Южной Сибири в ракурсе социальных структур (Могильник Черновая VIII). СПб. 216 с.
- Хохлов А.А., Мимоход Р.А., 2008. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // ВА. М. Вып. 16. С. 44–70.
- Цуцкин Е.В., 1985. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста. С. 3–22.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. 95 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. № 2. С. 15–29.
- Шаровская Т.А., 1985. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща // СА. № 2. С. 224–227.
- Шевченко А.В., 1974. Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М. С. 199–206. (Сообщения / Научно-методический Совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР; вып. VII).
- Шевченко А.В., 1980. Палеоантропология Северо-Западного Прикаспия в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Шевченко А.В., 1983. Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе. С. 83–85.
- Шевченко А.В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л. С. 121–215.
- Шилов В.П., 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста. С. 24–53.

- Шилов В.П., 1984. Стратиграфическое соотношение «жертвенного места» и погребения 8 кургана 9 группы Три Брата I в Калмыкии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 246–251.
- Шилов В.П., 1985а. Курганы 6 урочища Бичкин Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. № 2. С. 17–33.
- Шилов В.П., 1985б. Курганный могильник у села Цаца // Древности Калмыкии. Элиста. С. 94–157.
- Шилов В.П., 1985в. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста. С. 23–33.
- Шилов В.П., 1990. Проблема происхождения предкавказской катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Эпоха бронзы и раннего железа: краткие тез. докл. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б.А. Латынина. Л. С. 40–42.
- Шилов В.П., 1991. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста. С. 21–66.
- Шилов В.П., 2009. Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста. 304 с.
- Шишлина Н.И., 1991. О социальной дифференциации населения Калмыцкой степи в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста. С. 121–130.
- Шишлина Н.И., 1992а. Ранний этап средней бронзы Калмыкии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М. 22 с.
- Шишлина Н.И., 1992б. Ранний этап средней бронзы Калмыкии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.
- Шишлина Н.И., 1993. К вопросу о хронологии предкавказской катакомбной культуры // Вторая Кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар. С. 99–101.
- Шишлина Н.И., 1997а. Стратиграфия, хронология и культурная принадлежность кургана 1 могильника Зунда-Толга // Степь и Кавказ: (культурные традиции). М. С. 81–91. (Труды / ГИМ; вып. 97).
- Шишлина Н.И., 1997б. Погребальные традиции населения Калмыцких степей в эпоху ранней бронзы // Археологический сборник. Погребальный обряд. М. С. 5–14. (Труды / ГИМ; вып. 93).
- Шишлина Н.И., 1998. О змее в мифологических представлениях степных кочевников эпохи бронзы // Археологический сборник. М. С. 20–25. (Труды / ГИМ; вып. 96).
- Шишлина Н.И., 1999. Текстиль эпохи бронзы Прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М. С. 7–57. (Труды / ГИМ. Вып. 109).
- Шишлина Н.И., 2000. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. М. С. 54–71. (Труды / ГИМ; вып. 120).
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. 400 с. (Труды / ГИМ. Вып. 165).
- Шишлина и др., 1999 – Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 1999. Археологическое исследование могильника Манджикины-1 в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). М.; Элиста. С. 5–31.
- Шишлина и др., 2002 – Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. С. 9–106.
- Шишлина и др., 2004 – Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Гак Е.И., 2004. Раннекатакомбные погребения могильника Песчаный V // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов. Вып. 20. С. 79–95.
- Шишлина и др., 2006а – Шишлина Н.И., Панасюк Н.В., Хохлов А.А., Нечвалода А.И., 2006а. Исследование курганов эпохи бронзы в с. Ремонтное Ростовской области в 2004–2005 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов. Вып. 22. С. 44–55.

- Шишлина и др., 2006б — Шишлина Н.И., Плихт Й. ван дер, Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А., 2006б. Резервуарный эффект и хронология восточноманычской катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры (Забелинские научные чтения, 2005). М. С. 227–248. (Труды / ГИМ; вып. 158).
- Шишлина и др., 2007а — Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Плихт Й. ван дер, Чичагова О.А., 2007а. Радиоуглеродное датирование разных углеродосодержащих материалов из одного археологического контекста: проблема интерпретации и дискуссия // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб. С. 225–235.
- Шишлина и др., 2007б — Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э.П., Сулержицкий Л.Д., Севастьянов В.С., Герсдорф Й., 2007б. Радиоуглеродная база данных культур эпохи энеолита — бронзового века // Шишлина Н.И. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. С. 380–394. (Труды / ГИМ; вып. 165).
- Шишлина и др., 2010 — Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации: труды Маргианской археологической экспедиции. СПб. С. 639–655.
- Шнайдитейн Е.В., 1981. Раскопки курганный группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста. С. 78–119.
- Шнайдитейн Е.В., 1985. Раскопки курганов у села Заханата // Древности Калмыкии. Элиста. С. 70–93.
- Эрднеев У.Э., 1979. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста. С. 3–24.
- Эрднеев У.Э., 1981. Гашунский могильник (раскопки 1971 г.) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста. С. 70–77.
- Эрднеев У.Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во. 118 с.
- Яровой Е.В., 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. М. 59 с.
- Andreeva M.V., 2008. Pre-Adult and Adult Burials of East Manych Catacomb Culture: Was infanticide really impossible? // *Babies Reborn: Infant/child burials in pre- and protohistory*/ Ed. by K. Bacvarov. Oxford: Archaeopress. P. 149–160. (B.A.R. International Series; 1832).
- Boroffka N., Sava E., 1998. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniaturesäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // AMIT. Berlin. Bd. 30. S. 17–113.
- Häusler A., 1974. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. Berlin: Akademie Verlag. 290 S. (Wissenschaftliche Beiträge: Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg; 1974/2 (L 9)).
- Häusler A., 1976. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin, Akademie Verlag. 222 S. (Wissenschaftliche Beiträge: Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg; 1976/1 (L 9)).
- Klejn L.S., 1984. The coming of Aryans: who and whence? // *Bulletin of the Deccan College Research Institute (Pune)*. Vol. 43. P. 57–72.
- Nagler A., 1996. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // *AE. Espelkamp*. Bd. 3. 80 S., 116 Taf.
- Shishlina et al., 2000 — Shishlina N.I., Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A., Plicht J. van der, 2000. Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian steppe // *Antiquity*. Oxford. Vol. 74, N 286. P. 793–799.
- Shishlina et al., 2009 — Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., Plicht J. van der, Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A., 2009. Paleoeconomy, subsistence and ¹⁴C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age // *Radiocarbon*. Vol. 51. P. 481–499.
- Shortland et al., 2007 — Shortland A., Shishlina N., Egorkov A., 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the NorthWest Caspian Sea Region in the Bronze Age // *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient*. Paris: CNRS Éditions. P. 269–283.

Список сокращений

ВА	— Вестник антропологии
ВУГУ	— Восточноукраинский государственный университет. Луганск.
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГУП «Наследие»	— Государственное унитарное предприятие «Наследие» министерства культуры Ставропольского края
ЗНУ	— Запорожский национальный университет
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України
МОАИ	— Материалы охранных археологических исследований
НА ИА РАН	— Научный архив Института археологии Российской академии наук
НИИИФЭ	— Научно-исследовательский институт истории, философии и экономики
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
АМІТ	— Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan
АЕ	— Archäologie in Eurasien

Таблицы

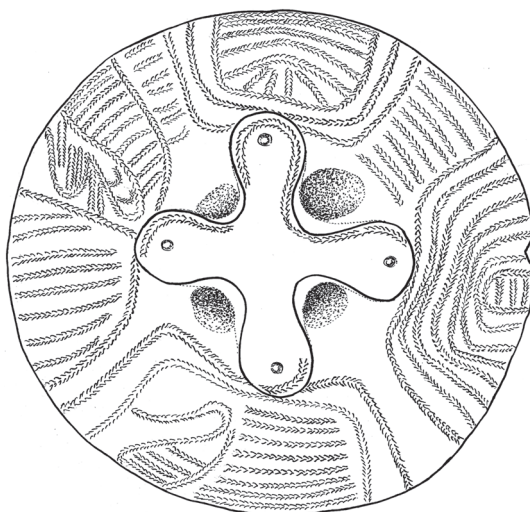

Таблица 1. Памятники, вошедшие в базу данных

№ п/п	Шифр*	Название памятника	Регион	Источники
1	Арх	Архаринский	Южные Ергени	Синицын, Эрдниев, 1966
2	ВМЛ-I	Восточноманычский Левобережный I (1965)	Восточный Маныч	Синицын, 1978
3	ВМЛ-II	Восточноманычский Левобережный II (1965)	Восточный Маныч	Синицын, 1978
4	ВР-I	Веселая Роща I	Ставропольская возвышенность	Тихонов. Отчет 1976; Отчет 1977
5	ВР-II	Веселая Роща II	Ставропольская возвышенность	Романовская. Отчет 1978; Отчет 1979
6	ВР-III	Веселая Роща III	Ставропольская возвышенность	Романовская. Отчет 1978; Отчет 1979; Державин, 1989
7	Гр-I	Грушевка I	Ставропольская возвышенность	Державин. Отчет 1981; Державин, 1984
8	Гр-II	Грушевка II	Ставропольская возвышенность	Державин. Отчет 1981; Державин, 1984
9	Ерг	Ергенинский	Средние Ергени	Шилов. Отчет 1981; Отчет 1982; Отчет 1984; Отчет 1985–1986
10	Кит	Китаевка	Ставропольская возвышенность	Найденко. Отчет 1972
11	Лола-I	Лола I	Южные Ергени	Синицын, Эрдниев, 1963, 1966
12	Остров	Островной	Восточный Маныч	Шишлина. Отчет 2000; Шишлина и др., 2002
13	СП-I	Сухая Падина I (Благодарный)	Ставропольская возвышенность	Державин. Отчет 1989
14	Спас	Спасское	Ставропольская возвышенность	Андреева, Новикова. Отчет 1988; Андреева, Новикова, 2003
15	Тюльп	Тюльпан	Восточный Маныч	Шишлина. Отчет 1995
16	ЦУ-III	Цаган Усн III	Прикаспийская низменность	Арапов. Отчет 1987
17	ЦУ-IV	Цаган Усн IV	Прикаспийская низменность	Арапов. Отчет 1987
18	ЦУ-VIII	Цаган Усн VIII	Прикаспийская низменность	Шишлина. Отчет 1987; Шишлина, 1991
19	Ч-I	Чограй I	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1977
20	Ч-II	Чограй II	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1977
21	Ч-III	Чограй III	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1978
22	Ч-IV	Чограй IV	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1978
23	Ч-V	Чограй V	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1978
24	Ч-VI	Чограй VI	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1978
25	Ч-VII	Чограй VII	Восточный Маныч	Кореняко. Отчет 1978
26	Ч-VIII	Чограй VIII	Восточный Маныч	Андреева. Отчет 1979; Андреева, 1989
27	Ч-IX	Чограй IX	Восточный Маныч	Андреева, Ульянова. Отчет 1986
28	Эл	Элистинский	Южные Ергени	Синицын, Эрдниев, 1971
Всего		28 памятников		

* Шифры далее используются во всех таблицах для обозначения названия памятников. Полужирным шрифтом выделены шифры и названия восьми статистически представительных памятников.

Таблица 2. Состав комплексов на памятниках, вошедших в базу данных

№ п/п	Шифр	Название памятника	Число курганов с ВМ комп- лексами	ВМ погребения и «кенотафы»				«Жертвен- ники»
				индивиду- альные	совместные	«кенотафы»	итого	
1	Арх	Архаринский	16	19	2	5	26	2
2	ВМЛ-I	Восточноманычский Левобережный I (1965)	47	89	16	10	115	0
3	ВМЛ-II	Восточноманычский Левобережный II (1965)	34	79	11	9	99	2
4	ВР-I	Веселая Роща I	1	1	1	0	2	0
5	ВР-II	Веселая Роща II	7	14	1	3	18	2
6	ВР-III	Веселая Роща III	18	45	6	2	53	3
7	Гр-I	Грушевка I	5	3	3	0	6	0
8	Гр-II	Грушевка II	2	4	0	1	5	0
9	Ерг	Ергенинский	11	25	3	3	31	8
10	Кит	Китаевка	5	11	1	3	15	0
11	Лола-I	Лола I	8	9	2	3	14	0
12	Остров	Островной	1	3	1	7	11	0
13	СП-I	Сухая Падина I (Благодарный)	6	5	2	2	9	0
14	Спас	Спасское	3	4	1	1	6	0
15	Тюльп	Тюльпан	1	2	1	0	3	0
16	ЦУ-III	Цаган Усн III	2	5	0	1	6	0
17	ЦУ-IV	Цаган Усн IV	1	0	2	3	5	0
18	ЦУ-VIII	Цаган Усн VIII	2	3	0	0	3	1
19	Ч-I	Чограй I	5	9	0	1	10	0
20	Ч-II	Чограй II	11	25	3	2	30	0
21	Ч-III	Чограй III	8	17	0	1	18	0
22	Ч-IV	Чограй IV	2	1	0	1	2	0
23	Ч-V	Чограй V	3	8	1	0	9	0
24	Ч-VI	Чограй VI	1	2	1	0	3	0
25	Ч-VII	Чограй VII	2	3	0	0	3	0
26	Ч-VIII	Чограй VIII	19	29	2	1	32	0
27	Ч-IX	Чограй IX	7	13	2	0	15	2
28	Эл	Элистинский	21	59	5	8	72	4
Всего		28 памятников	249	486	67	67	620	24

Таблица 3. Совместные погребения на памятниках, вошедших в базу данных

№ п/п	Памятник	Курган	Погребение	Возраст*	Пол**
1	Арх	к. 02	п. 05	214	203
2	Арх	к. 31	п. 01	214	203
3	ВМЛ-I	к. 04	п. 07	224	203
4	ВМЛ-I	к. 07	п. 05	244	213
5	ВМЛ-I	к. 11	п. 02	224	200
6	ВМЛ-I	к. 14	п. 01	224	203
7	ВМЛ-I	к. 15	п. 02	224	203
8	ВМЛ-I	к. 22	п. 05	223	200
9	ВМЛ-I	к. 22	п. 06	244	201
10	ВМЛ-I	к. 36	п. 04	224	200
11	ВМЛ-I	к. 36	п. 05	224	203
12	ВМЛ-I	к. 40	п. 01	224	203
13	ВМЛ-I	к. 43	п. 01	234	200
14	ВМЛ-I	к. 45	п. 01	234	200
15	ВМЛ-I	к. 50	п. 03	244	203
16	ВМЛ-I	к. 52	п. 06	224	203
17	ВМЛ-I	к. 54	п. 04	224	203
18	ВМЛ-I	к. 54	п. 06	214	203
19	ВМЛ-II	к. 04	п. 01	214	203
20	ВМЛ-II	к. 08	п.12	214	200
21	ВМЛ-II	к. 19	п. 06	224	203
22	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	244	203
23	ВМЛ-II	к. 26	п. 06	233	200
24	ВМЛ-II	к. 33	п. 03	224	203
25	ВМЛ-II	к. 34	п. 04	214	203
26	ВМЛ-II	к. 34	п. 06	224	203
27	ВМЛ-II	к. 36	п. 03	224	200
28	ВМЛ-II	к. 36	п. 09	233	200
29	ВМЛ-II	к. 37	п. 06	244	200
30	ВР-I	к. 03	п. 03	41114	40001
31	ВР-II	к. 03	п. 05	233	200
32	ВР-III	к. 05	п. 02	3223	3000
33	ВР-III	к. 06	п. 06	222	200
34	ВР-III	к. 06	п. 07	234	200
35	ВР-III	к. 07	п.13	233	200
36	ВР-III	к. 21	п.15	3114	3001
37	ВР-III	к. 24	п. 07	233	200
38	Гр-I	к. 03	п. 02	244	200
39	Гр-I	к. 08	п. 02	244	200
40	Гр-I	к. 11	п. 06	41244	40000
41	Ерг	к. 03	п. 04	244	203
42	Ерг	к. 04	п. 03	224	203
43	Ерг	к. 10	п. 03	222	200
44	Кит-72	к. 06	п. 03	3334	3000
45	Лола-I	к. 04	п. 07	244	213
46	Лола-I	к. 04	п. 08	3144	3013
47	Остров	к. 03	п. 27	234	201
48	СП-I	к. 03	п. 05	244	213
49	СП-I	к. 04	п. 01	223	200
50	Спас	к. 01	п. 08	224	200

Окончание таблицы 3

№ п/п	Памятник	Курган	Погребение	Возраст*	Пол**
51	Тюльп	к. 01	п. 04	223	200
52	ЦУ-IV	к. 01	п. 05	244	211
53	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	244	212
54	Ч-II	к. 16	п. 11	233	200
55	Ч-II	к. 16	п. 13	3244	3000
56	Ч-II	к. 18	п. 09	214	203
57	Ч-IX	к. 01	п. 04	214	201
58	Ч-IX	к. 05	п. 05	244	224
59	Ч-V	к. 02	п. 01	244	200
60	Ч-VI	к. 02	п. 09	244	213
61	Ч-VIII	к. 09	п. 03	244	213
62	Ч-VIII	к. 12	п. 01	214	203
63	Эл	к. 02	п. 08	224	203
64	Эл	к. 08	п. 06	214	203
65	Эл	к. 08	п. 11	224	203
66	Эл	к. 12	п. 03	214	203
67	Эл	к. 13	п. 04	224	203

* Возраст: первая цифра – 2, 3, 4 – число погребенных; вторая–пятая цифры – возраст погребенных, перечисленных последовательно в порядке возрастания: 1 – младенец (0–2 лет); 2 – ребенок (3–7 лет); 3 – подросток (8–15 лет); 4 – взрослый (старше 15 лет).

** Пол: первая цифра – 2, 3, 4 – число погребенных; вторая–пятая цифры – пол погребенных: 0 – пол не установлен; 1 – мужчина; 2 – женщина; 3 – женщина; 4 – женщина?

Пол и возраст определены археологом и/или антропологом.

Таблица 4. «Кенотафы» на памятниках, вошедших в базу данных

№ п/п	Памятник	Курган	Комплекс
1	Арх	к. 17	п. 02
2	Арх	к. 18	п. 03
3	Арх	к. 22	п. 01
4	Арх	к. 30	п. 02
5	Арх	к. 38	п. 03
6	ВМЛ-I	к. 05	п. 01
7	ВМЛ-I	к. 19	п. 02
8	ВМЛ-I	к. 39	п. 01
9	ВМЛ-I	к. 43	п. 02
10	ВМЛ-I	к. 44	п. 05
11	ВМЛ-I	к. 46	п. 02
12	ВМЛ-I	к. 52	п. 05
13	ВМЛ-I	к. 56	п. 02
14	ВМЛ-I	к. 60	п. 04
15	ВМЛ-I	к. 60	п. 08
16	ВМЛ-II	к. 01	п. 05
17	ВМЛ-II	к. 14	п. 05
18	ВМЛ-II	к. 18	п. 06
19	ВМЛ-II	к. 20	п. 03
20	ВМЛ-II	к. 22	п. 02
21	ВМЛ-II	к. 23	п. 07

Окончание таблицы 4

№ п/п	Памятник	Курган	Комплекс
22	ВМЛ-II	к. 24	п. 01
23	ВМЛ-II	к. 25	п. 04
24	ВМЛ-II	к. 36	п. 01
25	ВР-II	к. 02	п. 01
26	ВР-II	к. 03	п. 01
27	ВР-II	к. 05	п. 02
28	ВР-III	к. 16	к. I
29	ВР-III	к. 26	ж. 1
30	Гр-II	к. 01	п. 04
31	Ерг	к. 01	п. 01
32	Ерг	к. 03	п. 03
33	Ерг	к. 10	п. 04
34	Кит-72	к. 01	п. 02
35	Кит-72	к. 05	п. 03
36	Кит-72	к. 05	п. 07
37	Лола-I	к. 04	п. 04
38	Лола-I	к. 12	к. I
39	Лола-I	к. 18	п. 02
40	Остров	к. 03	п. 07
41	Остров	к. 03	п. 08
42	Остров	к. 03	п. 09
43	Остров	к. 03	п. 17
44	Остров	к. 03	п. 25
45	Остров	к. 03	п. 31
46	Остров	к. 03	п. 38
47	СП-I	к. 04	п. 02
48	СП-I	к. 08	п. 02
49	Спас	к. 01	п. 12
50	ЦУ-III	к. 01	п. 04
51	ЦУ-IV	к. 01	п. 03 /к. II
52	ЦУ-IV	к. 01	ж. 1 /к. I
53	ЦУ-IV	к. 01	НВН /к. III
54	Ч-I	к. 04	п. 04
55	Ч-II	к. 10	п. 01
56	Ч-II	к. 10	п. 02
57	Ч-III	к. 06	п. 02
58	Ч-IV	к. 01	п. 04
59	Ч-VIII	к. 25	п. 01
60	Эл	к. 01	п. 05
61	Эл	к. 04	п. 04
62	Эл	к. 05	п. 06
63	Эл	к. 05	п. 08
64	Эл	к. 08	к. I
65	Эл	к. 08	п. 07
66	Эл	к. 13	п. 05
67	Эл	к. 15	п. 04

Таблица 5. «Жертвенники» на памятниках, вошедших в базу данных

№ п/п	Памятник	Курган	Комплекс	Основное погребение		Число ВМ погребений		Животные		Курильница
				№	культура	всего	в материке	вид	число особей	
A	Б	В	Г	1	2	3	4	5	6	7
1	Арх	к. 30	жертвенник	п. 02	ВМ	1	1	к.р.с.	2	часть
2	Арх	к. 31	жертвенник	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	5	часть
3	ВМЛ-II	к. 01	жертвенник	п. 06	Я/СК	3	1	к.р.с.	3	0
4	ВМЛ-II	к. 43	жертвенник	п. 07	Я	3	2	к.р.с.	2	0
5	ВР-II	к. 01	жертвенное место	п. 05	ВМ	1	1	к.р.с.	1	1
6	ВР-II	к. 06	жертвенное место	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	1	0
7	Вр-III	к. 04	жертвенное место	п. 07	СК	5	4	к.р.с.	1	0
8	Вр-III	к. 04	п. 04	п. 07	СК	5	4	к.р.с.	1	1
9	Вр-III	к. 26	жертвенник 2	п. 03	СК	6	6	лошадь	1	0
10	Ерг	к. 06	тризна 1	п. 03 (усл.)	ВМ	3	3	к.р.с.	>4	1
11	Ерг	к. 06	тризна 2	п. 03 (усл.)	ВМ	3	3	к.р.с.	>10	1
12	Ерг	к. 06	тризна 3	п. 03 (усл.)	ВМ	3	3	к.р.с.	1	0
13	Ерг	к. 10	жертвенник	п. 02	ВМ	4	3	лошадь	2	0
14	Ерг	к. 11	тризна 1	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	7	1
15	Ерг	к. 11	тризна 2	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	5	1
16	Ерг	к. 11	тризна 3	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	1	0
17	Ерг	к. 12	кости к.р.с.	п. 01	ВМ	1	1	к.р.с.	2	0
18	ЦУ-VIII	к. 01	жертвенное место	п. 03	ВМ	1	1	?	?	1? часть?
19	Ч-VIII	к. 18	жертвенник	п. 01	РК	2	2	лошадь	1	1
20	Ч-VIII	к. 26	жертвенник	п. 02	РК	1	1	к.р.с.	1	1
21	Эл	к. 02	жертвенник	п. 06	СК	4	2	к.р.с.	2	0
22	Эл	к. 05	жертвенник	п. 09	ВМ	7	4	к.р.с.	2	часть
23	Эл	к. 08	жертвенник	п. 09	СК	8	3	к.р.с.	7	0
24	Эл	к. 25	жертвенник	п. 04	СК	2	2	к.р.с.	1	1? часть?

Окончание таблицы 5

№ п/п	Памятник	Курган	Комплекс	Н кургана, м	Д кургана, м	Место «жертвенника»	Уровень «жертвенника»
А	Б	В	Г	8	9	10	11
1	Арх	к. 30	жертвенник	1,25	20,00	в Ц	0,5 м в грунте (материке?)
2	Арх	к. 31	жертвенник	3,50	35,00	в Ц	1 м от поверхности, выше выкида
3	ВМЛ-П	к. 01	жертвенник	2,50	37,00	в Ц	1,2 м в насыпи
4	ВМЛ-П	к. 43	жертвенник	2,50	40,00	5 м к СВ от Ц	1,5 м в насыпи
5	ВР-П	к. 01	жертвенное место	0,60	33,00	5 м к Ю от Ц	на 5 см в материке
6	ВР-П	к. 06	жертвенное место	0,72	34,00	6,5 м к Ю от Ц	в материке, больше 1,0 м от 0
7	Вр-III	к. 04	жертвенное место	1,20	35,00	3 м на С от Ц	в насыпи
8	Вр-III	к. 04	п. 04	1,20	35,00	5 м к ВЮВ от Ц	на выкиде/крепиде
9	Вр-III	к. 26	жертвенник 2	1,68	45,00	5 м к СВ от Ц	в материке
10	Ерг	к. 06	тризна 1	5,45	57,50	11 м к Ю от Ц	1,97 м от 0
11	Ерг	к. 06	тризна 2	5,45	57,50	6 м к Ю от Ц	1,01 м от 0
12	Ерг	к. 06	тризна 3	5,45	57,50	11 м к ЮЮЗ от Ц	4,11 м от 0
13	Ерг	к. 10	жертвенник	2,50	46,00	в Ц/рядом к В	0,64–0,75 м в насыпи
14	Ерг	к. 11	тризна 1	5,30	80,00	в Ц/4 м к Ю	1,7 м в насыпи, над п. 01
15	Ерг	к. 11	тризна 2	5,30	80,00	5–6 м к Ю от Ц	4,31 м в насыпи
16	Ерг	к. 11	тризна 3	5,30	80,00	в Ц/2 м к Ю от Ц	4,0 м в насыпи
17	Ерг	к. 12	кости к.р.с.	0,60	26,00	в Ц/2 м к Ю от Ц	0,4 м в насыпи
18	ЦУ-VIII	к. 01	жертвенное место	1,35	29,00	5 м к СЗ от Ц	в насыпи
19	Ч-VIII	к. 18	жертвенник	1,50	44,00	7 м к З от Ц	0,53 м от 0
20	Ч-VIII	к. 26	жертвенник	0,50	32,00	в Ц/2,2 м к Ю от Ц	0,3 м от 0
21	Эл	к. 02	жертвенник	6,00	55,00	9 м к ЮВ от Ц	0,75 м от поверхности, в насыпи
22	Эл	к. 05	жертвенник	1,50	27,00	в Ц/рядом к Ю	1,2 м от поверхности, в насыпи
23	Эл	к. 08	жертвенник	6,50	65,00	9 м к Ю от Ц	1,0 м от поверхности
24	Эл	к.25	жертвенник	1,35	20,00	3 м к ЮВ от Ц	0,6 м от поверхности

Условные обозначения: ВМ – восточноманьчжурская культура, РК – раннекатакомбная культура, СК – северокавказская культура, Я – ямная культура.

Сокращение: к.р.с. – крупный рогатый скот.

Примечание: в графе «Комплекс» приводится название комплекса в источнике.

Таблица 6. Соотношение трех основных видов комплексов на памятниках

Памятник	Индивидуальные		Совместные		«Кенотафы»		Итого
	число	%	число	%	число	%	
Арх	19	73,1	2	7,7	5	19,2	26
ВМЛ-I	89	77,4	16	13,9	10	8,7	115
ВМЛ-II	79	79,8	11	11,1	9	9,1	99
ВР-III	45	84,9	6	11,3	2	3,8	53
Ерг	25	80,6	3	9,7	3	9,7	31
Ч-II	25	83,3	3	10,0	2	6,7	30
Ч-VIII	29	90,6	2	6,3	1	3,1	32
Эл	59	81,9	5	6,9	8	11,1	72
Всего	370	80,8	48	10,5	40	8,7	458

Таблица 7. Соотношение основных и впускных комплексов

Вид комплекса	Основной		Впускной		Не ясно	Итого
	число	%	число	%		
Индивидуальное погребение	60	12,7	411	87,3	15	486
Совместное погребение	8	12,5	56	87,5	3	67
«Кенотаф»	6	9,0	61	91,0	0	67
Всего	74	12,3	528	87,7	18	620

Таблица 8. Соотношение основных и впускных индивидуальных погребений на памятниках

Вид комплекса	Арх		ВМЛ-I		ВМЛ-II		ВР-III	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Основной	3	15,8	14	15,7	8	10,3	3	6,7
Впускной	16	84,2	75	84,3	71	89,9	42	93,3
Итого	19	100,0	89	100,0	79	100,0	45	100,0
Не ясно	0	—	0	—	0	—	0	—
Всего	19	—	89	—	79	—	45	—

Окончание таблицы 8

Вид комплекса	Ерг		Ч-II		Ч-VIII		Эл	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	9	10	11	12	13	14	15	16
Основной	11	44,0	0	0,0	1	4,2	9	15,3
Впускной	14	56,0	25	100,0	23	95,8	50	84,7
Итого	25	100,0	25	100,0	24	100,0	59	100,0
Не ясно	0	—	0	—	5	—	0	—
Всего	25	—	25	—	29	—	59	—

Таблица 9. Уровень заглубленности дна входных шахт катакомб и могильных ям восточноманычских комплексов

Уровень дна	Материк		Древний горизонт/ погребенная почва		Насыпь		Не ясно	Итого
	число	%	число	%	число	%		
Индивидуальные погребения	339	71,7	32	6,8	102	21,6	13	486
Совместные погребения	58	87,9	2	3,0	6	9,1	1	67
«Кенотафы»	60	89,6	2	3,0	5	7,5	0	67
Всего	457	75,4	36	5,9	113	18,6	14	620

Таблица 10. Уровень заглубленности дна входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений на памятниках

Памятники	Материк		Древний горизонт/ погребенная почва		Насыпь		Не ясно	Итого
	число	%	число	%	число	%		
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	339	71,7	32	6,8	102	21,6	13	486
Арх	14	77,8	1	5,6	4	22,2	1	19
ВМЛ-I	62	69,7	2	2,2	25	28,1	0	89
ВМЛ-II	50	64,1	5	6,4	24	30,8	1	79
ВР-III	38	90,5	3	7,1	1	2,4	3	45
Ерг	24	96,0	0	0,0	1	4,0	0	25
Ч-II	15	60,0	6	24,0	4	16,0	0	25
Ч-VIII	26	89,7	3	10,3	0	0,0	0	29
Эл	26	44,1	0	0,0	33	55,9	0	59

Таблица 11. Размещение комплексов по секторам курганов

Сектор кургана	Индивидуальное		Совместное		«Кенотаф»		Итого	
	число	%	число	%	число	%	число	%
С	18	4,7	2	3,7	1	2,0	21	4,3
СВ	82	21,5	13	24,1	6	12,0	101	20,9
В	46	12,0	9	16,7	7	14,0	62	12,8
ЮВ	83	21,7	12	22,2	10	20,0	105	21,7
Ю	30	7,9	5	9,3	4	8,0	39	8,1
ЮЗ	38	9,9	8	14,8	2	4,0	48	9,9
З	20	5,2	0	0,0	9	18,0	29	6,0
СЗ	50	13,1	4	7,4	11	22,0	65	13,5
Центр (над основным погребением)	15	3,9	1	1,9	0	0,0	16	3,3
Итого	382	100	54	100		50	486	100
Не ясно	29	—	2	—	11	—	42	—
Всего	411	—	56	—	61	—	528	—

Таблица 12. Размещение индивидуальных погребений в секторах курганов ($L \geq 3,0$ м) на памятниках

Сектор кургана	Индивидуальные погребения в секторах		Арх		ВМЛ-I		ВМЛ-II		ВР-III	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
С	13	4,5	1	9,1	1	1,9	1	1,9	1	3,2
СВ	73	25,0	1	9,1	15	28,3	15	27,8	8	25,8
В	40	13,7	2	18,2	4	7,5	3	7,4	8	25,8
ЮВ	60	20,5	3	27,3	9	17,0	16	29,6	5	16,1
Ю	22	7,5	2	18,2	5	9,4	1	1,9	5	16,1
ЮЗ	34	11,6	1	9,1	10	18,9	6	11,1	2	6,5
З	14	4,8	1	9,1	1	1,9	2	3,7	1	3,2
СЗ	36	12,3	0	0,0	8	15,1	9	16,7	1	3,2
Всего	292	100,0	11	100,0	53	100,0	54	100,0	31	100,0

Окончание таблицы 12

Сектор кургана	Ерг		Ч-II		Ч-VIII		Эл	
	число	%	число	число	число	%	число	%
А	11	12	13	14	15	16	17	18
С	1	8,3	1	5,6	0	0,0	1	2,7
СВ	3	25,0	8	44,4	5	33,3	5	13,5
В	1	8,3	3	16,7	4	26,7	5	13,5
ЮВ	4	33,3	2	11,1	1	6,7	8	21,6
Ю	2	16,7	0	0,0	0	0,0	1	2,7
ЮЗ	1	8,3	1	5,6	2	13,3	7	18,9
З	0	0,0	1	5,6	2	13,3	3	8,1
СЗ	0	0,0	2	11,1	1	6,7	7	18,9
Всего	12	100,0	18	100,0	15	100,0	37	100,0

Таблица 13. Виды могильных сооружений

Вид сооружения	Катакомба		Яма		Ящик		Не ясно	Итого
	число	%	число	%	число	%		
Индивидуальное погребение	227	66,0	112	32,5	5	1,5	142	486
Совместное погребение	32	57,1	23	41,1	1	1,8	11	67
«Кенотаф»	27	47,4	30	52,6	0	0,0	10	67
Всего	286	62,6	165	36,1	6	1,3	163	620

Таблица 14. Соотношение видов могильных сооружений индивидуальных погребений на памятниках

Памятники	Катакомбы		Ямы		Итого
	число	%	число	%	
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	227	67,0	112	33,0	339
Арх	13	92,9	1	7,1	14
ВМЛ I	40	64,5	22	35,5	62
ВМЛ II	27	51,9	25	48,1	52
ВР III	37	92,5	3	7,5	40
Ерг	17	73,9	6	26,1	23
Ч-II	8	50,0	8	50,0	16
Ч-VIII	12	50,0	12	50,0	24
Эл	21	80,8	5	19,2	26
Итого на памятниках	175	68,1	82	31,9	257

Таблица 15. Соотношение видов могильных сооружений по регионам

Регион	Катакомбы		Ямы		Итого
	число	%	число	%	
Калмыкия	75	71,4	30	28,6	105
Восточный Маныч	142	54,6	118	45,4	260
Ставрополье	69	80,2	17	19,8	86
Всего	286	63,4	165	36,6	451

Таблица 16. Формы входных шахт катакомб и могильных ям

Вид могильного сооружения	Прямоуголь- ная		Квадратная		Трапещи- видная		Круглая		Овальная		Не ясно	Итого
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%		
	Индивидуальные погребения											
Катакомбы	127	63,5	49	24,5	6	3,0	6	3,0	12	6,0	27	227
Ямы	90	81,8	13	11,8	1	0,9	3	2,7	3	2,7	2	112
	Совместные погребения											
Катакомбы	16	59,3	11	40,7	0	0,0	0	0,0	0	0,0	5	32
Ямы	17	73,9	6	26,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	23
	«Кенотафы»											
Катакомбы	17	63,0	6	22,2	0	0,0	3	11,1	1	3,7	0	27
Ямы	21	70,0	2	6,7	0	0,0	2	6,7	5	16,7	0	30
Всего	288	69,1	87	20,9	7	1,7	14	3,4	21	5,0	34	451

Таблица 17. Пропорции прямоугольных входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Ширина: длина входных шахт/ям (р)	Катакомбы		Ямы	
	число	%	число	%
$p < 0,4$	2	1,6	0	0,0
$0,5 > p \geq 0,4$	6	4,8	4	4,5
$0,6 > p \geq 0,5$	26	20,8	18	20,2
$0,7 > p \geq 0,6$	28	22,4	25	28,1
$0,8 > p \geq 0,7$	23	18,4	26	29,2
$0,9 \geq p \geq 0,8$	40	32,0	16	18,0
Итого	125	100,0	89	100,0
Не ясно	2		1	
Всего	127		90	

Таблица 18. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений (придонная часть)

Площадь шахты/ямы, кв. м	Входные шахты		Ямы	
	число	%	число	%
$S < 0,5$	0	0,0	3	2,7
$1,0 > S \geq 0,5$	14	7,0	11	9,9
$1,5 > S \geq 1,0$	34	17,1	21	18,9
$2,0 > S \geq 1,5$	45	22,6	17	15,3
$2,5 > S \geq 2,0$	35	17,6	20	18,0
$3,0 > S \geq 2,5$	21	10,6	7	6,3
$3,5 > S \geq 3,0$	14	7,0	10	9,0
$4,0 > S \geq 3,5$	15	7,5	5	4,5
$4,5 > S \geq 4,0$	9	4,5	5	4,5
$5,0 > S \geq 4,5$	4	2,0	2	1,8
$5,5 > S \geq 5,0$	5	2,5	3	2,7
$6,0 > S \geq 5,5$	1	0,5	3	2,7
$6,5 > S \geq 6,0$	1	0,5	2	1,8
$7,0 > S \geq 6,5$	0	0,0	0	0,0
$7,5 > S \geq 7,0$	0	0,0	0	0,0
$8,0 > S \geq 7,5$	0	0,0	1	0,9
$S = 8,0$	0	0,0	1	0,9
$S = 9,0$	1	0,5	0	0,0
Итого	199	100,0	111	100,0
Не ясно	28	—	1	—
Всего	227	—	112	—

Таблица 19. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям совместных погребений (придонная часть)

Площадь шахты/ямы, кв. м	Входные шахты		Ямы	
	число	%	число	%
$S < 0,5$	0	0,0	0	0,0
$1,0 > S \geq 0,5$	0	0,0	0	0,0
$1,5 > S \geq 1,0$	3	11,1	2	8,7
$2,0 > S \geq 1,5$	7	25,9	6	26,1
$2,5 > S \geq 2,0$	6	22,2	2	8,7
$3,0 > S \geq 2,5$	3	11,1	5	21,7
$3,5 > S \geq 3,0$	1	3,7	4	17,4
$4,0 > S \geq 3,5$	2	7,4	0	0,0
$4,5 > S \geq 4,0$	3	11,1	2	8,7
$5,0 > S \geq 4,5$	1	3,7	1	4,3
$5,5 > S \geq 5,0$	0	0,0	0	0,0
$6,0 > S \geq 5,5$	0	0,0	0	0,0
$6,5 > S \geq 6,0$	1	3,7	0	0,0
$7,0 > S \geq 6,5$	0	0,0	0	0,0
$7,5 > S \geq 7,0$	0	0,0	0	0,0
$8,0 > S \geq 7,5$	0	0,0	0	0,0
$S = 8,0$	0	0,0	1	4,3
$S = 9,0$	0	0,0	0	0,0
Итого	27	100,0	23	100,0
Не ясно	5	—	2	—
Всего	32	—	25	—

Таблица 20. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям «кенотафов» (придонная часть)

Площадь шахты/ямы, кв. м	Входные шахты		Ямы	
	число	%	число	%
S<0,5	0	0,0	0	0,0
1,0>S>=0,5	3	11,1	8	26,7
1,5>S>=1,0	10	37,0	8	26,7
2,0>S>=1,5	3	11,1	7	23,3
2,5>S>=2,0	3	11,1	0	0,0
3,0>S>=2,5	5	18,5	3	10,0
3,5>S>=3,0	2	7,4	1	3,3
4,0>S>=3,5	1	3,7	1	3,3
4,5>S>=4,0	0	0,0	1	3,3
5,0>S>=4,5	0	0,0	1	3,3
5,5>S>=5,0	0	0,0	0	0,0
6,0>S>=5,5	0	0,0	0	0,0
6,5>S>=6,0	0	0,0	0	0,0
7,0>S>=6,5	0	0,0	0	0,0
7,5>S>=7,0	0	0,0	0	0,0
8,0>S>=7,5	0	0,0	0	0,0
S=8,0	0	0,0	0	0,0
S=9,0	0	0,0	0	0,0
Всего	27	100,0	30	100,0

Таблица 21. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений (придонная часть) на памятниках

Площадь шахты/ ямы, кв. м	Арх		ВМЛ-I		ВМЛ-II		ВР-III	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	1	2	3	4	5	6	7	8
S<0,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
1,0>S>=0,5	1	7,1	1	1,6	7	13,7	0	0,0
1,5>S>=1,0	0	0,0	14	23,0	6	11,8	4	12,5
2,0>S>=1,5	3	21,4	16	26,2	15	29,4	4	12,5
2,5>S>=2,0	1	7,1	13	21,3	13	25,5	7	21,9
3,0>S>=2,5	3	21,4	4	6,6	5	9,8	4	12,5
3,5>S>=3,0	4	28,6	6	9,8	2	3,9	3	9,4
4,0>S>=3,5	1	7,1	1	1,6	0	0,0	3	9,4
4,5>S>=4,0	1	7,1	2	3,3	2	3,9	1	3,1
5,0>S>=4,5	0	0,0	1	1,6	1	2,0	1	3,1
5,5>S>=5,0	0	0,0	1	1,6	0	0,0	3	9,4
6,0>S>=5,5	0	0,0	1	1,6	0	0,0	1	3,1
6,5>S>=6,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	3,1
7,0>S>=6,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
7,5>S>=7,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
8,0>S>=7,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
S=9,0	0	0,0	1	1,6	0	0,0	0	0,0
Всего	14	100,0	61	100,0	51	100,0	32	100,0

Окончание таблицы 21

Площадь шахты/ ямы, кв. м	Ерг		Ч-II		Ч-VIII		Эл	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	9	10	11	12	13	14	15	16
S<0,5	2	9,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
1,0>S>=0,5	3	13,6	1	6,3	4	19,0	2	8,0
1,5>S>=1,0	3	13,6	3	18,8	4	19,0	7	28,0
2,0>S>=1,5	3	13,6	3	18,8	3	14,3	7	28,0
2,5>S>=2,0	2	9,1	3	18,8	1	4,8	2	8,0
3,0>S>=2,5	0	0,0	2	12,5	2	9,5	1	4,0
3,5>S>=3,0	0	0,0	1	6,3	1	4,8	1	4,0
4,0>S>=3,5	4	18,2	0	0,0	6	28,6	1	4,0
4,5>S>=4,0	1	4,5	3	18,8	0	0,0	3	12,0
5,0>S>=4,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
5,5>S>=5,0	1	4,5	0	0,0	0	0,0	1	4,0
6,0>S>=5,5	1	4,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0
6,5>S>=6,0	2	9,1	0	0,0	0	0,0	0	0,0
7,0>S>=6,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
7,5>S>=7,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
8,0>S>=7,5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
S=9,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего	22	100,0	16	100,0	21	100,0	25	100,0

Таблица 22. Глубина входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Глубина шахты/ямы, м	Катакомбы		Ямы	
	число	%	число	%
h< 0,5	0	0,0	1	4,5
1,0>h>=0,5	1	2,9	2	9,1
1,5>h>=1,0	15	44,1	7	31,8
2,0>h>=1,5	3	8,8	3	13,6
2,5>h>=2,0	7	20,6	5	22,7
3,0>h>=2,5	5	14,7	2	9,1
3,5>h>=3,0	2	5,9	2	9,1
4,0>h>=3,5	1	2,9	0	0,0
Всего	34	100,0	22	100,0

Таблица 23. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Ориентировка	Катакомбы (входные шахты)		Ямы	
	число	%	число	%
С–Ю	63	32,5	43	40,2
СВ–ЮЗ	17	8,8	10	9,3
В–З	36	18,6	26	24,3
ЮВ–СЗ	27	13,9	16	15,0
Основные	41	21,1	11	10,3
Диагональные	10	5,2	2	1,9
Итого	194	100,0	108	100,0
Не ясно	33	—	4	—
Всего	227	—	112	—

Таблица 24. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям совместных погребений

Ориентировка	Катакомбы (входные шахты)		Ямы	
	число	%	число	%
С–Ю	12	48,0	7	30,4
СВ–ЮЗ	3	12,0	3	13,0
В–З	1	4,0	3	13,0
ЮВ–СЗ	1	4,0	5	21,7
Основные	6	24,0	5	21,7
Диагональные	2	8,0	0	0,0
Итого	25	100,0	23	100,0
Не ясно	7	—	0	—
Всего	32	—	23	—

Таблица 25. Ориентировки входных шахт катакомб и ям «кенотафов»

Ориентировка	Катакомбы (входные шахты)		Ямы	
	число	%	число	%
С–Ю	5	21,7	8	27,6
СВ–ЮЗ	4	17,4	10	34,5
В–З	6	26,1	5	17,2
ЮВ–СЗ	3	13,0	4	13,8
Основные	5	21,7	2	6,9
Диагональные	0	0,0	0	0,0
Итого	23	100,0	29	100,0
Не ясно	4	—	1	—
Всего	27	—	30	—

Таблица 26. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений на памятниках

Ориентировки входной шахты/ ямы	Арх		ВМЛ-I		ВМЛ-II		ВР-III	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	1	2	3	4	5	6	7	8
С–Ю	4	30,8	25	43,9	20	40,8	12	37,5
СВ–ЮЗ	0	0,0	2	3,5	2	4,1	4	12,5
В–З	1	7,7	13	22,8	16	32,7	4	12,5
ЮВ–СЗ	0	0,0	5	8,8	9	18,4	7	21,9
Основные	8	61,5	11	19,3	2	4,1	5	15,6
Диагональные	0	0,0	1	1,8	0	0,0	0	0,0
Итого	13	100,0	57	100,0	49	100,0	32	100,0
Не ясно/нет ориентировки	1	—	5	—	3	—	8	—
Всего	14	—	62	—	52	—	40	—

Окончание таблицы 26

Ориентировки входной шахты/ ямы	Ерг		Ч-II		Ч-VIII		Эл	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	9	10	11	12	13	14	15	16
С–Ю	4	17,4	5	31,3	9	40,9	11	45,8
СВ–ЮЗ	2	8,7	2	12,5	2	9,1	0	0,0
В–З	2	8,7	5	31,3	1	4,5	8	33,3
ЮВ–СЗ	7	30,4	1	6,3	2	9,1	0	0,0
Основные	6	26,1	0	0,0	4	18,2	5	20,8
Диагональные	2	8,7	3	18,8	4	18,2	0	0,0
Итого	23	100,0	13	100,0	22	100,0	24	100,0
Не ясно/нет ориентировки	0	—	0	—	2	—	2	—
Всего	23	—	16	—	24	—	26	—

Таблица 27. Соотношение осей шахты и камеры в катакомбах

Соотношение осей	Индивидуальные		Совместные		«Кенотафы»	
	число	%	число	%	число	%
Н	108	75,5	13	68,4	10	58,8
Ч	2	1,4	1	5,3	0	0,0
І	1	0,7	0	0,0	1	5,9
Т	27	18,9	5	26,3	6	35,3
У	4	2,8	0	0,0	0	0,0
Г	1	0,7	0	0,0	0	0,0
Итого	141	100,0	19	100,0	17	100,0
Не ясно	84	—	13	—	10	—
Всего	227	—	32	—	27	—

Таблица 28. Ориентировка входа в камеру катакомбы (взгляд из шахты)

Ориентировка входа	Индивидуальные		Совместные		«Кенотафы»	
	число	%	число	%	число	%
С	45	20,8	8	26,7	4	15,4
СВ	17	7,9	1	3,3	2	7,7
В	68	31,5	7	23,3	8	30,8
ЮВ	26	12,0	4	13,3	5	19,2
Ю	16	7,4	1	3,3	2	7,7
ЮЗ	13	6,0	1	3,3	0	0,0
З	25	11,6	7	23,3	2	7,7
СЗ	5	2,3	1	3,3	3	11,5
Итого	215	100,0	30	100,0	26	100,0
Не ясно	12	—	2	—	1	—
Всего	227	—	32	—	27	—

Таблица 29. Возрастной состав индивидуальных и совместных погребений

Возраст индивидов	Индивидуальные погребения		Совместные погребения		Совместные синхронные погребения	
	число индивидов	%	число индивидов	%	число индивидов	%
Ранний	13	2,8	18	12,6	18	13,2
Детский	55	11,8	29	20,3	28	20,6
Подростковый	57	12,2	22	15,4	18	13,2
Взрослый	342	73,2	74	51,7	72	52,9
Итого	467	100,0	143	100,0	136	100,0
Не ясно	19	—	0	—	0	—
Всего	486	—	143	—	136	—

Таблица 30. Пол взрослых индивидов, погребенных индивидуально

Пол погребенных	Индивидуальные погребения	
	число	%
М	78	42,9
М?	9	4,9
Ж	83	45,6
Ж?	12	6,6
Итого	182	100,0
Не ясно	160	—
Всего	342	—

Таблица 31. Индивидуальные погребения. Соотношение индивидов 4-х возрастных групп на памятниках

Памятники	Возрастные группы								Не ясно	Итого
	ранний		детский		подростковый		взрослый			
	число	%	число	%	число	%	число	%		
Выборка индивидуальных погребений	13	2,8	55	11,8	57	12,2	342	73,2	19	486
Арх	0	0,0	0	0,0	2	11,1	16	88,9	1	19
ВМЛ-I	0	0,0	12	13,5	12	13,5	65	73,0	0	89
ВМЛ-II	0	0,0	11	14,1	9	11,5	58	74,4	1	79
ВР-III	1	2,5	3	7,5	5	12,5	31	77,5	5	45
Ерг	2	8,0	7	28,0	1	4,0	15	60,0	0	25
Ч-II	1	4,3	4	17,4	5	21,7	13	56,5	2	25
Ч-VIII	0	0,0	5	18,5	4	14,8	18	66,7	2	29
Эл	2	3,4	2	3,4	6	10,3	48	82,8	1	59
Итого на памятниках	6	1,7	44	12,3	44	12,3	264	73,7	12	370

Таблица 32. Индивидуальные погребения. Соотношение индивидов довзрослого (младшая группа) и взрослого возраста на памятниках

Памятники	Довзрослый		Взрослый		Не ясно	Итого
	число	%	число	%		
Арх	2	11,1	16	88,9	1	19
ВМЛ-I	24	27,0	65	73,0	0	89
ВМЛ-II	20	25,6	58	74,4	1	79
ВР-III	9	22,5	31	77,5	5	45
Ерг	10	40,0	15	60,0	0	25
Ч-II	10	43,5	13	56,5	2	25
Ч-VIII	9	33,3	18	66,7	2	29
Эл	10	17,2	48	82,8	1	59
Всего	94	26,3	264	73,7	12	370

Таблица 33. Индивидуальные погребения. Соотношение групп мужчин и женщин на памятниках

Памятники	Мужчины		Женщины		Пол не определен	Итого
	число	%	число	%		
Арх	5	35,7	9	64,3	5	19
ВМЛ-I	9	29,0	22	71,0	58	89
ВМЛ-II	7	29,2	17	70,8	55	79
ВР-III	11	52,4	10	47,6	24	45
Ерг	5	55,6	4	44,4	16	25
Ч-II	3	60,0	2	40,0	20	25
Ч-VIII	12	80,0	3	20,0	14	29
Эл	6	35,3	11	64,7	42	59
Всего	58	42,6	78	57,4	234	370

Таблица 34. Ориентировки погребенных индивидуально

Ориентировки погребенных	Индивидуальные погребения	
	число	%
С	20	4,5
СВ	17	3,9
В	79	17,9
ЮВ	85	19,3
Ю	165	37,4
ЮЗ	49	11,1
З	14	3,2
СЗ	12	2,7
Итого	441	100,0
Не ясно	45	—
Всего	486	—

Таблица 35. Ориентировки погребенных индивидуально на памятниках

Ориентировки погребенных	Арх		ВМЛ-I		ВМЛ-II		ВР-III	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	1	2	3	4	5	6	7	8
С	1	5,6	3	3,6	7	9,1	1	2,6
СВ	0	0,0	0	0,0	2	2,6	1	2,6
В	2	11,1	16	19,3	15	19,5	10	25,6
ЮВ	0	0,0	23	27,7	15	19,5	9	23,1
Ю	14	77,8	34	41,0	25	32,5	12	30,8
ЮЗ	1	5,6	3	3,6	7	9,1	5	12,8
З	0	0,0	3	3,6	2	2,6	0	0,0
СЗ	0	0,0	1	1,2	4	5,2	1	2,6
Итого	18	100,0	83	100,0	77	100,0	39	100,0
Не ясно	1	—	6	—	2	—	6	—
Всего	19	—	89	—	79	—	45	—

Окончание таблицы 35

Ориентировки погребенных	Ерг		Ч-П		Ч-VIII		Эл	
	число	%	число	%	число	%	число	%
А	9	10	11	12	13	14	15	16
С	0	0,0	2	8,3	0	0,0	0	0,0
СВ	2	8,0	1	4,2	3	12,5	2	3,8
В	1	4,0	6	25,0	3	12,5	8	15,4
ЮВ	5	20,0	6	25,0	4	16,7	9	17,3
Ю	10	40,0	5	20,8	11	45,8	19	36,5
ЮЗ	4	16,0	1	4,2	2	8,3	10	19,2
З	1	4,0	2	8,3	0	0,0	4	7,7
СЗ	2	8,0	1	4,2	1	4,2	0	0,0
Итого	23	100,0	24	100,0	24	100,0	52	100,0
Не ясно	0	—	1	—	5	—	7	—
Всего	25	—	25	—	29	—	59	—

Таблица 36. Количество индивидуальных погребений с посудой на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С посудой		С определенными видами посуды	С реповидным горшком		С чутунковидным горшком		С кувшином/кружкой	
		число	%	число	число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	291	59,9	219	32	14,6	79	36,1	105	47,9
Арх	19	16	84,2	12	2	16,7	8	66,7	7	58,3
ВМЛ-I	89	40	44,9	26	0	0,0	18	69,2	6	23,1
ВМЛ-II	79	36	45,6	18	1	5,6	7	38,9	10	55,6
ВР-III	45	33	73,3	28	7	25,0	10	35,7	14	50,0
Ерг	25	24	96,0	23	13	56,5	1	4,3	11	47,8
Ч-П	25	10	40,0	9	1	11,1	1	11,1	4	44,4
Ч-VIII	29	21	72,4	19	1	5,3	8	42,1	12	63,2
Эл	59	37	62,7	26	2	7,7	11	42,3	13	50,0
Итого на памятниках	370	217	58,6	161	27	14,7	64	38,0	77	47,8

Таблица 37. Количество комплексов разных видов с различным (от 0 до 10) числом сосудов

Число сосудов	Индивидуальные погребения		Совместные погребения		«Кенотафы»	
	число	%	число	%	число	%
0	195	40,2	16	23,9	24	35,8
1	197	40,6	19	28,4	23	34,3
2	63	13,0	10	14,9	14	20,9
3	21	4,3	8	11,9	2	3,0
4	4	0,8	6	9,0	3	4,5
5	5	1,0	5	7,5	0	0,0
6	0	0,0	1	1,5	1	1,5
7	0	0,0	0	0,0	0	0,0
8	0	0,0	1	1,5	0	0,0
10	0	0,0	1	1,5	0	0,0
Итого	485	100,0	67	100,0	67	100,0
Не ясно	1	—	0	—	0	—
Всего	486	—	67	—	67	—

Таблица 38. Представленность различных видов посуды в индивидуальных и совместных погребениях и «кенотафах»

Вид посуды	Индивидуальные погребения		Совместные погребения		«Кенотафы»	
	число	%	число	%	число	%
Реповидные горшки	32	14,6	7	18,9	3	8,6
Чугунковидные горшки	79	36,1	17	45,9	19	54,3
Высокошейные горшки	16	7,3	4	10,8	5	14,3
Кувшины и кружки	105	47,9	23	62,2	18	51,4
«Амфоры» 2-ручные	12	5,5	1	2,7	0	0,0
«Амфорки» 4-ручные	1	0,5	4	10,8	0	0,0
Миски и банки	18	8,2	2	5,4	2	5,7
Воронки	4	1,8	1	2,7	0	0,0
Мелкие фрагменты	8	3,7	1	2,7	2	5,7
Число комплексов с определяемыми видами посуды	219	100,0	37	100,0	35	100,0
Число комплексов с посудой	291	—	51	—	43	—

Таблица 39. Количество индивидуальных погребений с курильницами и жаровнями на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С курильницами		С жаровнями	
		число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	124	25,5	20	4,1
Арх	19	5	26,3	0	0,0
ВМЛ-I	89	29	32,6	4	4,5
ВМЛ-II	79	16	20,3	2	2,6
ВР-III	45	21	46,7	0	0,0
Ерг	25	1	4,0	0	0,0
Ч-II	25	7	28,0	3	12,0
Ч-VIII	29	6	20,7	3	10,3
Эл	59	4	6,8	1	1,7
Итого на памятниках	370	89	24,1	13	3,5

Таблица 40. Количество индивидуальных погребений с орудиями из бронзы, камня и кости на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С орудиями из бронзы		С орудиями и предметами из камня		С предметами и орудиями из кости	
		число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	124	25,5	78	16,0	68	14,0
Арх	19	10	52,6	4	21,1	3	15,8
ВМЛ-I	89	5	5,6	3	3,4	7	7,9
ВМЛ-II	79	16	20,3	12	15,2	2	2,5
ВР-III	45	20	44,4	10	22,2	10	22,2
Ерг	25	12	48,0	8	32,0	12	48,0
Ч-II	25	3	12,0	2	8,0	4	16,0
Ч-VIII	29	10	34,5	8	27,6	6	20,7
Эл	59	7	11,9	4	6,8	2	3,4
Итого на памятниках	370	83	22,4	51	13,8	46	12,4

Таблица 41. Количество индивидуальных погребений с ножами, стержнями и обеими категориями артефактов на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	Только с ножами		Только со стержнями		С ножами и стержнями		Итого	
		число	%	число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	40	8,2	23	4,7	55	11,3	118	24,3
Арх	19	2	10,5	2	10,5	6	31,6	10	52,6
ВМЛ-I	89	1	1,1	2	2,2	2	2,2	5	5,6
ВМЛ-II	79	4	5,1	6	7,6	4	5,1	14	17,7
ВР-III	45	9	20,0	1	2,2	10	22,2	20	44,4
Ерг	25	2	8,0	2	8,0	8	32,0	12	48,0
Ч-II	25	1	4,0	1	4,0	1	4,0	3	12,0
Ч-VIII	29	6	20,7	0	0,0	3	10,3	9	31,0
Эл	59	3	5,1	1	1,7	3	5,1	7	11,9
Итого на памятниках	370	28	7,6	15	4,1	37	10,0	80	21,6

Таблица 42. Количество ножей различных типов в индивидуальных погребениях

Памятники	Число ножей	Число ножей определенных типов	Типы ножей*									
			I		II		III		IV-V		VI	
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
А	Б	В	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	102	84	10	11,9	5	6,0	19	22,6	23	27,4	6	7,1
Арх	8	7	0	0,0	0	0,0	1	14,3	4	57,1	0	0,0
ВМЛ-I	3	3	0	0,0	0	0,0	1	33,3	0	0,0	2	66,7
ВМЛ-II	8	5	0	0,0	0	0,0	1	20,0	2	40,0	1	20,0
ВР-III	19	18	5	27,8	2	11,1	9	50,0	0	0,0	1	5,6
Ерг	13	13	0	0,0	1	7,7	0	0,0	3	23,1	1	7,7
Ч-II	2	2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	2	100,0	0	0,0
Ч-VIII	10	9	0	0,0	0	0,0	1	11,1	6	66,7	0	0,0
Эл	7	5	0	0,0	0	0,0	2	40,0	2	40,0	1	20,0
Итого на памятниках	70	62	5		3		14		19		6	

Окончание таблицы 42

Памятники	Число ножей	Число ножей определимых типов	Типы ножей*							
			VII		VIII		IX		X	
			число	%	число	%	число	%	число	%
А	Б	В	11	12	13	14	15	16	17	18
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	102	84	4	4,8	12	14,3	2	2,4	3	3,6
Арх	8	7	1	14,3	2	28,6	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-I	3	3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-II	8	5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	20,0
ВР-III	19	18	0	0,0	1	5,6	0	0,0	0	0,0
Ерг	13	13	1	7,7	4	30,8	2	15,4	1	7,7
Ч-II	2	2	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ч-VIII	10	9	0	0,0	1	12,5	0	0,0	1	11,1
Эл	7	5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Итого на памятниках	70	62	2		8		1		3	

* По: Гак, 2002, 2005а, 2005б.

Таблица 43. Количество индивидуальных погребений с крюками, теслами, долотами и иглами на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С крюками		С теслами		С долотами		С иглами	
		число	%	число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	13	2,7	9	1,9	9	1,9	4	0,8
Арх	19	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-I	89	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-II	79	2	2,5	0	0,0	1	1,3	0	0,0
ВР-III	45	1	2,2	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ерг	25	4	16,0	6	24,0	6	24,0	2	8,0
Ч-II	25	2	8,0	1	4,0	0	0,0	0	0,0
Ч-VIII	29	1	3,4	1	3,4	2	6,9	0	0,0
Эл	59	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Итого на памятниках	370	10	2,7	8	2,2	9	2,4	2	0,5

Таблица 44. Количество индивидуальных погребений с каменными топорами и булавами; с металлическими височными кольцами на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С каменными топорами, булавами		С металлическими височными кольцами	
		число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	6	1,2	22	4,5
Арх	19	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-I	89	1	1,1	5	5,6
ВМЛ-II	79	1	1,3	0	0,0
ВР-III	45	1	2,2	0	0,0
Ерг	25	1	4,0	5	20,0
Ч-II	25	0	0,0	2	8,0
Ч-VIII	29	1	3,4	2	6,9
Эл	59	0	0,0	0	0,0
Итого на памятниках	370	5	1,4	14	3,8

Таблица 45. Количество индивидуальных погребений с каменными пестами и ступками/наковальнями на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	Только с пестами		Только со ступками		С пестами и ступками		Итого	
		число	%	число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	28	5,8	6	1,2	11	2,3	45	9,3
Арх	19	1	5,3	1	5,3	0	0,0	2	10,5
ВМЛ-I	89	1	1,1	0	0,0	1	1,1	2	2,2
ВМЛ-II	79	6	7,6	1	1,3	0	0,0	7	8,9
ВР-III	45	4	8,9	1	2,2	1	2,2	6	13,3
Ерг	25	1	4,0	2	8,0	2	8,0	5	20,0
Ч-II	25	1	4,0	0	0,0	0	0,0	1	4,0
Ч-VIII	29	3	10,3	0	0,0	2	6,9	5	17,2
Эл	59	1	1,7	1	1,7	1	1,7	3	5,1
Итого на памятниках	370	18	4,9	6	1,6	7	1,9	32	8,6

Таблица 46. Количество индивидуальных погребений с деревянной посудой и повозками на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С деревянной посудой		С повозками		С деревянной посудой и повозками	
		число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	17	3,5	18	3,7	5	1,0
Арх	19	0	0,0	1	5,3	0	0,0
ВМЛ-I	89	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ВМЛ-II	79	0	0,0	0	0,0	0	0,0
ВР-III	45	8	17,8	8	17,8	2	4,4
Ерг	25	6	24,0	4	16,0	3	12,0
Ч-II	25	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Ч-VIII	29	0	0,0	3	10,3	0	0,0
Эл	59	1	1,7	2	3,4	0	0,0
Итого на памятниках	370	15	4,1	18	4,9	5	1,4

Таблица 47. Количество индивидуальных погребений с костями животных и следами красной краски на памятниках

Памятники	Число индивидуальных погребений	С костями животных		С красной краской	
		число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	63	13,0	74	15,2
Арх	19	4	21,1	0	0,0
ВМЛ-I	89	4	4,5	3	3,4
ВМЛ-II	79	6	7,6	1	1,3
ВР-III	45	4	8,9	17	37,8
Ерг	25	8	32,0	7	28,0
Ч-II	25	3	12,0	3	12,0
Ч-VIII	29	9	31,0	9	31,0
Эл	59	3	5,1	3	5,1
Итого на памятниках	370	41	11,1	43	11,6

Таблица 48. Количество индивидуальных погребений с украшениями (бусы и пронизи) из различных материалов: фаянса, бронзы, кости, сердолика

Памятники	Число индивидуальных погребений	С украшениями		С украшениями из фаянса (пасты)		С украшениями из бронзы		С украшениями из кости		С украшениями из сердолика	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
<i>Выборка индивидуальных погребений</i>	486	116	23,9	53	10,9	45	9,3	41	8,4	26	5,3
Арх	19	8	42,1	7	36,8	1	5,3	2	10,5	2	10,5
ВМЛ-I	89	12	13,5	0	0,0	7	7,9	6	6,7	0	0,0
ВМЛ-II	79	6	7,6	0	0,0	3	3,8	1	1,3	1	1,3
ВР-III	45	20	44,4	12	26,7	6	13,3	7	15,6	4	8,9
Ерг	25	15	60,0	12	48,0	10	40,0	1	4,0	5	20,0
Ч-II	25	4	16,0	1	4,0	1	4,0	1	4,0	0	0,0
Ч-VIII	29	10	34,5	1	3,4	6	20,7	7	24,1	1	3,4
Эл	59	4	6,8	3	5,1	1	1,7	0	0,0	2	3,4
Итого на памятниках	370	79	21,4	36	9,7	35	9,5	25	6,8	15	4,1

Таблица 49. Погребения с бронзовыми крюками, теслами, долотами и иглами

№ п/п	SITE	KURG	BURIAL	H kurg	D kurg	LOC	TYPE	S	AGE	SEX	BrTools	KnN	RodN	StWeap	StTools	VessT	W-Vess	Vehic	RingN	RingM	DecM	BoneR
1	ВМЛ-II	к. 08	п. 10	4,00	50,00	2	2	1,9	4	3	1	1			1	н					15	
2	ВМЛ-II	к. 33	п. 01	3,00	40,00	2	н	н	4	н	1											2
3	ВМЛ-II	к. 34	п. 07	1,45	28,00	2	1	1,6	4	1	3											
4	ВР-II	к. 02	п. 08	0,75	40,00	2	1	н	4	н	1				1	н						
5	ВР-III	к. 05	п. 10	2,25	50,00	2	1	4,6	4	4	4	1	1			2						
6	ВР-III	к. 21	п. 13	5,00	80,00	1	2	5,1	4	1	1	1	2			13					3	
7	Гр-II	к. 01	п. 07	2,00	62,00	2	3	4,2	4	1	14	1	1	2	1	4	1		1	1	125	1
8	Ерг	к. 05	п. 08	1,85	47,00	1	1	2,4	4	3	123	1	1		12	14	2		1	13	15	
9	Ерг	к. 06	п. 02	5,45	57,50	1	2	5,6	4	н	123	2	1			1	2		2	1	125	1
10	Ерг	к. 06	п. 03	5,45	57,50	1	2	3,7	4	1	123	1	1		12	11	2	1			12	
11	Ерг	к. 08	п. 03	1,20	19,50	1	2	1,1	4	3	4	1	1			1					12	
12	Ерг	к. 09	п. 01	1,10	21,00	1	1	4,0	4	1	23	1			1	1					125	2
13	Ерг	к. 10	п. 02	2,50	46,00	1	1	6,3	4	н	23	2	1	1		11	2	1	3	24	2	
14	Ерг	к. 11	п. 01	5,30	80,00	1	1	5,0	4	3	1234	1	3		2	14	1	4	1	2	125	
15	Кит	к. 07	п. 04	3,60	48,00	2	2	2,4	4	н	1					н						2
16	ЦУ-III	к. 01	п. 12	0,92	45,00	2	2	2,5	4	1	2											
17	Ч-II	к. 08	п. 10	1,22	30,70	2	2	4,5	4	1	12	1	2		1							
18	Ч-II	к. 16	п. 19	1,66	42,00	2	2	2,5	4	1	1											
19	Ч-VIII	к. 05	п. 01	1,60	48,00	2	2	3,8	3	н	1	1	2					1	2	2	23	
20	Ч-VIII	к. 28	п. 02	0,70	30,00	1	1	3,8	4	4	3				1			4			16	9
21	Ч-VIII	к. 30	п. 02	1,80	32,00	2	1	3,2	4	1	23	2	1		112	2		1			3	1
22	ВМЛ-II	к. 34	п. 04	1,45	28,00	2	2	2,6	14	3	1	1	1		3	4					3	
23	Лопа-I	к. 04	п. 07	8,00	67,50	2	2	8,0	44	13	1		2			14		1			17	
24	Лопа-I	к. 04	п. 08	8,00	67,50	2	1	6,3	144	13	1	2	1		9	12246		1			25	
25	Остров	к. 03	п. 27	1,78	45,00	2	1	4,6	34	1	1	1	1								25	159
26	Эл	к. 08	п. 06	6,50	65,00	2	н	н	14	3	1	1	1		1	1455нн		1	1	2	25	

Условные обозначения:

SITE (памятник); **KURG** (курган); **BURIAL** (погребение); **H kurg** (высота кургана, м); **D kurg** (диаметр кургана, м); **LOC** (место в кургане): 1 – основное, 2 – впускное; **TYPE** (вид могильно-погребения): 1 – катакомба, 2 – яма, 3 – каменный ящик, н – не ясно; **S** (площадь входной шахты/могильной ямы, кв. м); **AGE** (возраст погребенных): 1 – до 3 лет, 2 – 3–7 лет, 3 – 8–15 лет, 4 – старше 15 лет; **SEX** (пол погребенных): 1 – мужчина, 2 – женщина?, 3 – женщина, 4 – женщина?, н – не ясно; **BrTools** (бронзовые орудия-артефакты): 1 – крюк, 2 – тесло, 3 – долото, 4 – игла; **KnN** (число бронзовых ножей в комплексе); **RodN** (число бронзовых стержней в комплексе); **StWeap** (каменное оружие): 1 – каменный топор; 2 – каменная булава; **StTools** (каменные орудия): 1 – пест, 2 – ступка/наковальня, 3 – «выпрямитель»; 9 – каменный пред-

мет/орудие; **VessT** (вид керамического сосуда): 1 – реповидный горшок, 2 – чугунковидный горшок, 3 – высокошейный горшок, 4 – кувшин или кружка, 5 – «амфора» 2-ручная, 6 – «амфора» 4-ручная, н – не ясно; **W-Vess** (вид деревянного сосуда): 1 – поднос, 2 – чаша; **Vehic** (деревянная повозка): 1 – кузов и колеса, 4 – конструкция (повозка?); **RingN** (число височных колец); **RingM** (материал височных колец): 1 – бронза, 2 – золото, 3 – сурьма?, 4 – серебро; **DecM** (украшения): 1 – бусы/бисер бронзовые, 2 – бусы/бисер фиансовые, 3 – кольца костяные, 5 – бусы сердоликовые, 6 – бусы гишеровые; 7 – бусы каменные (без уточнения); **BoneR** (кости животных): 1 – мелкого рогатого скота; 2 – крупного рогатого скота; 5 – птицы; 9 – животного (без уточнения).

В таблице сохранена кодировка базы данных.

Таблица 50. Количество комплексов с посудой, курильницами, ножами-копьями и стержнями-шильями в выборках погребений и «кенотафов»

Инвентарь	«Кенотафы»		Индивидуальные погребения		Совместные погребения	
	число	%	число	%	число	%
Посуда	43	64,2	291	59,9	51	76,1
Курильницы	17	25,4	124	25,5	23	34,3
Ножи	10	14,9	95	19,5	20	29,9
Стержни	7	10,4	78	16,0	16	23,9
Жаровни	2	3,0	20	4,1	5	7,5
Число комплексов	67	100,0	486	100,0	67	100,0

Таблица 51. Количество комплексов с бронзовыми и каменными орудиями/оружием и деревянной посудой в выборках погребений и «кенотафов»

Инвентарь	«Кенотафы»		Индивидуальные погребения		Совместные погребения	
	число	%	число	%	число	%
Крюки	0	0,0	13	2,7	5	7,5
Тесла	0	0,0	9	1,9	0	0,0
Долота	0	0,0	9	1,9	0	0,0
Иглы	0	0,0	4	0,8	0	0,0
Каменные топоры/ булавы	0	0,0	6	1,2	1	1,5
Деревянная посуда	1	1,5	17	3,5	2	3,0
Песты	4	6,0	39	8,0	8	11,9
Ступки/наковальни	2	3,0	17	3,5	2	3,0
Число комплексов	67	100,0	486	100,0	67	100,0

Таблица 52. Количество комплексов с костями животных, каменными и костяными орудиями (предметами) и красной краской в выборках погребений и «кенотафов»

Инвентарь	«Кенотафы»		Индивидуальные погребения		Совместные погребения	
	число	%	число	%	число	%
Кости животных	15	22,4	63	13,0	10	14,9
Каменные орудия	13	19,4	79	16,3	16	23,9
Костяные орудия	6	9,0	67	13,8	15	22,4
Каменное оружие	0	0,0	13	2,7	4	6,0
Красная краска	6	9,0	74	15,2	17	25,4
Число комплексов	67	100,0	486	100,0	67	100,0

Таблица 53. Количество комплексов с повозками, украшениями (бусами, пронизями) и височными кольцами в выборках погребений и «кенотафов»

Инвентарь	«Кенотафы»		Индивидуальные погребения		Совместные погребения	
	число	%	число	%	число	%
Повозки	3	4,5	18	3,7	6	9,0
Украшения (бусы, пронизы)	10	14,9	116	23,9	31	46,3
Височные кольца	0	0,0	22	4,5	4	6,0
Число комплексов	67	100,0	486	100,0	67	100,0

Таблица 54. Количество комплексов с наборными украшениями из различных материалов

Материал наборных украшений	«Кенотафы»		Индивидуальные погребения		Совместные погребения	
	число	%	число	%	число	%
Бронза	0	0,0	45	9,3	13	19,4
Фаянс	6	9,0	53	10,9	11	16,4
Кость	5	7,5	41	8,4	15	22,4
Сердолик	2	3,0	26	5,3	7	10,4
Число комплексов	67	100,0	486	100,0	67	100,0

Таблица 55. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям основных индивидуальных погребений

Ориентировки входных шахт/ могильных ям	В катакомбах	В ямах	Итого	%
С–Ю	12	12	24	40,7
СВ–ЮЗ	1	0	1	1,7
В–З	6	2	8	13,6
ЮВ–СЗ	3	1	4	6,8
Основные	14	6	20	33,9
Диагональные	2	0	2	3,4
Всего	38	21	59	100,0

Таблица 56. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям впускных индивидуальных погребений в материке

Ориентировки входных шахт/ могильных ям	В катакомбах	В ямах	Итого	%
С–Ю	47	30	77	33,5
СВ–ЮЗ	16	9	25	10,9
В–З	30	21	51	22,2
ЮВ–СЗ	22	15	37	16,1
Основные	28	4	32	13,9
Диагональные	6	2	8	3,5
Всего	149	81	230	100,0

Таблица 57. Впускные индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных в материке и насыпи

Ориентировки погребенных	В материке				В насыпи	
	в катакомбах		в ямах			
	число	%	число	%	число	%
С	8	4,4	4	4,2	2	2,1
СВ	8	4,4	4	4,2	4	4,3
В	43	23,9	18	18,9	5	5,3
ЮВ	21	11,7	14	14,7	36	38,3
Ю	72	40,0	43	45,3	24	25,5
ЮЗ	17	9,4	5	5,3	20	21,3
З	6	3,3	4	4,2	2	2,1
СЗ	5	2,8	3	3,2	1	1,1
Всего	180	100,0	95	100,0	94	100,0

Таблица 58. Впускные индивидуальные погребения в материке и в насыпи. Распределение по секторам курганов

Место в кургане (L ≥ 3м)	В материке		В насыпи	
	число	%	число	%
С	9	4,6	1	1,5
СВ	55	27,9	8	11,8
В	33	16,8	4	5,9
ЮВ	39	19,8	17	25,0
Ю	15	7,6	6	8,8
ЮЗ	17	8,6	12	17,6
З	7	3,6	8	11,8
СЗ	22	11,2	12	17,6
Всего	197	100,0	68	100,0

Таблица 59. Впускные индивидуальные погребения в материке и в насыпи. Распределение по секторам курганов с основными восточноманычскими погребениями

Место в кургане (L ≥ 3м)	Впускные в материке		Впускные в насыпи	
	число	%	число	%
С	3	6,8	1	5,3
СВ	13	29,5	3	15,8
В	5	11,4	0	0,0
ЮВ	9	20,5	4	21,1
Ю	4	9,1	1	5,3
ЮЗ	4	9,1	4	21,1
З	0	0,0	4	21,1
СЗ	6	13,6	2	10,5
Всего	44	100,0	19	100,0

Таблица 60. Индивидуальные погребения. Ориентировки входных шахт катакомб (распределение по месту в кургане)

Место в кургане	Ориентировки входных шахт катакомб								
	0	С–Ю	СВ–ЮЗ	В–З	ЮВ–СЗ	основные	диагональные	?	итого
Основное		12	1	6	2	14	2		37
L < 3 м		5	2		1	5	2		15
L = ?		9	2	6	3	1	1	5	27
L ≥ 3 м									
С				2	1	2			5
СВ	2	6	3	6	8	4	3	3	35
В		10		1	2	6	1	1	21
ЮВ	2	11	6	5	1	3	1		29
Ю	1	1	1	3	2	2			10
ЮЗ	1	3		2	3			1	10
З	1	1				1		1	4
СЗ		1	1	5	1	4		2	14
Всего	7	59	16	36	24	42	10	13	207

Таблица 61. Индивидуальные погребения. Ориентировки могильных ям (распределение по месту в кургане)

Место в кургане	Ориентировки могильных ям								
	0	С–Ю	СВ–ЮЗ	В–З	ЮВ–СЗ	основные	диагональные	?	итого
Основное		12		2	1	6	0		21
L < 3 м	1	6		3		1			11
L = ?	1	2	1	3		2			9
L ≥ 3 м									
С		1		1					2
СВ		7	3	1	7	1	1		20
В		3	1	5		1		1	11
ЮВ		4	1	3	1		1		10
Ю		2		2					4
ЮЗ		3		1	2				6
З		1		1	1				3
СЗ		1	3	1	2	1			8
Всего	2	42	9	23	14	12	2	1	105

Таблица 62. Индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных в катакомбах в материке (распределение по месту в кургане)

Место в кургане	Ориентировки погребенных в катакомбах										Итого
	0	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	?	
Основное				9		20	5		1	2	37
L < 3 м				1		12	1	1			15
L = ?		1		7	6	9	3			1	27
L ≥ 3 м											
С				2		2			1		5
СВ			1	7	6	7	3	2	3	6	35
В		2	1	5	2	9				2	21
ЮВ	1	5	3	2	1	11	3	1	2		29
Ю				6	2	1	1				10
ЮЗ				4	3	3					10
З		1				2				1	4
СЗ			2	6	1	3		2			14
Всего	1	9	6	50	21	79	16	6	7	12	207

Таблица 63. Индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных в ямах в материке (распределение по месту в кургане)

Место в кургане	Ориентировки погребенных в ямах									Итого
	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	?	
Основное			3	1	15				2	21
L < 3 м			3		6				2	11
L=?			1	1	1	1	1	1	3	9
L>=3 м										
С			1		1					2
СВ	2	1	1	6	6	2		2		20
В		1	2		5		2		1	11
ЮВ	1		2	1	3	1	1		1	10
Ю			1		2				1	4
ЮЗ	1		1	2	2					6
З			1	1	1					3
СЗ		2	1	2	1	1			1	8
Всего	4	4	17	14	43	5	4	3	11	105

Таблица 64. Индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных в насыпи (распределение по месту в кургане)

Место в кургане	Ориентировки погребенных в насыпи									Итого
	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	?	
L < 3 м	1	1		4	5	6	1		1	19
L = ?			1	4	4	2	1		3	15
L ≥ 3 м										
С									1	1
СВ			1	3	2	1		1		8
В					3	1				4
ЮВ		1	1	8	1	5			1	17
Ю		1		5						6
ЮЗ			1	6	3	2				12
З	1			2	4	1				8
СЗ		1		3	4	2			2	12
Всего	2	4	4	35	26	20	2	1	8	102

Таблица 65. Количество впускных индивидуальных погребений с различными категориями инвентаря в материке и в насыпи

Инвентарь	В материке		В насыпи	
	число	%	число	%
Посуда	155	58,1	58	56,9
Курильницы	81	30,3	10	9,8
Ножи	56	21,0	5	4,9
Стержни	48	18,0	2	2,0
Жаровни	10	3,7	1	1,0
Деревянная посуда	7	2,6	0	0,0
Каменные булавы	3	1,1	0	0,0
Крюки	5	1,9	2	2,0
Тесла	3	1,1	0	0,0
Долота	2	0,7	0	0,0
Иглы	2	0,7	0	0,0
Песты	25	9,4	3	2,9
Ступки/наковальни	8	3,0	1	1,0
Кости животных	42	15,7	5	4,9
Каменное оружие	8	3,0	0	0,0
Каменные орудия/предметы	45	16,9	11	10,8
Костяные орудия/предметы	45	16,9	5	4,9
Красная краска	48	18,0	5	4,9
Повозки	13	4,9	0	0,0
Украшения (бусы, пронизи)	73	27,3	7	6,9
Височные кольца	10	3,7	2	2,0
Число погребений	267	100,0	102	100,0

Таблица 66. Распределение возрастных групп по основным и впускным индивидуальным погребениям

Возрастная группа	Основные погребения		Впускные погребения		Итого	Не ясно
	число	%	число	%		
Младенцы	0	0,0	12	100,0	12	1
Дети	1	1,9	51	98,1	52	3
Подростки	2	3,6	53	96,4	55	2
Взрослые	55	16,4	280	83,6	335	7
Не ясно	2	—	15	—	17	2
Всего	60	—	411	—	471	15

Таблица 67. Распределение возрастных групп по уровню dna впускных индивидуальных погребений

Возраст	Индивидуальные впускные погребения					не ясно
	в материке		выше материка		итого	
	число	%	число	%		
Младенцы	4	33,3	8	66,7	12	0
Дети	35	72,9	13	27,1	48	3
Подростки	34	64,2	19	35,8	53	0
Взрослые	186	67,9	88	32,1	274	6
Всего	259	66,9	128	33,1	387	9

Таблица 68. Впускные индивидуальные погребения. Место в кургане (центральная часть, полы) (по возрастным группам)

Место в кургане	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые		Младшая группа	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
В центре над основным	0	0,0	1	2,3	3	6,4	4	1,6	4	4,0
В центре рядом с основным	0	0,0	5	11,6	4	8,5	47	18,9	10	10,0
В полах ($L \geq 3м$)	9	100,0	37	86,0	40	85,1	198	79,5	86	86,0
Итого	9	100,0	43	100,0	47	100,0	249	100,0	100	100,0
Не ясно	4	—	8	—	6	—	31	—	18	—
Всего	13	—	51	—	53	—	280	—	118	—

Таблица 69. Индивидуальные погребения. Основные виды могильных сооружений (по возрастным группам)

Могильное сооружение	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Катакомбы	5	83,3	25	65,8	28	77,8	160	63,7
Ямы/ящики	1	16,7	13	34,2	8	22,2	91	36,3
Итого	6	100,0	38	100,0	36	100,0	251	100,0
Не ясно	7	—	17	—	21	—	91	—
Всего	13	—	55	—	57	—	342	—

Таблица 70. Индивидуальные впускные погребения. Место в кургане
(по возрастным группам)

Место в кургане	Впускные погребения в полах									
	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые		Младшая группа	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
С	2	22,2	0	0,0	2	5,0	9	4,5	4	4,7
СВ	3	33,3	13	35,1	8	20,0	45	22,7	24	27,9
В	1	11,1	2	5,4	4	10,0	31	15,7	7	8,1
ЮВ	1	11,1	9	24,3	7	17,5	42	21,2	17	19,8
Ю	1	11,1	2	5,4	3	7,5	16	8,1	6	7,0
ЮЗ	0	0,0	4	10,8	10	25,0	20	10,1	14	16,3
З	0	0,0	3	8,1	2	5,0	9	4,5	5	5,8
СЗ	1	11,1	4	10,8	4	10,0	26	13,1	9	10,5
Всего	9	100,0	37	100,0	40	100,0	198	100,0	86	100,0

Таблица 71. Индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных
(по возрастным группам)

Ориентировки	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые		Младшая группа	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
С	0	0,0	8	16,3	2	3,6	10	3,1	10	8,8
СВ	0	0,0	4	8,2	2	3,6	11	3,4	6	5,3
В	2	22,2	6	12,2	10	17,9	59	18,3	18	15,8
ЮВ	4	44,4	13	26,5	15	26,8	53	16,5	32	28,1
Ю	1	11,1	11	22,4	20	35,7	130	40,4	32	28,1
ЮЗ	1	11,1	5	10,2	4	7,1	39	12,1	10	8,8
З	0	0,0	1	2,0	1	1,8	12	3,7	2	1,8
СЗ	1	11,1	1	2,0	2	3,6	8	2,5	4	3,5
Итого	9	100,0	49	100,0	56	100,0	322	100,0	114	100,0
Не ясно	4	—	6	—	1	—	20	—	11	—
Всего	13	—	55	—	57	—	342	—	125	—

Таблица 72. Индивидуальные погребения. Количество погребений с основными категориями инвентаря (по возрастным группам)

Инвентарь	Возрастная группа							
	Младенцы		Дети		Подростки		Взрослые	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Посуда	13	100,0	31	56,4	30	52,6	203	59,3
Курильницы	3	23,1	15	27,3	14	24,6	85	24,9
Ножи	0	0,0	2	3,6	10	17,5	80	23,4
Стержни	0	0,0	3	5,5	5	8,8	68	19,9
Жаровни	1	7,7	3	5,5	1	1,8	15	4,4
Деревянная посуда	0	0,0	0	0,0	1	1,8	16	4,7
Каменные топоры/булавы	0	0,0	1	1,8	0	0,0	6	1,8
Крюки	0	0,0	0	0,0	1	1,8	12	3,5
Тесла	0	0,0	0	0,0	0	0,0	9	2,6
Долота	0	0,0	0	0,0	0	0,0	9	2,6
Иглы	0	0,0	0	0,0	0	0,0	4	1,2
Песты	0	0,0	0	0,0	2	3,5	33	9,6
Ступки/наковальни	0	0,0	0	0,0	0	0,0	16	4,7
Кости животных	3	23,1	7	12,7	9	15,8	35	10,2
Каменное оружие	0	0,0	1	1,8	1	1,8	11	3,2
Каменные орудия/предметы	3	23,1	2	3,6	5	8,8	62	18,1
Костяные орудия/предметы	3	23,1	11	20,0	17	29,8	32	9,4
Красная краска	5	38,5	12	21,8	8	14,0	49	14,3
Повозки	0	0,0	0	0,0	4	7,0	14	4,1
Украшения (бусы, пронизи)	6	46,2	14	25,5	16	28,1	76	22,2
Височные кольца	0	0,0	2	3,6	2	3,5	16	4,7
Число погребений	13		55		57		342	

Таблица 73. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Соотношение основных и впускных погребений

Вид комплекса	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
Основные	16	19,3	22	23,4
Впускные	67	80,7	72	76,6
Итого	83	100,0	94	100,0
Не ясно	4	—	1	—
Всего	87	—	95	—

Таблица 74. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Уровень заглубленности дна входных шахт катакомб и могильных ям

Уровень	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
В материке	76	88,4	89	94,7
Выше материка	10	11,6	6	6,4
Итого	86	100,0	95	100,0
Не ясно	1	—	0	—
Всего	87	—	95	—

Таблица 75. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Основные виды могильных сооружений

Могильные сооружения	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
Катакомбы	43	58,1	63	72,4
Ямы/ящики	31	41,9	24	27,6
Итого	74	100,0	87	100,0
Не ясно	13	—	8	—
Всего	87	—	95	—

Таблица 76. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Место в кургане (центральная часть, полы)

Место в кургане	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
В центре над основным	4	7,5	0	0,0
В центре рядом с основным	8	15,1	8	12,5
В полах ($L \geq 3\text{м}$)	41	77,4	56	87,5
Итого	53	100,0	64	100,0
Не ясно	14	—	8	—
Всего	67	—	72	—

Таблица 77. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Ориентировки погребенных

Ориентировки	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
С	6	7,3	2	2,1
СВ	2	2,4	4	4,3
В	16	19,5	21	22,3
ЮВ	8	9,8	9	9,6
Ю	33	40,2	46	48,9
ЮЗ	12	14,6	5	5,3
З	2	2,4	5	5,3
СЗ	3	3,7	2	2,1
Итого	82	100,0	94	100,0
Не ясно	5	—	1	—
Всего	87	—	95	—

Таблица 78. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Место в кургане впускных погребений (по секторам)

Место в кургане	Впускные погребения в полах			
	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
С	5	12,2	2	3,6
СВ	9	22,0	14	25,0
В	10	24,4	8	14,3
ЮВ	5	12,2	11	19,6
Ю	2	4,9	4	7,1
ЮЗ	5	12,2	5	8,9
З	1	2,4	1	1,8
СЗ	4	9,8	11	19,6
Всего	41	100,0	56	100,0

Таблица 79. Индивидуальные погребения мужчин и женщин. Количество погребений с основными категориями инвентаря

Инвентарь	Группы индивидуальных погребений			
	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
Посуда	58	66,7	59	62,1
Курильницы	25	28,7	36	37,9
Ножи	33	37,9	25	26,3
Стержни	21	24,1	28	29,5
Жаровни	4	4,6	6	6,3
Деревянная посуда	7	8,0	5	5,3
Каменные топоры/булавы	5	5,7	0	0,0
Крюки	5	5,7	3	3,2
Тесла	5	5,7	2	2,1
Долота	4	4,6	3	3,2
Иглы	1	1,1	3	3,2
Песты	17	19,5	7	7,4
Ступки/наковальни	11	12,6	4	4,2
Кости животных	15	17,2	7	7,4
Каменное оружие	9	10,3	1	1,1
Каменные орудия/предметы	25	28,7	19	20,0
Костяные орудия/предметы	16	18,4	10	10,5
Красная краска	18	20,7	11	11,6
Повозки	7	8,0	5	5,3
Украшения (бусы, пронизи)	21	24,1	37	38,9
Височные кольца	1	1,1	8	8,4
Число погребений	87	100,0	95	100,0

Таблица 80. Совместные синхронные погребения. Количественный и возрастной состав погребенных

Возрастной состав погребенных	Группа совместных погребений	Число	%	Место в кургане		
				основные	впускные	не ясно
	2 индивида					
Младенец + взрослый	A	11	17,2	1	10	0
2 ребенка	—	2	3,1	0	2	0
Ребенок + подросток	D	3	4,7	1	2	0
Ребенок + взрослый	B	17	26,6	3	14	0
2 подростка	D	5	7,8	0	4	1
Подросток + взрослый	D	4	6,3	1	3	0
2 взрослых	C	16	25,0	1	13	2
	3 индивида					
2 младенца + взрослый	A	1	1,6	0	1	0
2 взрослых + младенец	A	1	1,6	0	1	0
2 ребенка + подростка	D	1	1,6	0	1	0
Ребенок + взрослый/ подросток + взрослый	B	1	1,6	0	1	0
	4 индивида					
3 младенца + взрослый	A	1	1,6	0	1	0
Младенец + ребенок + 2 взрослых	B	1	1,6	0	1	0
Всего		64	100,0	7	54	3

Таблица 81. Совместные синхронные погребения. Соотношение основных и впускных комплексов в группах А–D

Группы совместных погребений	Основные		Впускные		Не ясно	Итого
	число	%	число	%		
A	1	7,1	13	92,9	0	14
B	3	15,8	16	84,2	0	19
C	1	7,1	13	92,9	2	16
D	2	16,7	10	83,3	1	13
Всего	7	11,9	52	88,1	3	62

Таблица 82. Совместные синхронные погребения. Уровень заглубленности дна входных шахт катакомб и могильных ям в группах А–D

Группы совместных погребений	В материке		Выше материка		Не ясно	Итого
	число	%	число	%		
A	11	84,6	2	15,4	1	14
B	17	89,5	2	10,5	0	19
C	14	87,5	2	12,5	0	16
D	12	92,3	1	7,7	0	13
Всего	54	88,5	7	11,5	1	62

Таблица 83. Совместные синхронные погребения. Соотношение видов могильных конструкций в группах А–D

Группы совместных погребений	Катакомбы		Ямы/ящик		Не ясно	Итого
	число	%	число	%		
A	5	41,7	7	58,3	2	14
B	9	52,9	8	47,1	2	19
C	6	46,2	7	53,8	3	16
D	8	72,7	3	27,3	2	13
Всего	28	52,8	25	47,2	9	62

Таблица 84. Совместные синхронные погребения. Положение останков в двойных погребениях. Группа А*

Вид сооружения	Положение взрослого	Положение младенца	Положение младенца			Итого
			левое латеральное	дорзальное	не ясно	
Катакомба	Левое латеральное	П** перед взрослым	1	1		2
Яма	Левое латеральное	П перед взрослого	1	3		4
Катакомба	Левое латеральное	П сзади взрослого	1			1
Катакомба	Левое латеральное	Т*** в ногах взрослого		1		1
Яма	Левое латеральное	Рядом			1	1
Яма	Парциальное	Рядом		1		1
Не ясно	Парциальное	Рядом			1	1
Всего			3	6	2	11

* В группу А входят также 3 погребения: ВР III к. 21 п. 15 – в яме, взрослый (мужчина) лежал скорченно на левом боку, останки 2 детей в ногах у взрослого (1,5 лет и «новорожденный») разрушены; Лола I к. 04 п. 08 – в катакомбе, парциальное захоронение 2 взрослых (мужчины и женщины?) и труположение ребенка (до 2-х лет) скорченно на левом боку перед останками женщины; ВР I к. 03 п. 03 – в яме (?), мужской скелет лежал скорченно на левом боку, за его спиной – два младенца в возрасте 1–2 лет (друг за другом), оба на левом боку, скорченно; в ногах у взрослого, перпендикулярно ему – ребенок «грудного возраста» (скорченно?).

** П – параллельное расположение тел.

*** Т – перпендикулярное расположение тел.

Таблица 85. Совместные синхронные погребения. Положение останков в двойных погребениях. Группа В*

Вид сооружения	Положение взрослого	Положение ребенка относительно взрослого	Положение ребенка				Итого
			левое латеральное	правое латеральное	дорзальное	не ясно	
Катакомба	Левое латеральное	П перед взрослым	3	2			5
Катакомба	Левое латеральное?	П перед взрослым?	1?				1**
Яма	Левое латеральное	П перед взрослым	3	1	2		6
Не ясно	Левое латеральное	П перед взрослым		1			1
Катакомба	Левое латеральное	П сзади взрослого	1				1
Яма	Левое латеральное	П сзади взрослого	1				1
Катакомба	Левое латеральное	П в ногах взрослого	1				1
Не ясно	Разрушен	Не ясно				1	1
Всего			8	4	2	1	17

* В группу В входят также 2 погребения: Гр-І к. 11 п. 06 в катакомбе, два скелета взрослых, между ними скелеты младенца и ребенка. Большой по размеру скелет взрослого лежал на левом боку, меньший – рядом с первым, напротив него, на правом. Между погребенными, на уровне головы – груди, останки младенца (головой рядом с головами взрослых, поза не устанавливается из-за разрушений). Скелет ребенка в позе на левом боку находился в ногах у взрослых, располагался под углом ко взрослым, череп его покоился на коленях первого скелета. Ч-ІІ к. 16 п. 13 – в яме, погребение взрослого и взрослого или подростка, лежавшими скорченно на левом боку (младший перед старшим), в ногах у них, перпендикулярно был положен ребенок, также скорченно на левом боку.

** В комплексе ВМЛ-І к. 36 п. 04 указанное в тексте положение погребенных на левом боку не вполне подтверждается рисунком, где, скорее, представлена поза «на спине, скорченно».

Таблица 86. Совместные синхронные погребения. Положение останков в двойных погребениях. Группа С

Вид сооружения	Положение взрослых				Итого
	относительно друг друга	левое латеральное	правое латеральное	левое + правое латеральное	
Катакомба	П один за другим	2			2
Яма	П один за другим	3			3
Ящик	П один за другим	1			1
Яма	П лицом друг ко другу			2	2
Не ясно	П лицом друг ко другу			1	1
Катакомба	Один парциально	2	1		3
Яма	Один парциально	1			1
Не ясно	Один парциально	1			1
Катакомба	Т друг другу, оба парциально*	1			1
Не ясно	П лицом/спиной друг к другу, головой в противоположных направлениях			1	1
Всего		11	1	4	16

* В комплексе Ерп к. 03 п. 04 положение останков обоих погребенных имитирует позу «на левом боку».

Таблица 87. Совместные синхронные погребения. Положение останков в двойных погребениях. Группа D*

Вид сооружения	Положение подростка				Итого
	относительно друг друга	левое латеральное	правое латеральное	не ясно	
	со взрослым (левое латеральное)				
Катакомба	II перед взрослым	1			1
Катакомба	II сзади взрослого	1			1
Яма	II лицом ко взрослому		1		1
Катакомба	II лицом ко взрослому, головой в противоположных направлениях	1			1
	с подростком (левое латеральное)				
Катакомба	II перед старшим	1			1
Катакомба	II сзади старшего	1			1
Яма	II лицом к старшему		1		1
Катакомба	II друг за другом	1			1
Не ясно	II спиной друг к другу, головой в противоположных направлениях	1			1
	с ребенком (левое латеральное)				
Катакомба	II сзади ребенка	1			1
Яма	II лицом к ребенку		1		1
Не ясно				1	1
Всего		8	3	1	12

* В группу D входит также комплекс ВР-III к. 05 п. 02: в катакомбе скорченно на левом боку находилось 3 индивидуума — подросток (до 13 лет), в ногах у которого перпендикулярно и спиной к нему лежали скорченно на левом боку (младший перед старшим) двое детей (возраст 2—4 года и 5—6 лет).

Таблица 88. Совместные синхронные погребения. Определения пола и возраста погребенных групп А и В (антрополог Г.П. Романова)

Группа	Комплекс	Взрослые		Дети		
		пол	возраст	1 ребенок	2 ребенок	3 ребенок
А	ВР-I к. 03 п. 03	м	?	1—2 года	1—2 года	«грудной»
А	ВР-III к. 21 п. 15	м	?	1,5 года	«новорожденный»	—
А	Ч-II к. 18 п. 09	ж	?	младенец	—	—
А	Ч-IX к. 01 п. 04	м	Maturus-Senilis	3—9 месяцев	—	—
А	Ч-VIII к. 12 п. 01	ж	Adultus-Maturus	«грудной»	—	—
В	ВР-I к. 07 п. 08	м	старше 55 лет	4—5 лет	5—6 лет	—
В	Спас к. 01 п. 08	ж?	Adultus	inf 1	—	—

Таблица 89. Совместные синхронные погребения. Определения пола и возраста погребенных (группа С)

№ п/п	Комплекс	Определения археолога		Определения антрополога	
		Пол	Возраст	Пол	Возраст
1	ВМЛ-I к. 07 п. 05	м+ж	?+?	—	—
2	ВМЛ-I к. 22 п. 06	м+взр.	?+?	—	—
3	ВМЛ-I к. 50 п. 03	взр.+ж	молод.+молод.	—	—
4	ВМЛ-II к. 23 п. 03	взр.+ж	?+?	—	—
5	ВМЛ-II к. 37 п. 06	взр.+взр.	юн.+юн.	—	—
6	Гр-I к. 03 п. 02	—	—	м?+?	>45 лет + 20–25 лет
7	Гр-I к. 08 п. 02	взр.+взр.	?+?		
8	Ерг к. 03 п. 04	взр.+ж	?+молод.	—	—
9	Лола-I к. 04 п. 07	м+ж	оба средних лет		
10	СП-I к. 03 п. 05	—	—	м+ж	40–50 лет + 40–50 лет
11	ЦУ-IV к. 01 п. 05	—	—	м+м	45–55 лет + 45–55 лет
12	ЦУ-IV к. 01 п. 06	—	—	м+м?	55 лет + Senilis
13	Ч-IX к. 05 п. 05	—	—	м?+ж?	Juvenis + Juvenis
14	Ч-V к. 02 п. 01	взр.+взр.	?+?	—	—
15	Ч-VI к. 02 п. 09	м+ж	?+?	—	—
16	Ч-VIII к. 09 п. 03			м+ж	Adultus-Maturus + Juvenis

Таблица 90. Совместные синхронные погребения. Количество погребений с различными категориями инвентаря в группах А–D

Инвентарь	Группы совместных синхронных погребений							
	А		В		С		D	
	число	%	число	%	число	%	число	%
Посуда	14	100,0	10	52,6	13	81,3	11	84,6
Курильницы	5	35,7	5	26,3	6	37,5	6	46,2
Ножи	7	50,0	4	21,1	6	37,5	3	23,1
Стержни	7	50,0	1	5,3	6	37,5	2	15,4
Жаровни	0	0,0	1	5,3	0	0,0	0	0,0
Каменные топоры/булавы	0	0,0	0	0,0	1	6,3	0	0,0
Деревянная посуда	0	0,0	2	10,5	0	0,0	0	0,0
Крюки	3	21,4	0	0,0	1	6,3	1	7,7
Тесла	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Долота	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Иглы	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Песты	2	14,3	2	10,5	2	12,5	0	0,0
Ступки/наковальни	0	0,0	0	0,0	1	6,3	0	0,0
Кости животных	4	28,6	2	10,5	2	12,5	1	7,7
Каменное оружие	1	7,1	0	0,0	2	12,5	1	7,7
Каменные орудия/предметы	6	42,9	3	15,8	4	25,0	0	0,0
Костяные орудия/предметы	3	21,4	4	21,1	1	6,3	7	53,8
Красная краска	4	28,6	2	10,5	5	31,3	5	38,5
Повозки	2	14,3	0	0,0	3	18,8	0	0,0
Украшения (бусы, пронизи)	8	57,1	9	47,4	5	31,3	7	53,8
Височные кольца	3	21,4	0	0,0	1	6,3	0	0,0
Число погребений	14	100,0	19	100,0	16	100,0	13	100,0

Таблица 91. Способ укладки эскарнированных останков в индивидуальных погребениях

№	SITE	KURG	BURIAL	AGE	POSE	ORI
1	ВМЛ-I	к. 13	п. 01	4	П/«на спине»	В
2	ВМЛ-I	к. 40	п. 02	4	П	Ю
3	ВМЛ-I	к. 42	п. 08	4	П/ «левый бок»	ЮВ
4	ВМЛ-I	к. 46	п. 01	4	П/«куча»?	н
5	ВМЛ-I	к. 51	п. 01	4	П/«куча»?	н
6	ВМЛ-II	к. 12	п. 03	4	Лицевая часть черепа	н
7	Ч-V	к. 03	п. 01	3	П	Ю
8	Ч-VI	к. 02	п. 02	4	П/«левый бок»	Ю
9	Ч-VIII	к. 21	п. 01	4	П	Ю
10	Эл	к. 10	п. 05	4	П	Ю
11	Эл	к. 11	п. 01	4	П/«куча»?	н
12	Ч-III	к. 02	п. 04	2	1 фаланга	0
13	Ч-VIII	к. 13	п. 03	2	Несколько фаланг	0

Условные обозначения:

SITE (памятник); KURG (курган); BURIAL (погребение); AGE (возраст): 2 – ребенок, 3 – подросток, 4 – взрослый; POSE (способ укладки): П – «пакет»; ORI (ориентировка по черепу): 0 – отсутствие признака, н – значение признака неясно.

В некоторых полях таблиц 91–100 сохранены названия и кодировка базы данных.

Таблица 92. Состав эскарнированных останков в индивидуальных погребениях

№	SITE	KURG	BURIAL	SKULL	L/JAW	PELV	EXTREM
1	ВМЛ-I	к. 13	п. 01	1	н	1	1
2	ВМЛ-I	к. 40	п. 02	1	0	1	1
3	ВМЛ-I	к. 42	п. 08	1	0	1	1
4	ВМЛ-I	к. 46	п. 01	1	0	0	1
5	ВМЛ-I	к. 51	п. 01	1	0	0	1
6	ВМЛ-II	к. 12	п. 03	1	0	0	0
7	Ч-V	к. 03	п. 01	1	0	1	1
8	Ч-VI	к. 02	п. 02	1	н	1	1
9	Ч-VIII	к. 21	п. 01	1	0	0	1
10	Эл	к. 10	п. 05	1	1	1	1
11	Эл	к. 11	п. 01	0	0	0	1
12	Ч-III	к. 02	п. 04	0	0	0	0
13	Ч-VIII	к. 13	п. 03	0	0	0	0

Условные обозначения:

SKULL (наличие черепа); L/JAW (наличие нижней челюсти); PELV (наличие костей таза); EXTREM (наличие длинных костей конечностей): 1 – наличие, 0 – отсутствие, н – неясно.

Таблица 93. Особенности могильных конструкций индивидуальных погребений с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	TYPE	PORI	ENTR	SQW
1	ВМЛ-I	к. 13	п. 01	1	По странам света	Ю	1,76
2	ВМЛ-I	к. 40	п. 02	2	С–Ю	0	4,60
3	ВМЛ-I	к. 42	п. 08	1	По диагональным направлениям	СВ	1,96
4	ВМЛ-I	к. 46	п. 01	1	С–Ю	В	1,68
5	ВМЛ-I	к. 51	п. 01	1	С–Ю	3	2,08
6	ВМЛ-II	к. 12	п. 03	2	В–З	0	1,80
7	Ч-V	к. 03	п. 01	1	С–Ю	В	1,82
8	Ч-VI	к. 02	п. 02	2	С–Ю	0	2,06
9	Ч-VIII	к. 21	п. 01	2	н	0	н
10	Эл	к. 10	п. 05	1	По странам света	3	3,60
11	Эл	к. 11	п. 01	2	В–З	0	1,08
12	Ч-III	к. 02	п. 04	1	СВ–ЮЗ	ЮВ	0,95
13	Ч-VIII	к. 13	п. 03	н	н	н	н

Условные обозначения:

TYPE (вид могильной конструкции): 1 – катакомба, 2 – яма; PORI (ориентировка входной шахты/ямы; ENTR (ориентировка входа, взгляд из шахты); SQW (площадь входной шахты/ямы, м): 0 – отсутствие признака; н – значение признака неясно.

Таблица 94. Инвентарь индивидуальных погребений с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	Cens	VessT	StTools	DecM
1	ВМЛ-I	к. 13	п. 01		2		
2	ВМЛ-I	к. 40	п. 02	1			
3	ВМЛ-I	к. 42	п. 08				
4	ВМЛ-I	к. 46	п. 01		2		
5	ВМЛ-I	к. 51	п. 01	1			
6	ВМЛ-II	к. 12	п. 03				
7	Ч-V	к. 03	п. 01	1	2		
8	Ч-VI	к. 02	п. 02		4	1	2
9	Ч-VIII	к. 21	п. 01		44457		
10	Эл	к. 10	п. 05				
11	Эл	к. 11	п. 01			1	
12	Ч-III	к. 02	п. 04				
13	Ч-VIII	к. 13	п. 03	1			3

Условные обозначения:

Cens (ритуальные сосуды): 1 – курильница; VessT (вид керамического сосуда): 2 – чугуновидный горшок, 4 – кувшин или кружка, 5 – «амфора» 2-ручная, 7 – миска; StTools (каменные орудия/предметы): 1 – пест; DecM (материал украшений): 2 – фаянс, 3 – кость.

Таблица 95. Особенности размещения индивидуальных погребений с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	LOC	VEC	KURG Found	EM Total N	EM Subsoil N
1	ВМЛ-I	к. 13	п. 01	1	0	1	1	1
2	ВМЛ-I	к. 40	п. 02	1	0	1	2	2
3	ВМЛ-I	к. 42	п. 08	2	CB	2	3	2
4	ВМЛ-I	к. 46	п. 01	1	0	1	2	2
5	ВМЛ-I	к. 51	п. 01	2	ЮВ	1	2	2
6	ВМЛ-II	к. 12	п. 03	2	0	1	4	4
7	Ч-V	к. 03	п. 01	2	3	2	2	2
8	Ч-VI	к. 02	п. 02	2	В	2	3	2
9	Ч-VIII	к. 21	п. 01	2	0	2	2	2
10	Эл	к. 10	п. 05	2	CB	2	4	1
11	Эл	к. 11	п. 01	2	В	2	2	2
12	Ч-III	к. 02	п. 04	н	н	1	3	2
13	Ч-VIII	к. 13	п. 03	н	н	1	3	3

Условные обозначения:

LOC (место погребения в кургане): 1 — основное, 2 — впускное; VEC (сектор кургана); KURG Found (время основания кургана): 1 — восточноманычское, 2 — довосточноманычское; EM Total N (число восточноманычских комплексов в кургане); EM Subsoil N (число восточноманычских комплексов в материке в кургане); 0 — отсутствие признака, н — значение признака неясно.

Таблица 96. Состав и расположение погребенных в совместных погребениях с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	AGE 1–2	SEX 1–2	POSE 1	POSE 2	POSE 2:1	ORI 1–2
1	ВМЛ-I	к. 22	п. 06	4 4	1 н	5	П/«на спине»	Перед, паралл.	В В
2	ВМЛ-II	к. 08	п. 12	1 4	0 н	1	Череп	Рядом?	3 0
3	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	4 4	3 н	5	П/«куча»?	Перед	Ю 0
4	Гр-I	к. 08	п. 02	4 4	н н	5	Череп, ребро, позвонок	В ногах, перпенд.	Ю В
5	Ерг	к. 03	п. 04	4 4	н 3	«5»	«5»	В ногах, перпенд.	ЮВ СВ
6	СП-I	к. 03	п. 05	4 4	1 3	5	П	Перед, паралл.	В В
7	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	4 4	1 2	4	П	Перед, паралл.	В В
8	Ч-VIII	к. 12	п. 01*	1 4	0 3	н	П	Рядом	н СВ

* В погребении Ч-VIII к. 12 п. 01 способ захоронения (труположение? эскарнация?) первого погребенного (младенца) не установлен.

Условные обозначения:

AGE (возраст погребенных по обряду труположения (1) и по обряду эскарнации (2)): 1 — младенец (ребенок раннего возраста), 4 — взрослый; SEX (пол погребенных по обряду труположения (1) и по обряду эскарнации (2)): 1 — мужчина, 2 — женщина?, 3 — женщина; POSE 1 (положение погребенного по обряду труположения): 1 — вытянуто на спине, 4 — скорченно на правом боку, 5 — скорченно на левом боку; POSE 2 (способ укладки эскарнированных костей): П — «пакет»; POSE 2:1 (положение второго погребенного относительно первого); ORI 1–2 (ориентировка погребенных); 0 — признак отсутствует, н — значение признака неясно.

Таблица 97. Состав эскарнированных останков в совместных погребениях

№	SITE	KURG	BURIAL	SKULL	L/JAW	PELV	EXTREM
1	ВМЛ-I	к. 22	п. 06	1	н	1	1
2	ВМЛ-II	к. 08	п. 12	1	0	0	0
3	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	1	0	0	1
4	Гр-I	к. 08	п. 02	1	н	0	0
5	Ерг	к. 03	п. 04	1	н	1	1
6	СП-I	к. 03	п. 05	1	н	1	1
7	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	1	0	1	1
8	Ч-VIII	к. 12	п. 01	1	0	1	1

Условные обозначения:

SKULL (наличие черепа); L/JAW (наличие нижней челюсти); PELV (наличие костей таза); EXTREM (наличие длинных костей конечностей): 1 — наличие, 0 — отсутствие, н — неясно.

Таблица 98. Особенности могильных конструкций совместных погребений с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	TYPE	PORI	ENTR	SQW
1	ВМЛ-I	к. 22	п. 06	1	По странам света	С	1,96
2	ВМЛ-II	к. 08	п. 12	2	С—Ю	0	1,80
3	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	2	С—Ю	0	3,00
4	Гр-I	к. 08	п. 02	н	н	н	н
5	Ерг	к. 03	п. 04	1	По диаг. направлениям	СВ	1,96
6	СП-I	к. 03	п. 05	1	С—Ю	С	3,92
7	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	1	С—Ю	С	4,04
8	Ч-VIII	к. 12	п. 01	н	н	н	н

Условные обозначения:

TYPE (вид могильной конструкции): 1 — катакомба, 2 — яма; PORI (ориентировка входной шахты/могильной ямы; ENTR (ориентировка входа, взгляд из шахты); SQW (площадь входной шахты/могильной ямы, м): 0 — отсутствие признака; н — значение признака неясно.

Таблица 99. Инвентарь совместных погребений с эскарнированными останками

№	SITE	KURG	BURIAL	Cens	VessT	KnN	AwN	StWeap	StTools	DecM
1	ВМЛ-I	к. 22	п. 06		2					
2	ВМЛ-II	к. 08	п. 12		нн	1	1			15
3	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	1	н	1	1			
4	Гр-I	к. 08	п. 02	1	24н					
5	Ерг	к. 03	п. 04		1144	1	2	3		2
6	СП-I	к. 03	п. 05	1					9	
7	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	1	48					
8	Ч-VIII	к. 12	п. 01		2					

Условные обозначения:

Cens (ритуальные сосуды): 1 — курильница; VessT (вид керамического сосуда): 1 — реповидный короткошейный горшок, 2 — чугунковидный короткошейный горшок, 4 — кувшин или кружка, 8 — воронка; KnN (количество бронзовых ножей); AwN (количество бронзовых стержней); StWeap (оружие из камня): 3 — кремневый наконечник стрелы; StTools (каменные орудия/предметы): 9 — два «куска» (отщепы?) кремня; DecM (материал украшений): 1 — бронза, 2 — фаянс, 5 — сердолик; 0 — отсутствие признака; н — значение признака неясно.

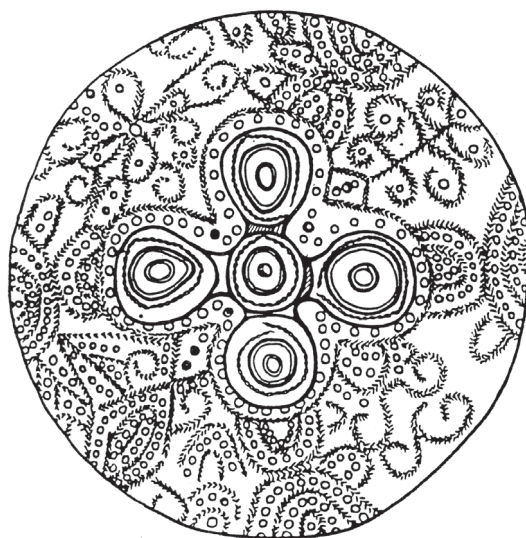
Таблица 100. Особенности размещения совместных погребений с эскарнированными останками

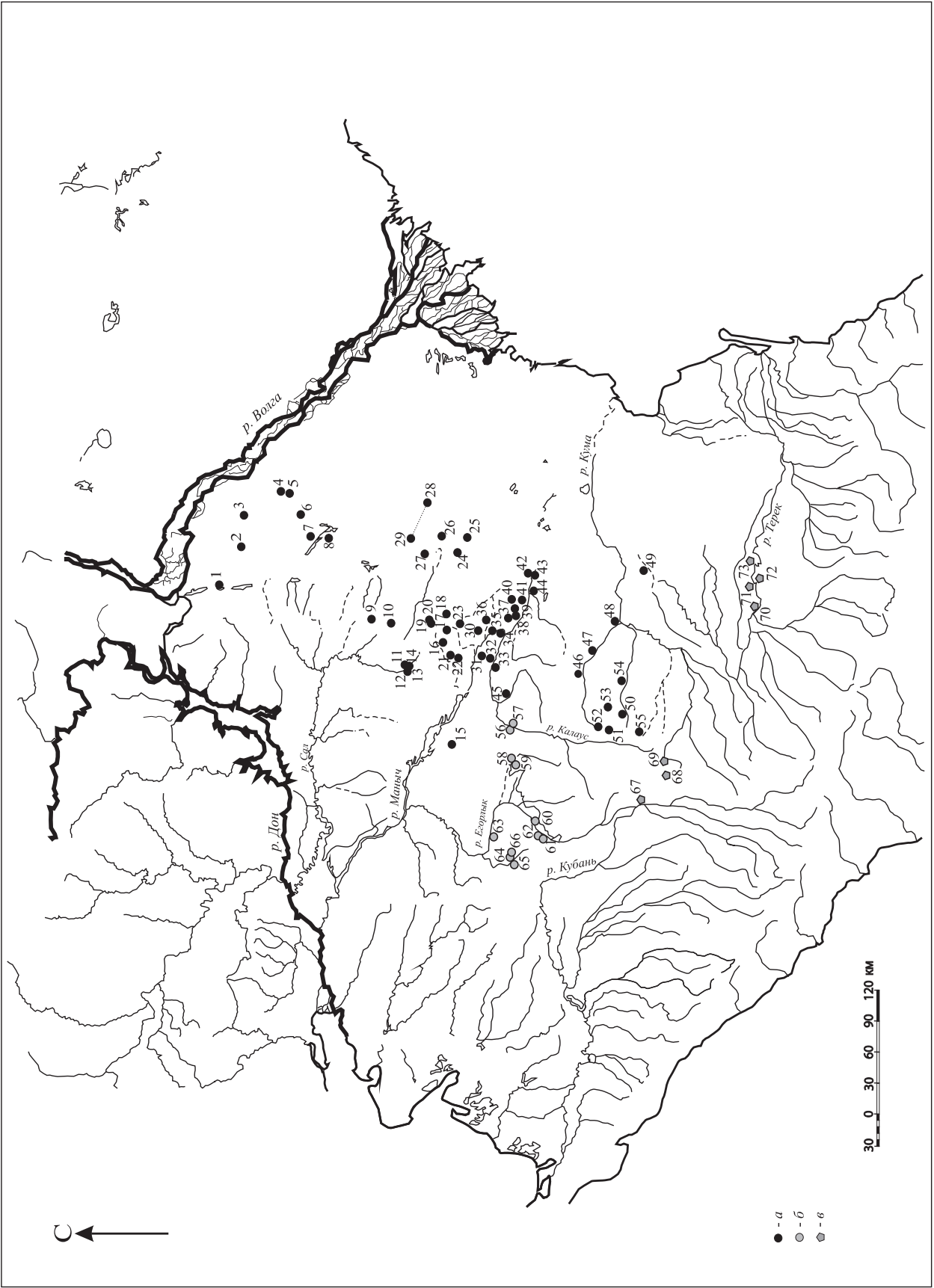
№	SITE	KURG	BURIAL	LOC	VEC	KURG Found	EM Total N	EM Subsoil N
1	ВМЛ-I	к. 22	п. 06	1	0	1	4	3
2	ВМЛ-II	к. 08	п. 12	2	ЮВ	1	11	4
3	ВМЛ-II	к. 23	п. 03	2	С	2	5	5
4	Гр-I	к. 08	п. 02	2	В	2	1	1
5	Ерг	к. 03	п. 04	2	ЮЗ	1	4	4
6	СП-I	к. 03	п. 05	2	В	2	1	1
7	ЦУ-IV	к. 01	п. 06	2	В	2	5	3
8	Ч-VIII	к. 12	п. 01	2	СВ	2	3	2

Условные обозначения:

LOC (место погребения в кургане): 1 — основное, 2 — впускное; VEC (сектор кургана); KURG Found (время основания кургана): 1 — восточноманычское, 2 — довосточноманычское; EM Total N (число восточноманычских комплексов в кургане); EM Subsoil N (число восточноманычских комплексов в материке в кургане); 0 — отсутствие признака, н — значение признака неясно.

Иллюстрации

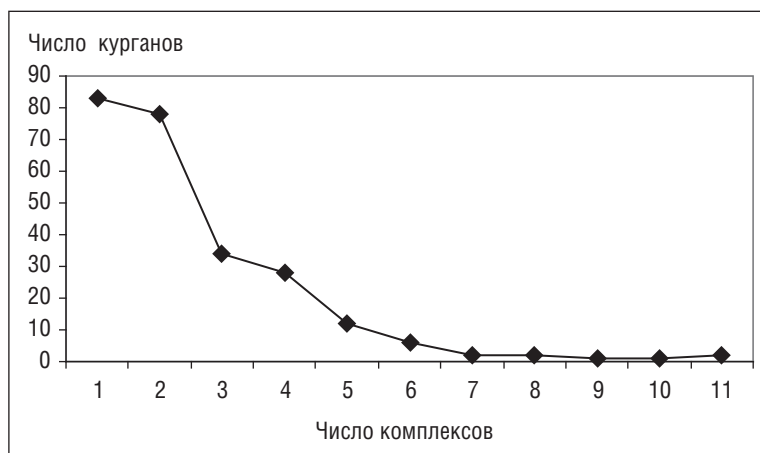

Илл. 1. Карта памятников восточноманьчжской катакомбной культуры: 1 — Цаца; 2 — Балкин; 3 — Кулцын-Толга; 4 — Улан-Толга; 5 — Ики-Зегиста; 6 — Иджил; 7 — Цаган-Нур; 8 — Эвдык; 9 — Ергенинский; 10 — Овата 5; 11 — Сухая Термиста I; 12 — Улан IV; 13 — Темрта I–VIII; 14 — Песчаный V; 15 — Бага-Бурул; 16 — Три Брата; 17 — Лола I, II; 18 — Архаринский; 19 — Элистинский; 20 — Гашунский; 21 — Бичкин Булук; 22 — Цаган Эльсин; 23 — Кермен-Толга; 24 — Улан Хееч; 25 — Цаган Усн III–VIII; 26 — Яшкуль I; 27 — Чилгир; 28, 29 — Канал Волга–Чограй (КВЧ 37–КВЧ 56); 30 — Хар-Зуха; 31 — Туркменский; 32 — Типки I–VI; 33 — Шарахалсун II–V; 34 — Дамба-Калаус; 35 — Островной; 36 — Кевюды; 37 — Улан-Зуха; 38 — Зунда Толга I–6; 39 — Чограйский; 40 — Му-Шарет I, 4; 41 — Манджикины I, 2; 42, 43 — Восточноманьчжские Правобережные и Левобережные могильники (1965–1967); 44 — Чограй I–IX; 45 — Айгурский I, 2; 46 — Сухая Падина I (Благодарный); 47 — Спасское; 48 — Буйвола; 49 — Бияш; 50 — Веселая Роша I–III, Жуковский I, II; 51 — Калиновский; 52 — Ореховка; 53 — Грушевка I, II; 54 — Китаевка; 55 — Красное Знамя I, II; 56 — Ипатово 3, 5; 6, 8; 57 — Барханчак 2; 58 — Золотарева 1–5; 59 — Золотарева 6, 7; 60 — Ильинский I; 61 — Птичь I, 2; 62 — Птичь 3; 63 — Красногвардейское; 64 — Рашеватский I, 2; 3, 5; 65 — Рашеватский 4; 66 — Успенский I, 2; 67 — Невинномысский I; 68 — Воровсколеская; 69 — Кунаковская; 70 — Чернорская; 71 — Троицкое; 72 — Киевское; 73 — Комарово

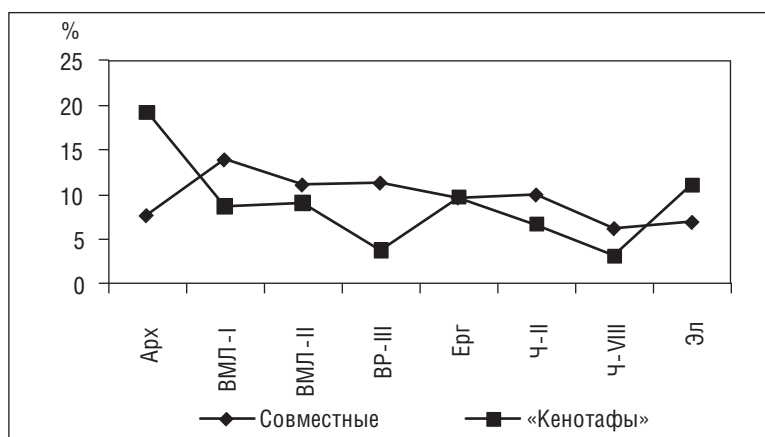
Условные обозначения: *a* — памятники, содержащие комплексы восточноманьчжской культуры; *b* — памятники, содержащие комплексы маньчжского круга; *в* — памятники, содержащие комплексы с некоторыми признаками восточноманьчжской традиции

Fig. 1. Map of East Manych Catacomb culture sites: 1 — Tsatsa; 2 — Balkin; 3 — Kuptyn-Tolga; 4 — Ulan-Tolga; 5 — Iki-Zegista; 6 — Idzhil; 7 — Tsagan Nur; 8 — Evdyk; 9 — Yergeninsky; 10 — Ovata 5; 11 — Sukhaya Termista I; 12 — Ulan IV; 13 — Temrta I–VIII; 14 — Peschany V; 15 — Baga-Burul; 16 — Tri Brata; 17 — Lola I, II; 18 — Arkharinsky; 19 — Elistinsky; 20 — Gashunsky; 21 — Bichkin Buluk; 22 — Tsagan Elsin; 23 — Kermen-Tolga; 24 — Ulan Kheech; 25 — Tsagan Usn III–VIII; 26 — Yashkul I; 27 — Chilgir; 28, 29 — Volga-Chogray Channel (VCC 37–VCC 56); 30 — Khar Zukha; 31 — Turkmeny; 32 — Tipki I–VI; 33 — Sharakhalsun II–V; 34 — Damba-Kalaus; 35 — Ostrovnoy; 36 — Kevyudy; 37 — Ulan-Zukha; 38 — Zunda Tolga I–6; 39 — Chogray; 40 — Mu-Sharet I, 4; 41 — Mandzhikiny I, 2; 42, 43 — East Manych (Pravoberezhny and Levoberezhny cemeteries, 1965–1967); 44 — Chogray I–IX; 45 — Aygursky I, 2; 46 — Sukhaya Padina I (Blagodarny); 47 — Spasskoye; 48 — Buyvola; 49 — Biyash; 50 — Veselaya Roshcha I–III, Zhukovsky I, II; 51 — Kalinovsky; 52 — Orekhovka; 53 — Grushevka I, II; 54 — Kitayevka; 55 — Krasnoye Znamya I, II; 56 — Ipatovo 3, 5; 6, 8; 57 — Barkhanchak 2; 58 — Zolotarevka 1–5; 59 — Zolotarevka 6, 7; 60 — Ilyinsky I; 61 — Ptichye I, 2; 62 — Ptichye 3; 63 — Krasnogvardeyskoye; 64 — Rasshevat'sky I, 2; 3, 5; 65 — Rasshevat'sky 4; 66 — Uspensky I, 2; 67 — Nevinnomyssky I; 68 — Vorovskoleskaya; 69 — Kunakovskaya; 70 — Chernoyarskaya; 71 — Troitskoye; 72 — Kievskoye; 73 — Komarovo

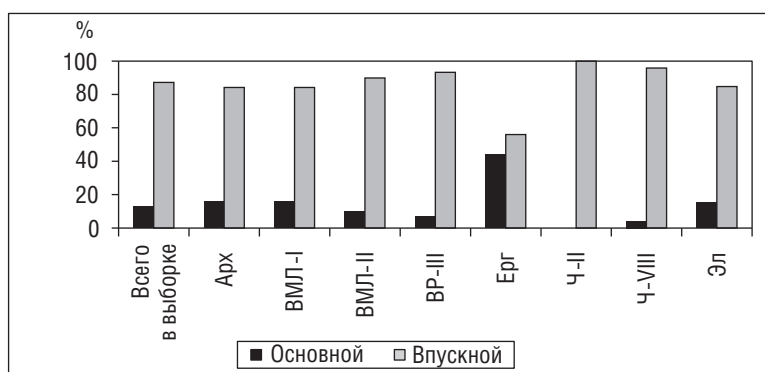
Илл. 2. Плотность распределения восточноманычских комплексов (индивидуальных и совместных погребений и «кенотафов») в курганах

Fig. 2. Density of East Manych assemblages (individual and collective burials and cenotaphs) in kurgans

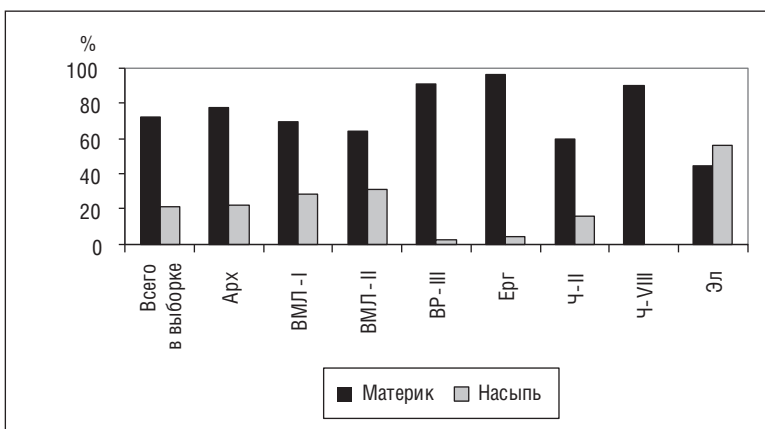
Илл. 3. Процент совместных погребений и «кенотафов» на памятниках

Fig. 3. Proportion of collective burials and cenotaphs at 8 representative burial sites

Илл. 4. Соотношение основных и впускных индивидуальных погребений на памятниках

Fig. 4. Proportion of central and dug-in individual burials at 8 representative burial sites

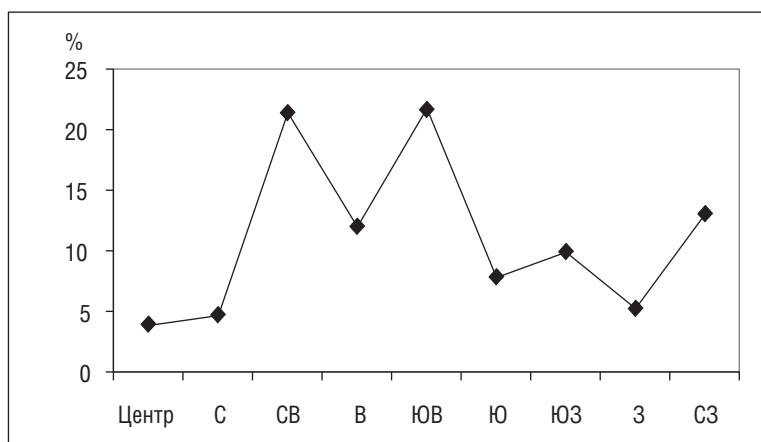

Илл. 5. Соотношение индивидуальных погребений в материке и насыпи на памятниках

Fig. 5. Proportion of individual burials located in the subsoil and in the kurgan mounds at 8 representative burial sites

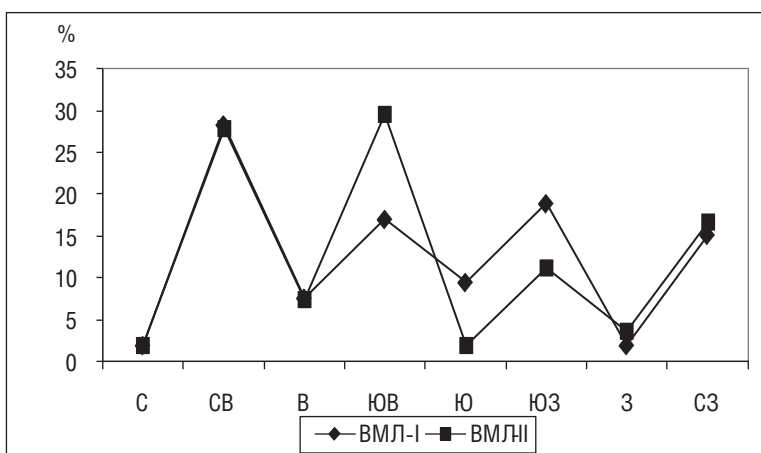
Илл. 6. Размещение впускных индивидуальных погребений в секторах курганов

Fig. 6. Distribution of dug-in individual burials by kurgan sectors

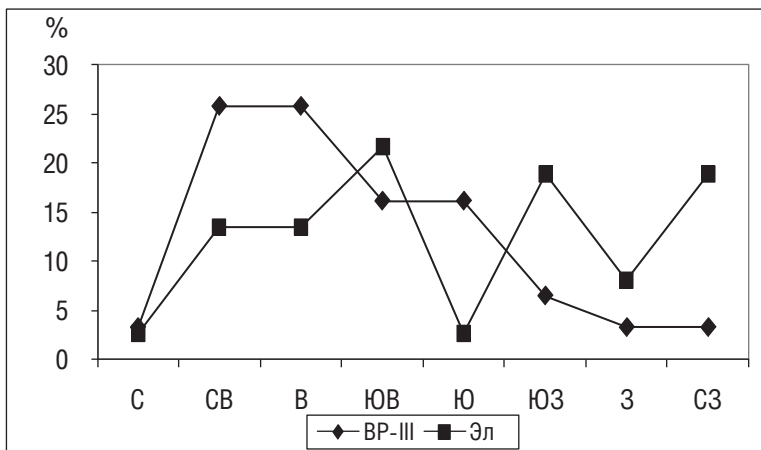
Илл. 7. Размещение индивидуальных погребений в секторах курганов памятников Восточноманычский Левобережный I и II

Fig. 7. Distribution of individual burials by kurgan sectors of East Manych Levoberezhny I and II burial sites

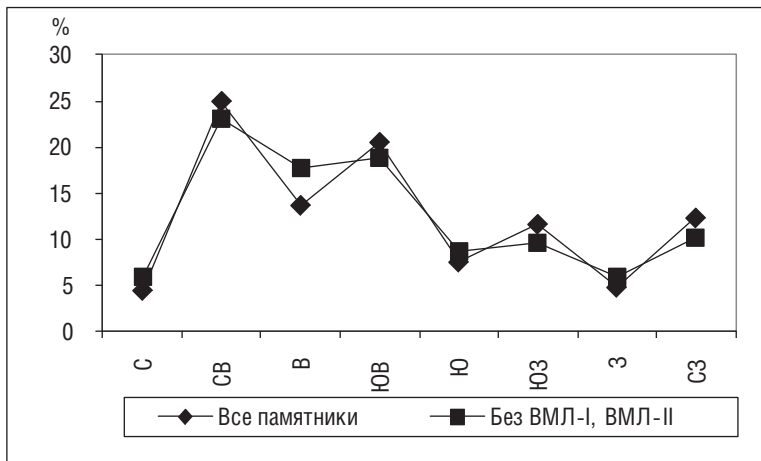
Илл. 8. Размещение индивидуальных погребений в секторах курганов памятников Веселая Роща III и Элистинский

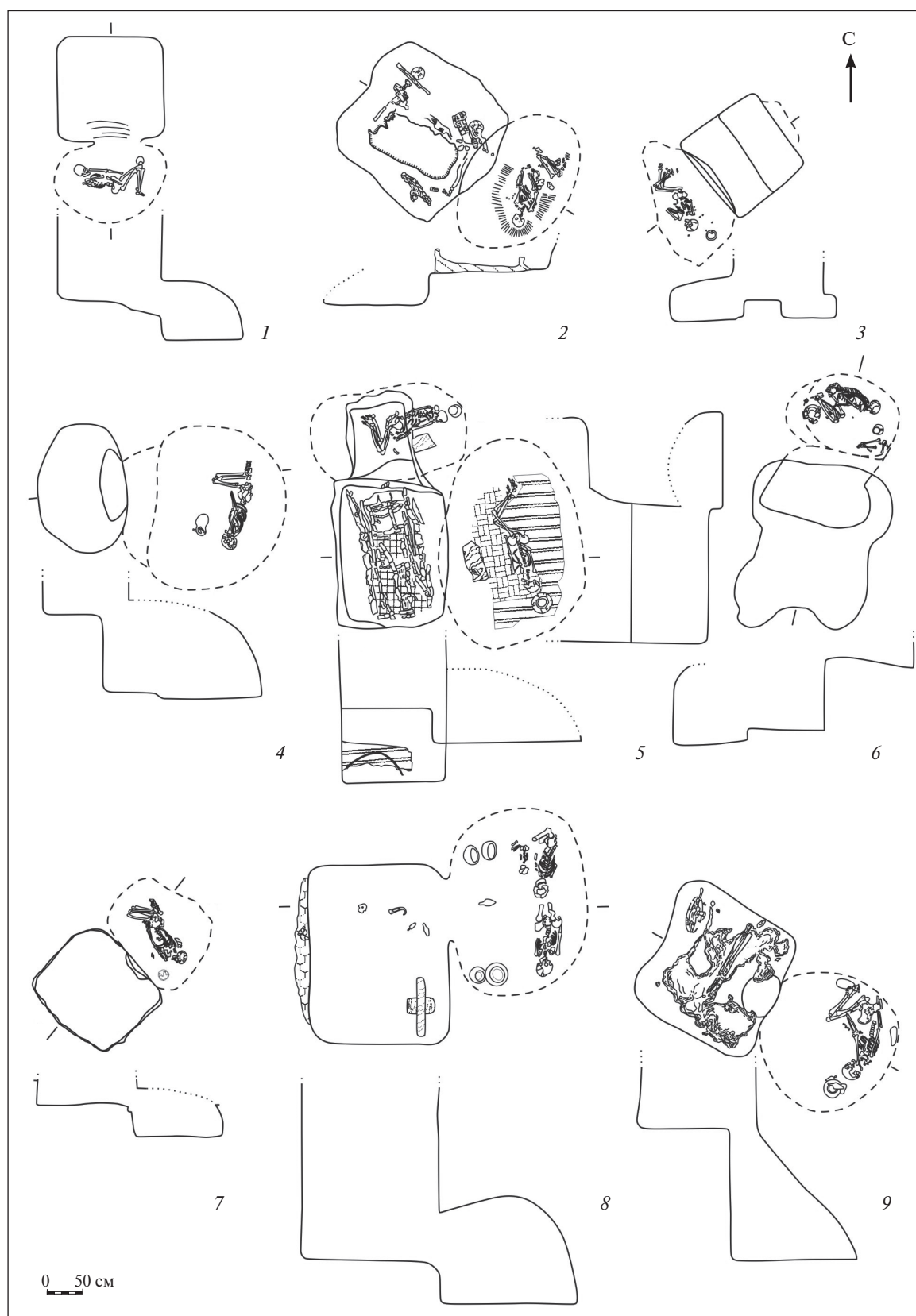
Fig. 8. Distribution of individual burials by kurgan sectors in Veselaya Roshcha III and Elistinsky burial sites

Илл. 9. Размещение индивидуальных погребений в секторах курганов полной и сокращенной выборки

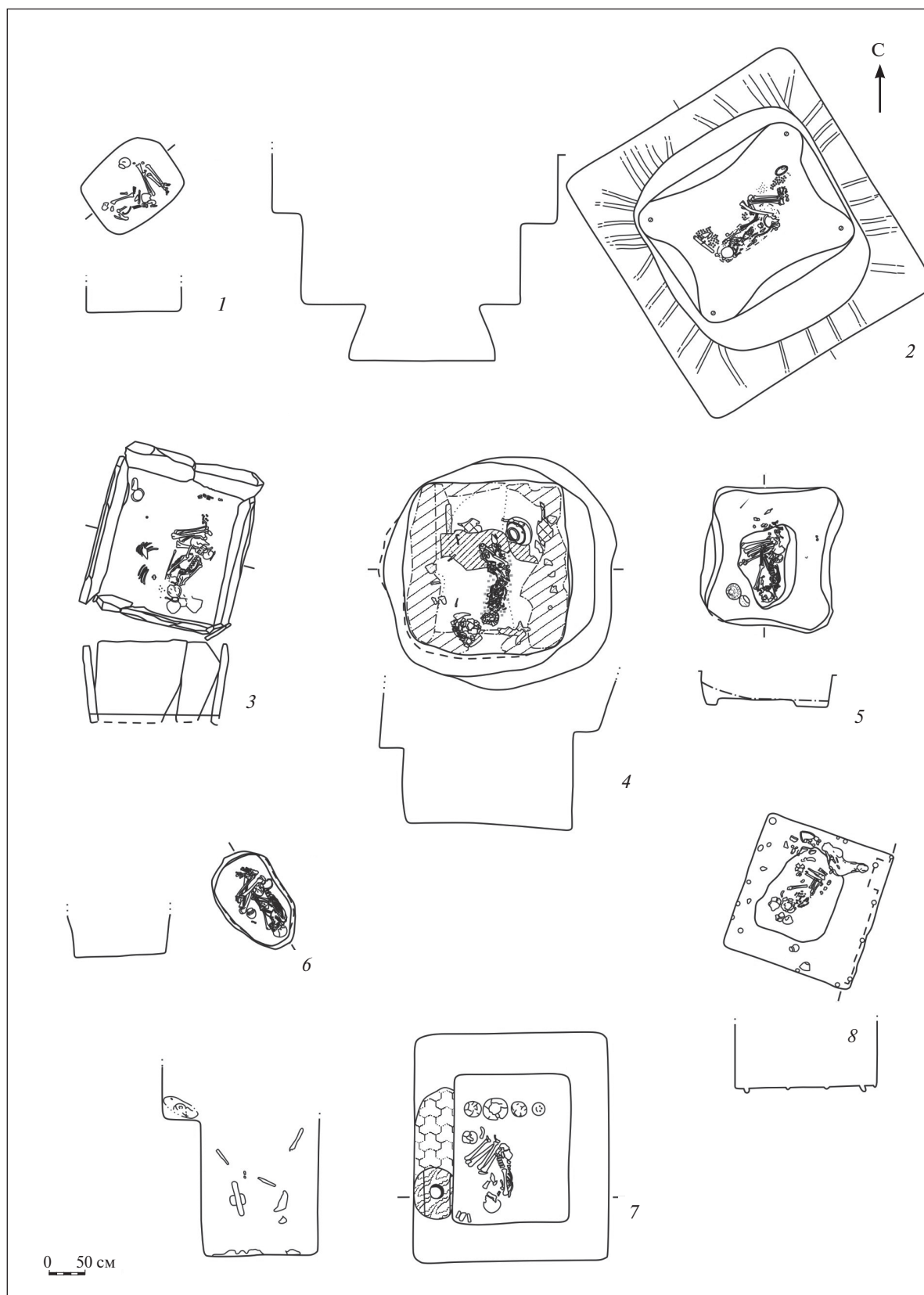
Fig. 9. Distribution of individual burials by kurgan sectors in general and reduced (without East Manych Levoberezhny I and East Manych Levoberezhny II burial sites) selections

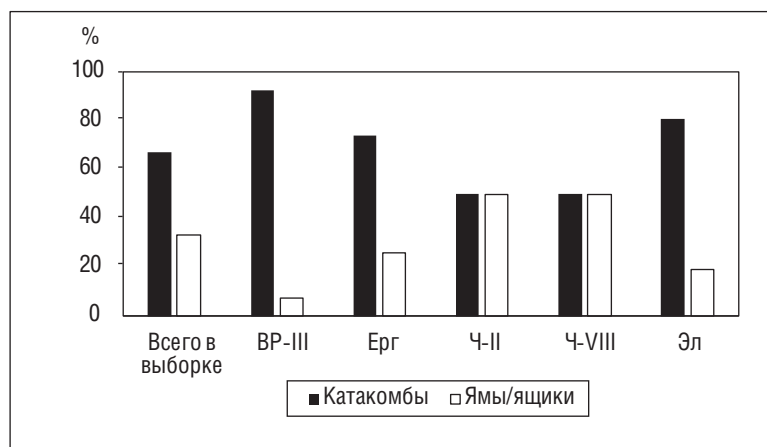
Илл. 10. Погребения в катакомбах: 1 – Лола I к. 15 п. 02; 2 – Веселая Роща III к. 15 п. 09; 3 – Чограй II к. 10 п. 03; 4 – Чограй VIII к. 30 п. 09; 5 – Веселая Роща III к. 23 п. 03; 6 – Чограй IX к. 03 п. 17; 7 – Веселая Роща III к. 04 п. 06; 8 – Лола I к. 04 п. 08; 9 – Чограй VIII к. 30 п. 02

Fig. 10. Catacomb burials: 1 – Lola I kurgan 15 burial 02; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 15 burial 09; 3 – Chogray II kurgan 10 burial 03; 4 – Chogray VIII kurgan 30 burial 09; 5 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 03; 6 – Chogray IX kurgan 03 burial 17; 7 – Veselaya Roshcha III kurgan 04 burial 06; 8 – Lola I kurgan 04 burial 08; 9 – Chogray VIII kurgan 30 burial 02

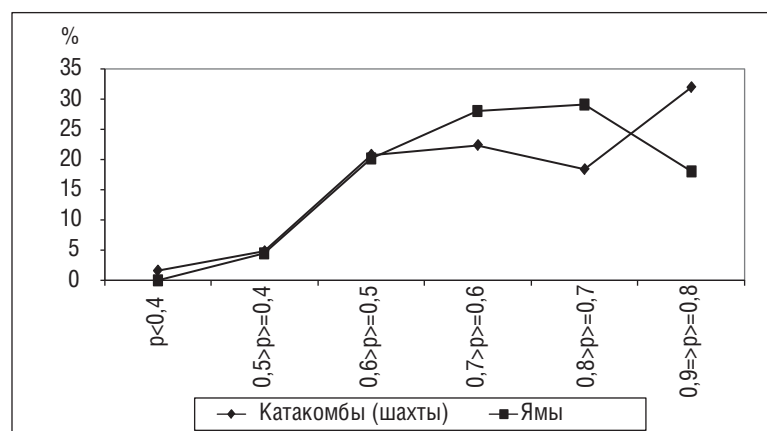
Илл. 11. Погребения в ямах и каменных ящиках: 1 – Чограй VIII к. 17 п. 02; 2 – Зунда Толга к. 01 п. 01; 3 – Грушевка II к. 01 п. 07; 4 – Веселая Роща III к. 21 п. 13; 5 – Чограй IX к. 09 п. 04; 6 – Чограй IX к. 09 п. 07; 7 – Архаринский к. 28 п. 05; 8 – Веселая Роща II к. 02 п. 09

Fig. 11. Burials in grave pits and stone cists: 1 – Chogray VIII kurgan 17 burial 02; 2 – Zunda-Tolga kurgan 01 burial 01; 3 – Grushevka II kurgan 01 burial 07; 4 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 13; 5 – Chogray IX kurgan 09 burial 04; 6 – Chogray IX kurgan 09 burial 07; 7 – Arkharinsky kurgan 28 burial 05; 8 – Veselaya Roshcha II kurgan 02 burial 09

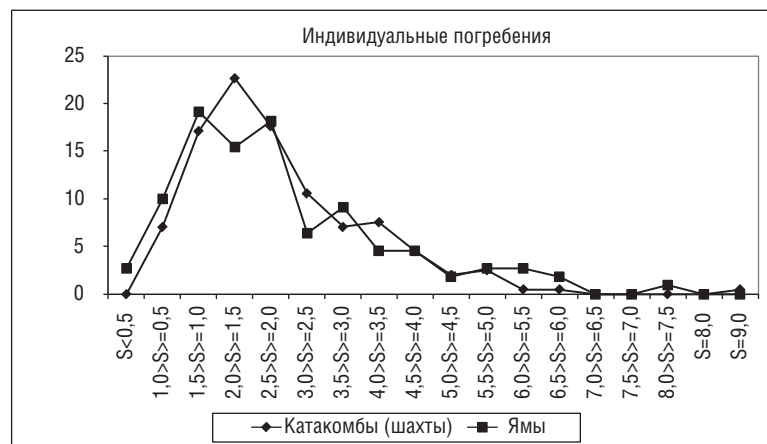
Илл. 12. Соотношение видов могильных сооружений индивидуальных погребений на памятниках

Fig. 12. Individual burials. Proportion of burial construction types at 8 representative burial sites

Илл. 13. Пропорции прямоугольных входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Fig. 13. Individual burials. Proportions of rectangular catacomb entrance passages and grave pits

Илл. 14. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Fig. 14. Individual burials. Area of catacomb entrance passages and grave pits

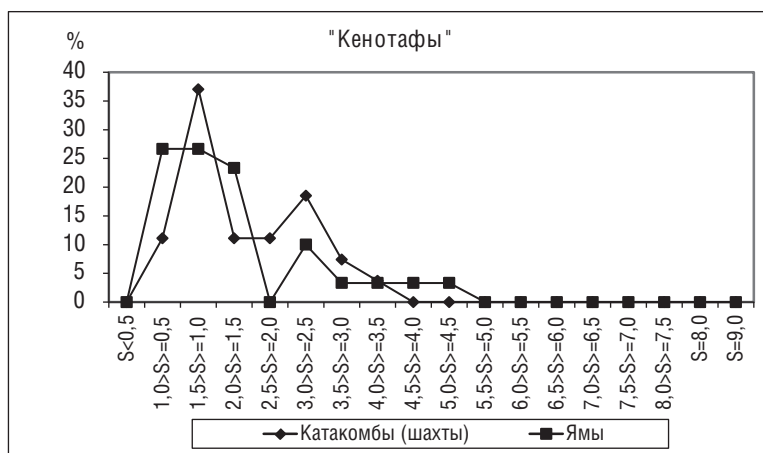

Илл. 15. Площадь входных шахт катакомб и могильных ям совместных погребений

Fig. 15. Collective burials. Area of catacomb entrance passages and grave pits

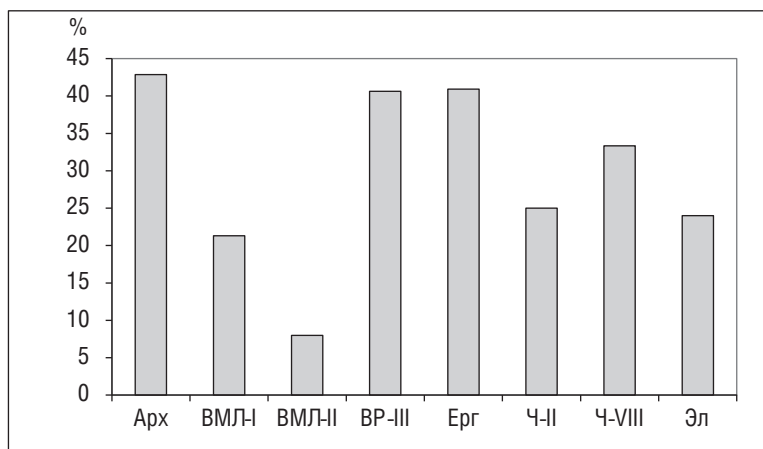
Илл. 16. Площадь входных шахт катакомб и ям «кенотафов»

Fig. 16. Cenotaphs. Area of catacomb entrance passages and pits

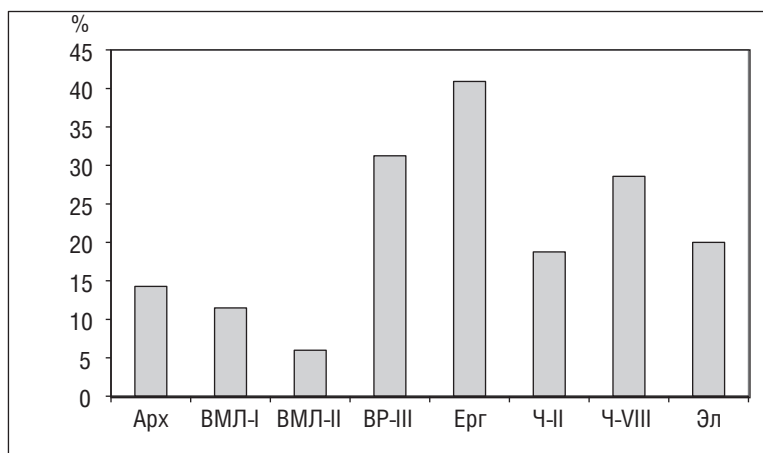
Илл. 17. Количество могильных конструкций индивидуальных погребений с площадью входной шахты ямы более 3 кв. м на памятниках

Fig. 17. Individual burials in reference selection. Percentage of burial constructions with area of entrance passage over 3 sq. m. at 8 representative burial sites

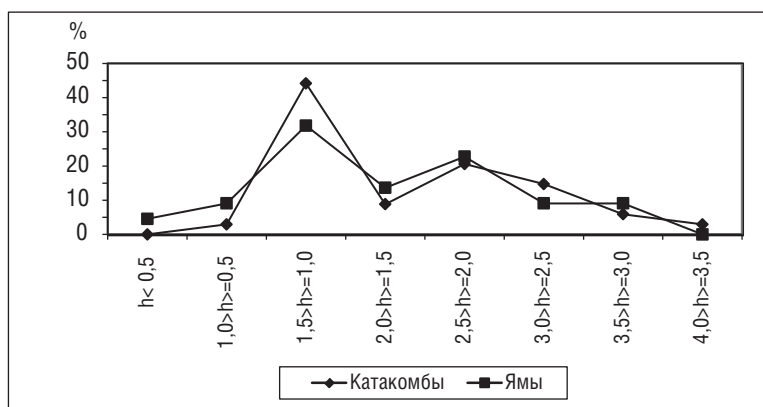
Илл. 18. Количество могильных конструкций индивидуальных погребений с площадью входной шахты ямы более 3,5 кв. м на памятниках

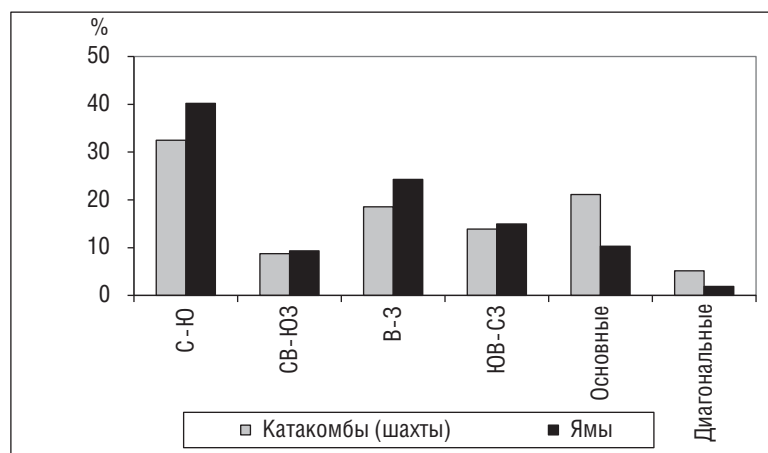
Fig. 18. Individual burials in reference selection. Percentage of burial constructions with area of entrance passage over 3.5 sq. m. at 8 representative burial sites

Илл. 19. Глубина входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

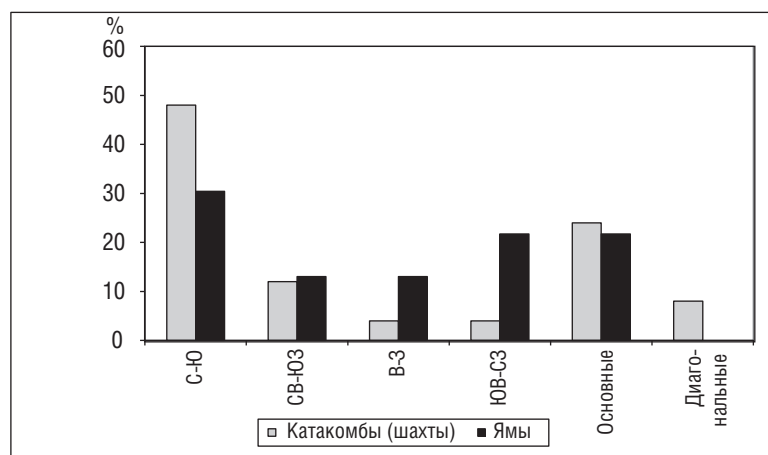
Fig. 19. Individual burials. Depth of catacomb entrance passages and grave pits

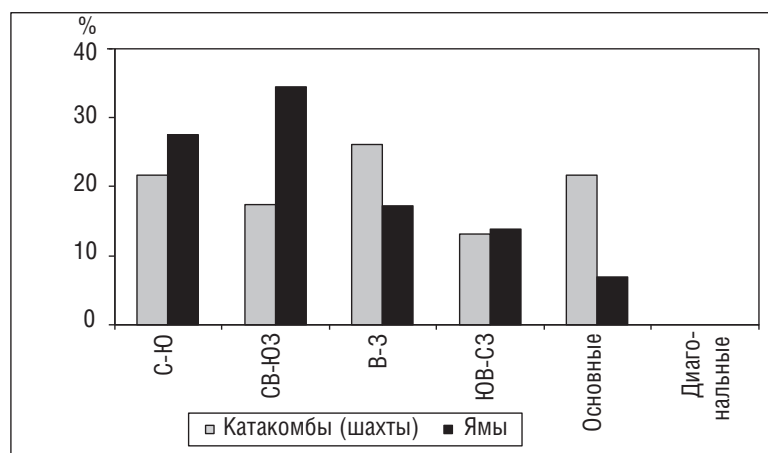
Илл. 20. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям индивидуальных погребений

Fig. 20. Individual burials. Orientation of catacomb entrance passages and grave pits

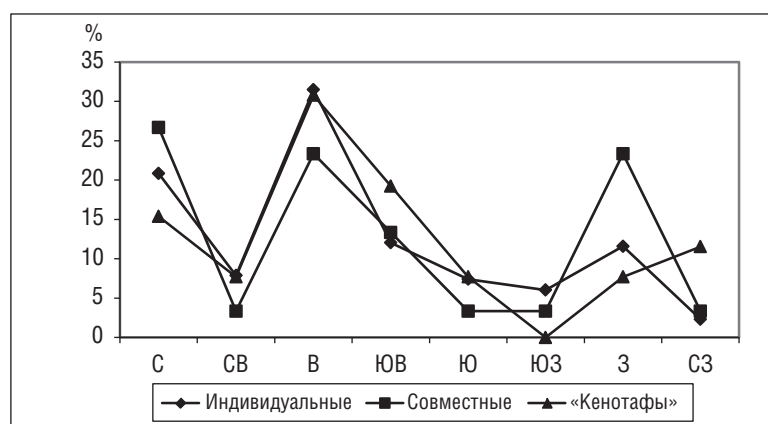
Илл. 21. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям совместных погребений

Fig. 21. Collective burials. Orientation of catacomb entrance passages and grave pits

Илл. 22. Ориентировки входных шахт катакомб и могильных ям «кенотафов»

Fig. 22. Cenotaphs. Orientation of catacomb entrance passages and grave pits

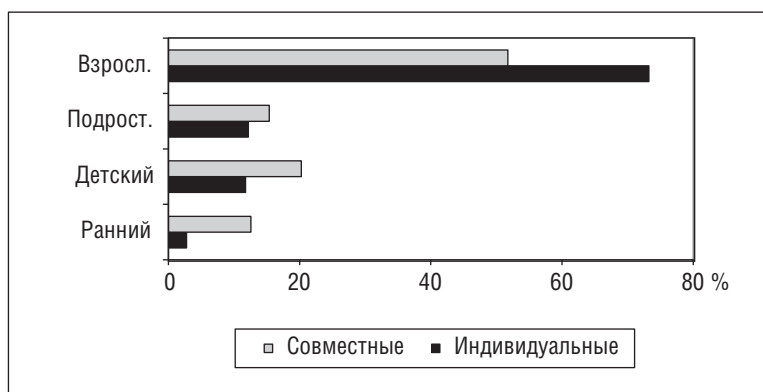

Илл. 23. Ориентировки входа в камеру (взгляд из шахты) в катакомбах в выборках погребений и «кенотафов»

Fig. 23. Selections of burials and cenotaphs. Orientation of entrance to the catacomb chamber as seen from the passage

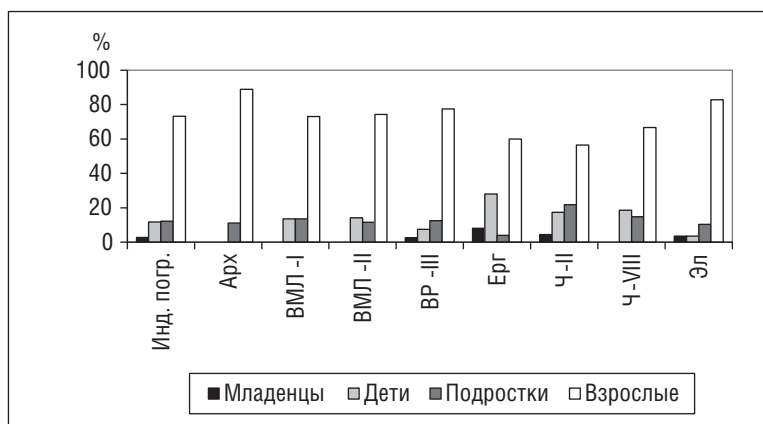
Илл. 24. Возрастной состав индивидуальных (466 индивидов) и совместных (143 индивидов) погребений

Fig. 24. Age structure of individual (466 individuals) and collective (143 individuals) burials (from top to bottom: adults, juveniles, children, infants)

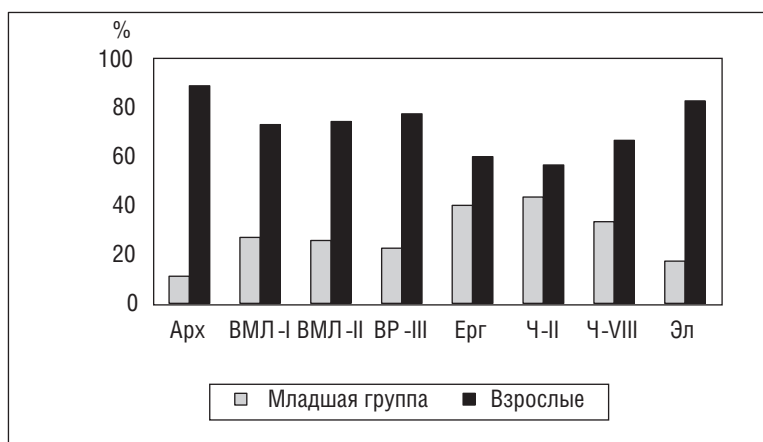
Илл. 25. Индивидуальные погребения. Соотношение на памятниках индивидов четырех возрастных групп

Fig. 25. Individual burials. Proportion of four age groups at 8 representative burial sites

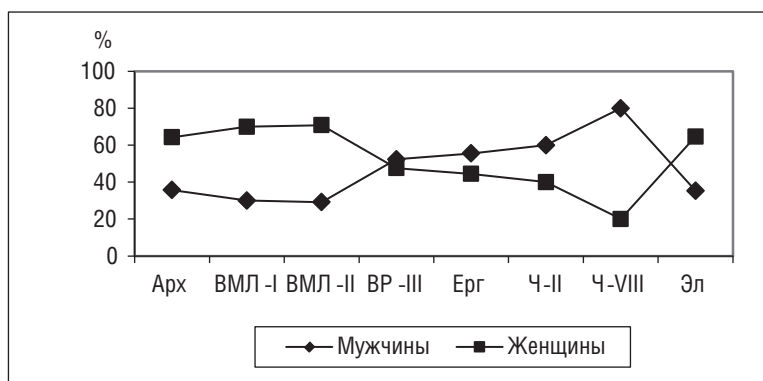
Илл. 26. Индивидуальные погребения. Соотношение на памятниках индивидов младшей группы (младенцы, дети, подростки) и взрослого возраста

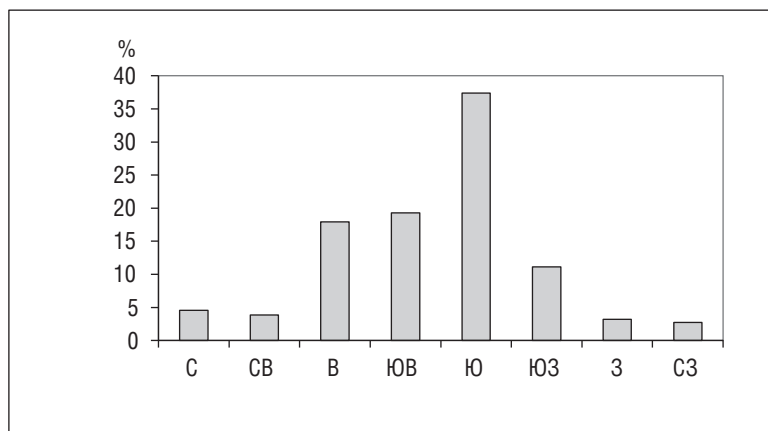
Fig. 26. Individual burials. Proportion of pre-adult and adult age groups at 8 representative burial sites

Илл. 27. Индивидуальные погребения. Соотношение групп мужчин и женщин на памятниках

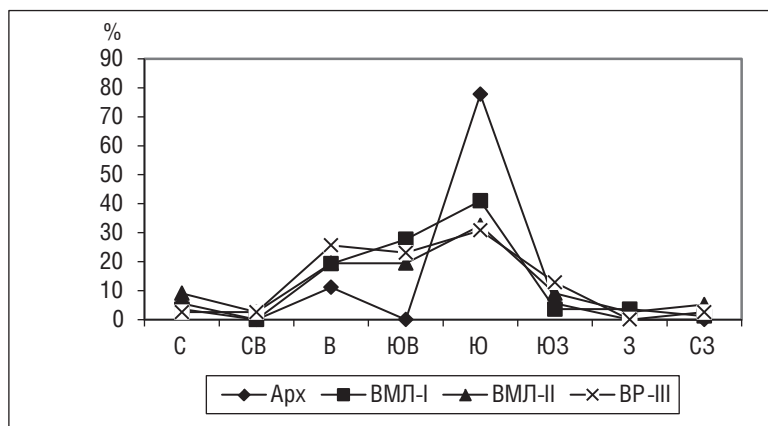
Fig. 27. Individual burials. Proportion of male and female individuals at 8 representative burial sites

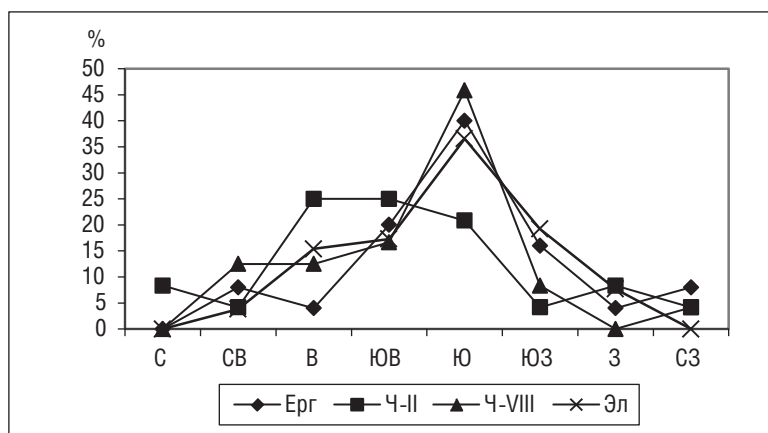
Илл. 28. Ориентировки погребенных индивидуально

Fig. 28. Individual burials. Orientation of the dead

Илл. 29. Ориентировки погребенных индивидуально на четырех памятниках: Архаринский, Восточноманычский Левобережный I и II, Веселая Роща III

Fig. 29. Individual burials. Orientation of the dead at four burial sites: Archarinsky, East Manych Levoberezhny I and II, Veselaya Roshcha III

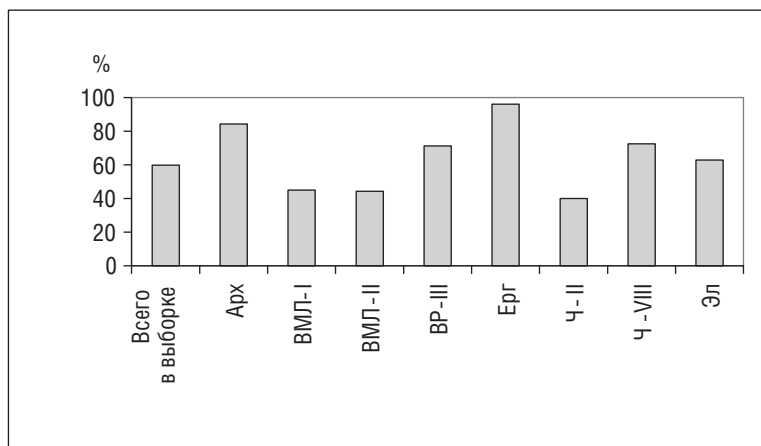

Илл. 30. Ориентировки погребенных индивидуально на четырех памятниках: Ергенинский, Чограй II и VIII, Элистинский

Fig. 30. Individual burials. Orientation of the dead at four burial sites: Yergeninsky, Chogray II and VIII, Elistinsky

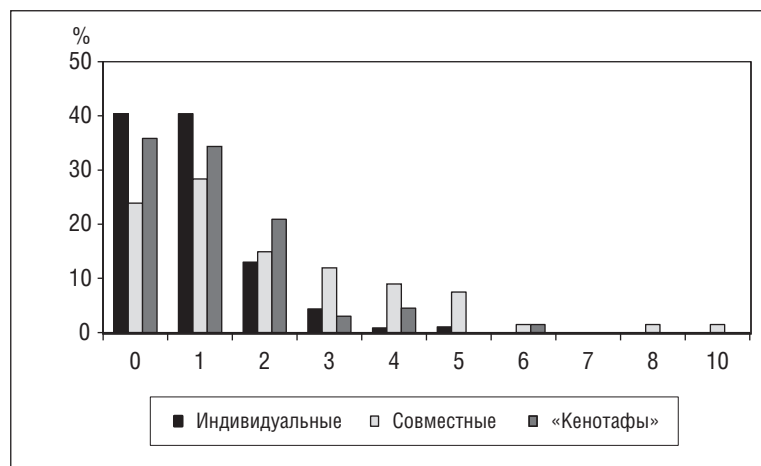
Илл. 31. Количество индивидуальных погребений с посудой на памятниках

Fig. 31. Individual burials. Percentage of graves containing pottery at 8 representative burial sites

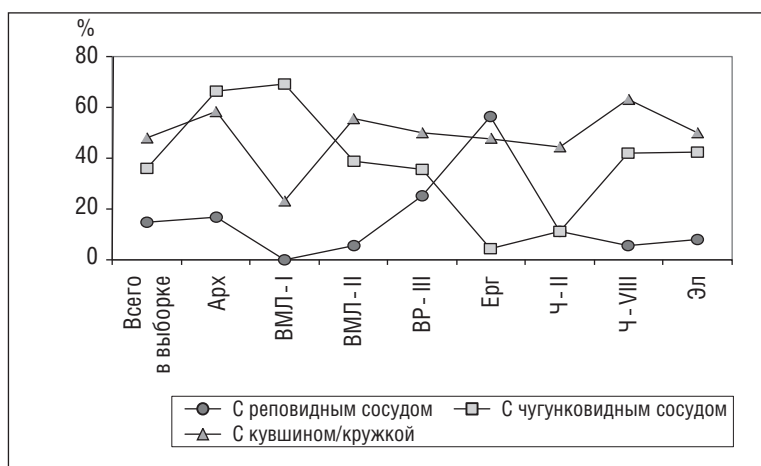
Илл. 32. Количество комплексов разных видов с различным (от 0 до 10) числом сосудов

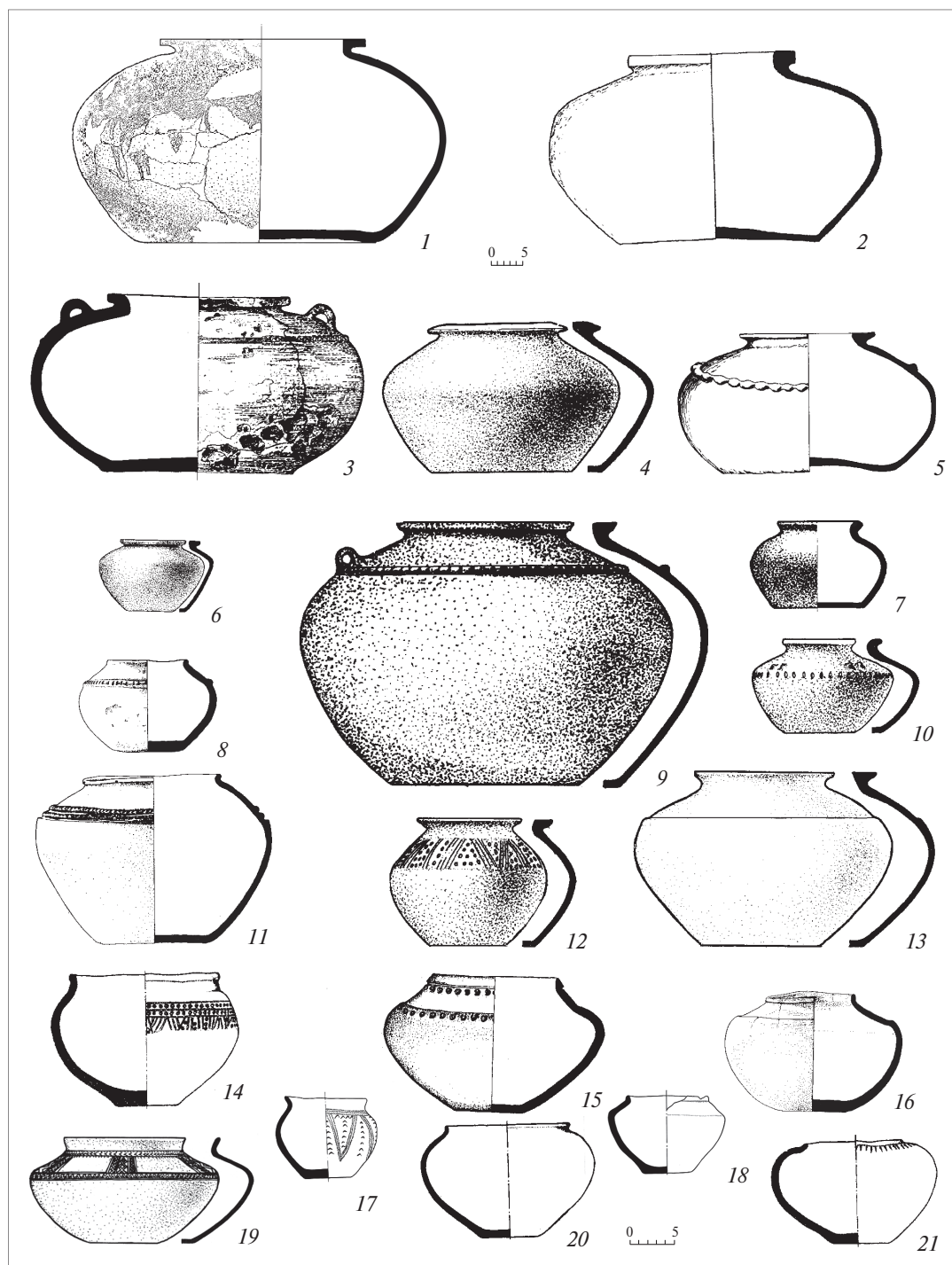
Fig. 32. Percentage of assemblages of different types containing from 0 to 10 vessels per grave

Илл. 33. Соотношение количества индивидуальных погребений с тремя основными видами посуды на памятниках

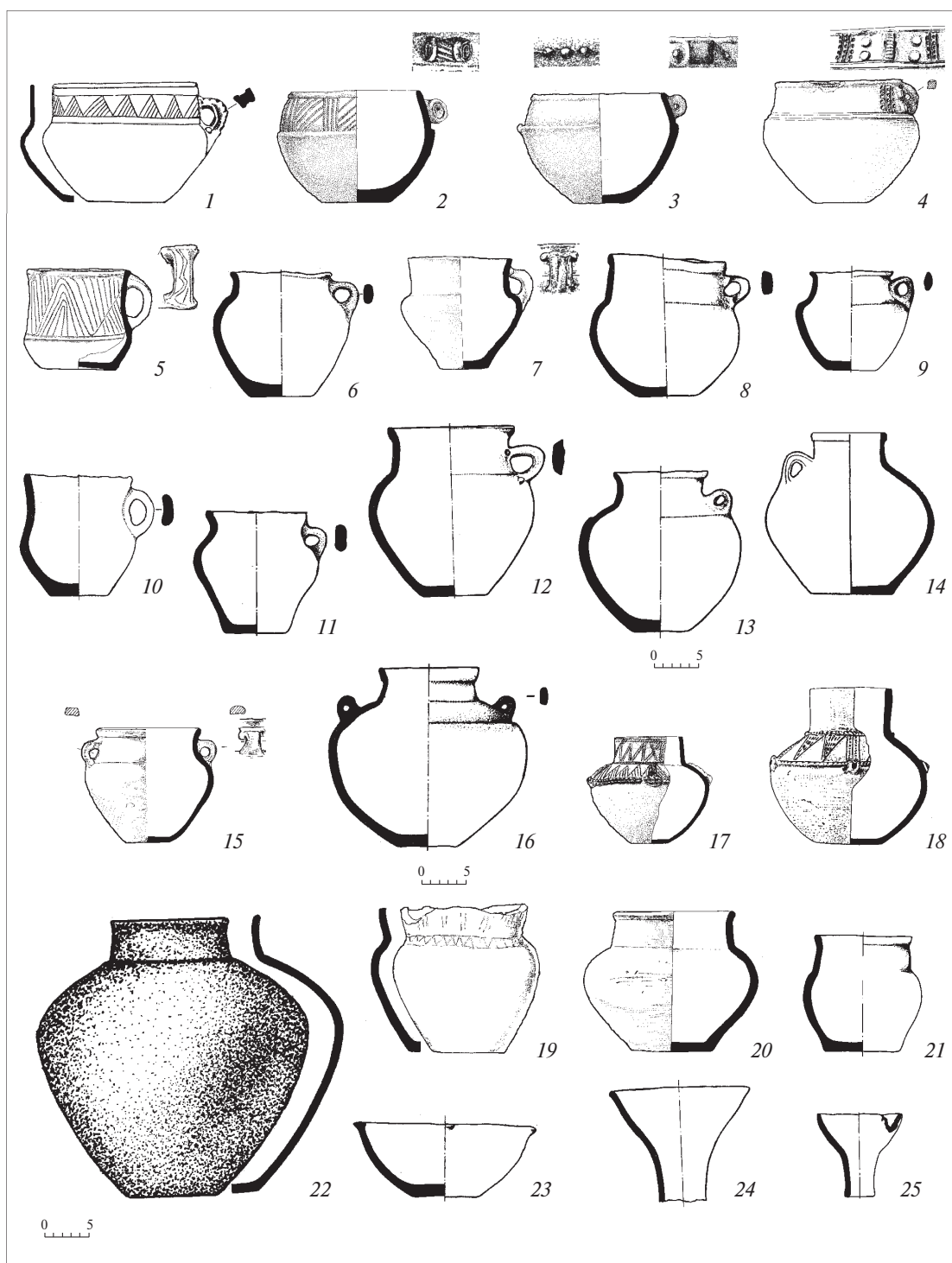
Fig. 33. Proportion of individual burials with three main types of pottery at 8 representative burial sites

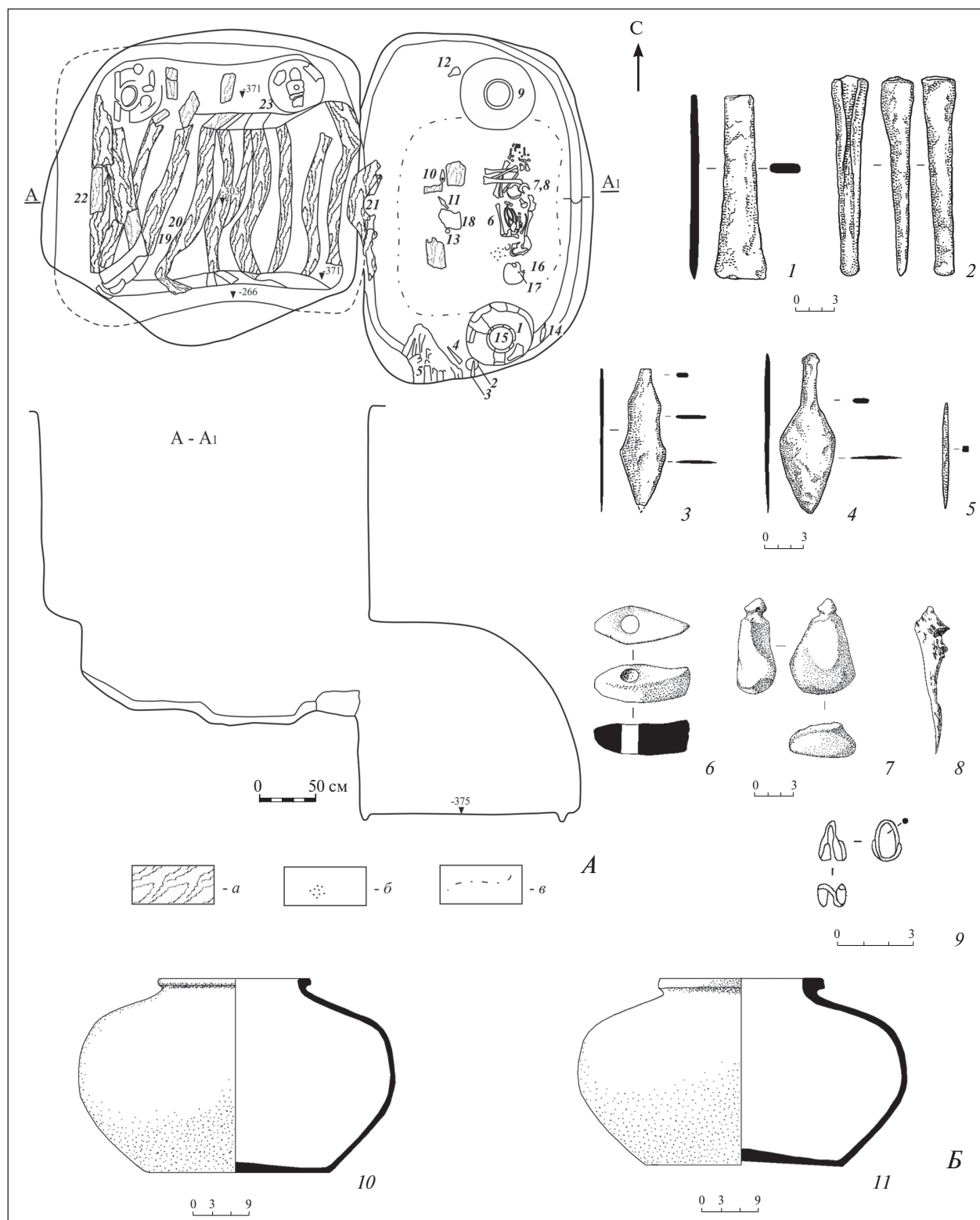
Илл. 34. Посуда (1): 1 – Ергенинский к. 11 п. 01; 2 – Ергенинский к. 10 п. 02; 3 – Спасское к. 01 п. 11; 4 – Веселая Рошча III к. 25 п. 04; 5 – Ергенинский к. 09 п. 01; 6 – Веселая Рошча III к. 21 п. 12; 7 – Веселая Рошча III к. 21 п. 14; 8 – Чограй IX к. 01 п. 09; 9 – Веселая Рошча III к. 21 п. 13; 10 – Веселая Рошча III к. 26 п. 10; 11 – Чограй IX к. 01 п. 04; 12 – Веселая Рошча III к. 26 п. 16; 13 – Веселая Рошча III к. 26 п. 13; 14 – Чограй VIII к. 13 п. 02; 15 – Манджикины I к. 03 п. 03; 16 – Чограй IX к. 03 п. 17; 17 – Чограй VIII к. 12 п. 01; 18 – Чограй VIII к. 04 п. 01; 19 – Веселая Рошча III к. 23 п. 02; 20 – Чограй VIII к. 30 п. 02; 21 – Чограй IX к. 09 п. 01

Fig. 34. Pottery from graves (1): 1 – Yergininsky kurgan 11 burial 01; 2 – Yergininsky kurgan 10 burial 02; 3 – Spasskoye kurgan 01 burial 11; 4 – Veselaya Roshcha III kurgan 25 burial 04; 5 – Yergininsky kurgan 09 burial 01; 6 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 12; 7 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 14; 8 – Chogray IX kurgan 01 burial 09; 9 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 13; 10 – Veselaya Roshcha III kurgan 26 burial 10; 11 – Chogray IX kurgan 01 burial 04; 12 – Veselaya Roshcha III kurgan 26 burial 16; 13 – Veselaya Roshcha III kurgan 26 burial 13; 14 – Chogray VIII kurgan 13 burial 02; 15 – Mandzhikiny I kurgan 03 burial 03; 16 – Chogray IX kurgan 03 burial 17; 17 – Chogray VIII kurgan 12 burial 01; 18 – Chogray VIII kurgan 04 burial 01; 19 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 02; 20 – Chogray VIII kurgan 30 burial 02; 21 – Chogray IX kurgan 09 burial 01

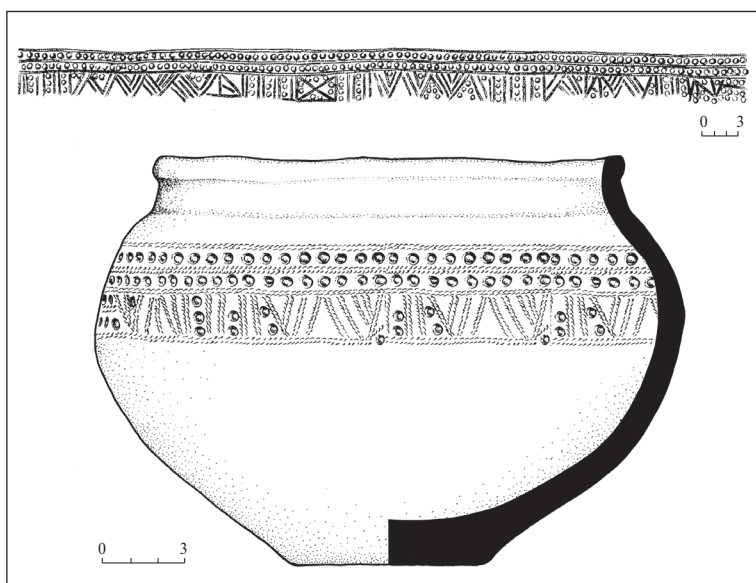
Илл. 35. Посуда (2): 1 – Сухая Падина I к. 05 п. 01; 2 – Веселая Роша III к. 04 п. 05; 3 – Веселая Роша III к. 05 п. 02; 4 – Чограй IX к. 09 п. 06; 5 – Чограй IX к. 01 п. 01; 6, 13 – Чограй VIII к. 20 п. 02; 7, 18 – Чограй IX к. 01 п. 04; 8, 12, 24 – Чограй VIII к. 18 п. 04; 9 – Чограй VIII к. 21 п. 04; 10 – Чограй VIII к. 05 п. 03; 11 – Чограй VIII к. 20 п. 01; 14 – Грушевка II к. 01 п. 07; 15 – Чограй IX к. 04 п. 02; 16, 23 – Чограй VIII к. 21 п. 01; 17 – Чограй IX к. 05 п. 05; 19 – Сухая Падина I к. 08 п. 02; 20 – Чограй IX к. 04 п. 01; 21 – Чограй VIII к. 09 п. 03; 22 – Веселая Роша III к. 21 п. 13; 25 – Чограй VIII к. 12 п. 06

Fig. 35. Pottery from graves (2): 1 – Sukhaya Padina I kurgan 05 burial 01; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 04 burial 05; 3 – Veselaya Roshcha III kurgan 05 burial 02; 4 – Chogray IX kurgan 09 burial 06; 5 – Chogray IX kurgan 01 burial 01; 6, 13 – Chogray VIII kurgan 20 burial 02; 7, 18 – Chogray IX kurgan 01 burial 04; 8, 12, 24 – Chogray VIII kurgan 18 burial 04; 9 – Chogray VIII kurgan 21 burial 04; 10 – Chogray VIII kurgan 05 burial 03; 11 – Chogray VIII kurgan 20 burial 01; 14 – Grushevka II kurgan 01 burial 07; 15 – Chogray IX kurgan 04 burial 02; 16, 23 – Chogray VIII kurgan 21 burial 01; 17 – Chogray IX kurgan 05 burial 05; 19 – Sukhaya Padina I kurgan 08 burial 02; 20 – Chogray IX kurgan 04 burial 01; 21 – Chogray VIII kurgan 09 burial 03; 22 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 13; 25 – Chogray VIII kurgan 12 burial 06

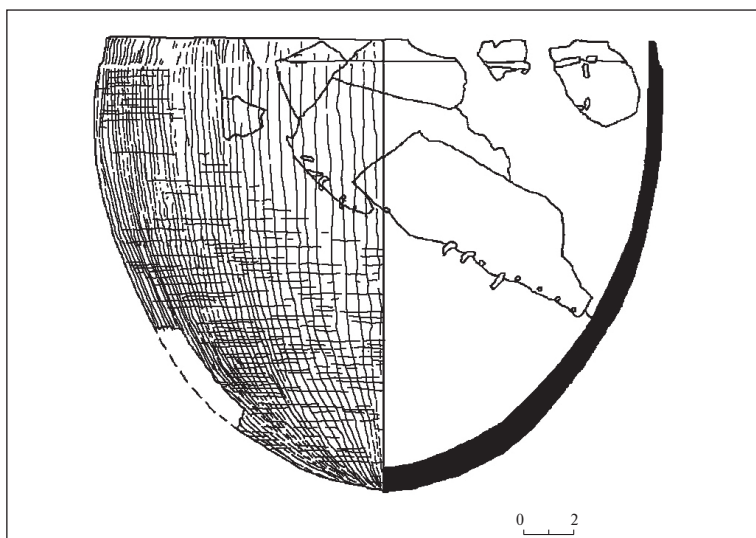
Илл. 36. Ергенинский к. 10 п. 02: А – план и разрез; 1, 9 – керамические сосуды; 2 – деревянный сосуд; 3 – бронзовое тесло; 4 – бронзовое долото; 5 – остатки органического материала; 6 – фаянсовая бусина; 7, 8 – фаянсовый бисер; 10 – каменный топор; 11, 14 – бронзовые ножи; 12 – «фигурка» каменная; 13 – деревянная чашечка; 15, 22 – бронзовые стержни (шилья); 16 – золотое височное кольцо; 17 – серебряные височные кольца (2 экз.); 18 – камень; 19 – несколько лопаток м.р.с.; 20 – костяная проколка; 21 – ядро; 23 – повозка; условные обозначения: а – дерево, б – охра, в – границы меловой подсыпки; Б – инвентарь: 1 – тесло, 2 – долото, 3, 4 – ножи, 5 – стержень (шило), 6 – топор, 7 – «фигурка», 8 – проколка, 9 – височное кольцо, 10, 11 – сосуды (1–5 – бронза, 6 – камень (диабаз), 7 – ферросидерит?, 8 – кость, 9 – золото, 10, 11 – керамика) (Шилов. Отчет 1984)

Fig. 36. Yergenskiy kurgan 10 burial 02 (Shilov. Report 1984)

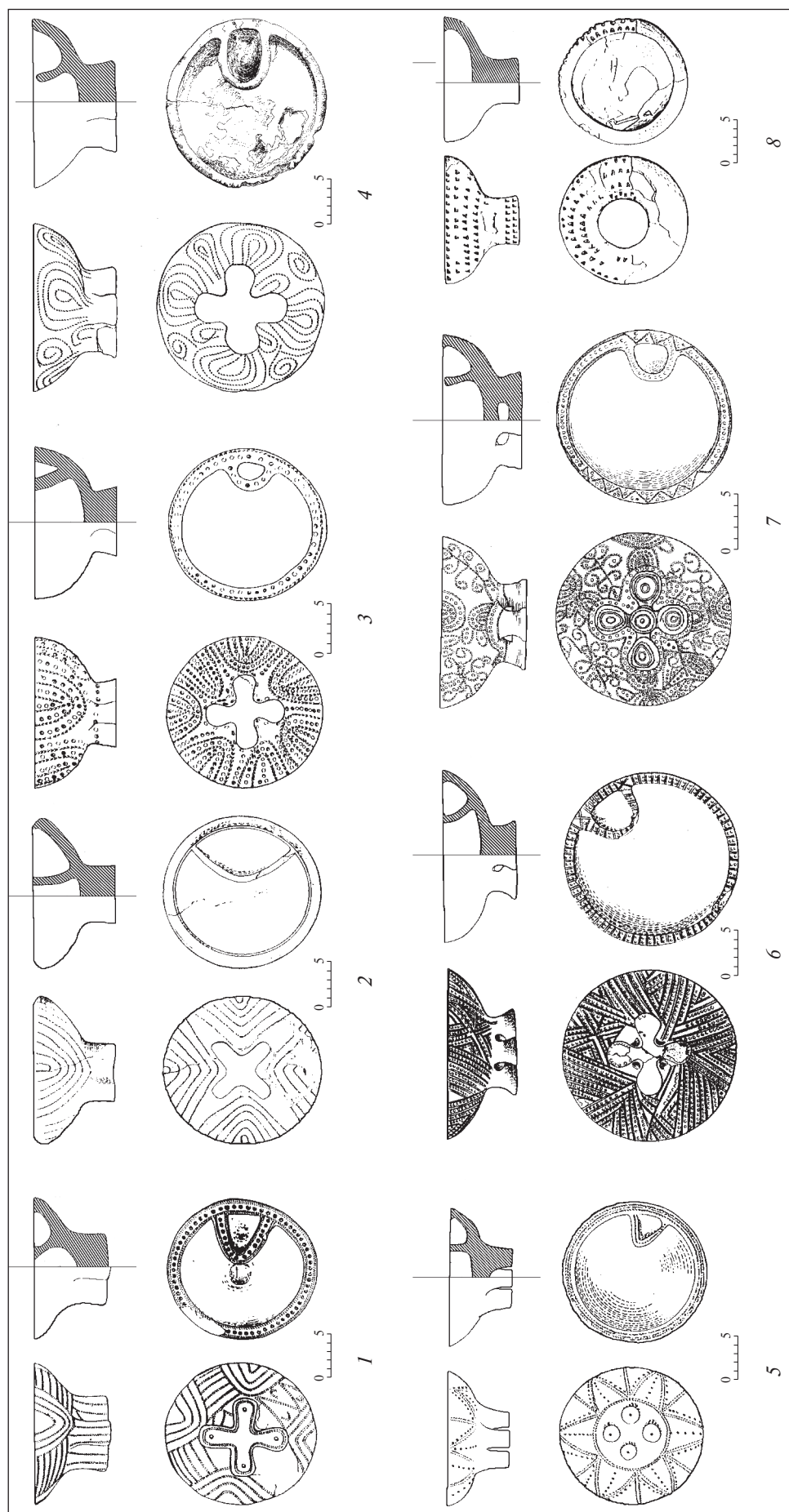
Илл. 37. Чограй VIII к. 13 п. 02. Сосуд (Андреева, 1989)

Fig. 37. Chogray VIII kurgan 13 burial 02. Vessel (Andreyeva, 1989)

Илл. 38. Ергенинский к. 06 п. 03. Деревянная чаша. Реконструкция (Шилов. Отчет 1982)

Fig. 38. Yergeninsky kurgan 06 burial 03. Wooden cup. Reconstruction (Shilov. Report 1982)

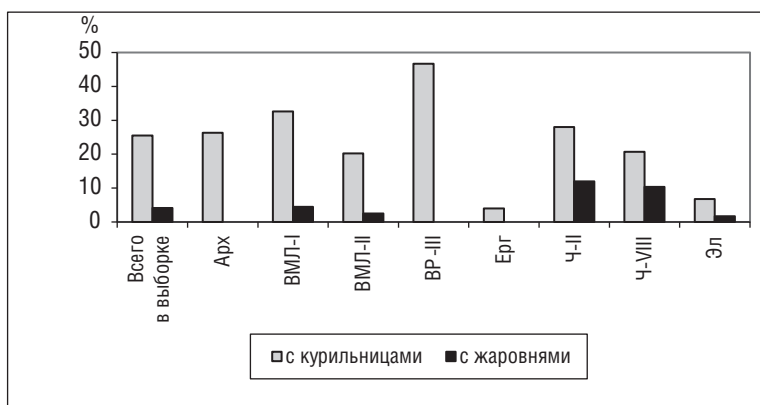

Илл. 39. Курильницы: 1 – Спасское к. 01 п. 11; 2 – Веселая Рошча III к. 21 п. 14; 3 – Веселая Рошча III к. 05 п. 02; 4 – Спасское к. 02 п. 04; 5 – Чограй IX к. 01 п. 09; 6 – Чограй VIII к. 13 п. 02; 7 – Чограй II к. 10 п. 03; 8 – Веселая Рошча III к. 24 п. 09

Fig. 39. Censers: 1 – Spasskoye kurgan 01 burial 11; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 14; 3 – Veselaya Roshcha III kurgan 05 burial 02; 4 – Spasskoye kurgan 02 burial 04; 5 – Chogray IX kurgan 01 burial 09; 6 – Chogray VIII kurgan 13 burial 02; 7 – Chogray II kurgan 10 burial 03; 8 – Veselaya Roshcha III kurgan 24 burial 09

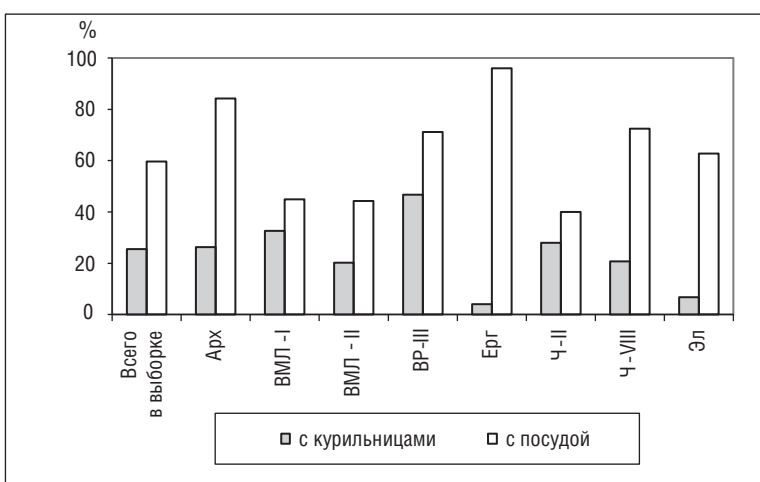
Илл. 40. Количество индивидуальных погребений с курильницами и жаровнями на памятниках

Fig. 40. Individual burials. Percentage of complexes containing censers and braziers at 8 representative burial sites

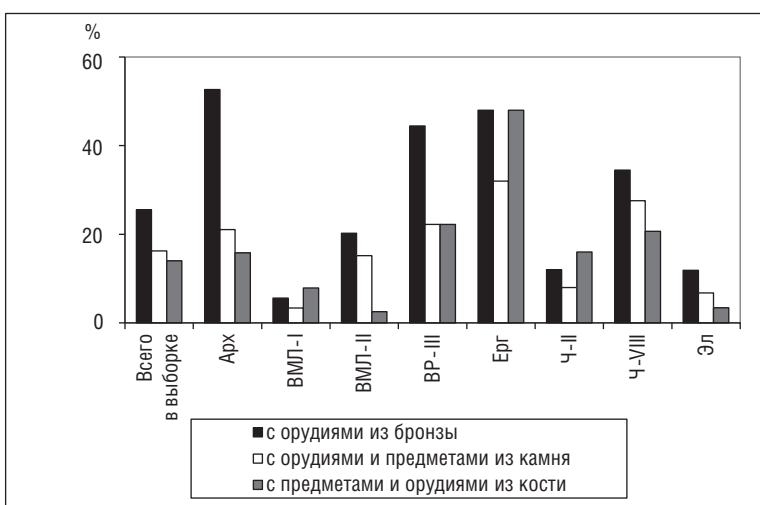
Илл. 41. Количество индивидуальных погребений с курильницами и с посудой на памятниках

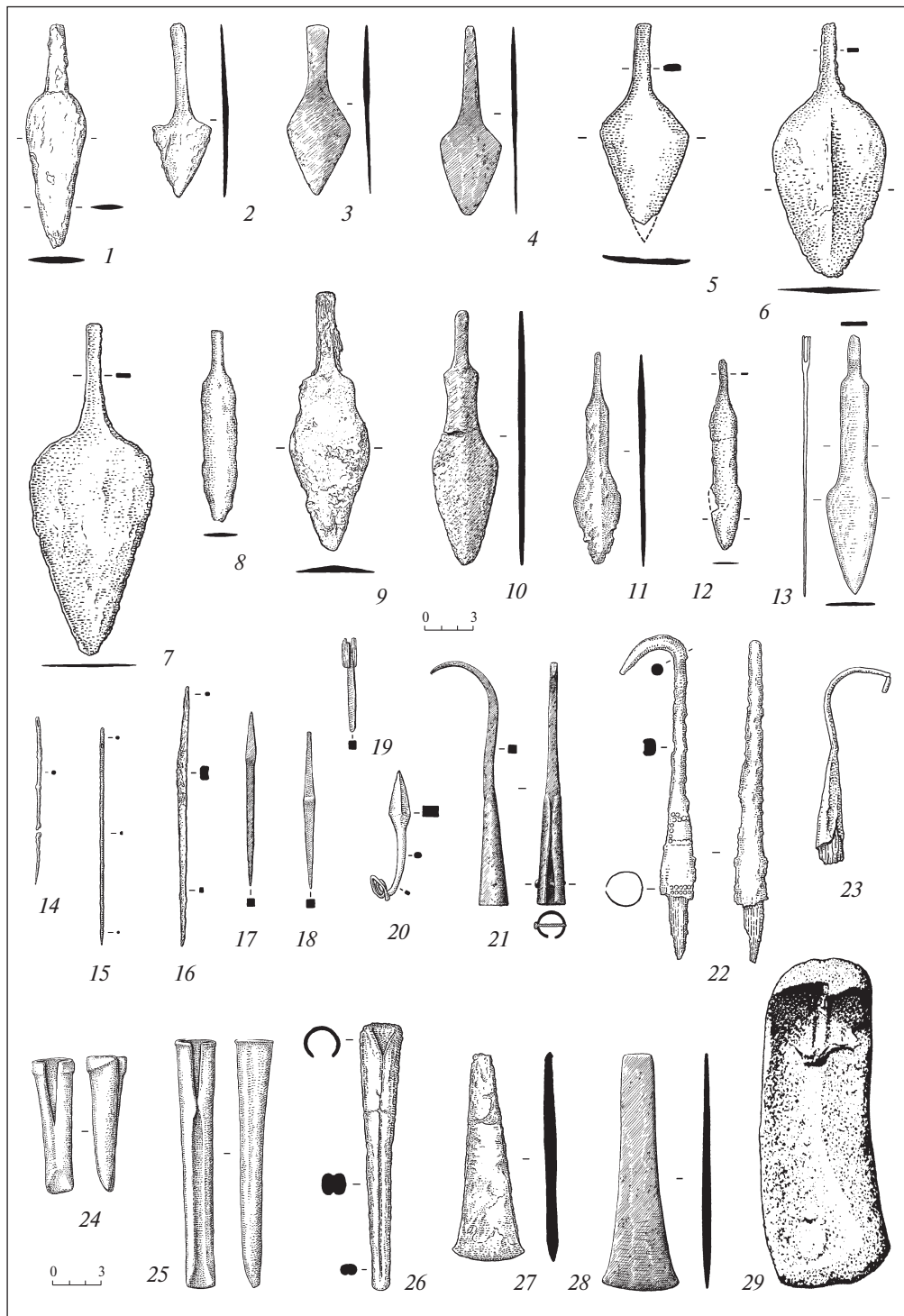
Fig. 41. Individual burials. Percentage of complexes containing censers and pottery vessels at 8 representative burial sites

Илл. 42. Количество индивидуальных погребений с орудиями и предметами из бронзы, камня и кости на памятниках

Fig. 42. Individual burials. Percentage of complexes containing tools and other objects of bronze, stone and bone at 8 representative burial sites

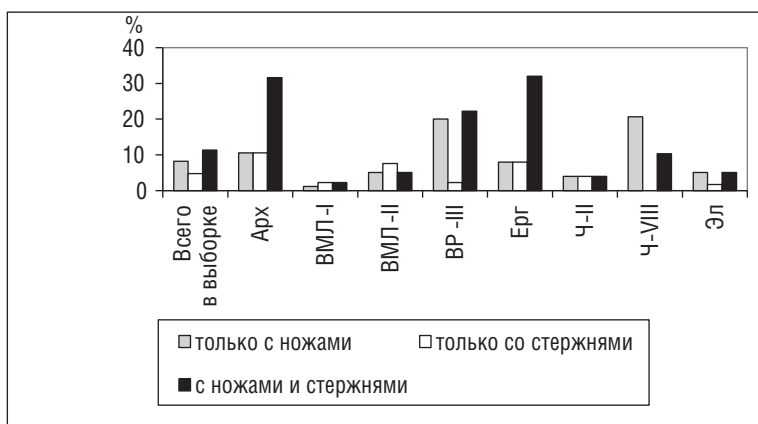

Илл. 43. Орудия из бронзы: 1 – Спасское к. 01 п. 11; 2 – Веселая Роша II к. 02 п. 04; 3 – Чограй VIII к. 09 п. 01; 4 – Чограй VIII к. 18 п. 04; 5 – Чограй IX к. 05 п. 05; 6 – Веселая Роша III к. 23 п. 02; 7, 23 – Веселая Роша III к. 21 п. 13; 8 – Веселая Роша III к. 16 п. 05; 9, 15, 16, 22, 26, 27 – Ергенинский к. 11 п. 01; 10 – Чограй VIII к. 20 п. 02; 11 – Веселая Роша II к. 05 п. 02; 12 – Веселая Роша III к. 23 п. 03; 13 – Ергенинский к. 08 п. 03; 14 – Веселая Роша III к. 05 п. 10; 17, 25, 28 – Чограй VIII к. 30 п. 02; 18, 19, 21 – Чограй VIII к. 05 п. 01; 20 – Ореховка к. 02 п. 01; 24 – Чограй VIII к. 28 п. 02; 29 – Веселая Роша I к. 03 п. 03

Fig. 43. Bronze tools: 1 – Spasskoye kurgan 01 burial 11; 2 – Veselaya Roshcha II kurgan 02 burial 04; 3 – Chogray VIII kurgan 09 burial 01; 4 – Chogray VIII kurgan 18 burial 04; 5 – Chogray IX kurgan 05 burial 05; 6 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 02; 7, 23 – Veselaya Roshcha III kurgan 21 burial 13; 8 – Veselaya Roshcha III kurgan 16 burial 05; 9, 15, 16, 22, 26, 27 – Yergeninsky kurgan 11 burial 01; 10 – Chogray VIII kurgan 20 burial 02; 11 – Veselaya Roshcha II kurgan 05 burial 02; 12 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 03; 13 – Yergeninsky kurgan 08 burial 03; 14 – Veselaya Roshcha III kurgan 05 burial 10; 17, 25, 28 – Chogray VIII kurgan 30 burial 02; 18, 19, 21 – Chogray VIII kurgan 05 burial 01; 20 – Orekhovka kurgan 02 burial 01; 24 – Chogray VIII kurgan 28 burial 02; 29 – Veselaya Roshcha I kurgan 03 burial 03

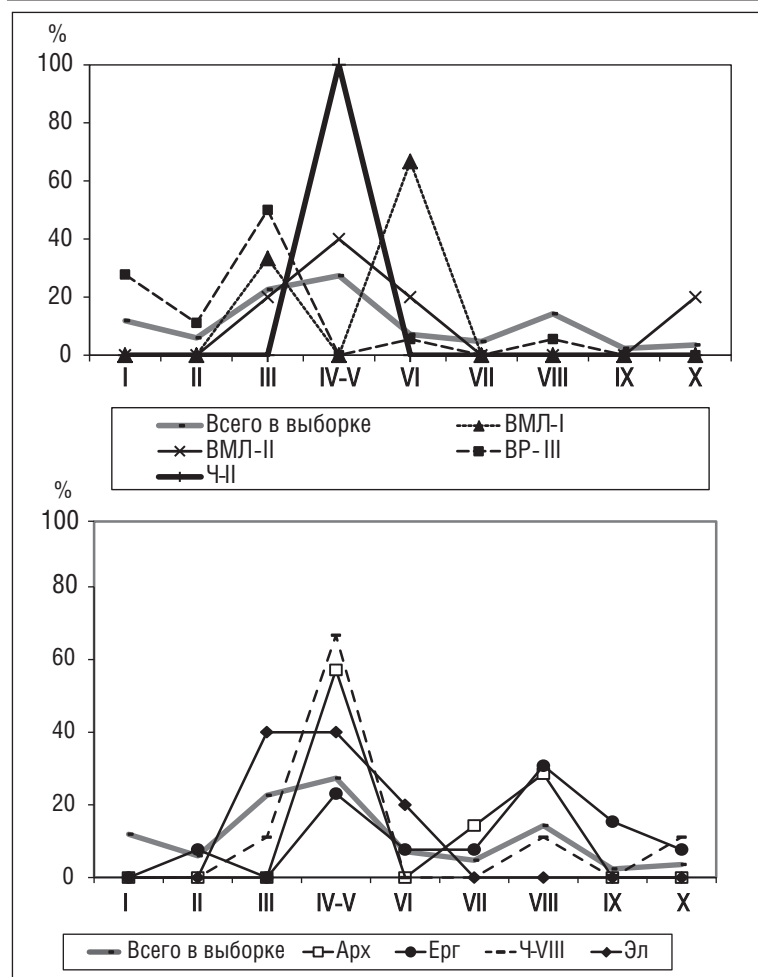
Илл. 44. Количество индивидуальных погребений с ножами, стержнями и обеими категориями артефактов на памятниках

Fig. 44. Individual burials. Percentage of complexes containing knives, rods and both types of artefacts at 8 representative burial sites

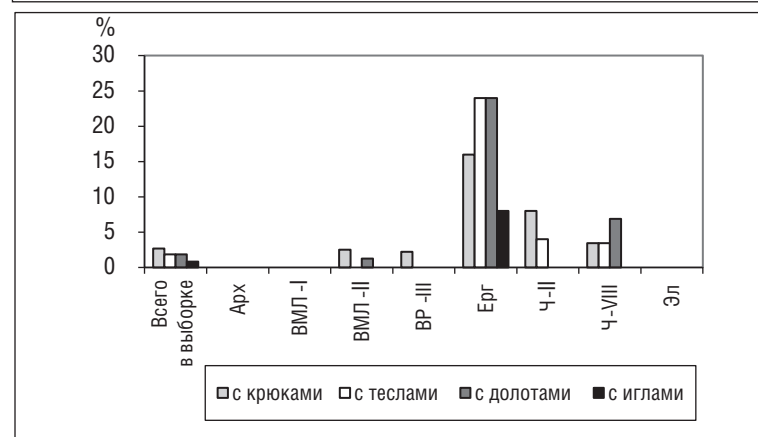
Илл. 45. Количество ножей различных типов (Гак, 2005) в индивидуальных погребениях на памятниках

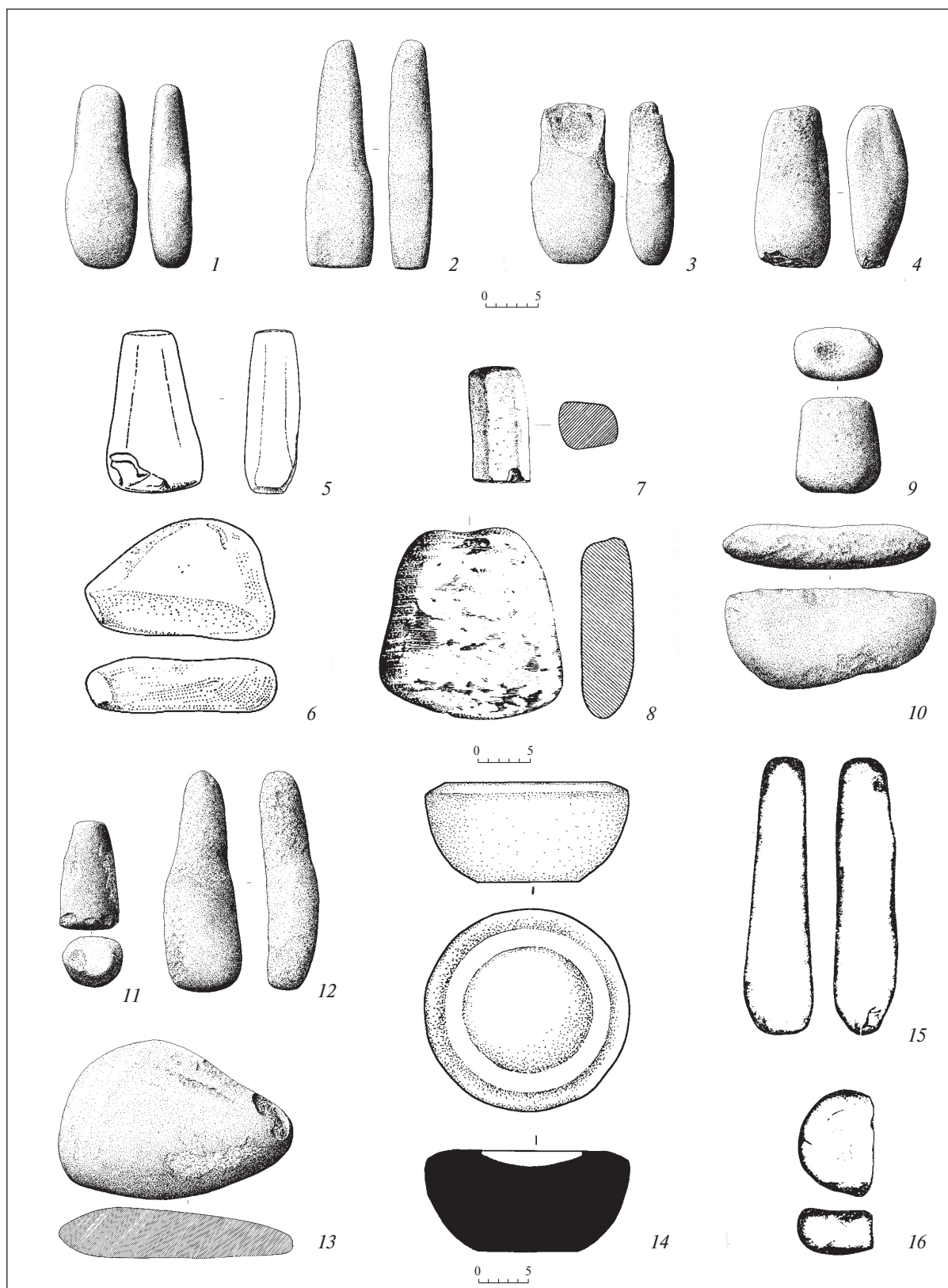
Fig. 45. Individual burials. Percentage of knives of different types (Gak, 2005) at 8 representative burial sites

Илл. 46. Количество индивидуальных погребений с крюками, теслами, долотами и иглами на памятниках

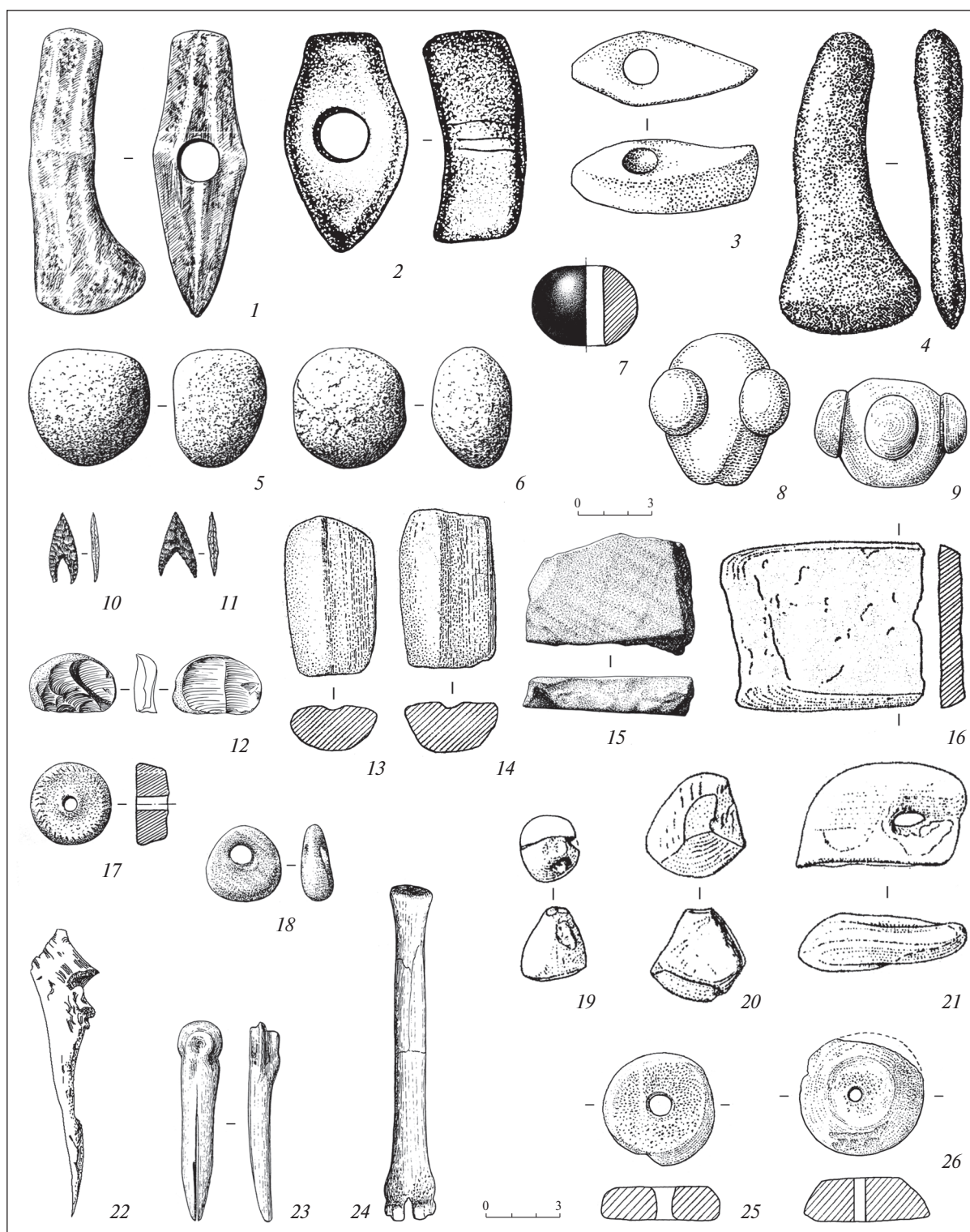
Fig. 46. Individual burials. Percentage of complexes containing knives, hooks, adzes, chisels and needles at 8 representative burial sites

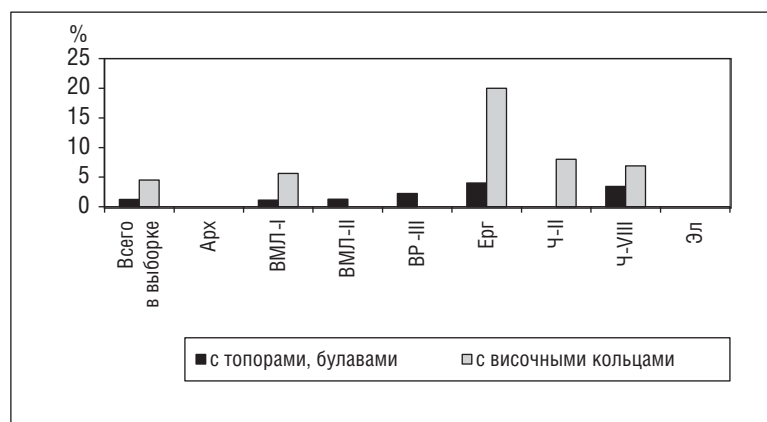
Илл. 47. Каменные песты и «ступки/наковальни»: 1 – Чограй VIII к. 09 п. 03; 2 – Чограй VIII к. 28 п. 02; 3 – Чограй VIII к. 08 п. 02; 4 – Чограй VIII к. 12 п. 03; 5, 6 – Чограй IX к. 05 п. 05; 7, 8 – Спасское к. 01 п. 11; 9, 10 – Чограй VIII к. 18 п. 04; 11, 12, 13 – Чограй VIII к. 30 п. 02; 14 – Веселая Роща III к. 23 п. 02; 15, 16 – Цаган Усн VIII к. 01 п. 03

Fig. 47. Stone pestles and mortars/anvils: 1 – Chogray VIII kurgan 09 burial 03; 2 – Chogray VIII kurgan 28 burial 02; 3 – Chogray VIII kurgan 08 burial 02; 4 – Chogray VIII kurgan 12 burial 03; 5, 6 – Chogray IX kurgan 05 burial 05; 7, 8 – Spasskoye kurgan 01 burial 11; 9, 10 – Chogray VIII kurgan 18 burial 04; 11, 12, 13 – Chogray VIII kurgan 30 burial 02; 14 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 02; 15, 16 – Tsagan Usn VIII kurgan 01 burial 03

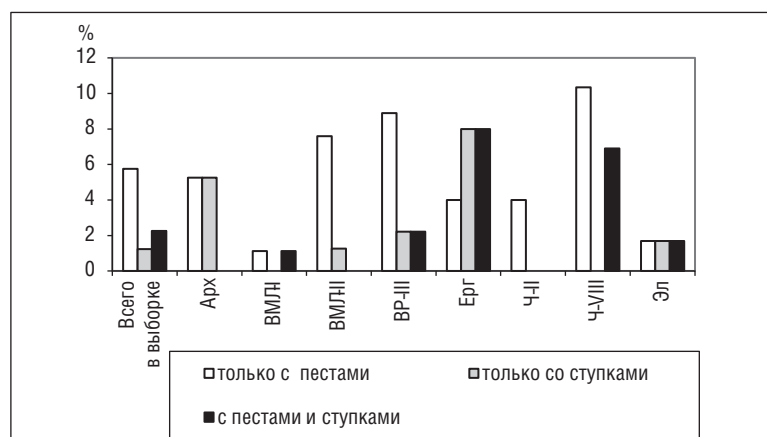
Илл. 48. Оружие, орудия и предметы из камня и кости: 1, 5, 6, 10 – Веселая Роща III к. 16 п. 05; 2 – Веселая Роща III к. 23 п. 03а; 3, 22 – Ергенинский к. 10 п. 02; 4 – Веселая Роща II к. 07 п. 01; 7 – Чограй VIII к. 13 п. 04; 8 – Грушевка II к. 01 п. 07; 9 – Чограй IX к. 05 п. 05; 11 – Чограй VIII к. 13 п. 03; 12 – Чограй VIII к. 17 п. 02; 13, 14 – Чограй IX к. 10 п. 01; 15 – Чограй VIII к. 08 п. 02; 16, 19–21 – Чограй IX к. 01 п. 01; 17, 18, 23, 24 – Веселая Роща II к. 02 п. 03; 25, 26 – Чограй IX к. 09 п. 04

Fig. 48. Bone and stone artefacts: 1, 5, 6, 10 – Veselaya Roshcha III kurgan 16 burial 05; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 03a; 3, 22 – Yergeninsky kurgan 10 burial 02; 4 – Veselaya Roshcha II kurgan 07 burial 01; 7 – Chogray VIII kurgan 13 burial 04; 8 – Grushevka II kurgan 01 burial 07; 9 – Chogray IX kurgan 05 burial 05; 11 – Chogray VIII kurgan 13 burial 03; 12 – Chogray VIII kurgan 17 burial 02; 13, 14 – Chogray IX kurgan 10 burial 01; 15 – Chogray VIII kurgan 08 burial 02; 16, 19–21 – Chogray IX kurgan 01 burial 01; 17, 18, 23, 24 – Veselaya Roshcha II kurgan 02 burial 03; 25, 26 – Chogray IX kurgan 09 burial 04

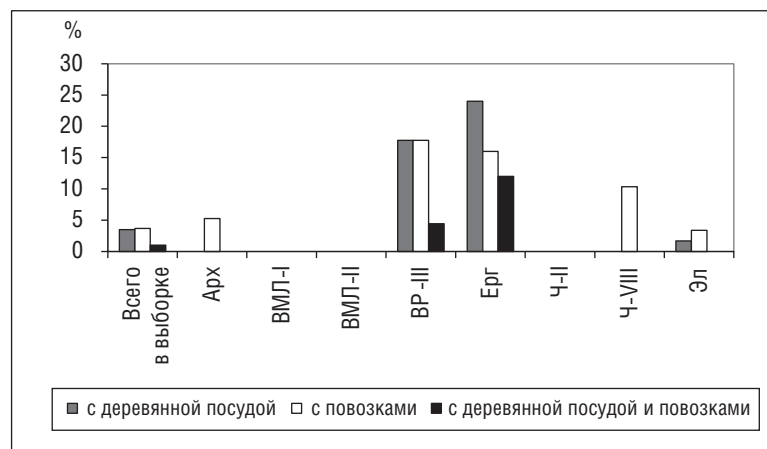
Илл. 49. Количество индивидуальных погребений с каменными топорами и булавами; с металлическими височными кольцами на памятниках

Fig. 49. Individual burials. Percentage of complexes containing stone axes and maceheads; metal temple rings at 8 representative burial sites

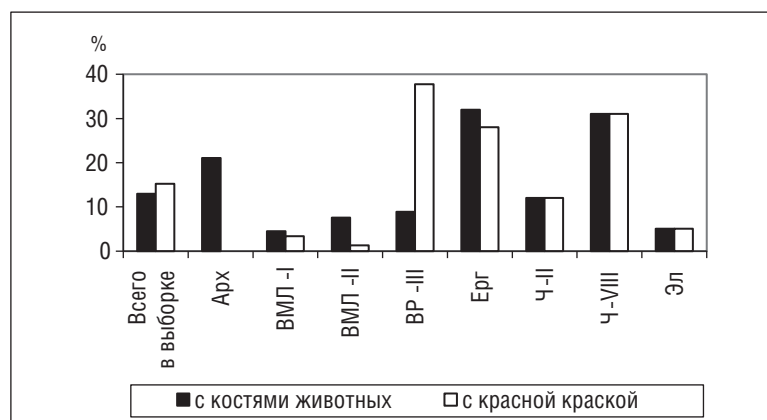
Илл. 50. Количество индивидуальных погребений с каменными пестами и «ступками/наковальнями» на памятниках

Fig. 50. Individual burials. Percentage of complexes containing stone pestles and mortars/anvils at 8 representative burial sites

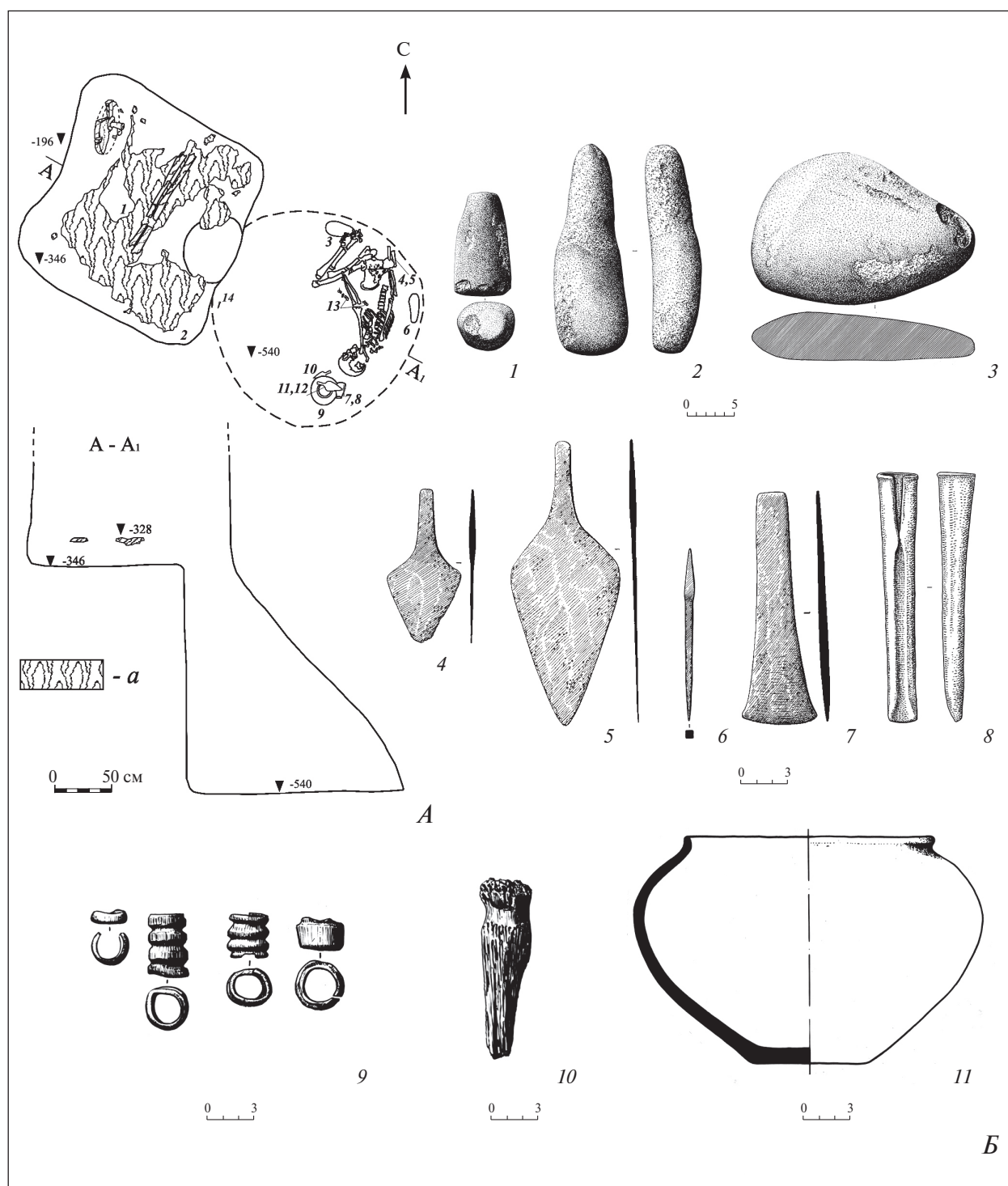
Илл. 51. Количество индивидуальных погребений с деревянной посудой и повозками на памятниках

Fig. 51. Individual burials. Percentage of complexes containing wooden vessels and wagons at 8 representative burial sites

Илл. 52. Количество индивидуальных погребений с костями животных и следами красной краски на памятниках

Fig. 52. Individual burials. Percentage of complexes containing animal bones and traces of red paint at 8 representative burial sites

Илл. 53. Чограй VIII к. 30 п. 02: *А* – план и разрез: 1 – несколько астрагалов (под повозкой); 2 – сустав конечности м.р.с.; 3 – каменная «ступка/наковальня»; 4 – бронзовое долото; 5 – бронзовое тесло; 6, 7 – каменные песты; 8 – бронзовый стержень (шило); 9 – керамический сосуд; 10, 11 – бронзовые ножи; 12 – деревянная диск/крышка (внутри сосуда); 13 – костяные кольца и пронизи; 14 – рог; условные обозначения: *а* – дерево (повозка); *Б* – инвентарь: 1, 2 – песты; 3 – «ступка/наковальня»; 4, 5 – ножи; 6 – стержень (шило); 7 – тесло; 8 – долото; 9 – кольца и пронизи; 10 – рог; 11 – сосуд (1–3 – камень, 4–8 – бронза, 9 – кость, 10 – рог, 11 – керамика) (Андреева, 1989)

Fig. 53. Chogray VIII kurgan 30 burial 02 (Andreyeva, 1989)

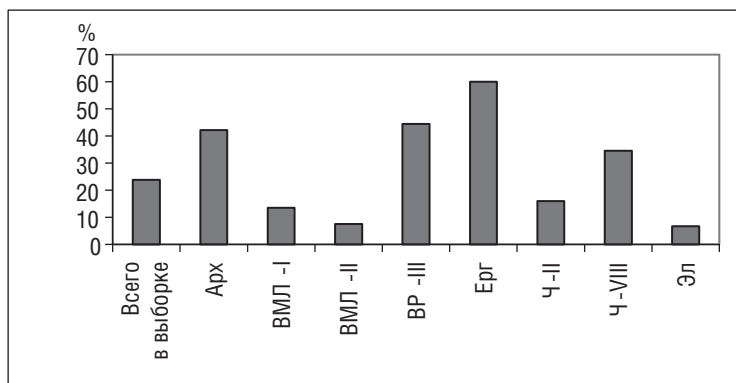

Илл. 54. Украшения: 1 – Чограй VIII к. 05 п. 01; 2, 15 – Чограй VIII к. 12 п. 06; 3, 6 – Чограй VIII к. 13 п. 02; 4 – Веселая Рошча III к. 25 п. 04; 5 – Грушевка I к. 11 п. 06; 7, 14 – Чограй VIII к. 13 п. 04; 8, 9 – Веселая Рошча II к. 06 п. 01; 10 – Веселая Рошча III к. 23 п. 02; 11 – Веселая Рошча III к. 26 п. 15; 12 – Веселая Рошча III к. 16 п. 05; 13 – Чограй VIII к. 28 п. 02; 16, 17 – Чограй IX к. 09 п. 04; 18 – Веселая Рошча III к. 26 п. 10; 19 – Веселая Рошча II к. 02 п. 03 (1 – золото; 2, 3, 14, 15, 17 – бронза; 4, 16 – сердолик; 5, 12 – раковина; 6, 7, 9–11 – кость; 8 – фаянс (бисер, 243 экз.) и сердолик (бусы, 11 экз.); 13 – гагат; 18 – фаянс; 19 – фаянс, кость, гагат (бусы, 58 экз.).

Fig. 54. Personal ornaments: 1 – Chogray VIII kurgan 05 burial 01; 2, 15 – Chogray VIII kurgan 12 burial 06; 3, 6 – Chogray VIII kurgan 13 burial 02; 4 – Veselaya Roshcha III kurgan 25 burial 04; 5 – Grushevka I kurgan 11 burial 06; 7, 14 – Chogray VIII kurgan 13 burial 04; 8, 9 – Veselaya Roshcha II kurgan 06 burial 01; 10 – Veselaya Roshcha III burial 23 burial 02; 11 – Veselaya Roshcha III kurgan 26 burial 15; 12 – Veselaya Roshcha III kurgan 16 burial 05; 13 – Chogray VIII kurgan 28 burial 02; 16, 17 – Chogray IX kurgan 09 burial 04; 18 – Veselaya Roshcha III kurgan 26 burial 10; 19 – Veselaya Roshcha II kurgan 02 burial 03 (1 – gold; 2, 3, 14, 15, 17 – bronze; 4, 16 – carnelian; 5, 12 – shell; 6, 7, 9–11 – bone; 8 – faience and carnelian; 13 – gagate; 18 – carnelian; 19 – faience, bone, gagate)

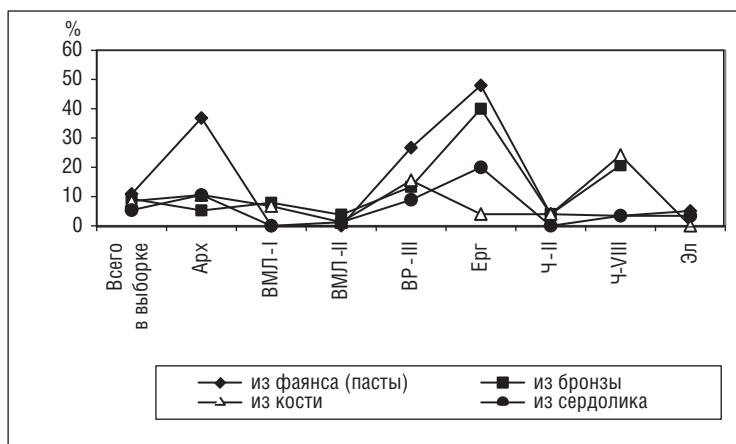
Илл. 55. Количество индивидуальных погребений с украшениями (бусы и пронизи) на памятниках

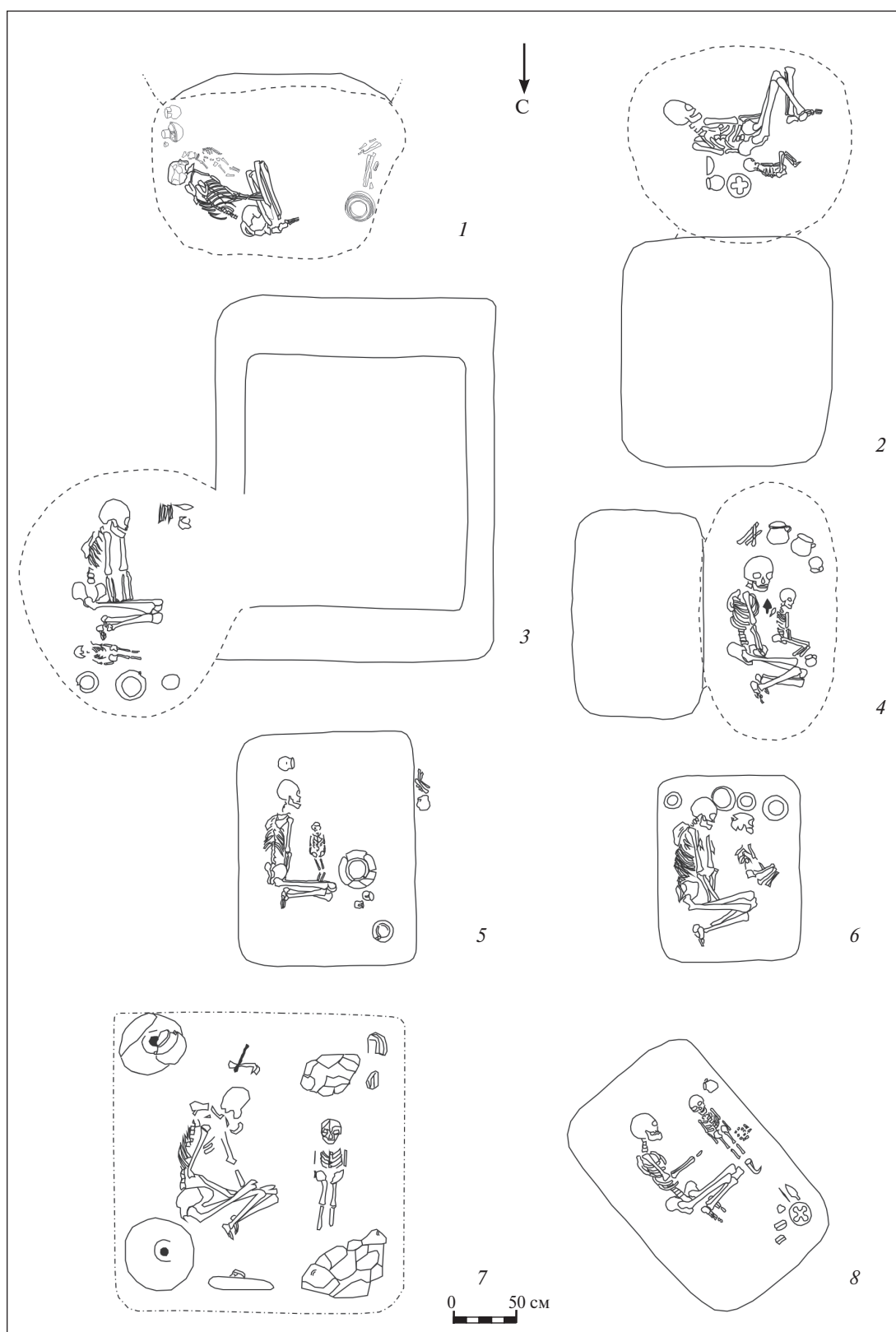
Fig. 55. Individual burials. Percentage of complexes containing ornaments (ordinary beads and long beads) at 8 representative burial sites

Илл. 56. Количество индивидуальных погребений с украшениями (бусы и пронизи) из различных материалов: фаянса, бронзы, кости, сердолика на памятниках

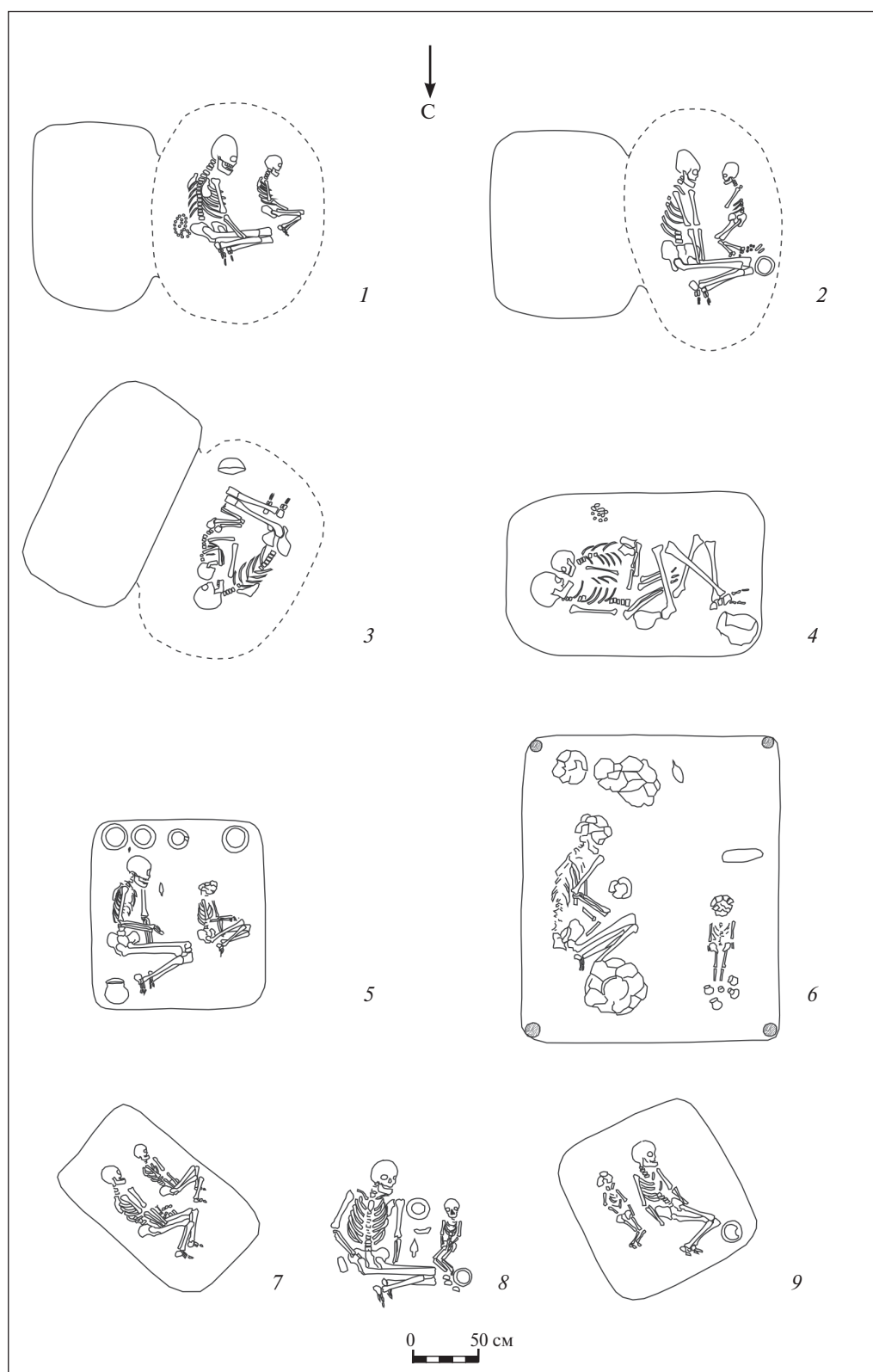
Fig. 56. Individual burials. Percentage of complexes containing ornaments (ordinary beads and long beads) made of various materials (faience, bronze, bone and carnelian) at 8 representative burial sites

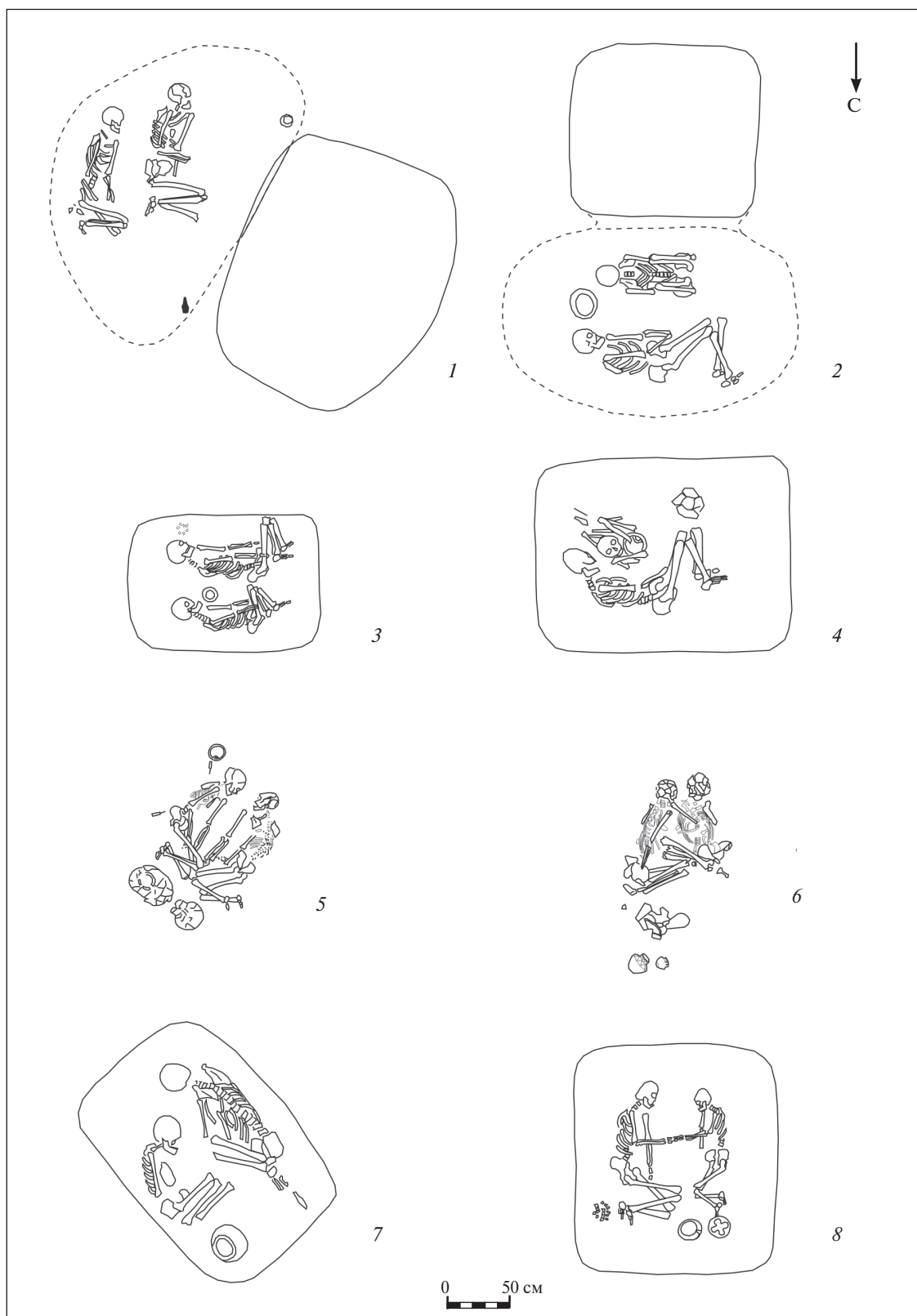
Илл. 57. Совместные погребения взрослых с младенцами (группа А): 1 – Чограй IX к. 01 п. 04; 2 – ВМЛ-I к. 54 п. 06; 3 – Архаринский к. 31 п. 01; 4 – ВМЛ-II к. 04 п. 01; 5 – Архаринский к. 02 п. 05; 6 – Элистинский к. 12 п. 03; 7 – Элистинский к. 08 п. 06; 8 – ВМЛ-II к. 34 п. 04

Fig. 57. Collective burials of adults accompanied with infants (group A): 1 – Chogray IX kurgan 01 burial 04; 2 – East Manych Levoberezhny I kurgan 54 burial 06; 3 – Arkharinsky kurgan 31 burial 01; 4 – East Manych Levoberezhny II kurgan 04 burial 01; 5 – Arkharinsky kurgan 02 burial 05; 6 – Elistinsky kurgan 12 burial 03; 7 – Elistinsky kurgan 08 burial 06; 8 – East Manych Levoberezhny II kurgan 34 burial 04

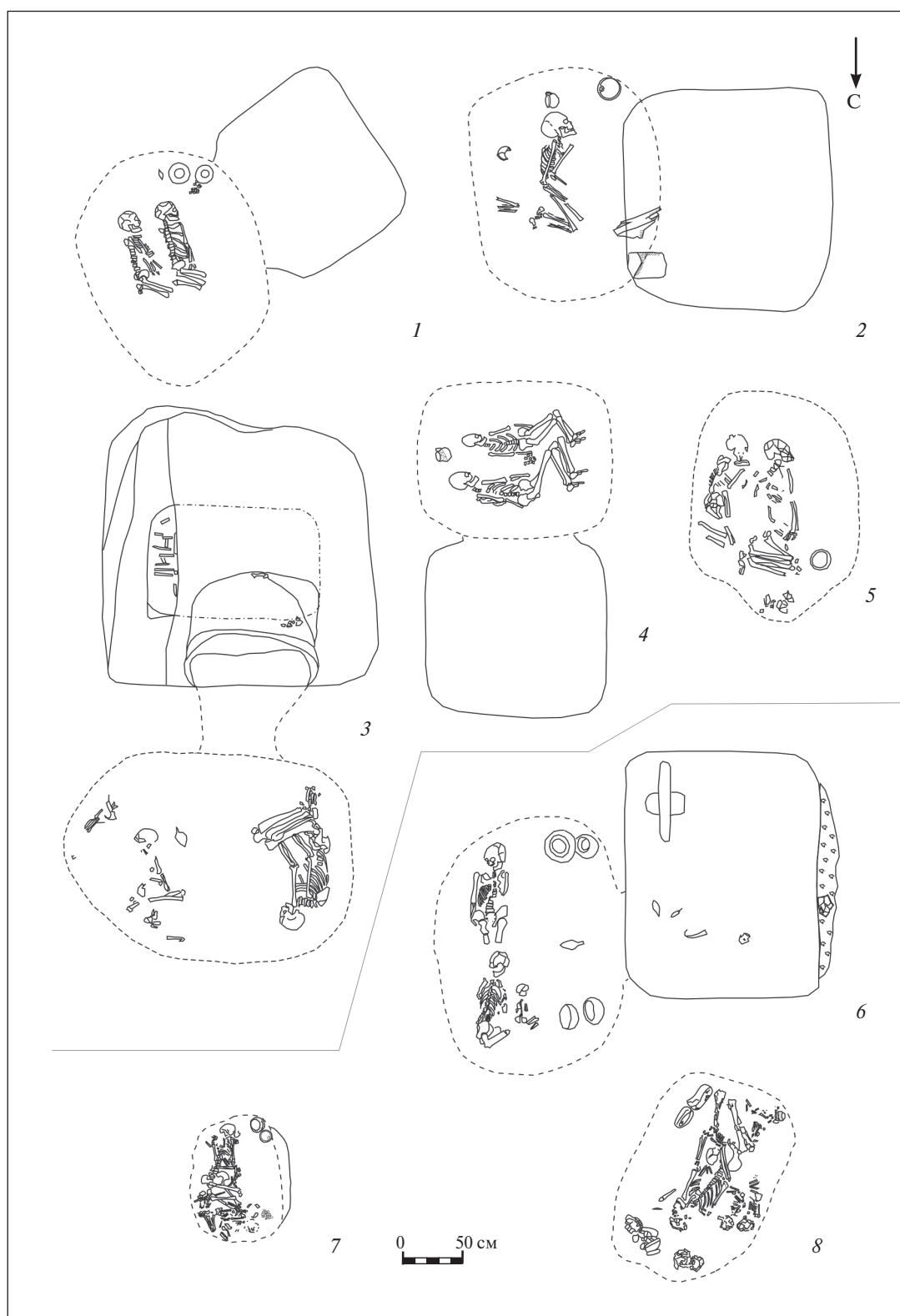
Илл. 58. Совместные погребения взрослых с детьми (группа В): 1 – ВМЛ-II к. 34 п. 06; 2 – ВМЛ-I к. 36 п. 05; 3 – ВМЛ-I к. 54 п. 04; 4 – ВМЛ-I к. 04 п. 07; 5 – Элистинский к. 13 п. 04; 6 – Элистинский к. 02 п. 08; 7 – ВМЛ-II к. 36 п. 03; 8 – ВМЛ-II к. 33 п. 03; 9 – ВМЛ-I к. 11 п. 02

Fig. 58. Collective burials of adults accompanied with children (group B): 1 – East Manych Levoberezhny II kurgan 34 burial 06; 2 – East Manych Levoberezhny I kurgan 36 burial 05; 3 – East Manych Levoberezhny I kurgan 54 burial 04; 4 – East Manych Levoberezhny I kurgan 04 burial 07; 5 – Elistinsky kurgan 13 burial 04; 6 – Elistinsky kurgan 02 burial 08; 7 – East Manych Levoberezhny II kurgan 36 burial 03; 8 – East Manych Levoberezhny II kurgan 33 burial 03; 9 – East Manych Levoberezhny I kurgan 11 burial 02

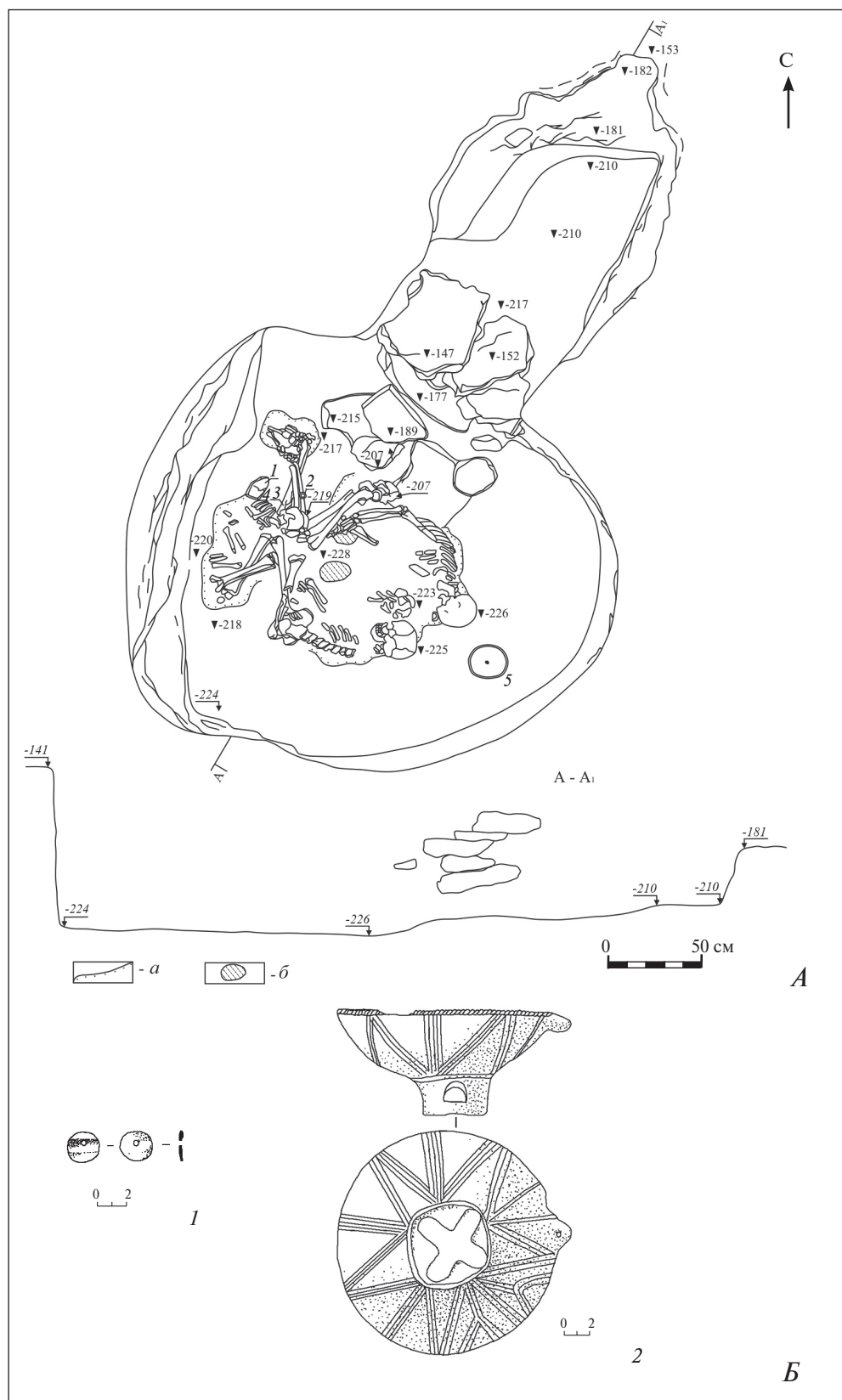
Илл. 59. Совместные погребения взрослых (1–7 – группа C) и взрослого с подростком (8 – группа D): 1 – Чограй VIII к. 09 п. 03; 2 – ВМЛ-I к. 22 п. 06; 3 – ВМЛ-II к. 37 п. 06; 4 – ВМЛ-II к. 23 п. 03; 5 – Лола I к. 04 п. 07; 6 – Чограй IX к. 05 п. 05; 7 – ВМЛ-I к. 07 п. 05; 8 – ВМЛ-I к. 43 п. 01

Fig. 59. Collective burials of adults (1–7 – group C) and of an adult and a juvenile (8 – group D): 1 – Chogray VIII kurgan 09 burial 03; 2 – East Manych Levoberezhny I kurgan 22 burial 06; 3 – East Manych Levoberezhny II kurgan 37 burial 06; 4 – East Manych Levoberezhny II kurgan 23 burial 03; 5 – Lola I kurgan 04 burial 07; 6 – Chogray IX kurgan 05 burial 05; 7 – East Manych Levoberezhny I kurgan 07 burial 05; 8 – East Manych Levoberezhny I kurgan 43 burial 01

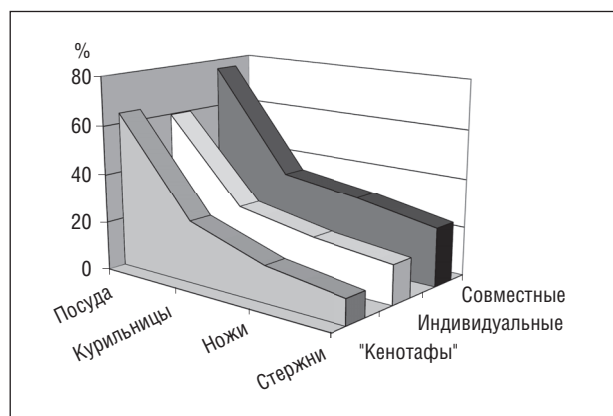
Илл. 60. Совместные двойные погребения подростков (1–5 – группа D) и взрослых и подростков с детьми с числом погребенных больше двух (6, 8 – группа A, 7 – группа B): 1 – Веселая Роща III к. 24 п. 07; 2 – Веселая Роща III к. 07 п. 13; 3 – Остров к. 03 п. 27; 4 – ВМЛ-I к. 45 п. 01; 5 – Веселая Роща III к. 06 п. 07; 6 – Лола I к. 04 п. 08; 7 – Веселая Роща III к. 05 п. 02; 8 – Веселая Роща I к. 03 п. 03

Fig. 60. Collective dual burials of juveniles (1–5 – group D) and adults and juveniles accompanied by infants and children with more than two buried individuals (6, 8 – group A, 7 – group B): 1 – Veselaya Roshcha III kurgan 24 burial 07; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 07 burial 13; 3 – Ostrovnoy kurgan 03 burial 27; 4 – East Manych Levoberezhny I kurgan 45 burial 01; 5 – Veselaya Roshcha III kurgan 06 burial 07; 6 – Lola I kurgan 04 burial 08; 7 – Veselaya Roshcha III kurgan 05 burial 02; 8 – Veselaya Roshcha I kurgan 03 burial 03

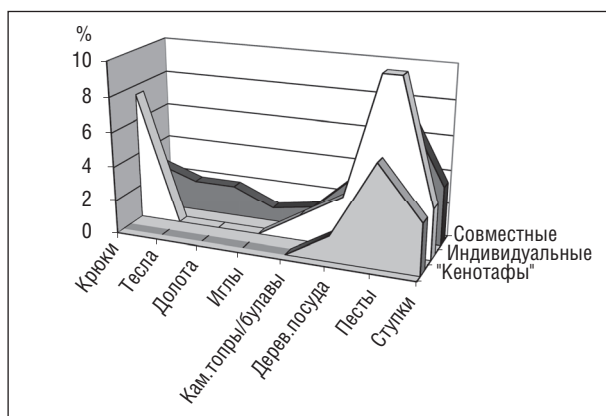
Илл. 61. Грушевка I к. 11 п. 06. Совместное погребение двух взрослых, младенца и ребенка (группа В): А — план и разрез: 1 — камень, 2 — подвеска/нашивки из раковины, 3 — костяная трубочка/пронизь, 4 — «железистая конкреция», 5 — керамическая курильница; условные обозначения: а — граница подсыпки охры, б — древесный тлен; Б — инвентарь: 1 — подвеска/нашивки из раковины, 2 — керамическая курильница (Державин. Отчет 1981)

Fig. 61. Grushevka I kurgan 11 burial 06. Collective burial of two adults and two children (one infant and one child) (group B) (Derzhavin. Report 1981)

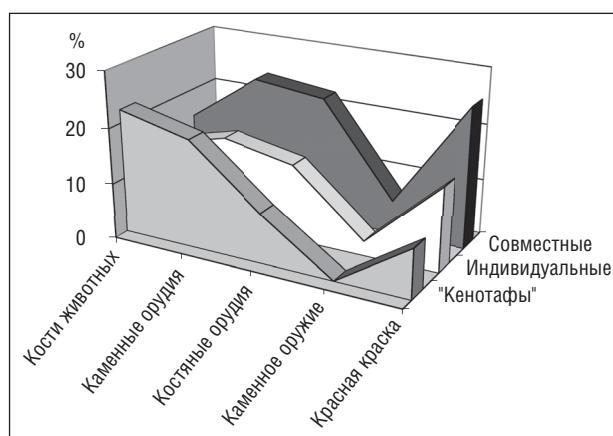
Илл. 62. Количество комплексов с посудой, курильницами, ножами и стержнями в выборках погребений и «кенотафов»

Fig. 62. Selections of individual and collective burials and cenotaphs. Percentage of assemblages containing tableware, censers, knives and rods

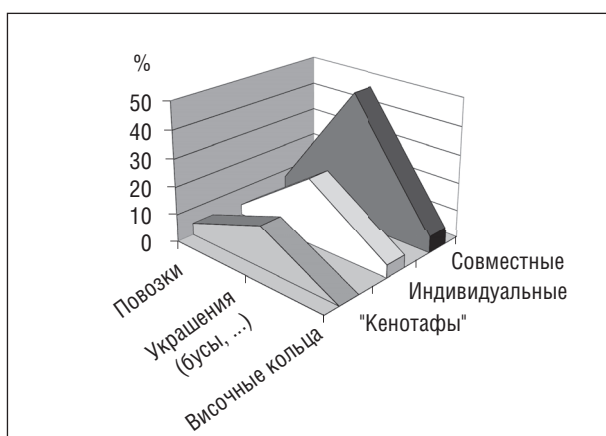
Илл. 63. Количество комплексов с бронзовыми и каменными орудиями/оружием и деревянной посудой в выборках погребений и «кенотафов»

Fig. 63. Selections of individual and collective burials and cenotaphs. Percentage of assemblages containing bronze and stone tools/weapons and wooden vessels

Илл. 64. Количество комплексов с костями животных, каменными и костяными орудиями (предметами) и красной краской в выборках погребений и «кенотафов»

Fig. 64. Selections of individual and collective burials and cenotaphs. Percentage of assemblages containing animal bones, stone and bone tools/objects and red paint (ochre)

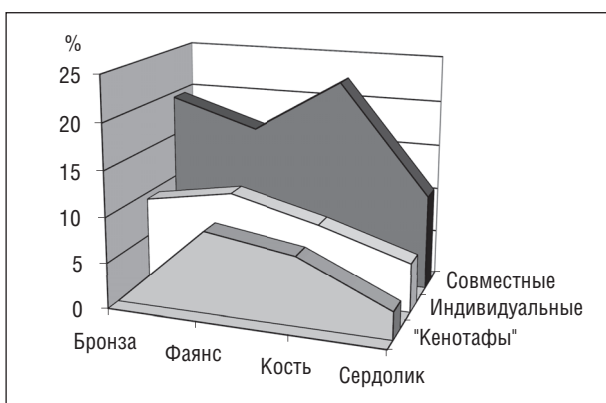

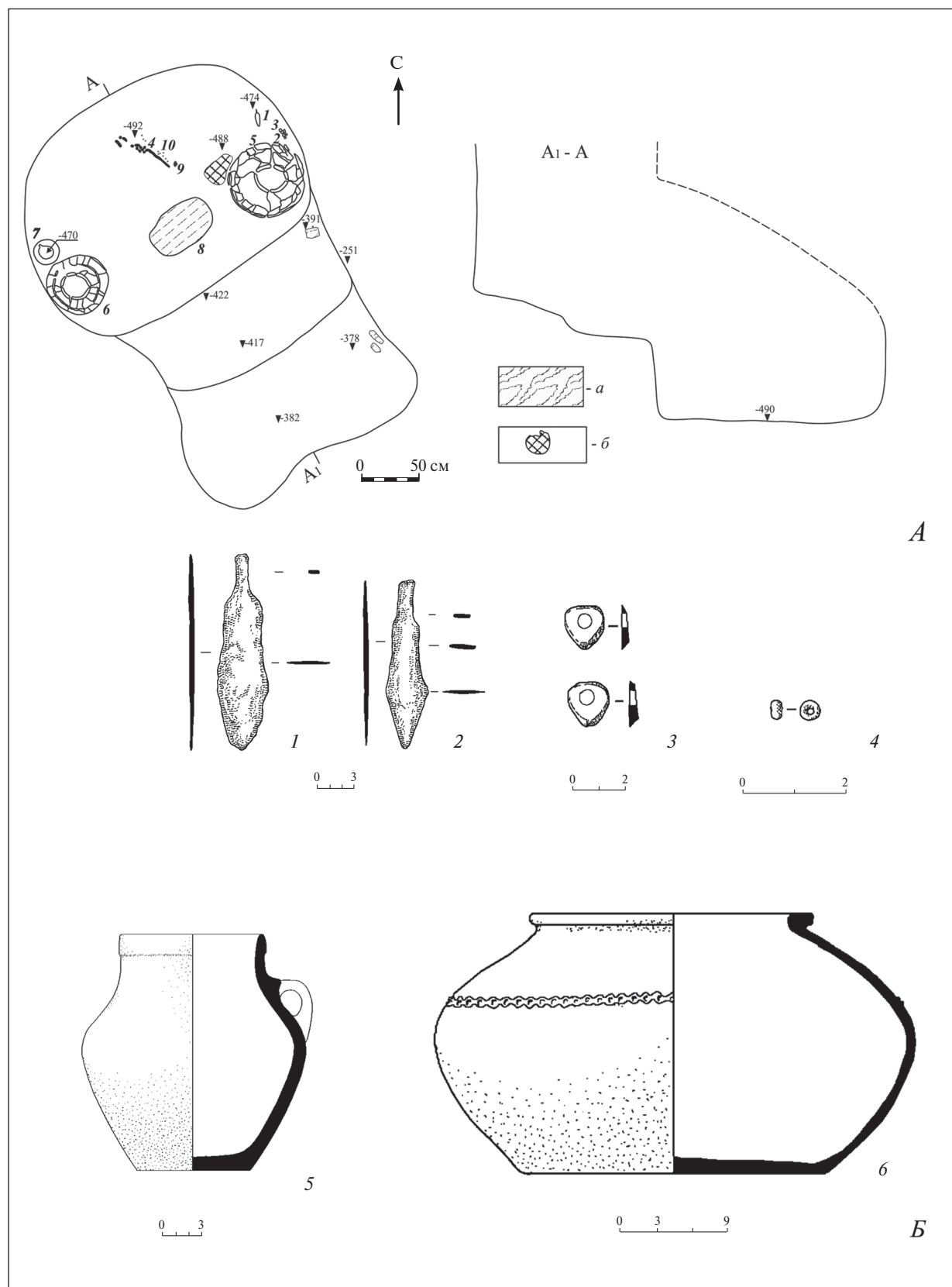
Илл. 65. Количество комплексов с повозками, украшениями (бусами, пронизями) и височными кольцами в выборках погребений и «кенотафов»

Fig. 65. Selections of individual and collective burials and cenotaphs. Percentage of assemblages containing wagons, ornaments (ordinary beads and long beads) and temple rings

Илл. 66. Количество комплексов с украшениями (бусами, пронизями) из различных материалов в выборках погребений и «кенотафов»

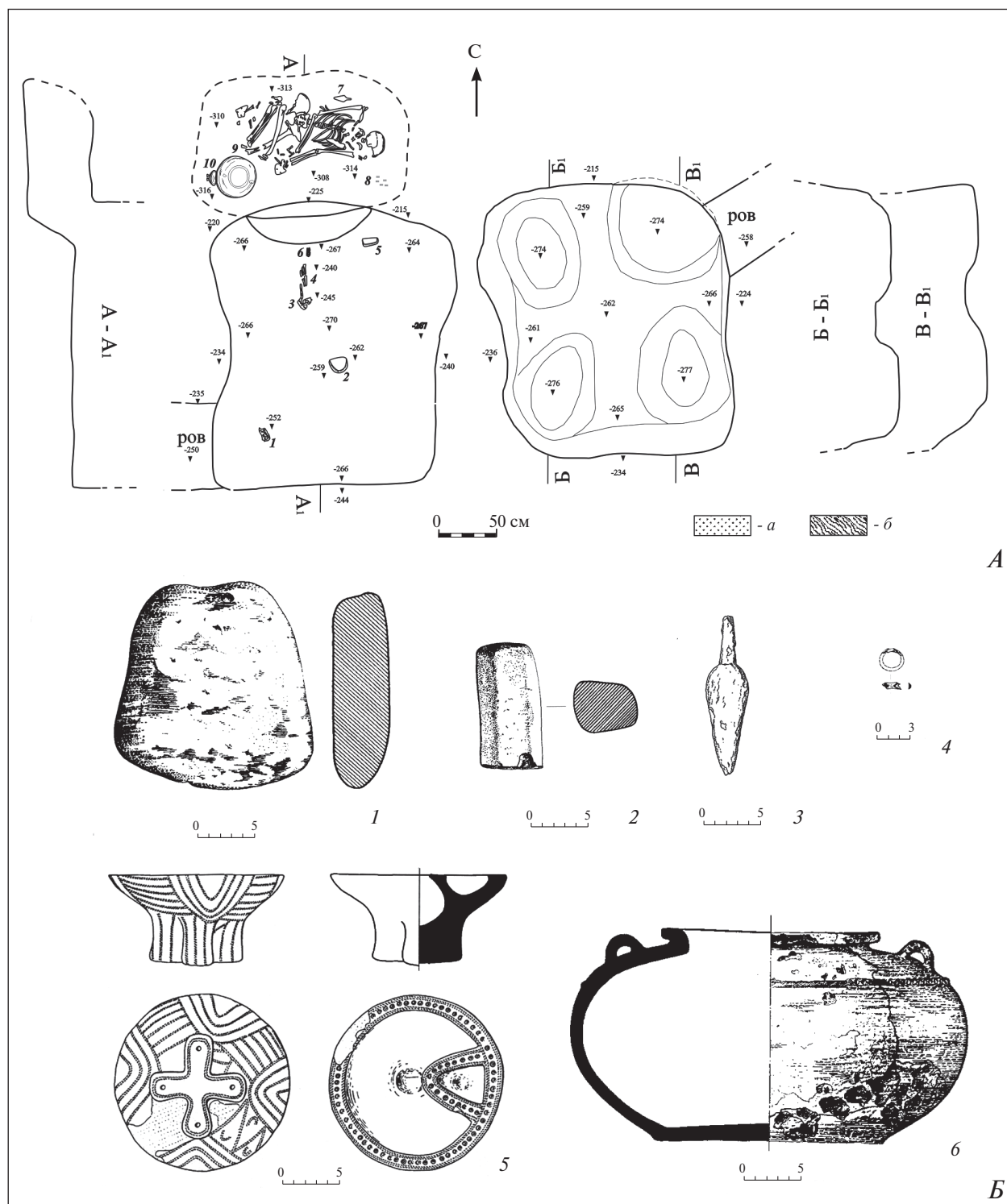
Fig. 66. Selections of individual and collective burials and cenotaphs. Percentage of assemblages containing ornaments (ordinary beads and long beads) made of various materials

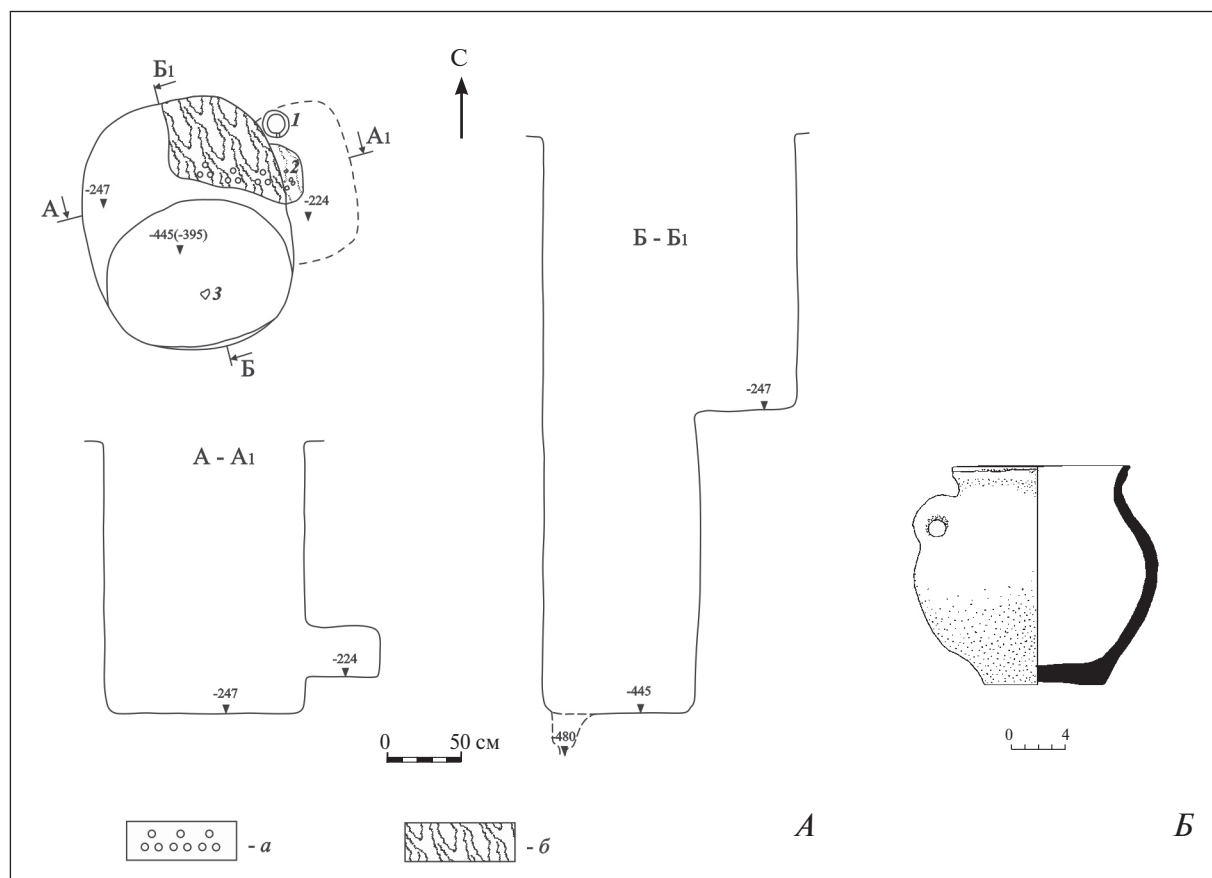
Илл. 67. Ергенинский к. 10 п. 04. «Кенотаф»: А – план и разрез; 1, 2 – бронзовые ножи; 3 – кости конечности м.р.с.; 4 – перламутровые бусы; 5–7 – керамические сосуды; 8 – деревянное блюдо; 9 – кусок охры; 10 – фаянсовые бусы; условные обозначения: а – дерево, б – органическая подстилка; Б – инвентарь: 1, 2 – ножи; 3, 4 – бусы; 5, 6 – сосуды (1, 2 – бронза; 3 – перламутр; 4 – фаянс; 5, 6 – керамика) (Шилов. Отчет 1984)

Fig. 67. Yergeninsky kurgan 10 burial 04. Cenotaph (Shilov. Report 1984)

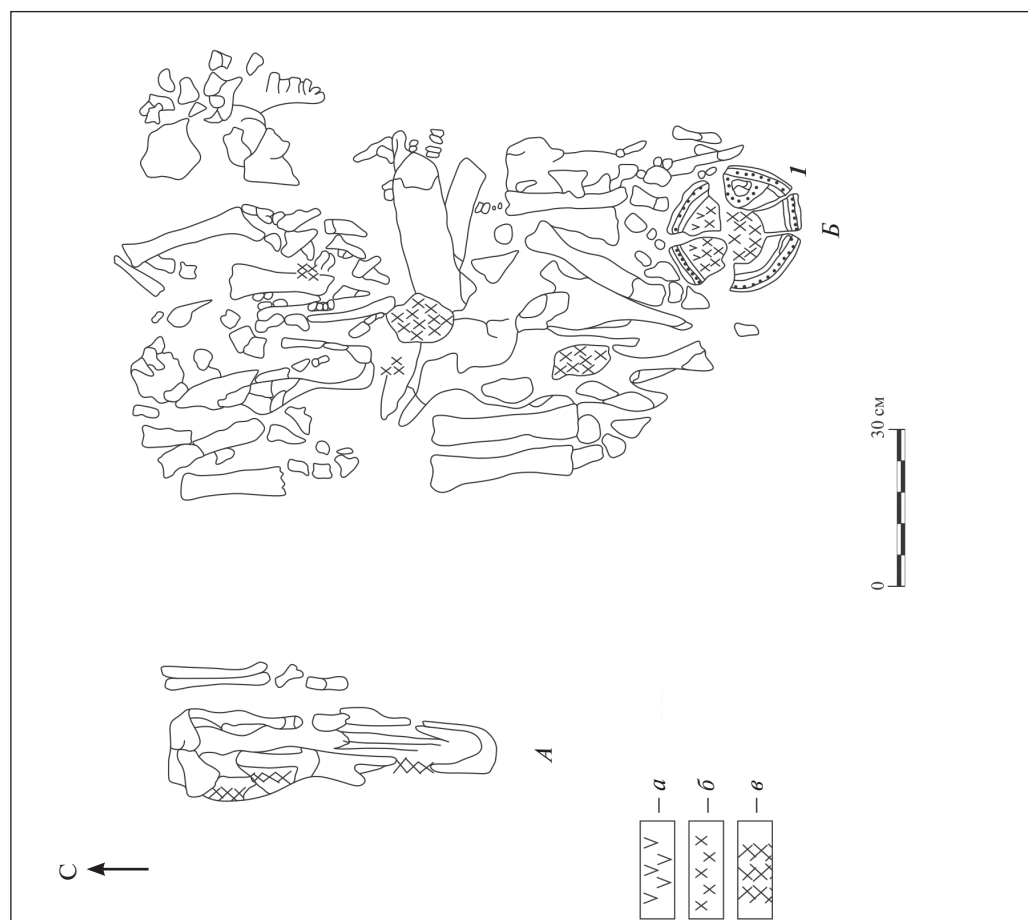
Илл. 68. Спасское к. 01 п. 11 и п. 12. Погребение и «кенотаф»: А – план и разрез: 1 – фрагмент деревянного предмета; 2 – «ступка/наковальня» каменная; 3, 8 – фрагменты деревянных предметов, обмотанных бронзовым жгутом/дротом; 4, 6 – кости конечностей м.р.с.; 5 – каменный пест; 7 – бронзовый нож; 9 – сосуд; 10 – курильница; условные обозначения: а – пятна охры, б – древесный тлен; Б – инвентарь: 1 – «ступка/наковальня», 2 – пест, 3 – нож, 4 – фрагмент кольца, 5 – курильница, 6 – сосуд (1, 2 – камень; 3 – бронза 4 – кость; 5, 6 – керамика) (Андреева, Новикова, 2003)

Fig. 68. Spasskoye kurgan 01 burials 11 and 12. Burial and cenotaph (Andreyeva, Novikova, 2003)

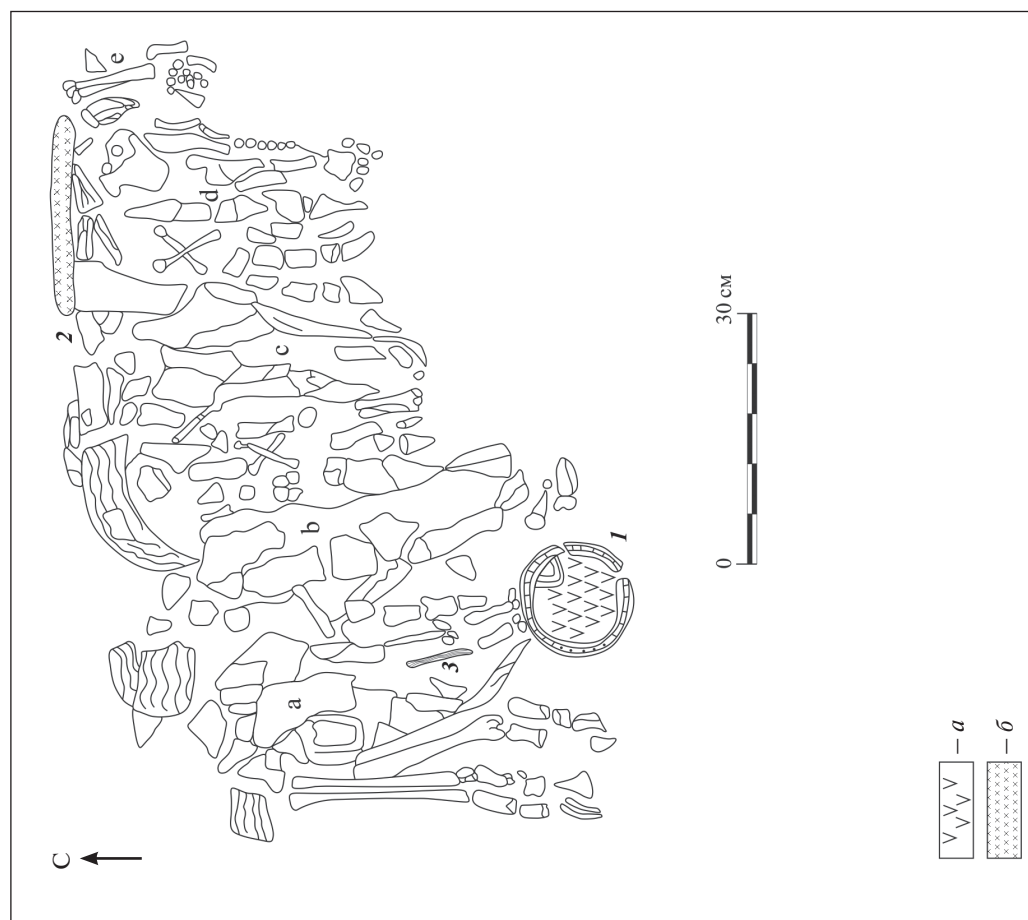
Илл. 69. Ергенинский к. 01 п. 01. «Кенотаф»: *А* – план и разрез: *1* – керамический сосуд, *2* – астрагалы 6 шт., *3* – камень-песчаник; условные обозначения: *а* – кусочки мела, *б* – подстилка из коры; *Б* – сосуд (Шилов. Отчет 1981)

Fig. 69. Yergeninsky kurgan 01 burial 01. Cenotaph (Shilov. Report 1981)

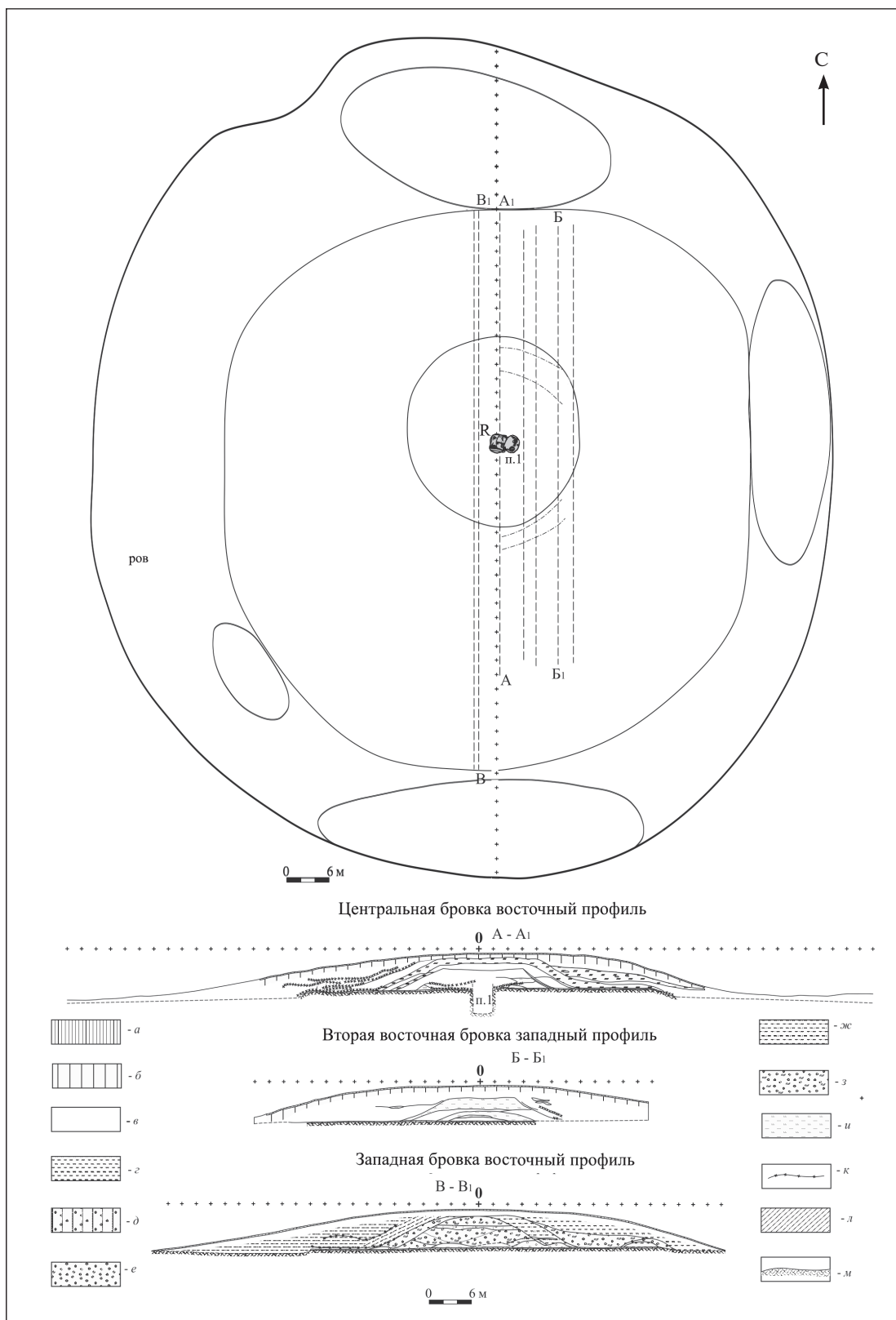
Илл. 70. Ергенинский курган 11. «Жертвенник» (призна 1): *А* – верхний слой, *Б* – нижний слой: *1* – курильница (условные обозначения: *а* – обугленное дерево, *б* – остатки щиповки, *в* – остатки шкуры) (Шилов. Отчет 1985–1986)

Fig. 70. Yergeninsky kurgan 11. Sacrificial place 1 (Shilov. Report 1985–1986)

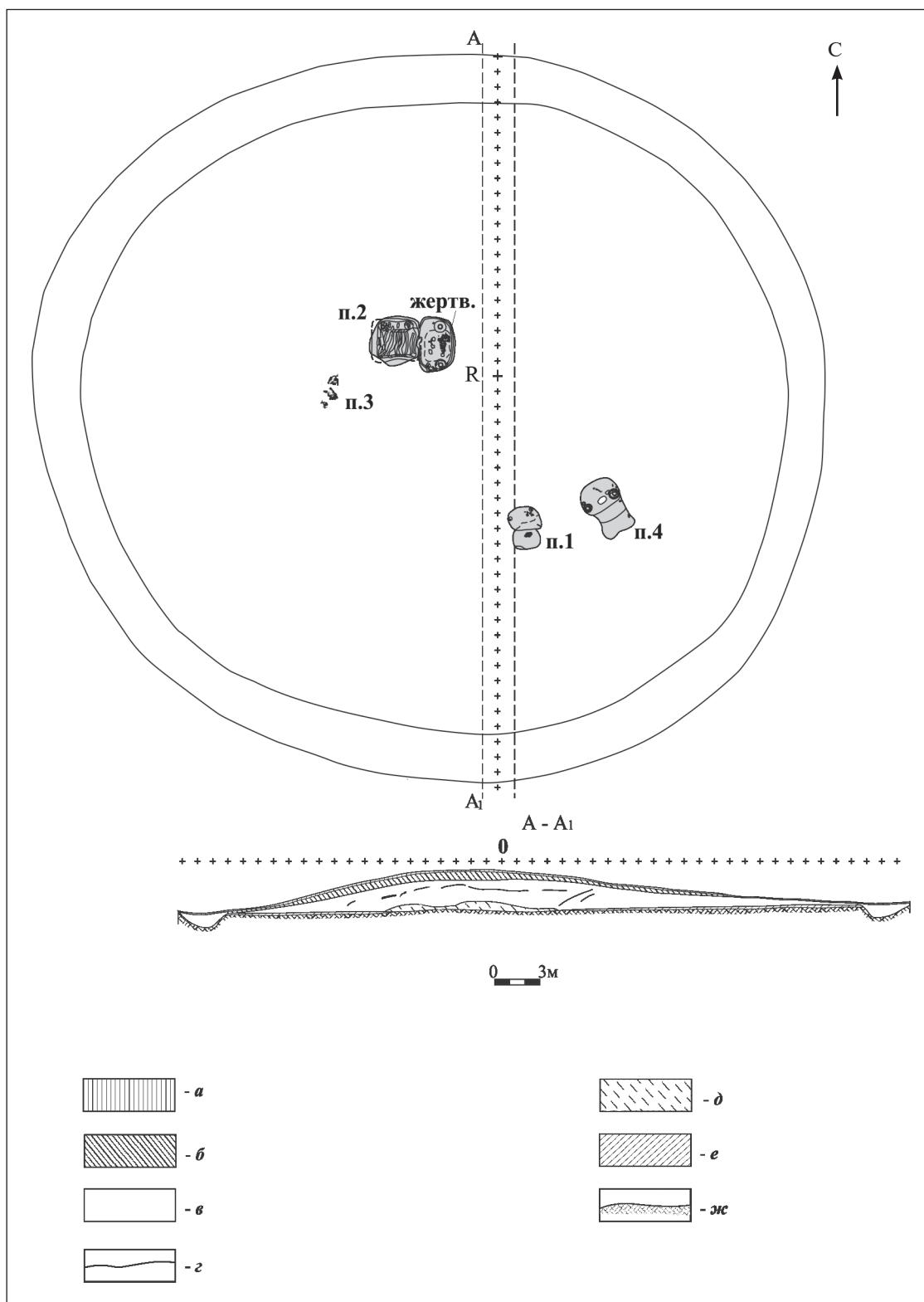
Илл. 71. Ергенинский курган 11. «Жертвенник» (призна 2): *1* – курильница, *2–3* – фрагменты деревянных предметов, *а–е* – черепа и кости ног к.р.с. (условные обозначения: *а* – угольки, *б* – камышовая подстилка) (Шилов. Отчет 1985–1986)

Fig. 71. Yergeninsky kurgan 11. Sacrificial place 2 (Shilov. Report 1985–1986)

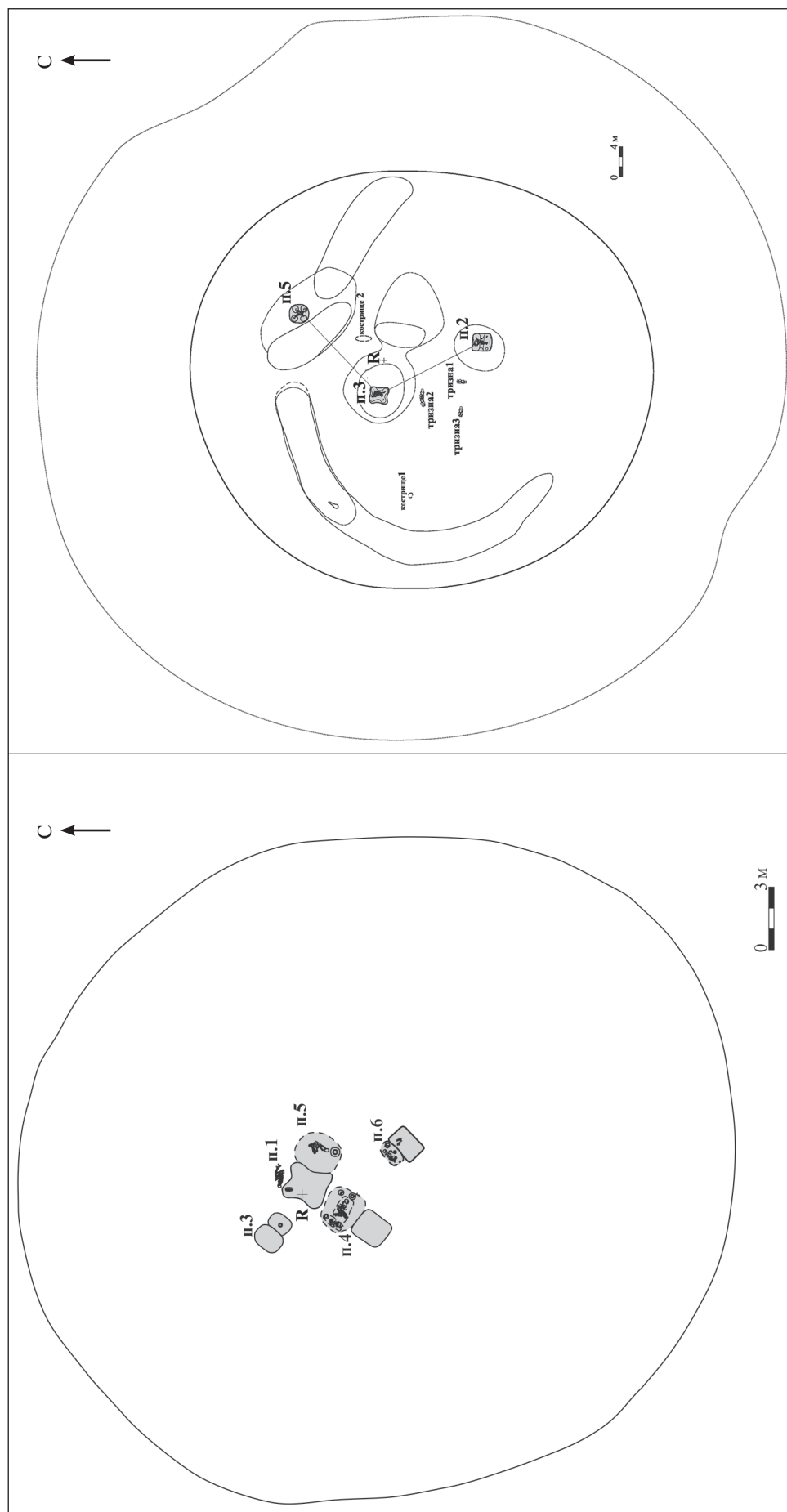
Илл. 72. Ергенинский курган 11. План и профили: условные обозначения: а – дерн, б – карбонатный слой, в – темно-коричневый солончак, г – темно-коричневый суглинок, д – светло-серый суглинок с карбонатными включениями, е – светло-каштановый суглинок комковатой структуры, ж – светло-каштановый суглинок мелкозернистой структуры, з – мешаный крупнозернистый суглинок с темными включениями, и – светлая глина, к – прослойки камыша (куга), л – погребенная почва, м – материк) (Шилов. Отчет 1985–1986)

Fig. 72. Yergeninsky kurgan 11. Plan and cross-sections (Shilov. Report 1985–1986)

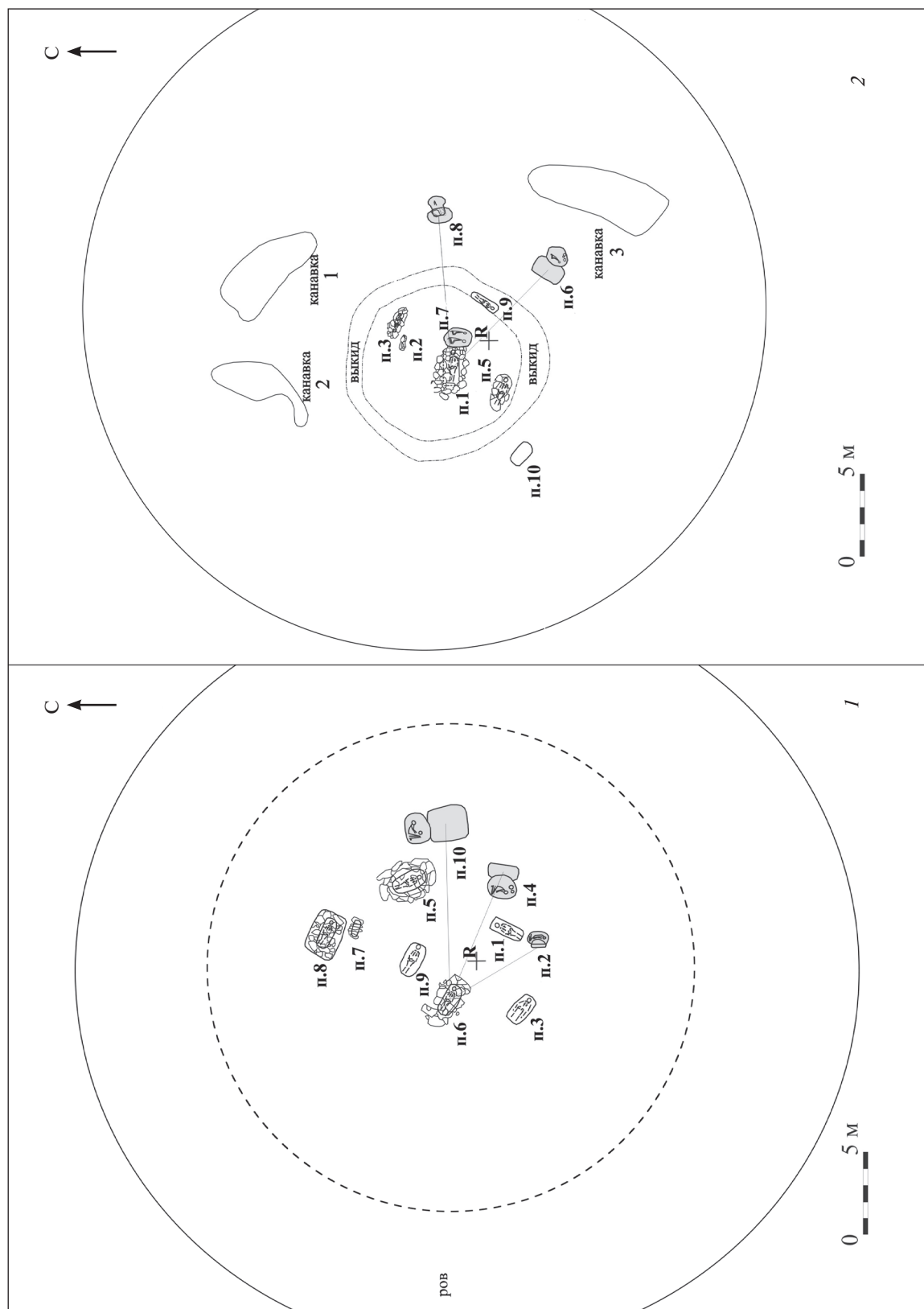
Илл. 73. Ергенинский курган 10. План и профиль: условные обозначения: *a* — дерн, *б* — карбонатный слой, *в* — насыпь, *г* — камышовые прослойки, *д* — материковый выкид, *е* — погребенная почва, *ж* — материк (Шилов. Отчет 1984)

Fig. 73. Yergeninsky kurgan 10. Plan and cross-section (Shilov. Report 1984)

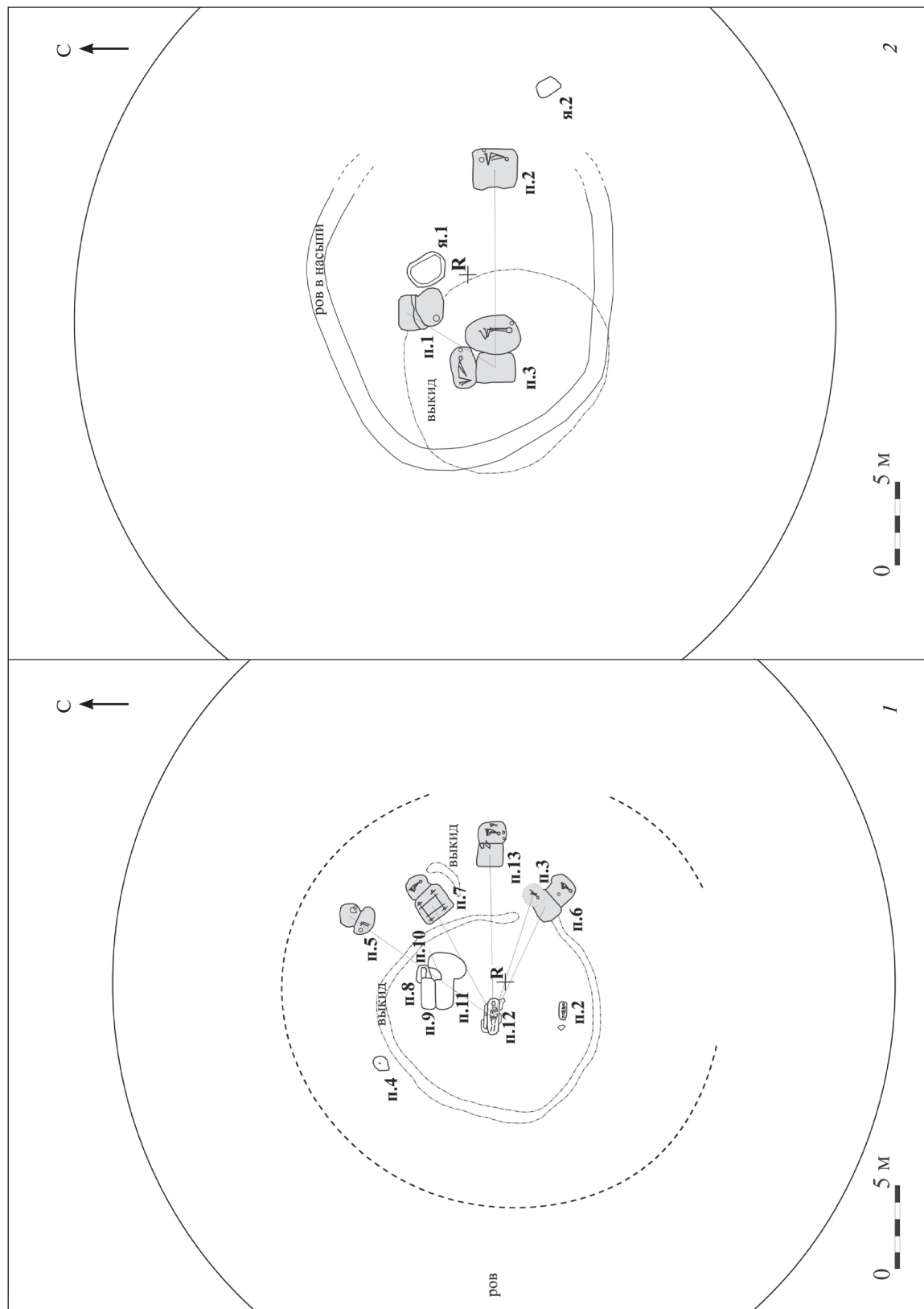
Илл. 74. Ергенинский. Планы курганов 03 (I) и 06 (2) (Шилов. Отчет 1981; Отчет 1982)

Fig. 74. Yergeninsky. Plans of kurgans 03 (I) and 06 (2) (Shilov. Report 1981; Report 1982)

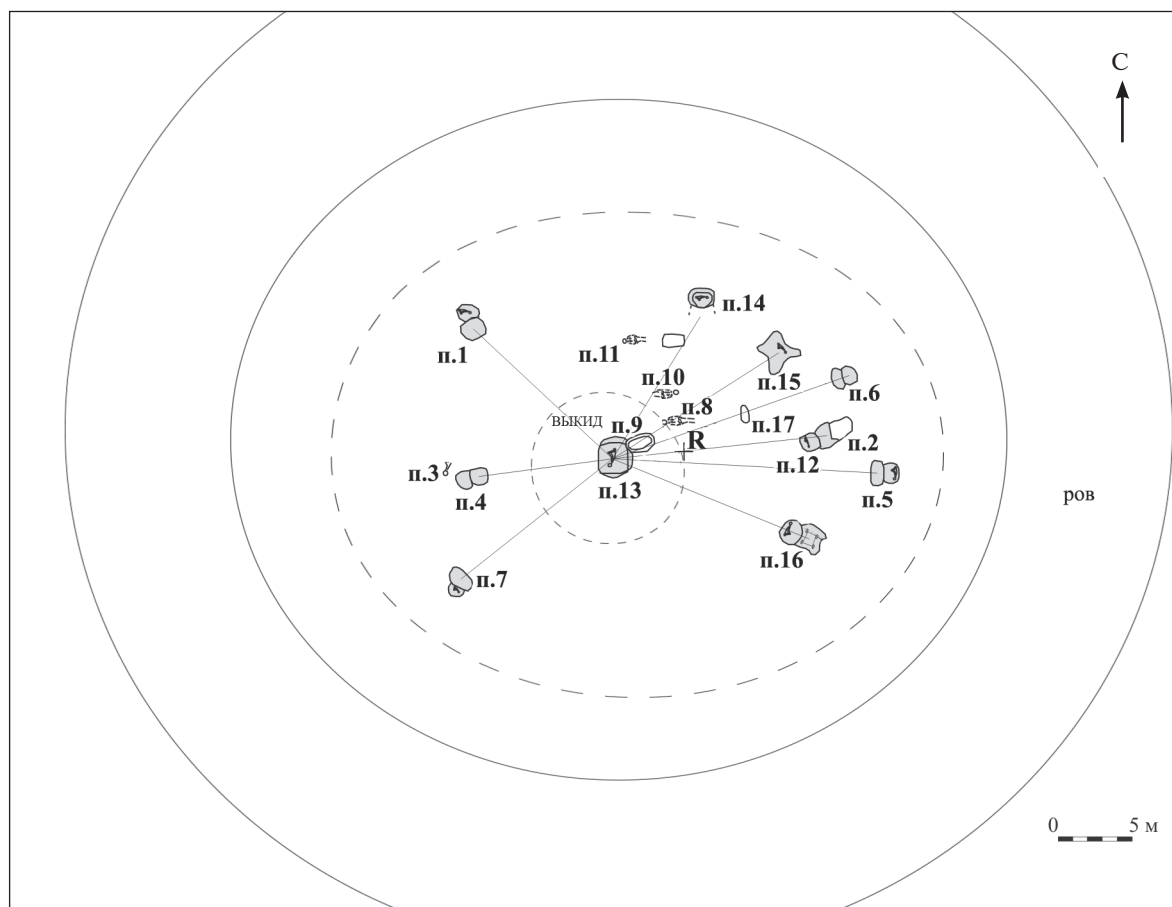
Илл. 75. Веселая Роща III. Планы курганов 05 (1) и 06 (2) (Романовская. Отчет 1978)

Fig. 75. Veselaya Roshcha III. Plans of kurgans 05 (1) and 06 (2) (Romanovskaya. Report 1978)

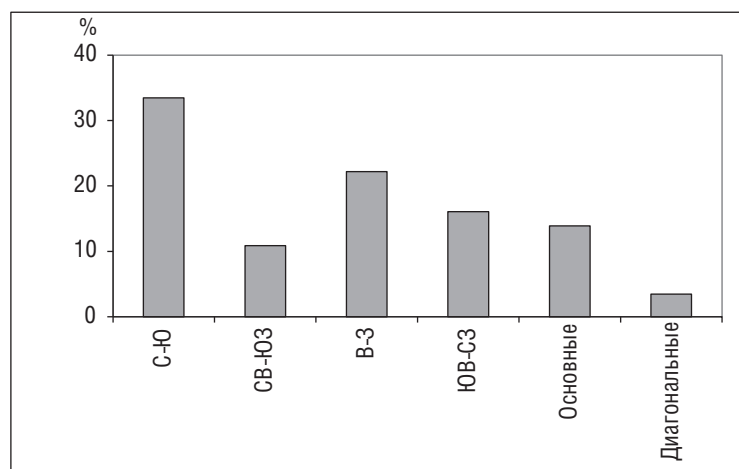
Илл. 76. Веселая Роша III. Планы курганов 07 (1) и 23 (2) (Романовская. Отчет 1978; Державин, 1989)

Fig. 76. Veselaya Roshcha III. Plans of kurgans 07 (1) and 23 (2) (Romanovskaya. Report 1978; Derzhavin, 1989)

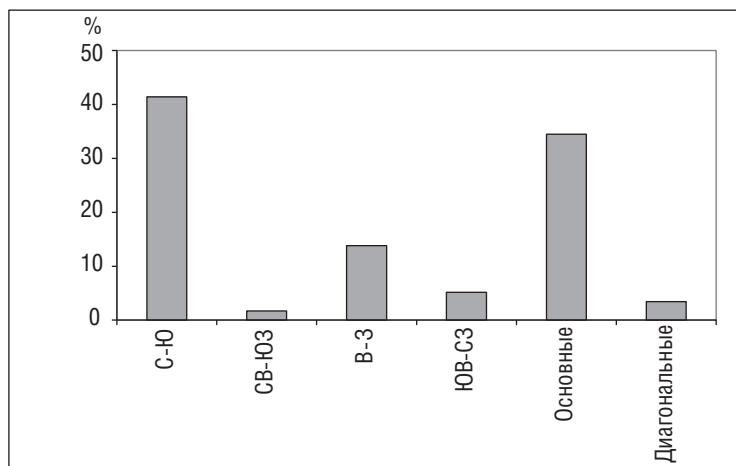
Илл. 77. Веселая Роща III. Курган 21. План (Державин, 1989)

Fig. 77. Veselaya Roshcha III. Kurgan 21. Plan (Derzhavin, 1989)

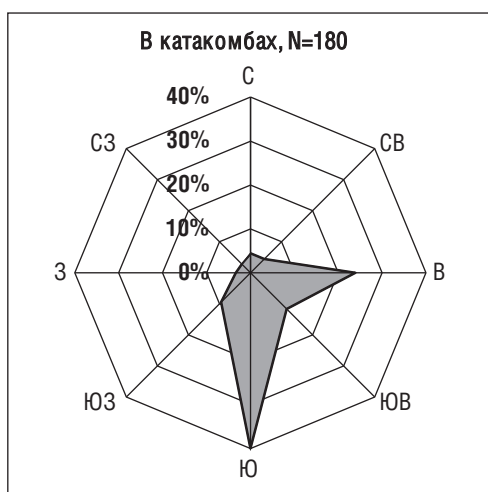
Илл. 78. Ориентировки могильных конструкций основных погребений

Fig. 78. Central burials. Orientation of burial constructions

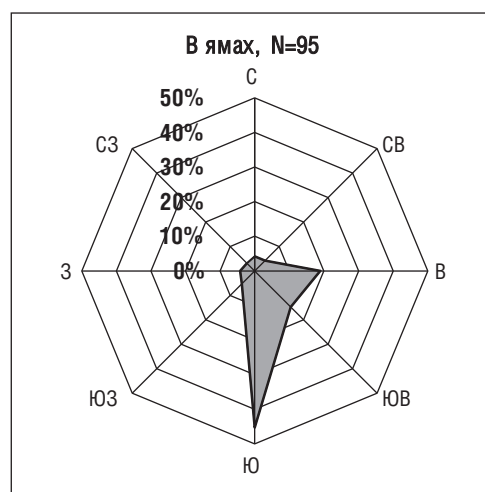
Илл. 79. Ориентировки могильных конструкций впускных погребений

Fig. 79. Dug-in burials. Orientation of burial constructions

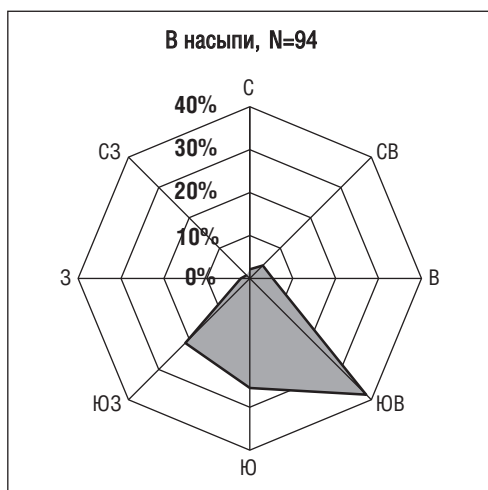
Илл. 80. Ориентировки погребенных индивидуально в материке в катакомбах

Fig. 80. Individual burials. Orientation of the dead in catacombs located in the subsoil

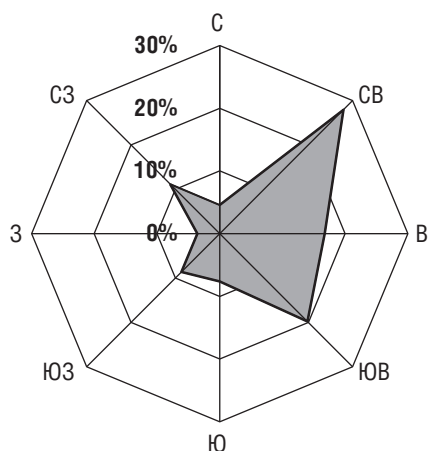
Илл. 81. Ориентировки погребенных индивидуально в материке в ямах

Fig. 81. Individual burials. Orientation of the dead in grave-pits located in the subsoil

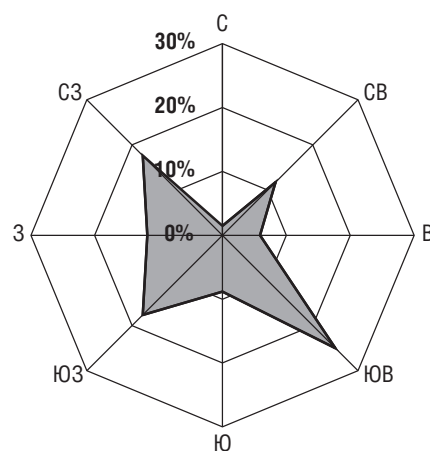
Илл. 82. Ориентировки погребенных индивидуально в конструкциях в насыпи

Fig. 82. Individual burials. Orientation of the dead in burial constructions located in the kurgan mound

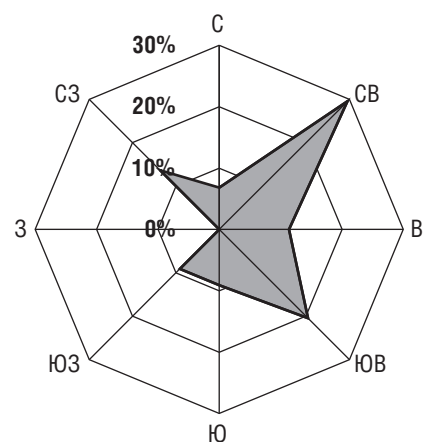
Илл. 83. Распределение впускных индивидуальных погребений в материке по секторам курганов

Fig. 83. Individual burials. Distribution of graves dug in subsoil by 8 kurgan sectors

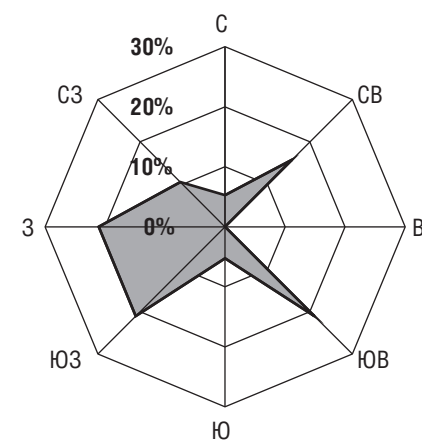
Илл. 84. Распределение впускных индивидуальных погребений в насыпи по секторам курганов

Fig. 84. Individual burials. Distribution of graves dug in the mound by 8 kurgan sectors

Илл. 85. Распределение впускных индивидуальных погребений в материке по секторам курганов с основным восточноманычским погребением

Fig. 85. Individual burials. Distribution of burials dug in the subsoil by 8 sectors in kurgans with central East Manych burial

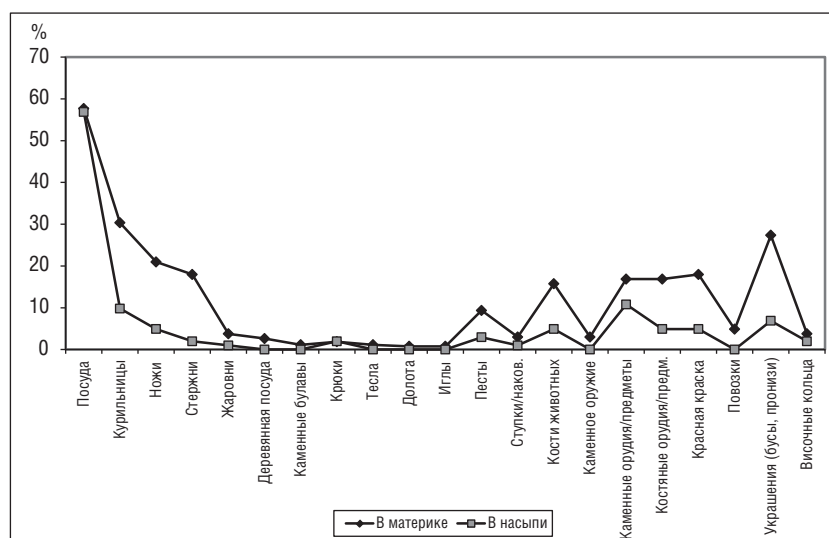

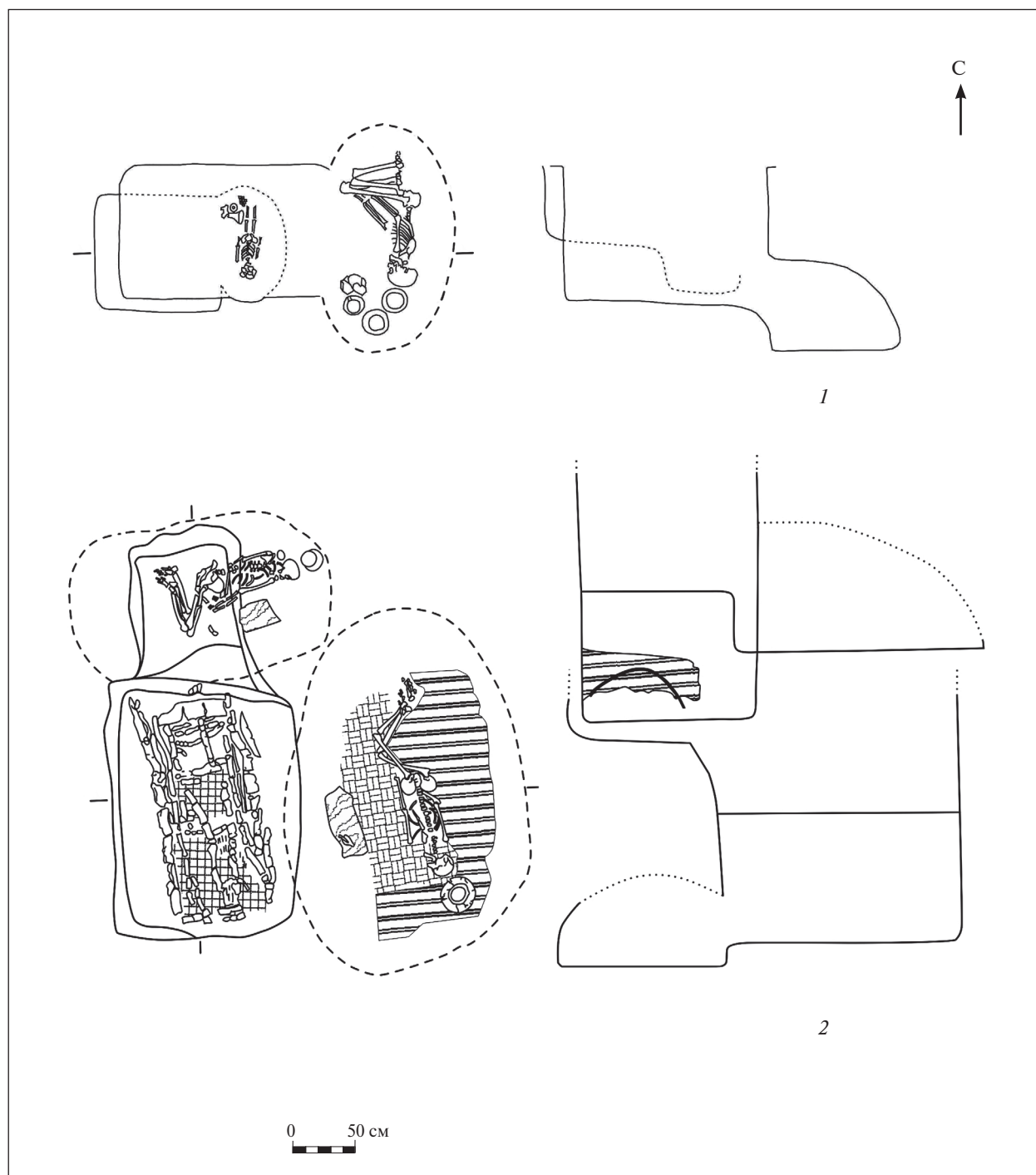
Илл. 86. Распределение впускных индивидуальных погребений в насыпи по секторам курганов с основным восточноманычским погребением

Fig. 86. Individual burials. Distribution of burials dug in the mound by 8 sectors of kurgans with central East Manych burial

Илл. 87. Количество впускных индивидуальных погребений с различными категориями инвентаря погребений в материке и в насыпи

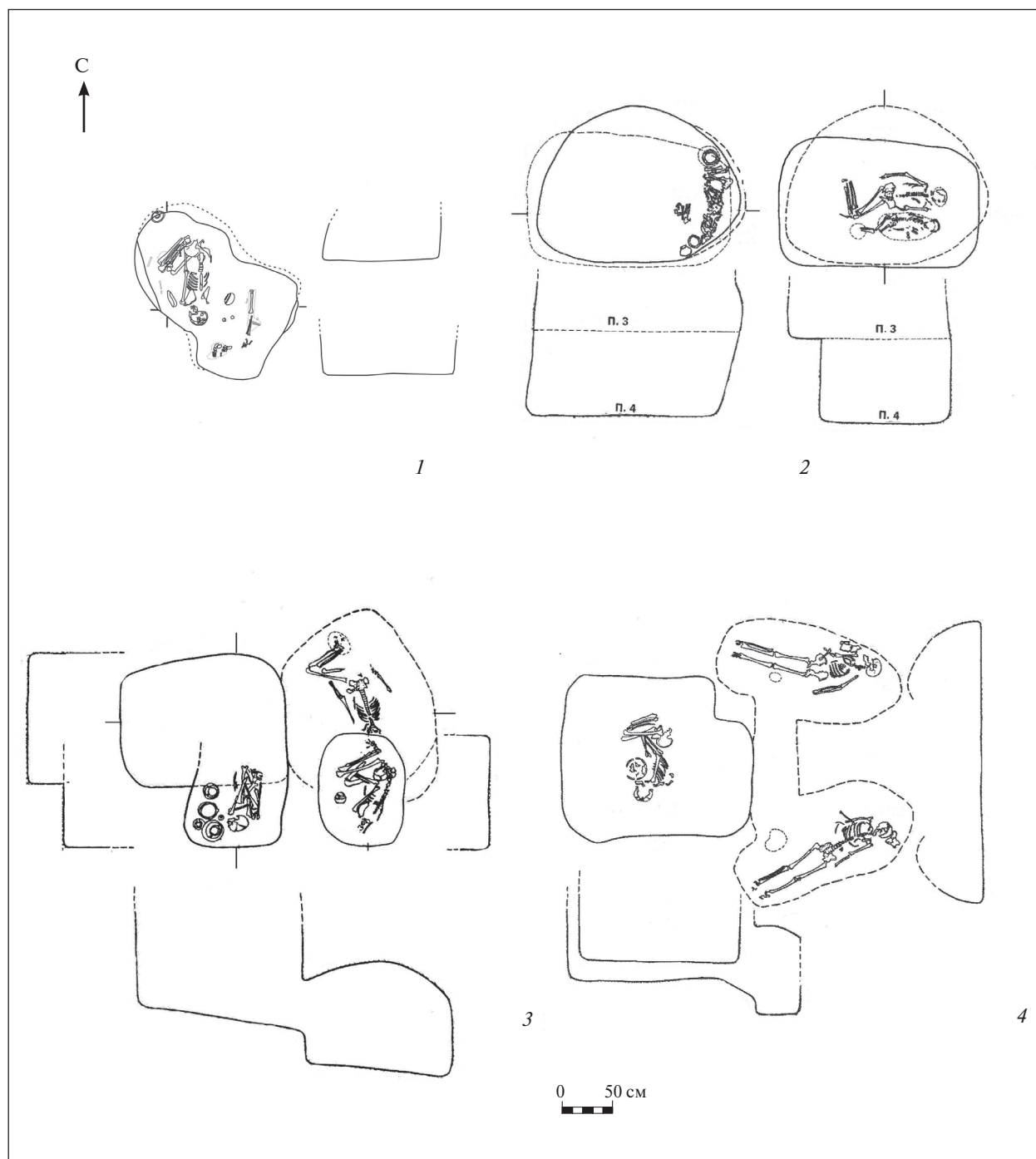
Fig. 87. Individual burials. Percentage of burials dug in the subsoil and the mound containing various categories of grave goods

Илл. 89. Стратиграфические «связки» восточноманычских комплексов: 1 – Элистинский к. 27 п. 01 и 02; 2 – Веселая Роща III к. 23 п. 03 (а и б) (Синицын, Эрдниев, 1971; Державин, 1989)

Fig. 89. Stratigraphic sequences of East Manych assemblages. 1 – Elistinsky kurgan 27 burial 01; 2 – Veselaya Roshcha III kurgan 23 burial 03 (a and b) (Sinitsyn, Erdniyev, 1971; Derzhavin, 1989)

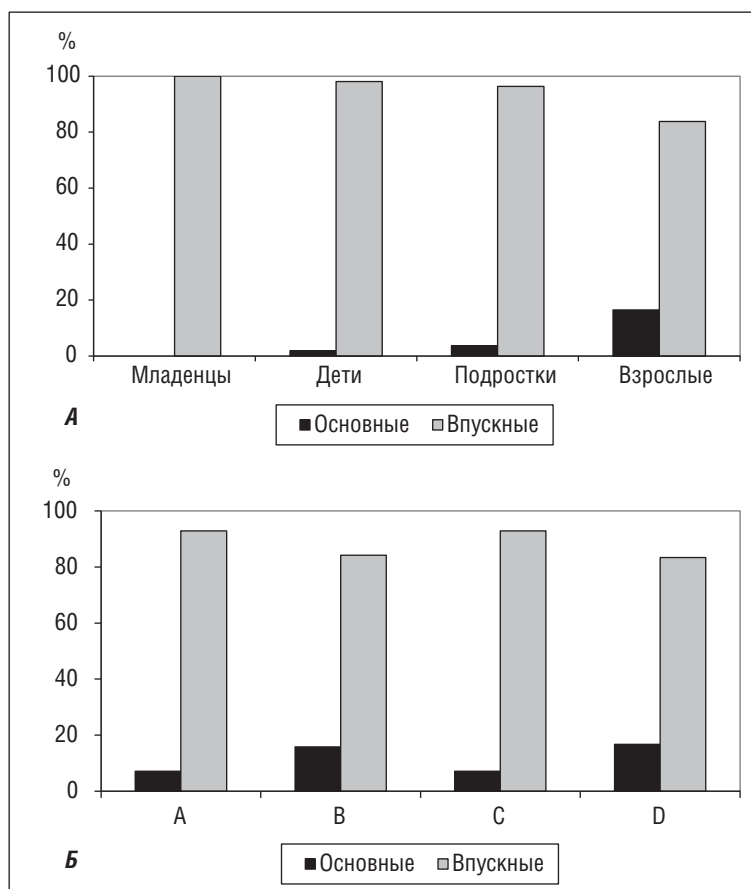

Илл. 90. Стратиграфические «связки» разнокультурных комплексов: 1 – Чограй IX к. 01 п. 08 и п. 09; 2 – Чограй VIII к. 05 п. 03 и п. 04; 3 – Чограй VIII к. 21 п. 01, п. 02 и п. 04; 4 – Чограй VIII к. 26 п. 01 и п. 02 (Андреева, Ульянова. Отчет 1986; Андреева, 1989)

Fig. 90. Stratigraphic sequences of assemblages attributed to different cultures. 1 – Chogray IX kurgan 01 burials 08, 09; 2 – Chogray VIII kurgan 05 burials 03, 04; 3 – Chogray VIII kurgan 21 burials 01, 02, 04; 4 – Chogray VIII kurgan 26 burials 01, 02 (Andreyeva, Ulyanova. Report 1986; Andreyeva, 1989)

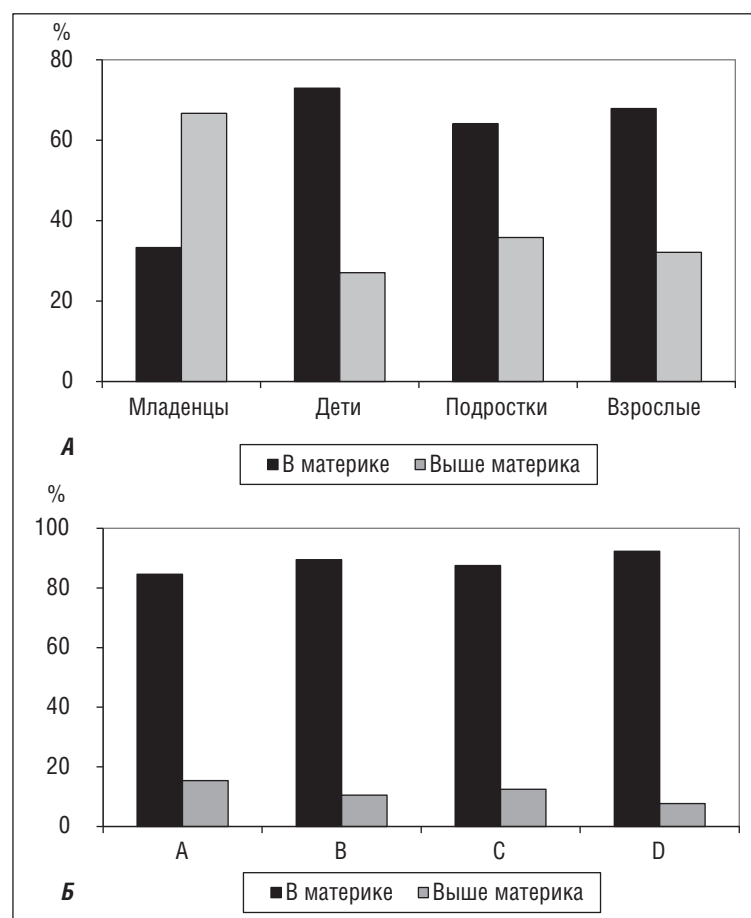
Илл. 91. Соотношение основных и впускных погребений: *A* – индивидуальные погребения (по возрастным группам); *B* – совместные синхронные погребения (группы A–D)

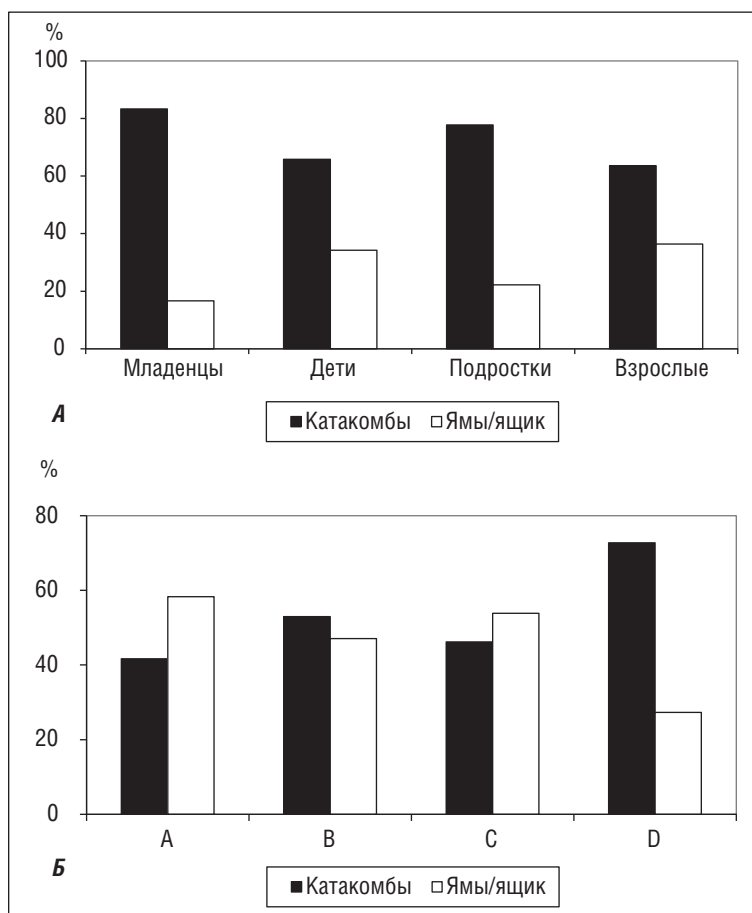
Fig. 91. Proportion of central and dug-in burials. *A* – individual burials (by 4 age groups); *B* – collective synchronous burials (by groups A–D)

Илл. 92. Уровень заглубленности дна входных шахт катакомб и могильных ям: *A* – индивидуальные погребения (по возрастным группам); *B* – совместные синхронные погребения (группы A–D)

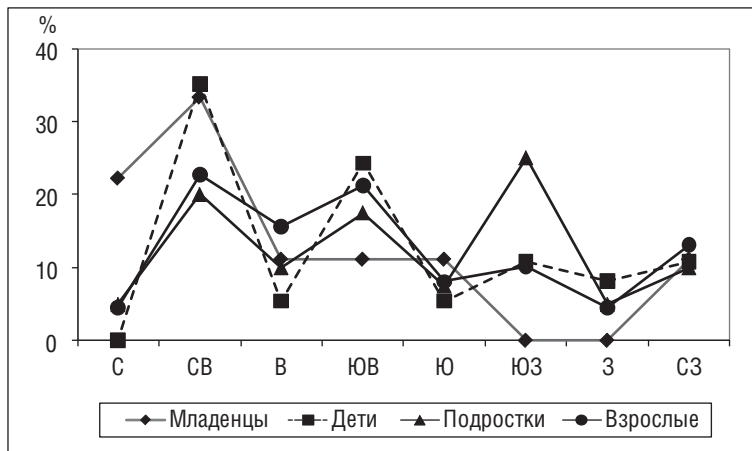
Fig. 92. Level of bottoms of catacombs' entrance passages of and grave pits (in the subsoil and in the kurgans' mounds): *A* – individual burials (by 4 age groups); *B* – collective synchronous burials (by groups A–D)

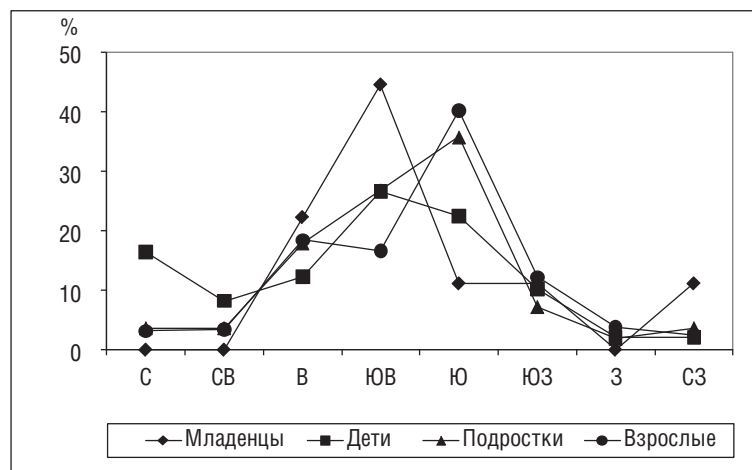
Илл. 93. Основные виды могильных сооружений: А — индивидуальные погребения (по возрастным группам); Б — совместные синхронные погребения (группы А–D)

Fig. 93. Basic types of burial constructions (catacombs and grave pits/cists): А — individual burials (by 4 age groups); Б — collective synchronous burials (by groups А–D)

Илл. 94. Индивидуальные погребения. Место в кургане (по секторам) впускных погребений (по возрастным группам)

Fig. 94. Individual burials. Location of dug-in burials in kurgan by 8 sectors shown (by 4 age groups)

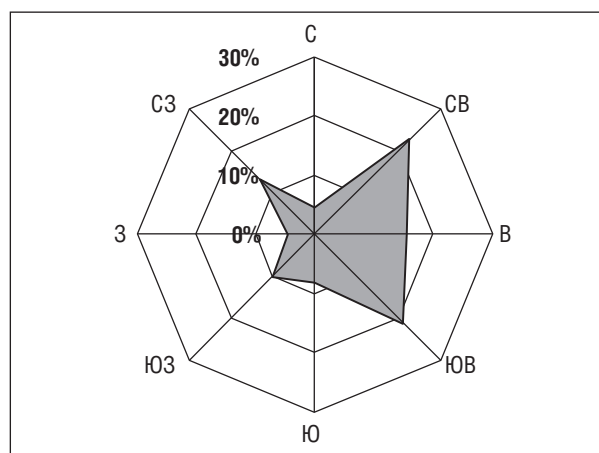

Илл. 95. Индивидуальные погребения. Ориентировки погребенных (по возрастным группам)

Fig. 95. Individual burials. Orientation of the dead (4 age groups)

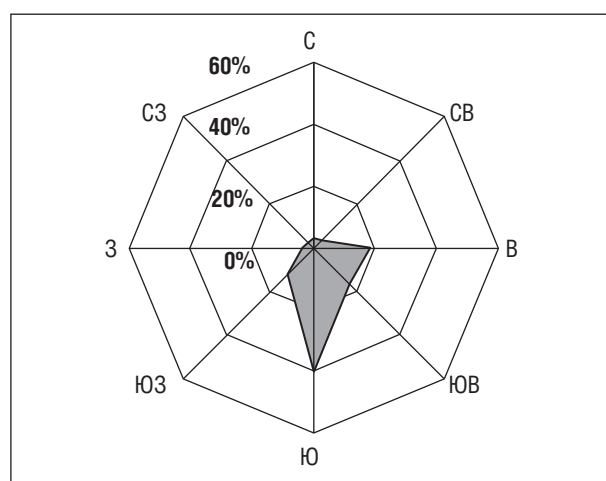
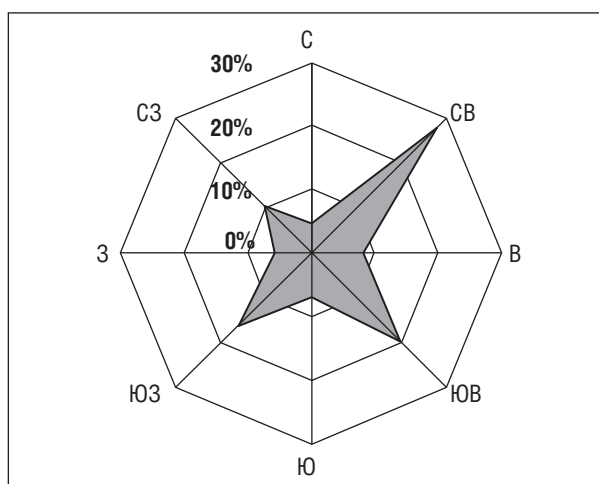
Илл. 96. Индивидуальные погребения. Место в кургане (по секторам) впускных погребений взрослых

Fig. 96. Individual burials. Location of dug-in burials of adults in kurgan (by 8 sectors)

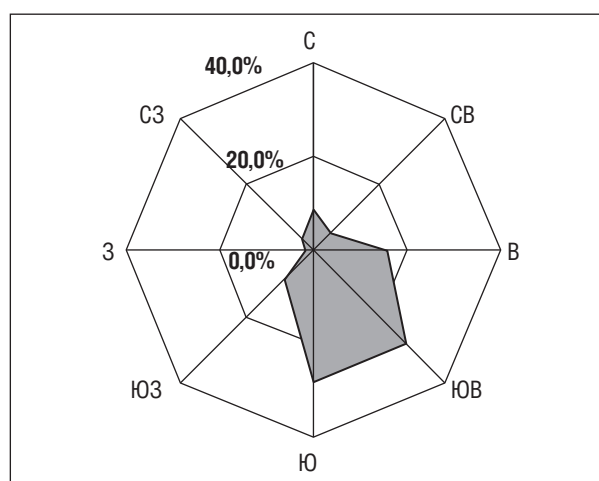
Илл. 97. Индивидуальные погребения. Место в кургане (по секторам) впускных погребений младшей группы (младенцы, дети, подростки)

Fig. 97. Individual burials. Location of dug-in burials of younger age groups (infants, children, juveniles) in kurgans by 8 sectors

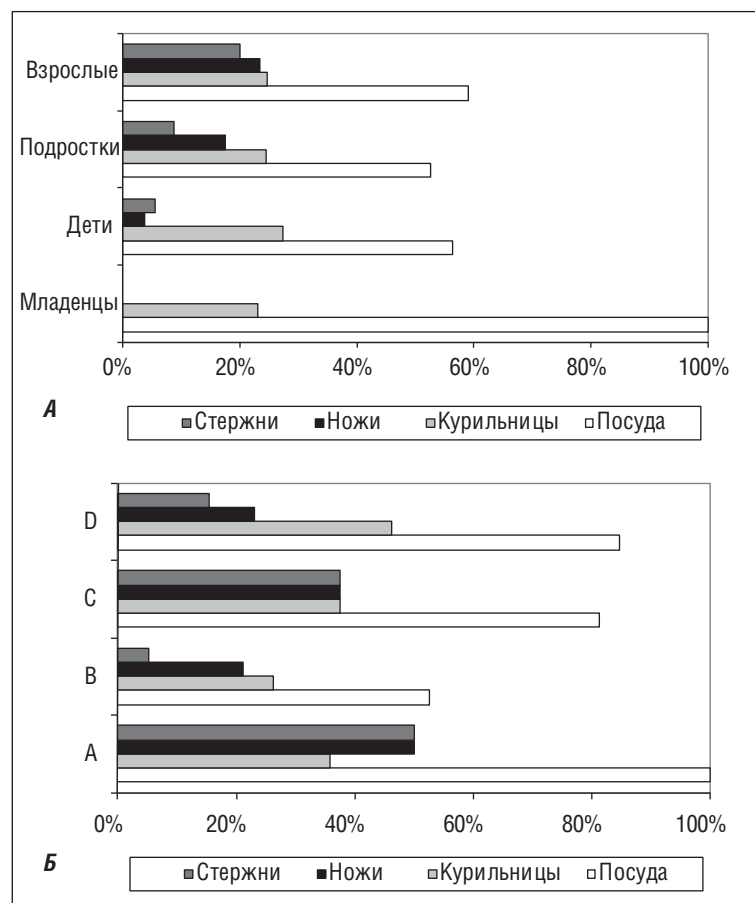
Илл. 98. Индивидуальные погребения. Ориентировки взрослых

Fig. 98. Individual burials. Orientation of adults

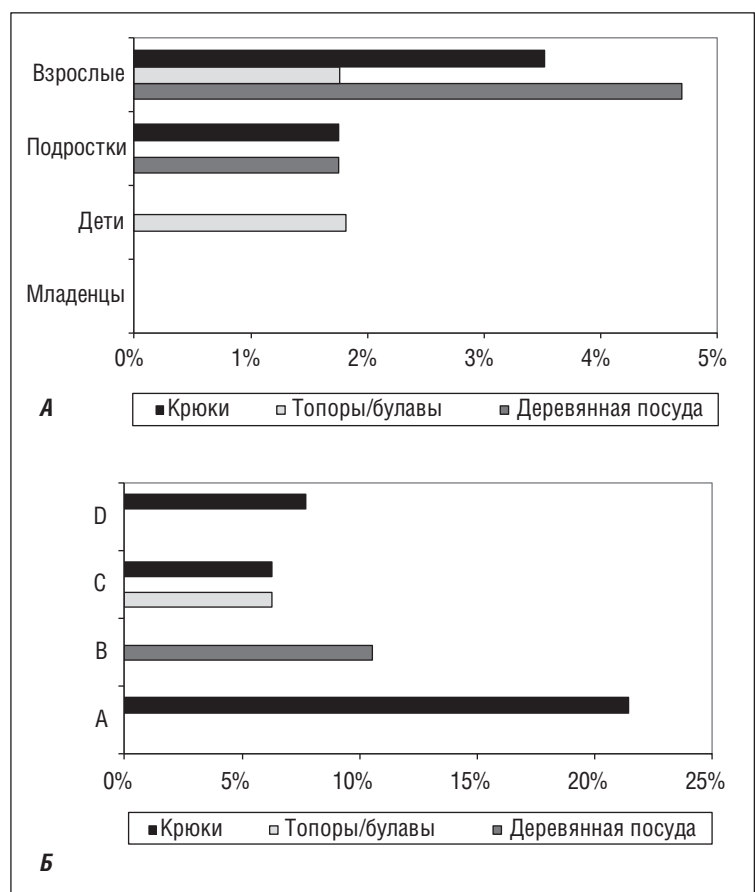
Илл. 99. Индивидуальные погребения. Ориентировки младшей группы (младенцы, дети, подростки)

Fig. 99. Individual burials. Orientation of younger age groups (infants, children, juveniles)

Илл. 100. Количество комплексов с керамической посудой, курильницами, бронзовыми ножами и стержнями: *А* – индивидуальные погребения (по возрастным группам); *Б* – совместные синхронные погребения (группы А–D)

Fig. 100. Percentage of assemblages containing pottery, censers, bronze knives and rods. *A* – individual burials (by 4 age groups); *B* – collective synchronous burials (by groups A–D)

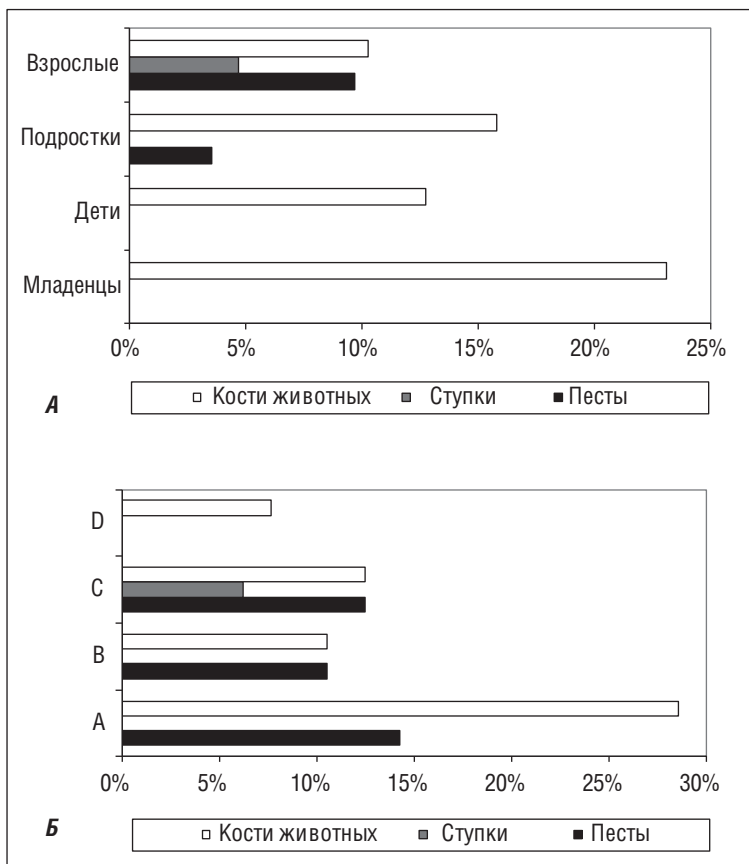

Илл. 101. Количество комплексов с каменными топорами/булавами, деревянной посудой, бронзовыми крюками: *А* – индивидуальные погребения (по возрастным группам); *Б* – совместные синхронные погребения (группы А–D)

Fig. 101. Percentage of assemblages containing stone axes/maceheads, wooden vessels, bronze hooks. *A* – individual burials (by 4 age groups); *B* – collective synchronous burials (by groups A–D)

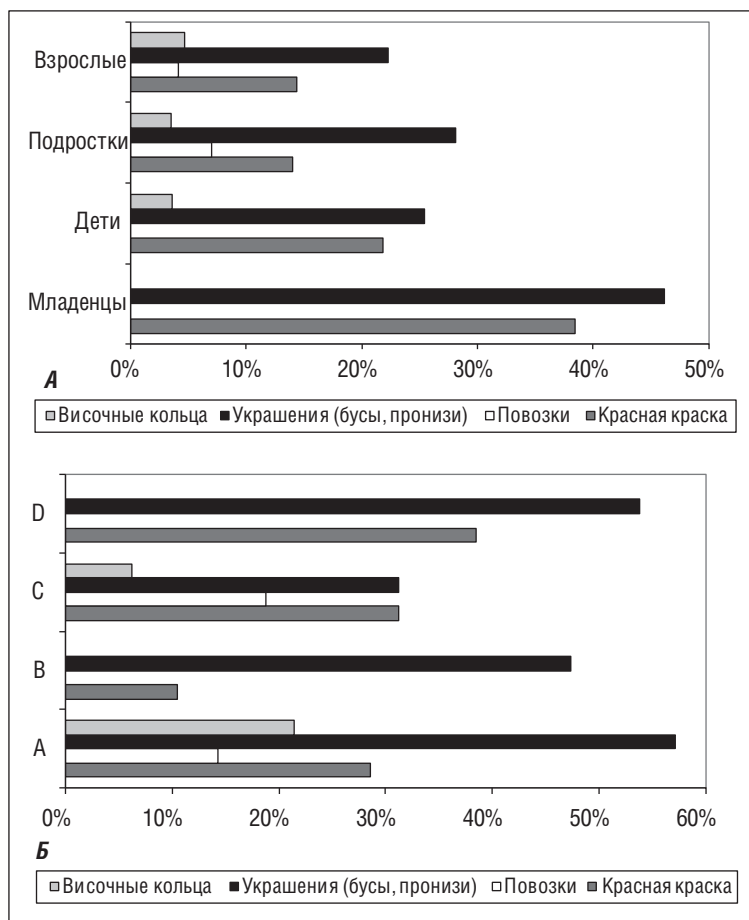
Илл. 102. Количество комплексов с каменными пестами, ступками/наковальнями и костями животных: *А* — индивидуальные погребения (по возрастным группам); *Б* — совместные синхронные погребения (группы *А–Д*)

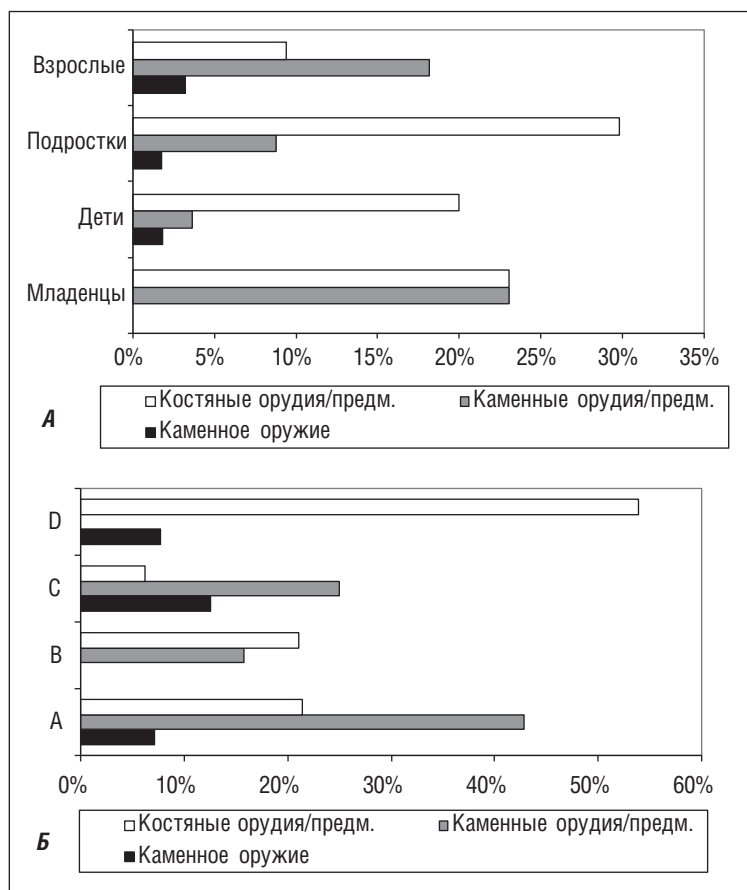
Fig. 102. Percentage of assemblages containing stone pestles, mortars/anvils and animal bones. *A* — individual burials (by 4 age groups); *B* — collective synchronous burials (by groups *A–D*)

Илл. 103. Количество комплексов с повозками, украшениями (бусами и пронизями; височными кольцами) и красной краской: *А* — индивидуальные погребения (по возрастным группам); *Б* — совместные синхронные погребения (группы *А–Д*)

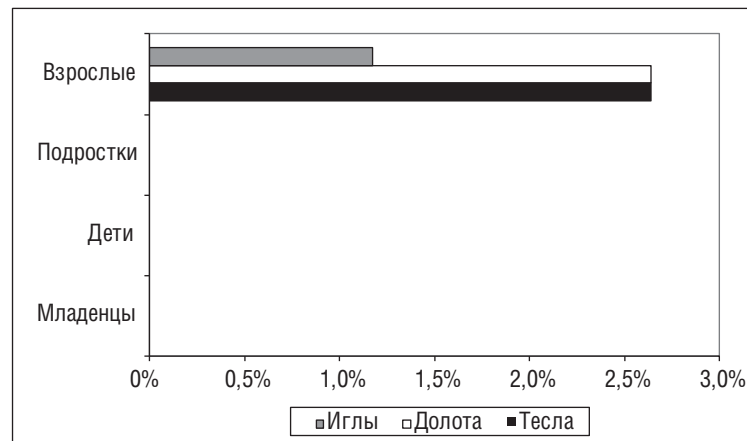
Fig. 103. Percentage of assemblages containing wagons, ornaments (ordinary beads and long beads, temple rings) and red paint. *A* — individual burials (by 4 age groups); *B* — collective synchronous burials (by groups *A–D*)

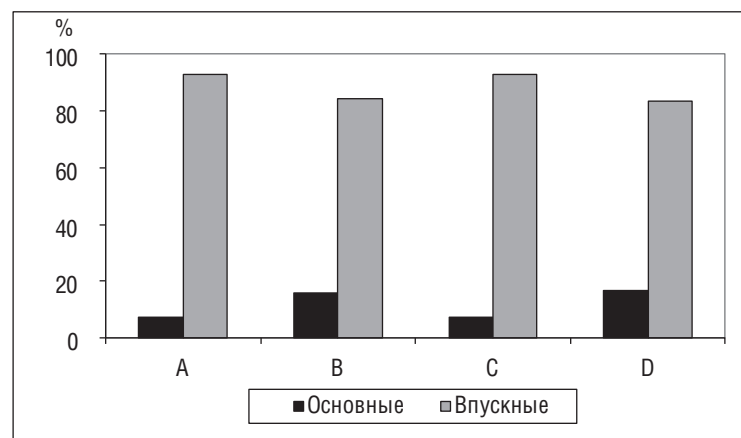
Илл. 104. Количество комплексов с каменным оружием, каменными и костяными орудиями/предметами: *А* — индивидуальные погребения (по возрастным группам); *Б* — совместные синхронные погребения (группы А–Д)

Fig. 104. Percentage of assemblages containing stone weapons, stone and bone tools/objects. *A* — individual burials (by 4 age groups); *B* — collective synchronous burials (by groups A–D)

Илл. 105. Индивидуальные погребения. Количество комплексов с бронзовыми теслами, долотами, иглами (по возрастным группам)

Fig. 105. Individual burials. Percentage of assemblages containing bronze adzes, chisels, needles (by 4 age groups)

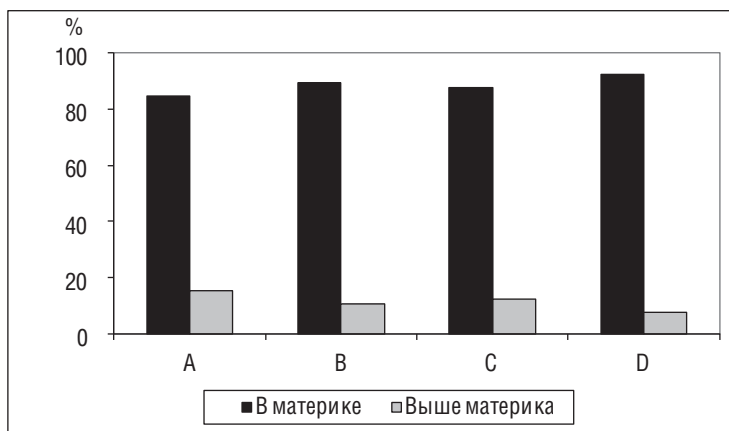

Илл. 106. Соотношение основных и впускных совместных синхронных погребений (группы А–Д)

Fig. 106. Proportion of central and dug-in collective synchronous burials (groups A–D)

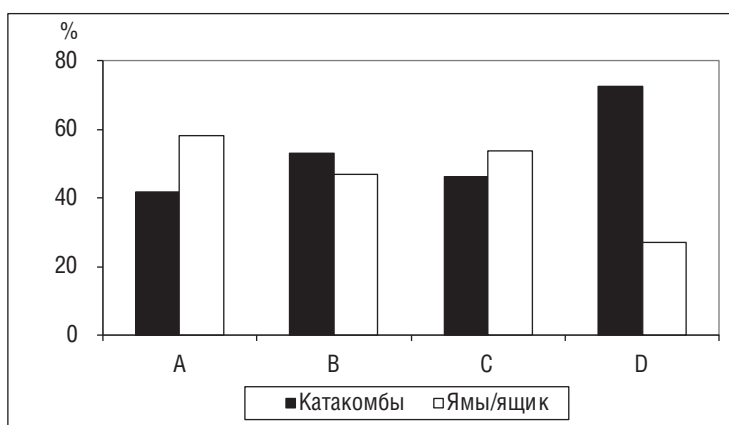
Илл. 107. Соотношение совместных синхронных погребений в материке и в насыпи (группы А–D)

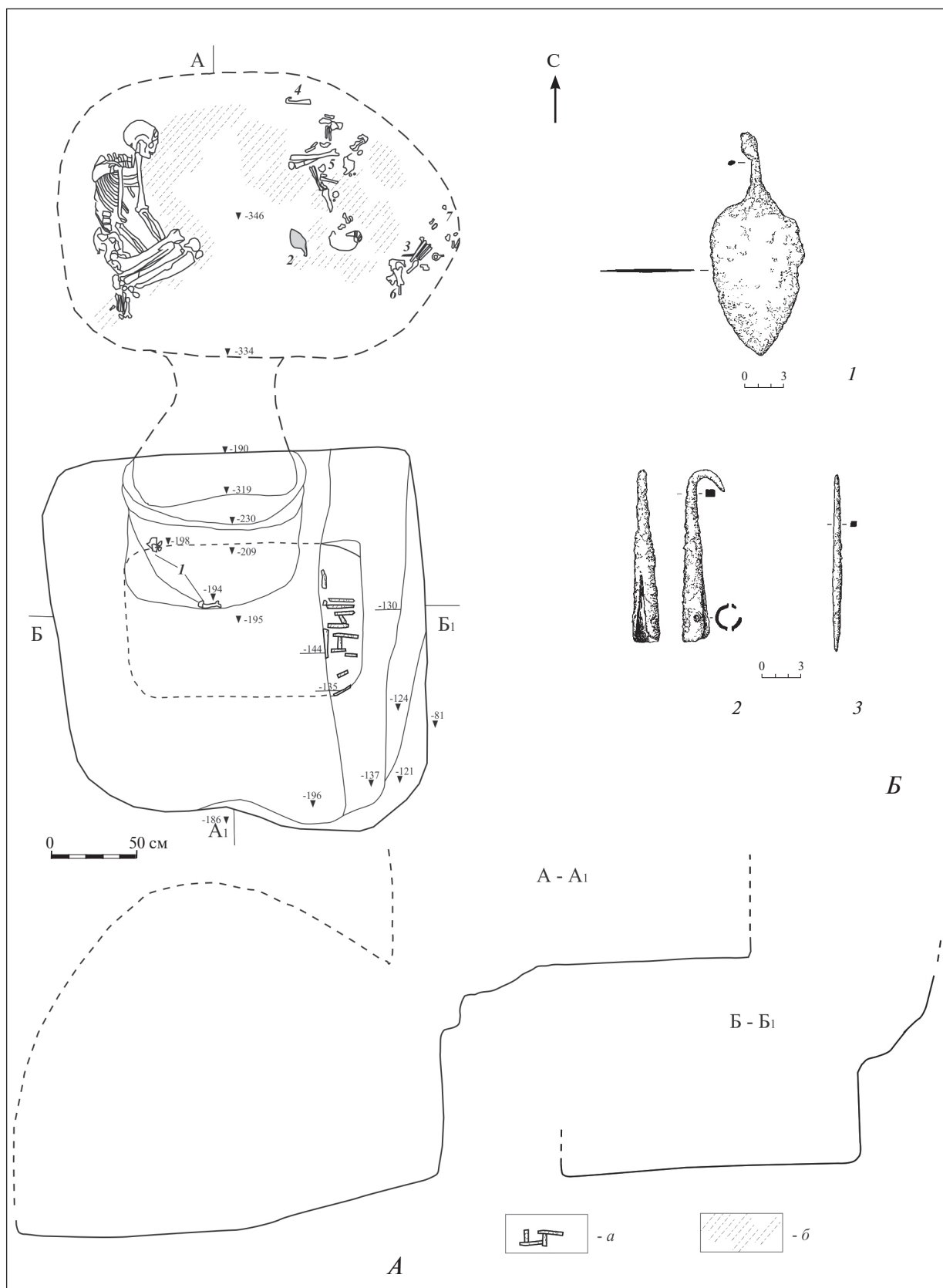
Fig. 107. Proportion of collective synchronous burials located in the subsoil and in the mound (groups A–D)

Илл. 108. Соотношение видов могильных сооружений совместных синхронных погребений (группы А–D)

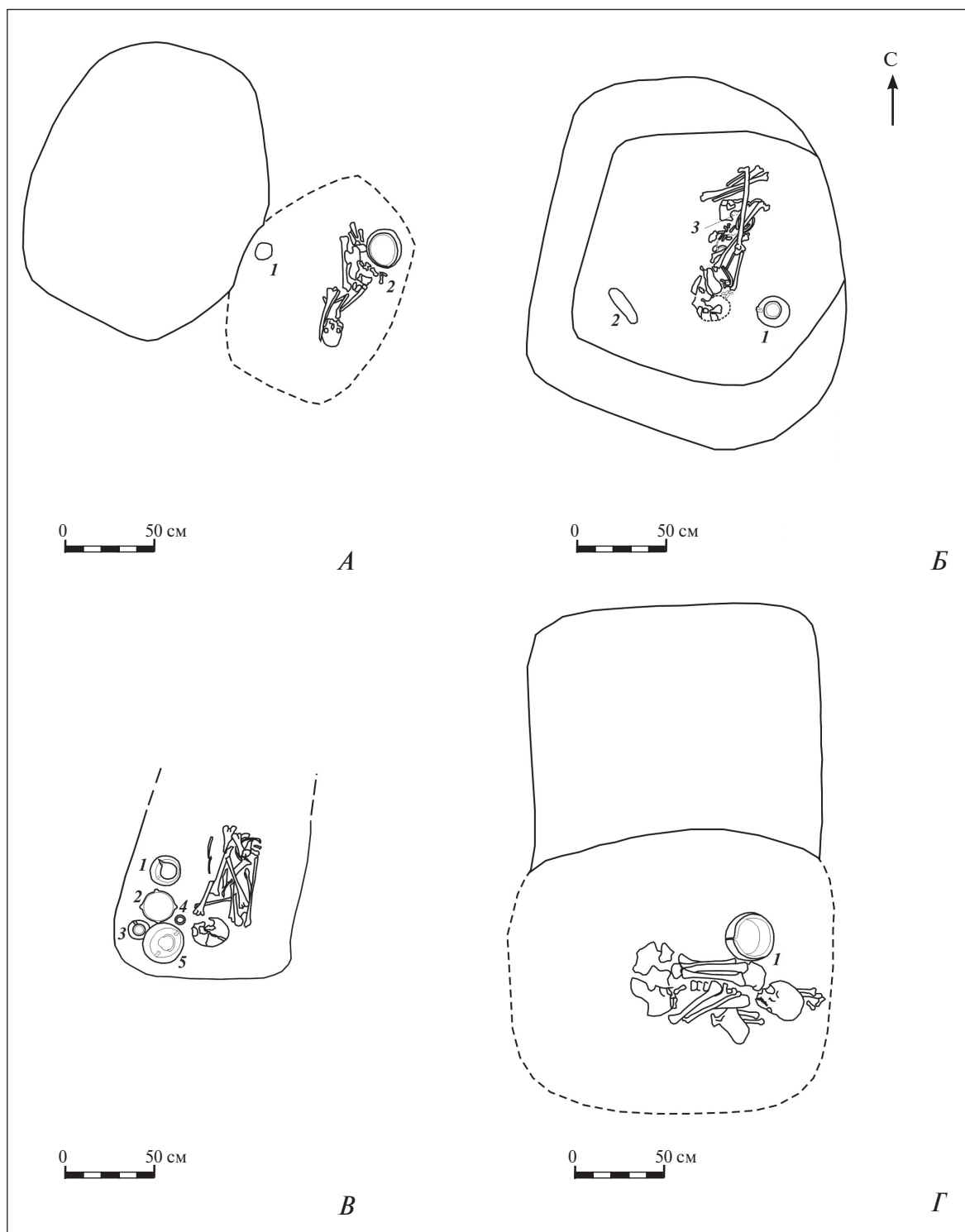
Fig. 108. Proportion of types of burial constructions revealed in collective synchronous burials (groups A–D)

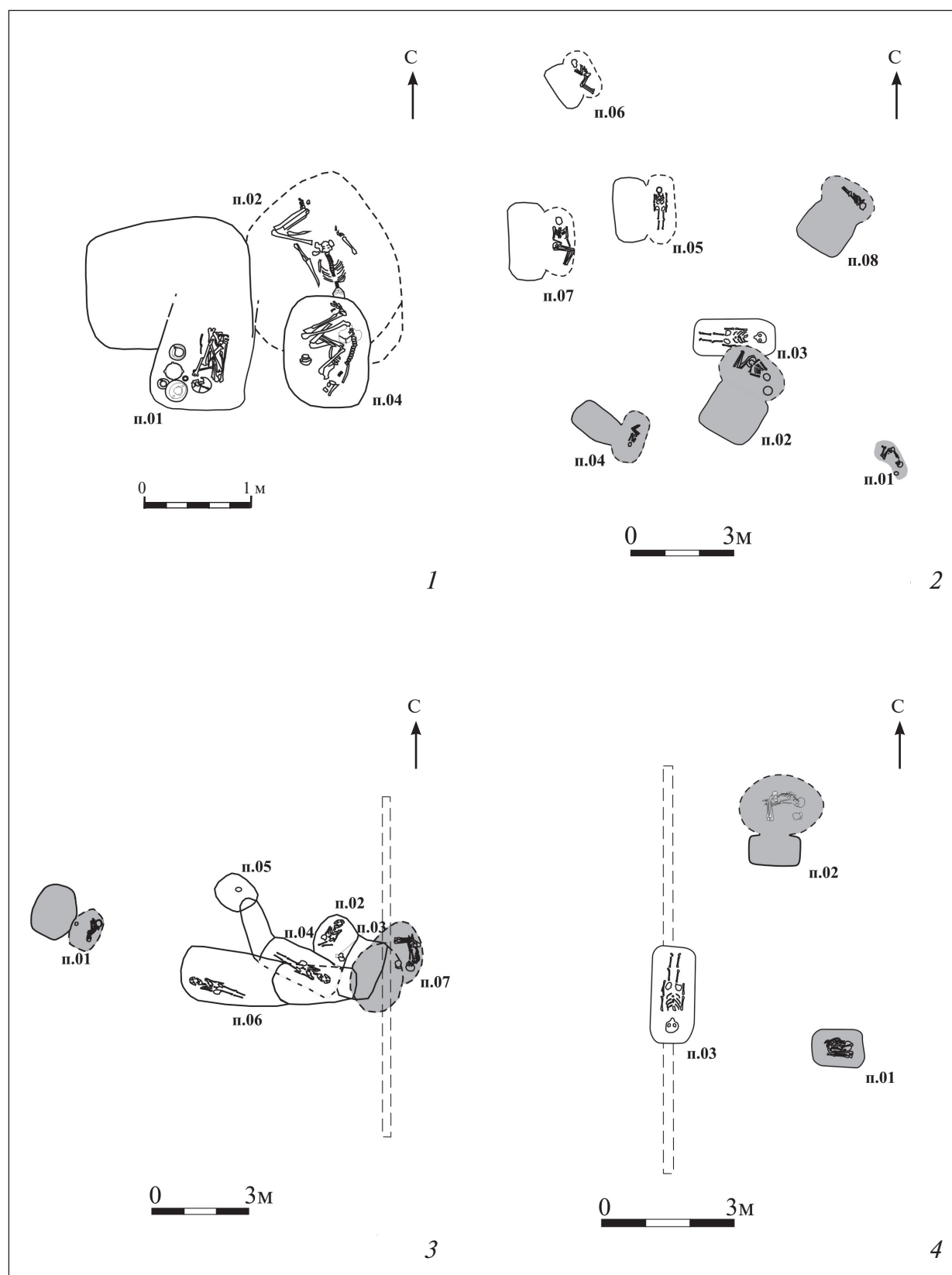
Илл. 109. Островной к. 03 п. 27. Совместное погребение подростка и взрослого (группа D): *A* – план и разрезы: *1* – кости животного; *2* – бронзовый нож; *3* – бронзовый стержень (шило); *4* – бронзовый крюк; *5* – фаянсовый бисер; *6* – кости м.р.с.; *7* – фрагмент предмета; условные обозначения: *a* – остатки деревянной решетчатой конструкции, *б* – следы плетеной циновки; *Б* – инвентарь: *1* – нож, *2* – крюк, *3* – шило (*1–3* – бронза) (Шишлина и др., 2002)

Fig. 109. Ostrovnoy kurgan 03 burial 27 (Shishlina et al., 2002)

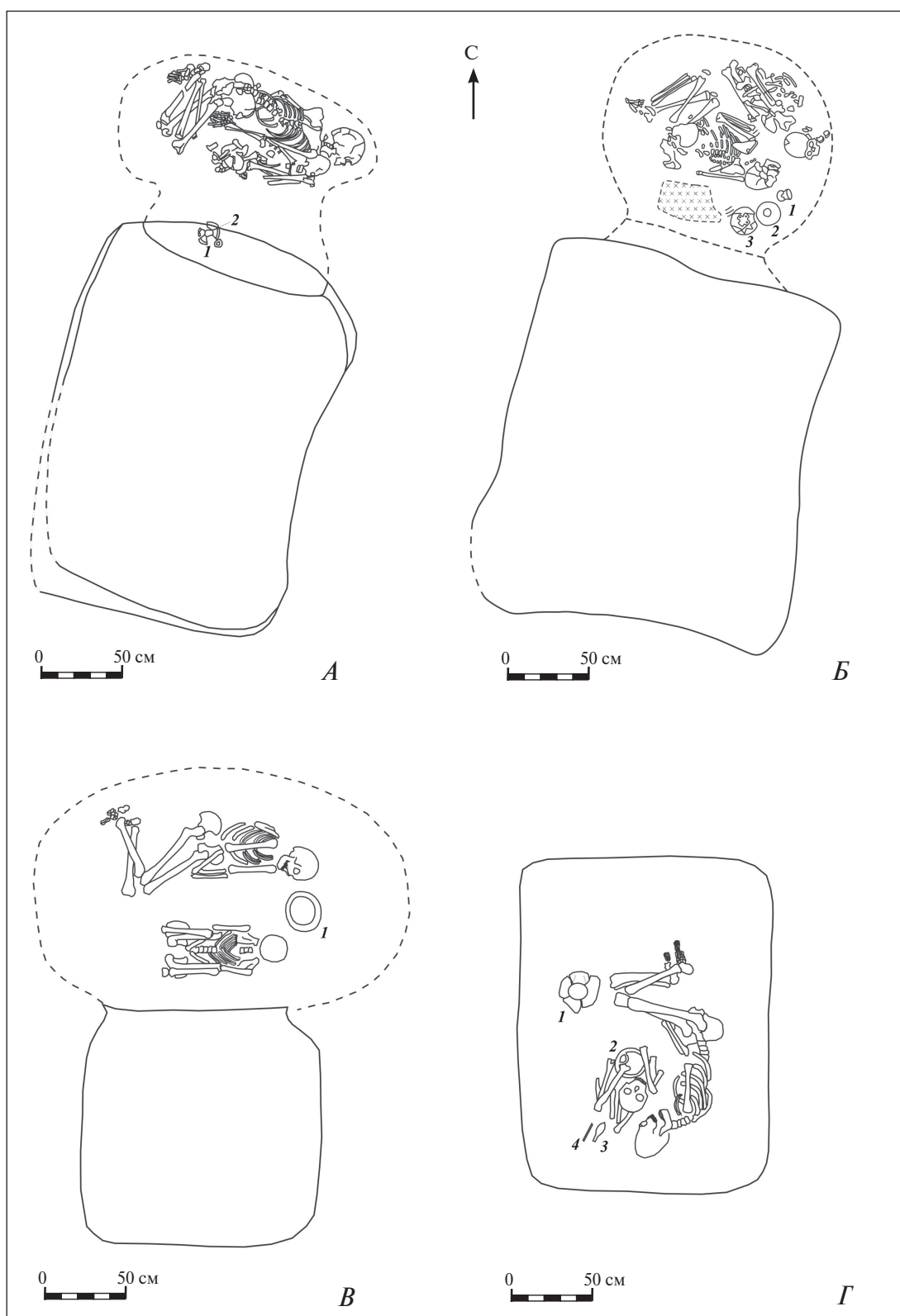
Илл. 110. Индивидуальные погребения с эскарнированными останками: *А* – Чограй V к. 03 п. 01 (1 – курильница, 2 – сосуд); *Б* – Чограй VI к. 02 п. 02 (1 – сосуд, 2 – пест, 3 – фаянсовый бисер); *В* – Чограй VIII к. 21 п. 01 (1–5 – сосуды); *Г* – ВМЛ-I к. 13 п. 01 (1 – сосуд) (Кореньяко. Отчет 1978; Андреева, 1989; Синицын, 1978)

Fig. 110. Individual burials containing excarnated human remains: *A* – Chogray V kurgan 03 burial 01 (1 – censer, 2 – vessel); *Б* – Chogray VI kurgan 02 burial 02 (1 – vessel, 2 – pestle, 3 – faience beads); *В* – Chogray VIII kurgan 21 burial 01 (1–5 – vessels); *Г* – East Manych Levoberezhny I kurgan 13 burial 01 (1 – vessel) (Кореньяко. Отчет 1978; Andreyeva, 1989; Sinitsyn, 1978)

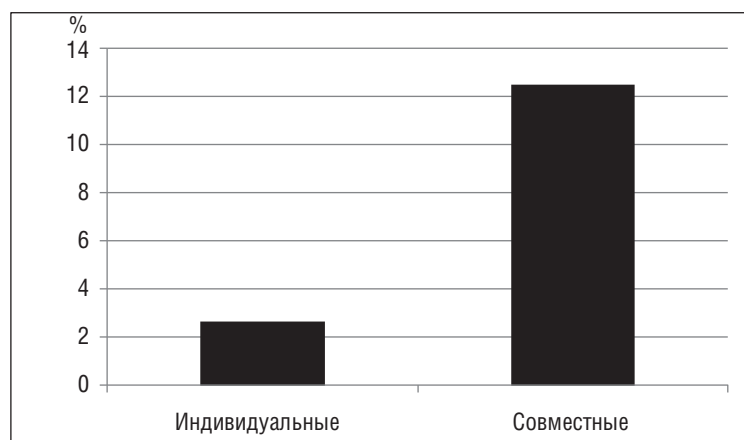
Илл. 111. Планы-схемы курганов с индивидуальными погребениями «эскарнантов»: 1 – Чограй VIII к. 21, 2 – ВМЛ-I к. 42, 3 – Чограй V к. 03, 4 – Элистинский к. 11 (Андреева, 1989; Синицын, 1978; Кореньяко. Отчет 1978; Синицын, Эрдниева, 1971)

Fig. 111. Schematic plans of kurgans containing individual excarnated burials. 1 – Chogray VIII kurgan 21; 2 – East Manych Levoberezhny I kurgan 42; 3 – Chogray V kurgan 03; 4 – Elistinskiy kurgan 11 (Andreyeva, 1989; Sinitsyn, 1978; Korenyako. Report 1978; Sinitsyn, Erdniyev, 1971)

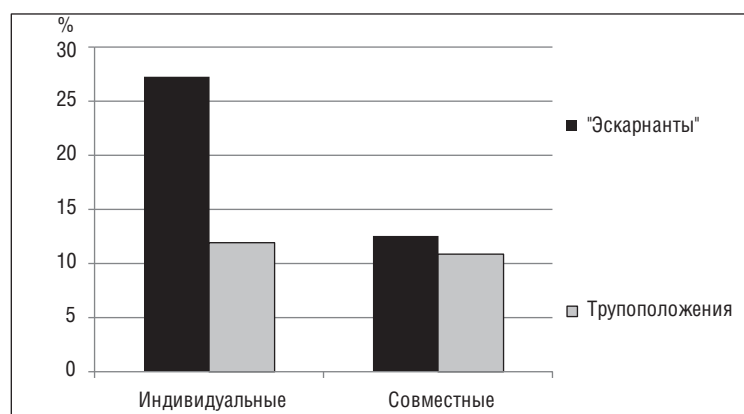
Илл. 112. Совместные погребения с эскарнированными останками: *A* – Сухая Падина I к. 03 п. 05 (*1* – курильница, *2* – кремневые отщепы); *Б* – Цаган Усн IV к. 01 п. 06 (*1* – сосуд, *2* – воронка, *3* – курильница); *В* – ВМЛ-I к. 22 п. 06 (*1* – сосуд); *Г* – ВМЛ-II к. 23 п. 03 (*1* – сосуд, *2* – курильница, *3* – нож, *4* – стержень) (Державин. Отчет 1989; Арапов. Отчет 1987; Синицын, 1978)

Fig. 112. Collective burials containing exhumed human remains. *A* – Sukhaya Padina I kurgan 03 burial 05 (*1* – censer, *2* – flint flakes); *Б* – Tsagan Usn IV kurgan 01 burial 06 (*1* – vessel, *2* – funnel, *3* – censer); *В* – East Manych Levoberezhny I kurgan 22 burial 06 (*1* – vessel); *Г* – East Manych Levoberezhny II kurgan 23 burial 03 (*1* – vessel, *2* – censer, *3* – knife, *4* – rod) (Derzhavin. Report 1989; Arapov. Report 1987; Sinitsyn, 1978)

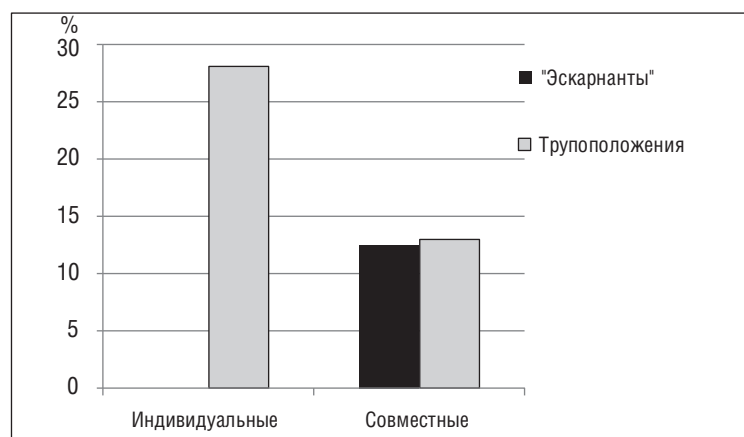
Илл. 113. Концентрация комплексов с эскарнированными костями в выборках индивидуальных и совместных погребений

Fig. 113. Concentration of assemblages containing excarnated bones in selections of individual and collective burials

Илл. 114. Соотношение основных погребений в четырех выборках

Fig. 114. Proportion of central burials in four selections (*in figs. 114–118 from right to left*: individual burials containing excarnated bones; individual burials containing ordinary inhumations; collective burials containing excarnated bones; collective burials not containing excarnated bones)

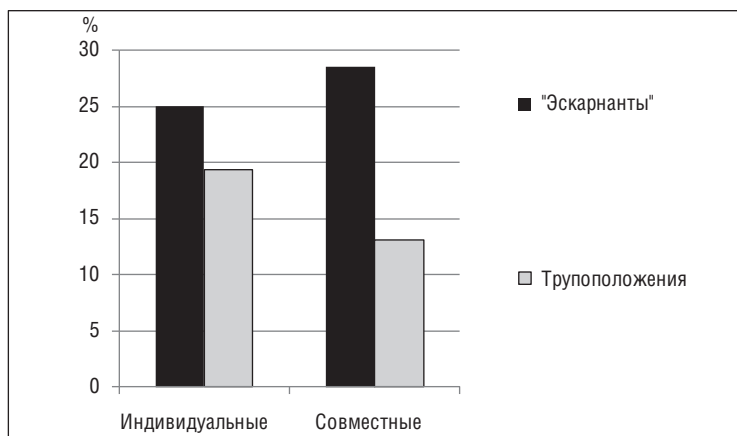

Илл. 115. Соотношение погребений в насыпи в четырех выборках

Fig. 115. Proportion of dug-in burials in the kurgans' mounds in four selections

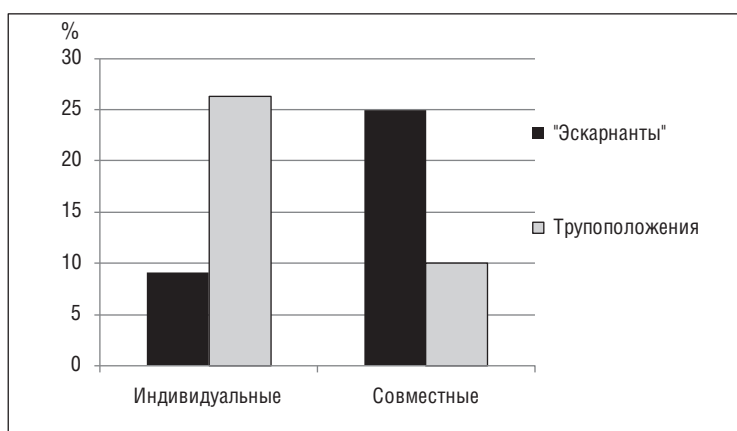
Илл. 116. Соотношение погребений, впу-
щенных в восточноманыхские курганы в
четырёх выборках

Fig. 116. Proportion of dug-in burials in kur-
gans with central East Manych burials in four
selections

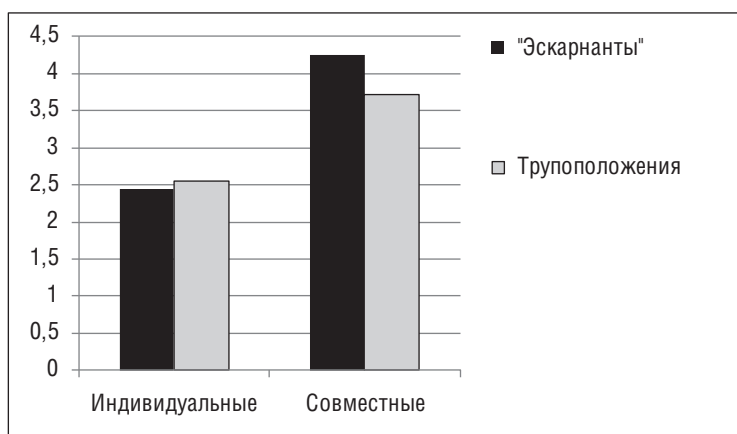
Илл. 117. Соотношение единственных вос-
точноманыхских погребений в кургане в
четырёх выборках

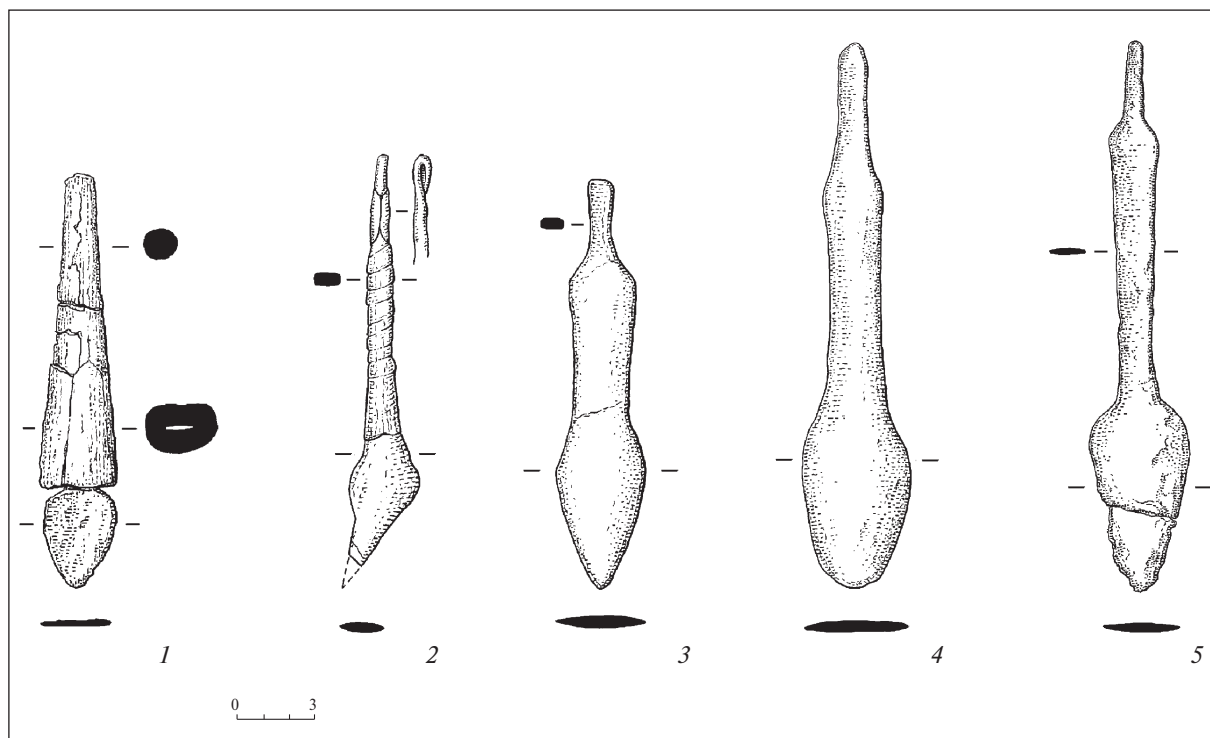
Fig. 117. Proportion of single East Manych
burials in a kurgan in four selections

Илл. 118. Соотношение плотности восточ-
номаныхских комплексов в курганах, со-
держащих погребения четырёх выборок

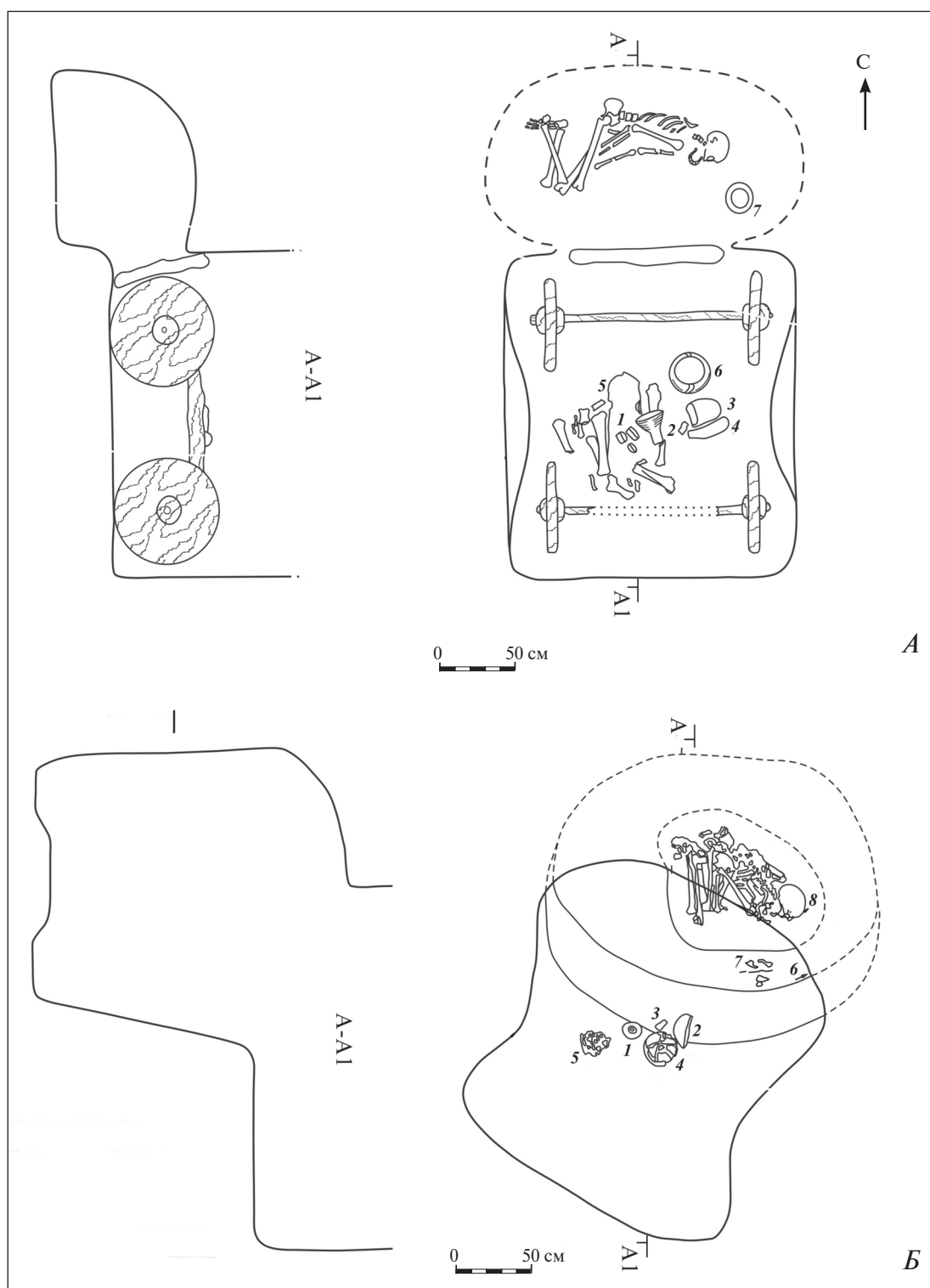
Fig. 118. Proportion of East Manych assem-
blages' density in kurgans containing burials of
four selections

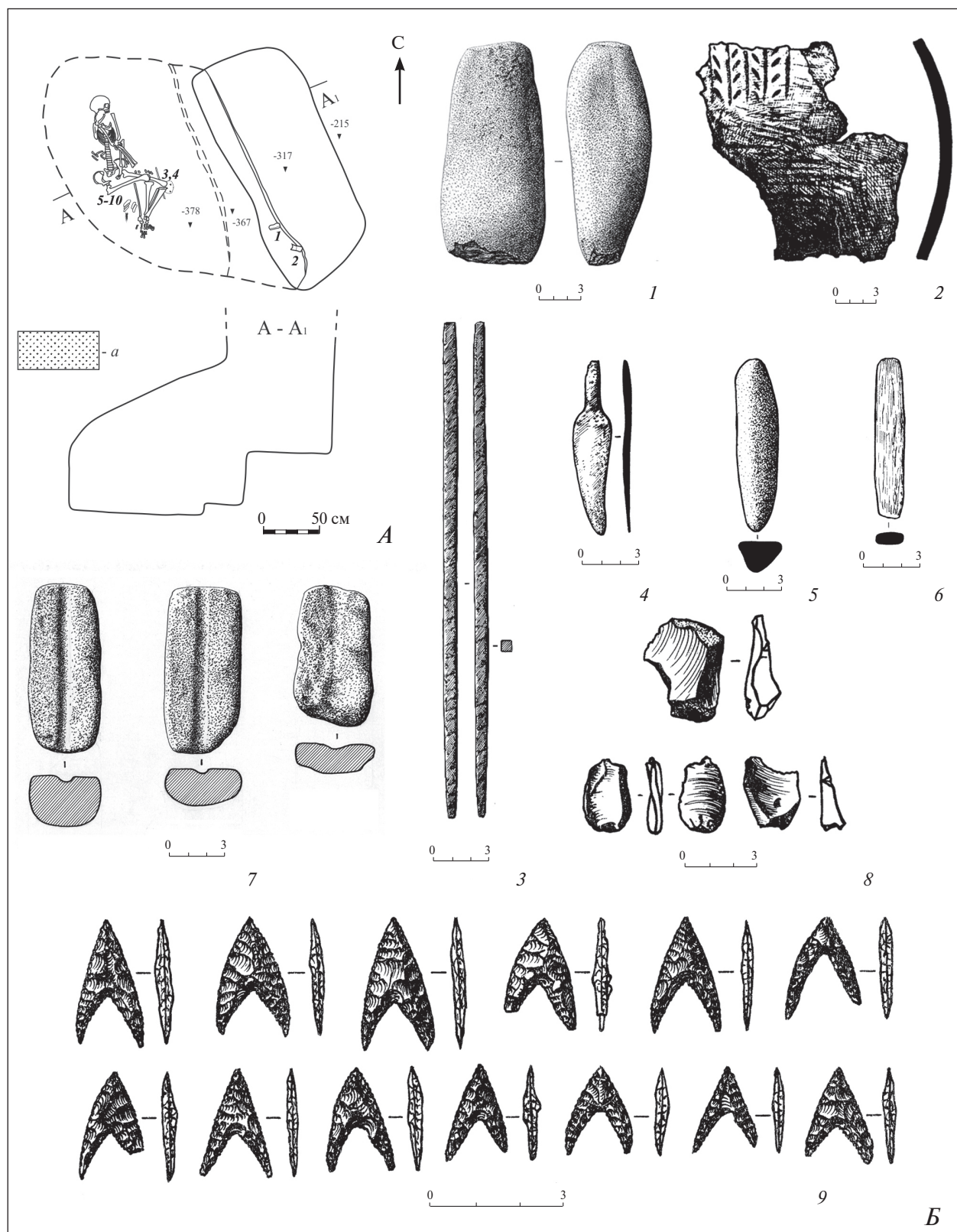
Илл. 119. Бронзовые ножи: 1 – Веселая Роща I к. 03 п. 03; 2, 3 – Цаган Усн VIII к. 01 п. 03; 4 – Ергенинский к. 06 п. 02; 5 – Туркменский к. 01 п. 04 (Державин, Тихонов, 1981; Шишлина, 1991; Шилов. Отчет 1982; Коренько. Отчет 1976)

Fig. 119. Bronze knives: 1 – Veselaya Roshcha I kurgan 03 burial 03; 2, 3 – Tsagan Usn VIII kurgan 01 burial 03; 4 – Yergenninsky kurgan 06 burial 02; 5 – Turkmensky kurgan 01 burial 04 (Derzhavin, Tikhonov, 1981; Shishlina, 1991; Shilov. Report 1982; Korenyako. Report 1976)

Илл. 120. Погребения с пестами и «ступками»: *А* – Елистинский к. 05 п. 09: 1 – песчаниковые «выпрямители» (4 экз.); 2 – керамическая воронка; 3 – каменная «ступка»; 4 – каменный пест; 5 – черепа и кости ног к.р.с. (2 особи); 6 – керамический двуручный сосуд («амфора»); 7 – керамический «чугунковидный» горшок; *Б* – Чограй VIII к. 18 п. 04: 1 – керамическая воронка; 2 – каменная «ступка»; 3 – каменный пест; 4, 5 – керамические кувшины; 6 – бронзовый нож; 7 – передняя нога и лопатка м.р.с.; 8 – обломок костяного предмета (Синицын, Эрдниева, 1971; Андреева, 1989)

Fig. 120. East Manych burials containing pestles and mortars: *A* – Elistinsky kurgan 05 burial 09: 1 – sandstone straighteners (4 items); 2 – ceramic funnel; 3 – stone mortar; 4 – stone pestle; 5 – skulls and leg bones of bovines (2 individuals); 6 – ceramic two-handed vessel (amphora); 7 – ceramic cauldron-shaped vessel; *B* – Chogray VIII kurgan 18 burial 04: 1 – ceramic funnel; 2 – stone mortar; 3 – stone pestle; 4, 5 – ceramic jars; 6 – bronze knife; 7 – cattle foreleg and shoulder blade; 8 – fragment of a bone object (Sinitsyn, Erdniyeva, 1971; Andreyeva, 1989)

Илл. 121. Чограй VIII к. 12 п. 03: А – план и разрез: 1 – каменный пест, 2 – керамическая жаровня, 3 – бронзовый стержень, 4 – бронзовый нож, 5 – каменное орудие, 6 – костяное орудие, 7 – песчаниковые «выпрямители древков» (3 экз.), 8 – кремневые отщепы, 9 – кремневые наконечники стрел (13 шт.), 10 – комок серы; условные обозначения: а – охра; Б – инвентарь: 1 – пест; 2 – жаровня из стенки сосуда; 3 – стержень; 4 – нож; 5, 6 – орудия; 7 – «выпрямители древков»; 8 – отщепы; 9 – наконечники стрел (1, 5, 7 – камень; 2 – керамика; 3, 4 – бронза; 6 – кость; 8, 9 – кремнь) (Андреева, 1989)

Fig. 121. Chogray VIII kurgan 12 burial 03 (Andreyeva, 1989)

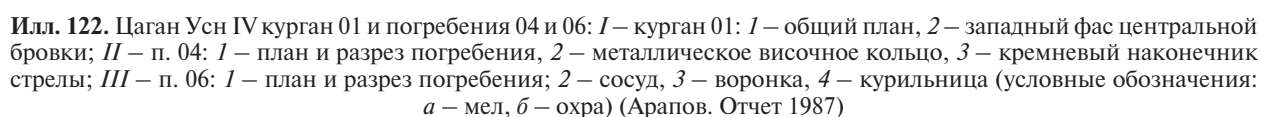
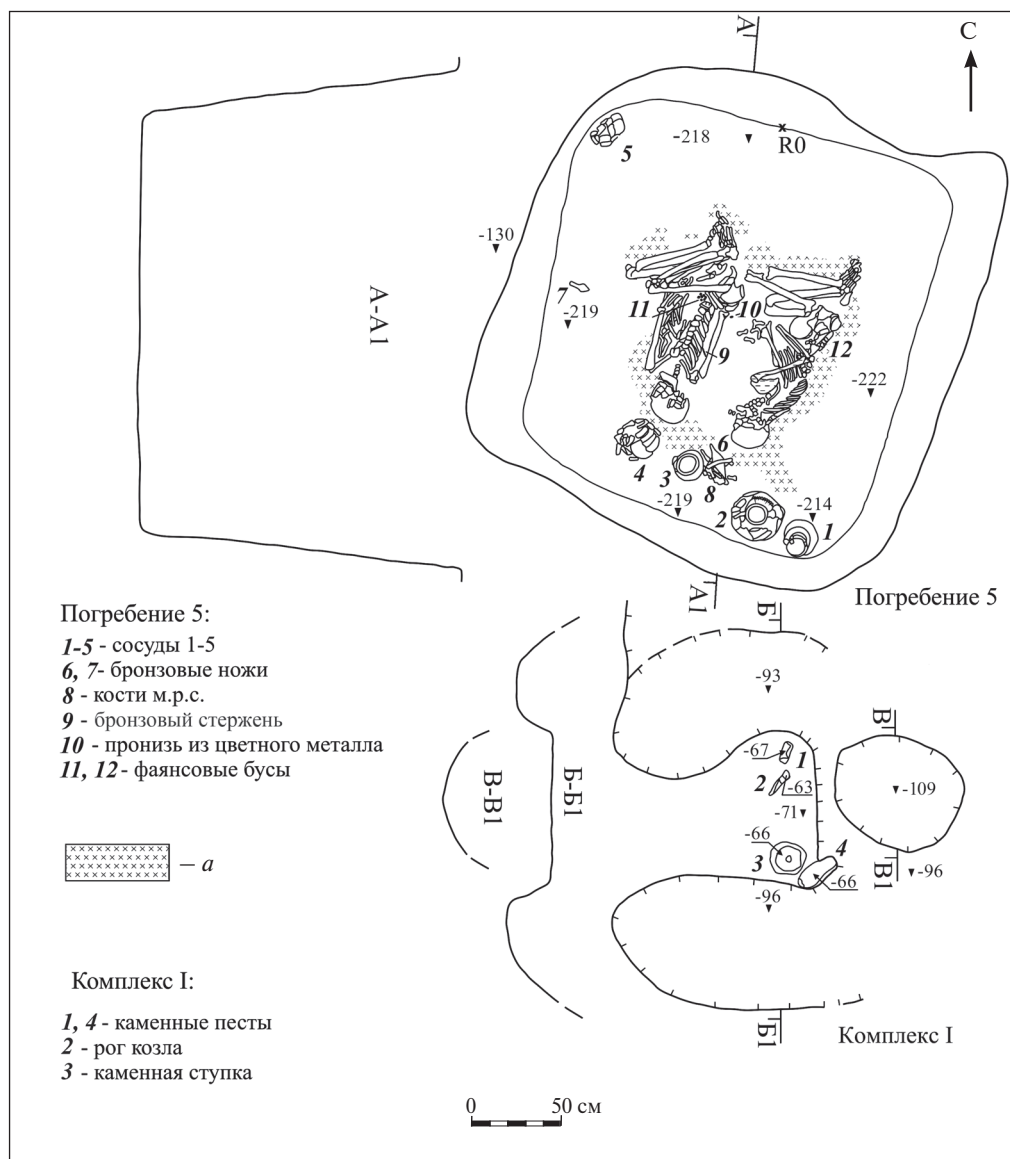
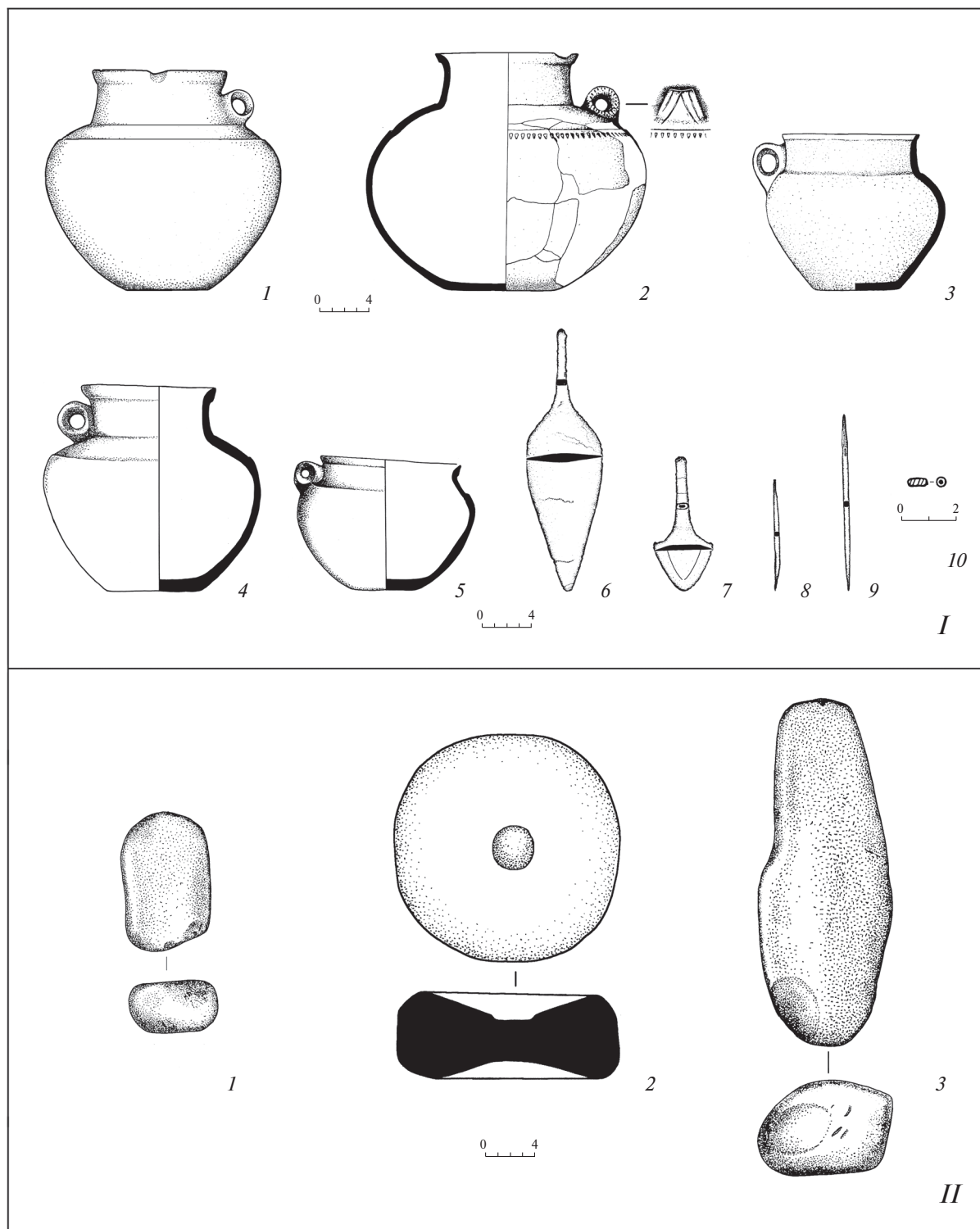

Fig. 122. Tsagan Usn IV kurgan 01. Plan of the kurgan and burials 04 and 06: *I* – kurgan 01: 1 – general plan, 2 – western front of the central baulk; *II* – burial 04: 1 – plan and cross-section of the burial, 2 – temple ring, 3 – arrow head; *III* – burial 06: 1 – plan and cross-section of the burial, 2 – vessel, 3 – funnel, 4 – censer (Arapov. Report 1987)

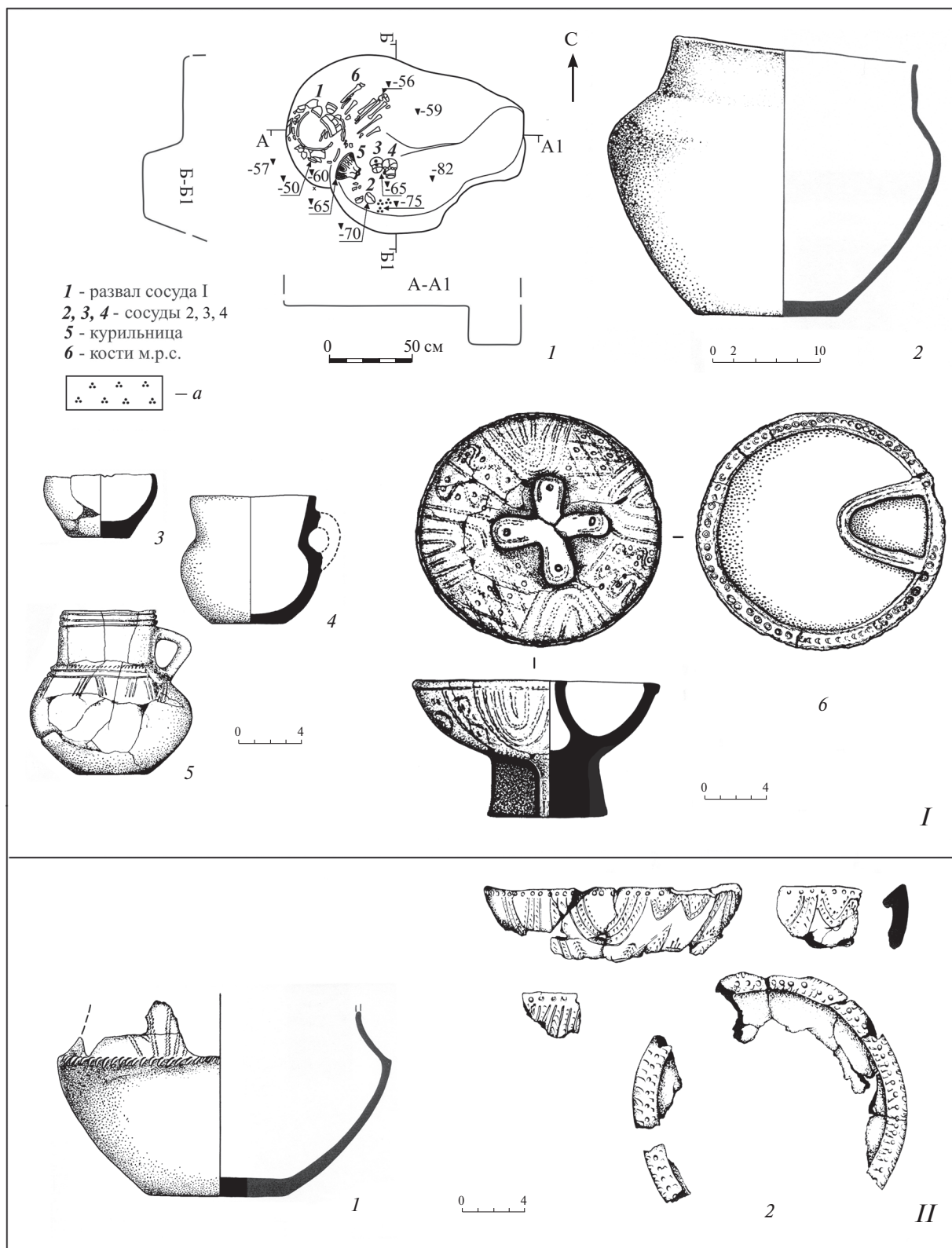
Илл. 123. Цаган Усн IV курган 01. Погребение 05 и комплекс I. Планы и разрезы (условные обозначения: а — меловая подсыпка) (Арапов. Отчет 1987)

Fig. 123. Tsagan Usn IV kurgan 01. Burial 05 and assemblage I. Plans and cross-sections (Arapov. Report 1987)

Илл. 124. Цаган Усн IV курган 01. Находки из погребения 05 и комплекса I: I – п. 05: 1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 4; 5 – сосуд 5; 6, 7 – ножи; 8, 9 – стержни; 10 – пронызь (1–5 – керамика; 6–9 – бронза; 10 – бронза или серебро); II – комплекс I: 1, 3 – песты; 2 – ступка (1–3 – камень) (Арапов. Отчет 1987)

Fig. 124. Tsagan Usn IV, kurgan 01. Artefacts from burial 05 and assemblage I: I – burial 05: 1 – vessel 1; 2 – vessel 2; 3 – vessel 3; 4 – vessel 4; 5 – vessel 5; 6, 7 – knives; 8, 9 – rods; 10 – tubular bead; II – assemblage I: 1, 3 – pestles; 2 – mortar (Arapov. Report 1987)

Илл. 125. Цаган Усн IV курган 01. Комплексы II и III: I — комплекс II: 1 — план и разрез комплекса; 2 — сосуд 1; 3 — сосуд 2; 4 — сосуд 3; 5 — сосуд 4; 6 — курильница; II — комплекс III: 1 — сосуд; 2 — курильница (условное обозначение: а — охра) (Арапов. Отчет 1987)

Fig. 125. Tsagan Usn IV kurgan 01. Assemblages II and III: I — assemblage II: 1 — plan and cross-section; 2 — vessel 1; 3 — vessel 2; 4 — vessel 3; 5 — vessel 4; 6 — censer; II — assemblage III: 1 — vessel; 2 — censer (Arapov. Report 1987)

Summary

M.V. Andreyeva

East Manych Catacomb Culture. Analysis of Burial Sites

The study of the Catacomb cultural-historical entity (henceforward CCHE) is one of the principal research trajectories in the archaeology of the East European Bronze Age. During the rescue excavations in the 1960^s–1980^s an extensive archaeological material has been recovered. Excavation process developed also in the 1990^s–2000^s, with much improved field records. The data obtained were subjected to a serious systematization and generalisation in the recent decades.

The East Manych catacomb culture is one of the brightest phenomena in the CCHE. Its burial sites are widespread in the Eastern part of the North Caucasus piedmonts and North-Western Caspian region.

The majority of calibrated radiocarbon dates obtained for the East Manych catacomb culture fall within the second half of the 3rd millennium BC. Yet the chronological span of the succeeding Lola culture overlap this period, which limits the existence of the East Manych culture to the 25th–23rd cc. BC. As far as the general *relative chronological column* of the North Caucasian catacomb cultures is concerned, the East Manych antiquities are contemporary with the sites of the late West Manych culture spread on eastern bank of the Lower Don; the Baturinskaya culture in the Kuban region; the Middle Don culture (on its middle stage); the late sites of the Donets culture (occupying the Lower Don and the Seversky Donets River basin); the Volga-Don catacomb culture in the lower reaches of the Volga; and Suvorovskaya culture in the North Caucasus (Кияшко, 2002; Шишлина, 2007; Мимоход, 2007, 2013; Клещенко, 2013).

The main objective of this research is to present the systematically arranged data on the East Manych burial rite and suggest a reconstruction of beliefs and social organization of this rite's bearers.

Section 1 of the monograph presents the history of singling out the East Manych culture from the CCHE milieu and a characteristic of the source corpus (Tables 1–5, Figs. 1–3). The *general selection (database)* consists of descriptions of 620 burials and cenotaphs from 249 kurgans investigated at 28 sites. The description of burials follows 45 parameters, which include over 300 primary indications. In this work I have implemented the method of burial rite analysis suggested by V. Gening, E. Bunyatyan, S. Pustovalov and N. Rychkov (Генинг и др., 1990). This method implies the comparative analysis of summarized characteristics of individual selections derived from the general one. The *reference selection* includes 8 statistically representative sites (with no less than 10 excavated kurgans and with no less than 20 individual East Manych burials). These are: Arkharinsky; East Manych Levoberezhny I and II; Veselaya Roshcha III; Yergeninsky; Chogray II and VIII; and Elistinsky cemeteries. A half of these sites are situated in the area near the Chogray reservoir on the East Manych River (East Manych Levoberezhny I and II; Chogray II and VIII), two sites are located in the South Yergeni Hills in

the vicinity of Elista (Arkharinsky and Elistinsky cemeteries). One site is situated in the Middle Yergeni Hills (Yegeninsky cemetery), and one on the Stavropol upland (Veselaya Roshcha III).

Basic assumptions of the socio-cultural reconstructions suggested in this work are as follows:

1. The non-specific cemeteries (I mean those containing representatives of all social groups the community included) in traditional communities of various social models were always structured in accordance with kinship relations. The spatial correlation of graves reflects, to certain extent, the family relations that existed between the deceased.

2. Traces of kurgan space planning are characteristic of all steppe cultures of the Eneolithic and Bronze Ages as well as the presence of representatives of all age and sex groups and collective burials in one kurgan. This allows us to assume that kurgan cemeteries were formed as family graveyards.

3. Since the blood relationship was still the basis of all social bonds in the discussed late period of tribal system functioning, investigation of this particular aspect seems to provide a key for initial understanding the main features of social structure of the East Manych culture cemeteries creators.

However, it turned out to be difficult to establish a correlation of the burial rite and sex/age characteristics due to the limited number of biological determinations carried out by professional physical anthropologists. The age of the deceased was determined for about one forth of individual burials only and one fifth of collective ones. These assessments were made by physical anthropologists G. Romanova and A. Shevchenko. All the remaining material was determined by archaeologists, who carried out the excavations (possibly, the attribution was made with the help of anthropologists, but no records have been made). Consequently, I had to base my research on combined archaeological and bioarchaeological determinations, which makes discrimination between the age groups vague. Therefore general age definitions are used: infant/young child = 0–2 years old; child/child of age group 1 = 3–7 years old; juvenile/child of age group 2 = 8–15 years old; adult = over 15 years old.

The number of the deceased whose sex was determined by a physical anthropologist is even more limited (88 individuals). In order to obtain an extended selection of at least 181 individuals I had to rely on the experience and professional skills of A. Sinitsyn (who probably discussed at least some cases with anthropologist A. Shevchenko). Such a limited number of sex and age determinations, together with the fact that the data at our disposal are not of the first-class reliability has caused that now we find ourselves at the beginning of the investigation of the social structure of the people who created the East Manych burial tradition.

Section 2 is devoted to the characteristic of material from the burial sites.

A detailed statistical description of *individual burials* (486 in reference selection and 369 in the reference one) is presented in paragraph 2.1. The description includes the following indications: location of burial in kurgan; type of burial construction (catacomb or grave pit); shape, dimensions and orientation of grave pit and entrance passage; position of the dead (including orientation); set of grave goods (clay and wooden vessels; clay censers and braziers; bronze, stone and bone tools and weapons; bones of domestic animals; wooden wagons and their clay models; personal ornaments); traces of organic matting and covers, paints and fire (Figs. 4–56).

Individual burials are compared with the selections including 67 *collective burials* (2.2) (Figs. 57–61, 88) and 67 *cenotaphs* (burial complexes in grave pits or catacombs without human remains) (2.3.1) (Figs. 67–69). So-called *sacrificial places* (2.3.2) form a specific group of kurgan assemblages (24 complexes discovered at the sites in question) (Figs. 70, 71). They consist of cow heads and extremities placed in the mounds. All known data (though scarce) on

the *additional mound constructions*, such as superimposed earth layers and surrounding ditches are also provided (2.4).

As a result of the general overview of the abovementioned data a number of conclusions are suggested that define the course of the further investigation:

1. Creation of the East Manych burial and sacrificial complexes within the cemeteries and kurgans used by earlier steppe peoples of Pit-grave and early Catacomb cultures, as well as the absence of any traces of destruction of the earlier burial constructions indicate that the East Manych population adhered ideology of continuity. Whether this ideological continuity mirrors actual genetic bond between the East Manych people and their predecessors in the territory in question needs further investigation.

2. Burials of individuals attested to all age groups and both sexes are known from different sites, which indicates that the planigraphy/stratigraphy and structure of the cemeteries reflect kinship relationships in the society. The key point for understanding the family and social relationships mirrored in cemeteries' spatial structure is an archetype of metaphoric assimilation of the ideas of a tomb and a dwelling, and respectively, cemetery and settlement, with position of each individual determined by his social status.

3. Arrangement of all complexes within the kurgan area, both their location and orientation seems to be governed by a system based on cardinal directions, with discrimination between basic (N, E, S, W) and diagonal ones (NE, SE, SW, NW). In all reconstructions of family and social relations I consider this system to be its keystone.

4. The irregularity in concentration of major burial constructions and sacrificial places as well as of artefacts indicating the level material prosperity and prestige at different sites can be considered as an evidence of the institution of separate communal property and developed wealth disparity among communities.

5. The high concentration of all the above characteristics (see point 4) in the Yergeninsky cemetery points to a special position this family/clan community occupied, probably due to the outstanding power functions it enacted.

6. Collective burials, synchronous in most cases, show some features that distinguish them from individual burials. I mean a higher proportion of assemblages containing grave goods, including prestigious bronze objects (in spite that heavy metal items are absent). On the other hand, these two types of burials have some features in common – the set of funerary gifts is the same, only the number of pottery vessels in collective burials is larger. Collective synchronous burials are distributed more or less evenly all over the sites.

7. At present the group of assemblages termed as cenotaphs is probably a heterogeneous one, as it comprises constructions that seem to have been initially arranged for different purposes. Yet generally they are similar to burial complexes, in particular, they contain the same set of finds. It would be reasonable to determine the cenotaphs as complexes of *sacrificial or combined sacrificial-funerary function*.

8. It is possible that arrangement of sacrificial places from cattle heads and extremities beyond the graves was mainly connected with the process of mound construction, especially in cases when the buried individual held a prominent social and/or family status.

Section 3 is entitled "Organisation of kurgan space". When describing the array of individual burials, clear symmetry between two orientation systems was revealed. It consists in: 1) orientation of burials, and 2) density of graves within the kurgan sectors. In the first case the main directions (mainly meridional) were predominant, and in the second – diagonal sectors were the most densely occupied. Notably, graves in the axial S and N sectors were the least dense. This suggests that complexes within kurgan space were arranged in accordance with certain pattern, yet not implemented in entirety in each kurgan. Consequently, it is possible to investigate this pattern on the basis of statistically representative number of assemblages/kurgans.

The comparative analysis of East Manych secondary (dug-in) individual burials in the subsoil and those placed in the mound is presented in 3.2. Position each burial occupied in the kurgan was determined by three systems of orientation: 1) directions from the conditional centre of the kurgan; 2) orientation of burial construction and 3) orientation of the dead (Figs 74–86).

The East Manych people observed orientation most accurately when dealing with simple geometrical forms and relatively small objects, such as burial constructions, namely, rectangular and square grave pits and catacomb entrance passages. Their orientation is clearly similar, as one can see from the dominating position of cardinal directions – 75%. Among the latter meridional orientation dominates over latitudinal one (with 2:1 ratio). The diagonal orientation SE-NW is 1.8 times as much often than the opposite one SW-NE.

Inhumation is traditional burial rite in the discussed communities. The deceased were deposited in standard position, contracted on their left side, usually with ca. 90° angle in the pelvis joint and oblique angle in the knee joint. Apparently, certain ideal position was in view with shinbones parallel to thighbones, feet pressed close to pelvis (to achieve this, sinews must have been cut up and limbs bound), arms stretched out toward knees. Such a position suggests that it was the head and/or the face, not feet, that was important for orientation of the whole body. Inside burial constructions the body was laid along the grave pit axis, and in catacombs – parallel to the entrance, facing it. This general pattern allows us to adjust minor deviations in position of the body and reduce all possible positions of the head (and face) to the abovementioned 8 directions. 75% of the dead are deposited with their heads pointing cardinal directions, in the following ratio: S – 59%, E – 30%, N – 7% and W – 4%. The remaining quarter shows diagonal directions: SE – 45%, SW – 27%, NE – 16%, NW – 12%.

Graves mostly concentrate in the eastern part of the kurgan mound (25% in NE sector, 16% – E, 21% – SE) and rarely are located in the meridional sectors (N – 6%, S – 8%). As to the western part of the mound, NW sector is most densely occupied (SW – 8%, W – 8%, NW – 12%). The figures show that northern part of the mound is thicker than southern one. Burial constructions oriented in cardinal directions are concentrated mostly in the diagonal sectors, and as far as the cardinal sectors are concerned, they are more often met with in eastern one. The constructions oriented in diagonal directions were arranged in diagonal sectors only, with their axis perpendicular to the kurgan's radius. Consequently, those buried on their left side followed direction *cum sole* (i.e. clockwise) in the eastern part of the kurgan and *contra solem* (i.e. counterclockwise) in its western part. In the latter case the dead were still deposited their heads pointing S and facing W. Burial chambers of the catacombs arranged in the kurgan's western part were facing its center, while the majority of catacombs located in the eastern part of the kurgan were oriented in the opposite direction.

The innovation the bearers of the East Manych culture had introduced in the funeral practice was digging some secondary burials in the existing kurgan mound above the subsoil or (more rarely) roughly on the ancient ground level, i.e. in the upper part of the buried soil (I mean the position of grave pit bottom). Certain difference is traced in distribution of orientations of individual burials depending on whether the graves were located in the subsoil or dug in the mound. Distribution of the dug-in burials by the kurgan sectors is also different. The phenomenon of “mutual complementary relationship” in location of the described two types of burials is more clearly shown in the selection of kurgans where East Manych burial is the earliest (central) one. It consists in a “shift” of the dug-in burials westward and southward within the kurgan area, unlike those located in the subsoil, which are related mostly to eastern and northern directions.

In paragraph 3.3 distribution of various categories of funeral gifts is analysed by two levels of the kurgan space: the subsoil and the mound. The comparative analysis of the two selections clearly shows that the graves dug in the mound were furnished much more poorly (Fig. 87). The

difference between the two kurgan levels looks even more essential, when taking into account collective burials located mostly in the subsoil and characterised with much richer gift sets. Thus it becomes evident that the group of subsoil burials generally occupied more prestigious position.

Special attention (3.4) deserve rare occasions of collective cumulative burials containing human remains deposited in one grave, but separated by certain period of time. The same concerns the cases of clearly deliberate superimposing of graves also performed at different time (Figs. 89, 90). Evidently, these phenomena mirror actual or declared vertical blood relationship between the buried.

The quantitative increase of kurgan graves in the North-East of the North Caucasus piedmonts in the East Manych time (as compared to the earlier epochs from the Chalcolithic onward) indicates a serious population growth. In its turn, this must have stimulated development of an institute within a tribal community responsible for regulation of exploitation of pasture lots by separate family groups. Kurgan cemeteries marked lands and resources ownership by certain tribal communities. Most probably one community could have used more than one cemetery marking pasture lot, inasmuch they possessed more than one pasture (at least summer and a winter ones due to the seasonal migration). A mobile lifestyle made inhumation of all relatives in the same cemetery impossible (since in most cases the rite supposed inhumation of the whole body). Consequently, direct reflection of the family structure in the space structure of a single cemetery was excluded. Since the majority of East Manych graves are secondary and dug in a kurgan already containing burials of earlier cultures, and taking into account that there are no more than one or two of them, we might suppose that family and community relationships were not directly copied, but simulated/modelled within the kurgan space. Depositing in a kurgan symbolised that the deceased joined 'the community of the dead', similar by its structure to that of the living. In this situation social status of the buried was probably ascertained anew (otherwise we should have discovered much more central burials) with regard to his relations to the buried ancestors, whether real or mythic.

The presence of earlier cultures' complexes in the kurgans had an insignificant impact on the planigraphic pattern of the East Manych burials. Their location followed a sign system based on binary oppositions, namely, orientation to cardinal points, which are identified today as basic – diagonal, meridional/longitudinal – latitudinal,

Edmund Leach emphasised the fundamental character of spatial modelling of social relations for human culture in general and noted that the more monotonous the real territorial landscape is, the more artificial and strict is the model. This conclusion was drawn from observations of the inner space of Mongol yurts. Leach wrote that if the natural landscape cannot suggest any visible centre, culture can easily provide a replacement for it. Leach goes on to say that each yurt traditionally faces South with its entrance, while the yurt's inside space is divided by a complicated "network" (East/West; North/South), so that in each part of the tent definite activities were performed (Лич, 2001. P. 66). Space structure outside the yurt was organised in a similar way (Жуковская, 1988. P. 24–25). Similar patterns of space structuring based on cardinal directions correlating with family/clan relationships are numerous among nomadic peoples and are widely represented in ethnology (see the description of arctic desert/tundra nomads – the Nenets people in: Головнев, 1995. P. 198–230). In the present case one could assume that it is the pattern of kurgan burials location that provides us with the information on the structure of social and family relations. Taking into account that the East Manych burial sites also belong to the steppe nomads, strict and artificial character of the revealed model is not a surprise.

The geographical code played the universal role and embraced all aspects of life in ancient cultures (cult, social organisation, everyday life), which is discussed in the detailed monograph

by A. Podosinov (Подосинов, 1999). This research paves the way to state that arrangement of kurgan space and burial constructions was ruled by orientation to cardinal and intermediate directions, with the tendency to place the majority of graves in one (eastern) part of the kurgan, domination of the N–S axis in orientation of burial constructions and the deceased. The key role belonged to the binary opposition (though implying a unity) of orientation systems in two local variants of the Manych culture (East and West ones), head pointing South in the former and North in the latter, yet in the both cultures the dead were deposited facing West. The revealed traces of circular movement (clockwise/ counterclockwise) must have been related to the anthropomorphic orientation code (right/left). All these special features match the data provided by Vedas and later monuments of Hinduism.

The extended family (or community) included several generations of blood relatives united by their origin from a common ancestor. This was a social structure most characteristic of the late stage of tribal system (ИПО, 1988. С. 158, 159, 167–172). As new generations came to take their fathers' place, such a family transformed into a more complex formation – sub-clan/lineage. It is possible that the structure of such a sub-clan was reflected in the spatial structure of the kurgan cemetery as a whole, while the structure of an extended family was mirrored in the plan of each given kurgan. Anyway, the simplest extended family included 2 or 3 generations of blood relatives and their families, and such community might be associated with the complex spatial structure of a kurgan: centre, 8 directions, 2 levels.

The hypothesis on correlation of the ideas of grave and wagon in the East Manych burial rite seems to be highly promising. Taking it into account it is possible to suggest that the location of burial assemblages within the kurgan space corresponded to the planigraphic structure of East Manych encampment. One might suppose a model based on mirror symmetry: wagon of the family leader was placed in the centre, while wagons of family members formed a semi-circle opened to the east in the world of the living and to the west in the world of the dead.

Section 4 discusses special features of the burial rite traced for the age and gender groups. It consists of two paragraphs: 4.1 analyses individual burials, 4.2 – synchronous collective ones. The complexes are considered by the above age groups and sex attribution of the dead. Individual burials are divided into 4 groups: infants (13 complexes, 2.8%), children (55 complexes, 11.8%), juveniles (57 complexes, 12.2%) and adults (342 complexes, 73.2%).

Analysis of orientation systems for different age groups (4.1.1) brings us to a preliminary conclusion that location in the kurgan as well as choice of orientation of the burial construction and the body were determined by the generation status of the dead (Figs. 91–99). Probably, this is true for their marital status as well, especially taking into account the absence of collective burials in the western part of the kurgan. Diagonal orientation is mostly associated with younger age groups (children and juveniles), so it is possible to suppose that this orientation was related to these individuals' dependent in-community status. On the contrary, cardinal directions are mostly associated with seniority, and therefore with the highest social status possible.

Depositing East Manych children in a kurgan (4.1.2) was limited to the presence of an older person (an adult man or woman, or, sometimes, a juvenile), buried within the same kurgan. It seems likely that the major part of infants and some part of young children were not buried at the family cemetery. Juveniles could have entered the community of the dead ancestors independently (without the help of an older person) only after having got their status as full members of the community of the living (probably, after some kind of initiation).

The potential extension of grave goods' set by adding specific bronze and stone tools definitely correlates with the process of their transition to adulthood (4.1.3). It also mirrors the process of socialization (in-cultural adaptation) of the bearers of the East Manych ritual tradition.

Most probably, men must have held a dominant position in community, which is relatively poorly reflected in the East Manych burial rite (4.1.4). The fact that the central burial in a kur-

gan might contain individuals of both sexes could be interpreted as a manifestation of bilinear system of kinship (including ancestors both from father's and mother's side).

Out of 64 synchronous collective burials (4.2) included into the studied selection 58 (90.6%) contain two buried individuals, 4 (6.3%) – three ones, and 2 (3.1%) – four persons. The major part of burials containing two individuals and all those with higher number of the deceased (i.e. over a half of the array) definitely contain remains of people that had belonged to different generations. I mean burials containing e.g. an adult accompanied by an infant or a child. The number of adult individuals in one burial never exceeds two. The proportion of infants (22.0%) and children (19.8%) in the collective burials (as compared to their share in individual burials – 2.8% and 11.8% respectively) is unusually high and draws special attention.

In order to facilitate analysis of the synchronous collective burials these were divided into groups according to the age of the dead (Figs. 57–61, 100–109):

- *Group A*: burials of adults accompanied by infants (14 burials, including 11 containing two individuals, 2 – containing three and 1 – four persons);
- *Group B*: burials of adults accompanied by children (19 burials, including 17 containing two individuals, 1 – three and 1 – four persons);
- *Group C*: burials of two adults (16 burials);
- *Group D*: burials of juveniles containing other juveniles and/or children and adults (13 burials, including 12 containing two individuals and 1 with three persons).

Burials of group A stand out against the general background due to an extraordinary high concentration of funeral gifts (bronze knives, rods, hooks; stone pestles; adornments, such as beads and long beads made of various materials, and metal temple rings), all these objects deposited in graves of adults.

Burials containing remains of two adult persons (group C) are interpreted as the evidence of couple marriage, maybe monogamous, and nuclear type of family. At the same time, the predominance of collective burials of individuals belonging to different generations (groups A, B, D) testifies that the vertical kinship relations were the foundation of the social structure in general. Consequently, it was extended family/lineage that was the most important social organism. One could assume that nuclear family was economically and ideologically incorporated into the extended family.

The East Manych standard for a synchronous collective burial deposited in one chamber presupposed interment of two individuals. If their number is higher, it always is infants or children who increase it. And as the usual combination in a collective burial includes an adult plus an infant/child, one may assume that this particular rite was somehow focused on younger age groups. The collective burial rite itself is to certain extent simplified (reduced), as compared to the earlier epoch (cf. the end of the Early and the beginning of the Middle Bronze Age, i.e. the late stage of Novotitorovka culture, late Pit-grave and early Catacomb cultures) and, probably, synchronous sites of the Western Caucasus piedmonts. In the latter collective burials are more numerous (up to 30% of the total in the so-called Preddonetskaya catacomb culture – the predecessor of the Donets catacomb culture (termed after the Sever-sky Donets River), and up to 16% in the West Manych catacomb culture), and their structure is more diverse (Гей, 1999a).

Stable proportion of collective burials at all sites (about 10%) evidences that the rite in question was performed regularly. According to M. Khlobystina, “accidental, extraordinary reasons played but a minimal role in this strictly institutionalized funeral ritualism of prehistoric times” (Хлобыстина, 1993. Р. 135). As only a minor part of collective graves contained secondary (partial) burials, it seems reasonable to assume their sacrificial (or partly sacrificial) character.

Section 5 “Burials of excarnated bones: manifestation of family-tribal relations”, discusses two small series of burials (13 individual and 8 synchronous collective ones), which are included into the general selection. Excarnated remains of *adult individuals* were arranged in various manners (Figs. 110–118). The section provides a description of the structure of the bone remains and the patterns they were arranged. I compare the graves containing excarnated bones with selections of individual and synchronous collective burials containing ordinary inhumations by the indications of age and sex, type of burial construction, funerary gifts, location in the kurgan, position in the context of other burials of the same cultural attribution.

It was suggested above that kurgan as a whole was a model of a camping ground of an extended family (see *Section 3*). Proceeding from this hypothesis one might explain the significance of the individual adult burials containing excarnated bones. Burials of this group are more often located close to the kurgan centre or in cardinal sectors, as compared to the general selection, which could be perceived as an indication of ‘seniority’.

The number of graves containing excarnated remains in the group of collective burials is considerably higher than that in the group of individual burials. Usually ordinary inhumation of an individual and excarnated remains of another one were combined within one collective burial. This brings us to the conclusion that the main aim of the excarnation rite was to secure depositing remains of an individual into given family tomb. However, it must be noted that it was not the newly deceased who was deposited into the grave of his/her ancestors; on the contrary, it were the remains of the individual who had died earlier that got moved into the grave of a person who has recently passed away. There is no doubt that this model of family tomb was closely related to the nomadic way of life of the shepherd tribes that created this rite. Since the data are insufficient, one can suppose preliminarily that collective burials of two individuals (ordinary inhumation and excarnated remains) were those of a man and his wife or vice versa.

Section 6 is entitled “Tools and weapons: cult function and social significance”. It puts together the observations of *Sections 2* and *4* on the presence of bronze objects (knives, rods/awls, hooks, chisels and adzes, see 6.1) and stone tools (pestles and mortars/anvils, see 6.2) and suggests possible interpretations of their role in the funerary rite.

The present state of knowledge assures that the funeral rite reflects the everyday activity of ancient people far more indirectly than it was thought before. Probably, the creators of the Catacomb cult traditions, including the East Manych people, deposited into their graves bronze and stone tools necessary for performing some rituals: the burial rite proper and other “rites of transition” that accompanied the life their family-tribal communities.

The most commonly found bronze tools (Figs. 43, 119) are so-called knives and, probably, awls, together with rare finds in the shape of hooks should be preliminarily associated with the practice of livestock sacrifice, which included slaughter, ritual manipulations with carcass parts, “sacred feast”. Funeral feast entered the context of burial ritual, and the dead were believed to participate in it. A specific spear-like shape of the knives points to their exclusively ritualistic purpose.

This conclusion is also based on the complexes containing certain groups of artefacts, such as a knife preserved *in situ* on a wooden tray; a knife discovered on/near sheep/goat bones; a knife near/in/under a vessel. Such grouping clearly shows that we deal with the remains of funeral feast. The combination of a knife and an awl/rod is also very often recorded among grave goods.

In two complexes of the selection hooks were combined with bones of cattle, extremely rare in East Manych graves. In one case legs and the skull were arranged to form a sacrificial place (see above), a kind of symbolic representation of the whole animal. Another assemblage was partially destroyed. Thus it seems possible that hooks were used only when cattle sacrifice (and subsequent feast) took place.

As it was already mentioned by S. Bratchenko and S. Sanzharov (С.Н. Братченко, С.Н. Санжаров, 2001), it is possible to find traces of social hierarchy while studying assemblages containing metal objects. It seems that bronze carpentry tools (adzes and chisels) were deposited in the graves to mark a high social status of the dead (probably, that of the head of an extended family or lineage). These objects were involved in ritual and practical activities aimed at construction of kurgans and graves for the dead just as wagons and camps for the living. Shaft-hole axes should be considered markers of the highest social status possible. Certain social ranking is traced in the set of funerary gifts: knives and rods corresponded to the ordinary members of a community, adzes and chisels marked heads of extended families/lineages, while to possess shaft-hole axes clan chieftains only were entitled. Yet it remains unclear how the burials containing hooks only without adzes or chisels fit into this system (if at all).

The thesis on the presence of (proto)-Indo-Aryans in the steppe region of Eurasia at least as early as the 3rd mill. BC is based mostly on linguistic data. In the recent decades it has turned into a plausible working hypothesis; from the standpoint of this hypothesis the whole corpus of archaeological materials might be regarded. In section 6.2 the overview of burials containing set of two stone tools – pestle and mortar (sometimes in combination with clay funnels and stone “arrow-shaft straighteners”) was presented (Figs. 47, 120). The materials are comparable with the existing records on Soma (sacred ritualistic drink) preparation, as it is described by early Vedas tradition (Rig-Veda; mandala IX; Елизаренкова, 1999a). Our data support the hypothesis by L. Klein (Клейн, 1980, 2013), who suggested to consider these Catacomb stone objects as prototypes of specifically Indo-Aryan tools – stone presses for Soma preparation (Vedic *gravan*). Actual cross-checking of this hypothesis will become possible after an overall and detailed laboratory investigation of tools from newly discovered sites.

Appendix contains publication of materials from the excavations of cemetery Tsagan Usn IV (kurgan 1) in Kalmykia in 1987 (Арапов, Отчет 1987) (Figs. 122–125). There were two East Manych collective burials (each contained two male skeletons (the men were approximately of the same age – 45–55 years old) and three East Manych cenotaphs (sacrificial complexes) in the kurgan. Tsagan Usn IV is of special interest because it is the only site in our selection containing synchronous collective burials of adult individuals of the same sex.

Translated by L.I. Avilova

Научное издание

Андреева Марина Владимировна

«Восточноманычская катакомбная культура:
анализ материалов погребальных памятников»

Выпускающий редактор

Г.Э. Валиева

Корректор

О.А. Пруцкова

Дизайн

С.И. Евдокимов

Подготовка иллюстративного материала

А. Архиреев

Подписано в печать 15.12.2014 г.

Формат 60×90 ¹/₈. Усл. печ. л. 34. Тираж 300 экз.

ООО «ТАУС»

taus@mail.ru

тел. 8 (499) 126-05-68

Отпечатано в типографии